

СЕРИЯ «ЗЕМЛЯКИ»



НАИЛЬ МАХМУТОВ

ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ
БАШКИРИИ

Книга I

Наиль Махмутов

**ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ
БАШКИРИИ**

КНИГА I

СЕРИЯ «ЗЕМЛЯКИ»

ЛЕТО - 2018

УДК 347.782 (470.57)
ББК 85.103 (2Рос.Баш)-8
М36

Наиль Махмутов

М36 **Любимые художники Башкирии.** Книга I. Серия «Земляки». – Уфа: Лето, 2018. – 288 с.: ил.

ISBN 978-5-87308-038-0

В книге развивается просветительская идея, изначально заложенная в проекте «Любимые художники Башкирии», – познакомить с башкирскими художниками как можно больше людей в республике, стране и мире.

Для широкого круга читателей.

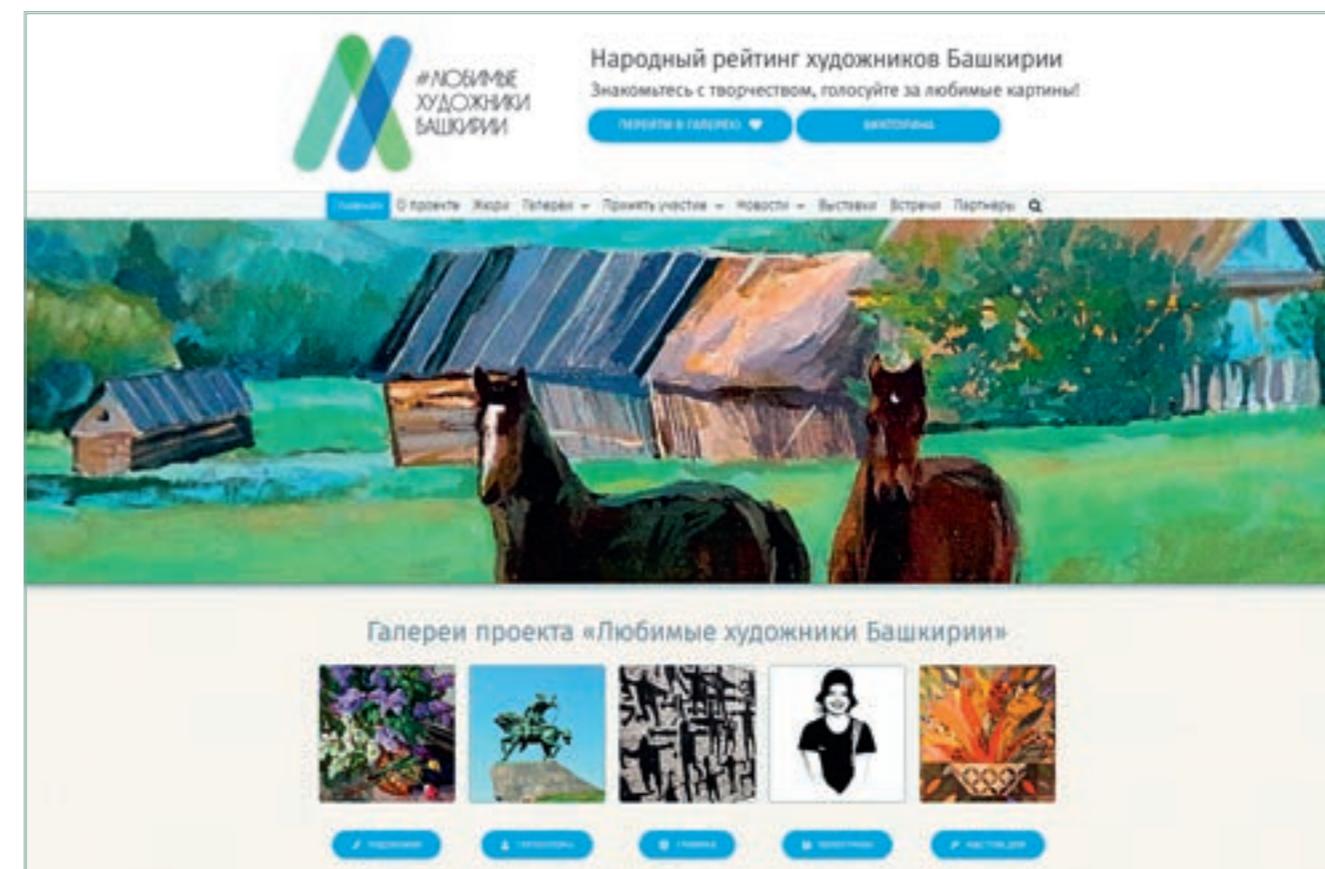
УДК 347.782 (470.57)
ББК 85.103 (2Рос.Баш)-8

ISBN 978-5-87308-038-0

© Махмутов Н., 2018
© «Лето», 2018

От создателя проекта «Любимые художники Башкирии»

Художники Башкирии... Немало замечательных мастеров, признанных повсеместно, талантливой молодежи. При этом, к сожалению, данная тема, по традиции считающаяся темой «для избранных», до сих пор оставалась нераскрытой, являясь «белым пятном» для большинства жителей республики. Ни в школах, ни в вузах (кроме нескольких специализированных факультетов) не изучается творчество наших выдающихся художников, соответственно, очень немногие знакомы даже с самыми известными их произведениями.





**Марсель Шайдуллин
и Расих Ахметвалиев**



«...Если все сложится, то через несколько дней мы пролетим над Северным полюсом и десантируем флаг проекта «Любимые художники Башкирии». Имена художников окажутся на макушке нашей планеты. Мы поздравляем всех победителей проекта. Творите! Радуйте! Украшайте мир! С уважением, Герой России, летчик-космонавт М. Корниенко и А. Лынный».



В этом «феномене незнания», конечно, нет вины башкирских художников, их дело – писать картины, а не «пиарить» себя. Виноват социум, в погоне за материальным, сиюминутным во многом утративший способность видеть, понимать и воспринимать непреходящие ценности. Цель проекта «Любимые художники Башкирии» – познакомить как можно больше людей с художниками республики, выявить новые яркие имена, освежить в памяти, а кому-то и представить впервые мастеров, ставших настоящими легендами в области живописи, графики, скульптуры; дать возможность широкому кругу людей – от студентов до пенсионеров – подарить свои голоса наиболее полюбившимся художникам.

Эта книга, обобщившая первые итоги голосования, представляет лауреатов 2017 года в четырех номинациях проекта: «Легенды», «Мастера»,

«Актуальное искусство», «Самородки», а также выдающихся мастеров, вошедших в историю отечественной живописи, и молодых перспективных художников. Данное издание не претендует на всеохватность темы, развивая прежде всего ту просветительскую идею, которая изначально была заложена в проекте «Любимые художники Башкирии». Поскольку тема оказалась очень многоплановой, стало понятно, что осветить ее в одной книге не получится. Поэтому было принято решение разбить материал на несколько томов. Вы держите в руках том первый. Книга не является специализированным трудом по искусству или каталогом, она написана для широкого круга читателей. В коллектив ее авторов вошли талантливые художники Георгий Калитов и Хайдар Кульбарисов, опытные журналисты Эльвира Каримова, Ольга Новикова, Елена

Синицына, Надежда Смирнова, Алексей Шушпанов. В книге нет попыток выстроить «иерархию значимости» художников, авторы также старались избегать употребления специализированных терминов, всевозможных «измов». Художники представлены в издании в соответствии с теми разделами, в которых размещались их работы на сайте. Впервые опубликованы материалы о художниках, не имеющих специального образования, так называемых «Самородках». Это наиболее обделенная вниманием категория живописцев, среди которых немало по-настоящему увлеченных и талантливых людей. Например, мы «открыли» художника-нефтяника Марселя Шайдуллина, удивившего всех

тем, что он пишет свои картины нефтью. Рассказали о молодых художниках, разрисовывающих фасады домов в Уфе, Артуре Лукьянове и Артуре Нурадинове. Ребята развивают новое перспективное направление, граффити; в результате их работы неказистые бетонные коробки превращаются в заметные издалека арт-объекты, некогда унылые девятиэтажки позитивно играют цветом, отражая яркие идеи и образы художников.

Имена победителей первого тура конкурса, определенные по итогам шести месяцев электронного рейтинга и мнению компетентного жюри, были напечатаны на флаге, который 25 апреля 2017 года установили на Северном полюсе, благодаря помощи Александра Лынного, поэта, барда, летчика-инструктора; Михаила Корниенко, космонавта, Героя России; Дмитрия Глаголева, руководителя десантных работ Русского географического общества. Эскиз флага был нарисован известным башкирским художником Ринатом Миннебаевым.

Большую работу на всем протяжении проекта более полутора лет осуществляет уважаемое жюри, в состав которого входят авторитетные художники, ученые, журналисты, а также искусствовед, космонавт и депутат.

Чтобы в конкурсе могло участвовать как можно больше художников, была придумана и размещена в интернете электронная галерея. В течение года художники бесплатно и в любое время имели возможность присылать фотографии своих работ, которые транслировались на весь мир. Работы были представлены в четырех номинациях: «Легенды» (ушедшие из жизни корифеи живописи, оставившие глубокий след в искусстве); «Мастера» (члены Союза художников, яркие имена); «Актуальное искусство» (позже переименована в «Таланты»; художники, получившие художественное образование, но не состоящие в творческих союзах); «Самородки» (художники, не имеющие специального образования, но успешно работающие в области живописи, графики и пр.).



Артуры Лукьянов и Нурадинов

Масштабная задача – представить на суд зрителей максимальное количество художников Башкирии – решалась разнопланово: состоялось множество встреч с художниками в их мастерских, на выставках, во время выездов по городам и районам республики. Мы стремились заинтересовать идеями и разместить на сайте не только как можно больше маститых художников, но и подающих надежды «новичков», у которых по разным причинам до сих пор не было возможности громко заявить о себе. При этом мы не ставили задачу глубокого изучения особенностей художественных техник, различных течений и направлений живописи (хотя, безусловно, среди людей, посещавших наш сайт, немало тех, кто углубил свои познания, серьезно увлекся творчеством), это прерогатива специалистов-искусствоведов. Поставив под сомнение распространенный взгляд на современное искусство как на «игрушку для богатых», мы стремились привить широкому зрителю интуитивную чуткость к прекрасному, «разбудить» у людей художественный вкус.

Собирая материалы для книги, используя для этого возможности интернета и добровольных помощников, я неоднократно убеждался, что интерес жителей республики к произведениям наших художников очень большой. Появились работы башкирских мастеров в интернете, прошла информация о проекте в СМИ, начались мероприятия в поддержку проекта, и множество людей «загорелись» темой, отозвались на нее и посредством голосования, и посредством писем, постов, видеороликов. Конечно, необходимы постоянная и планомерная работа в направлении популяризации творчества художников, помощь им в организации выставок, рекламных мероприятий и ознакомительных акций.

Традиционно одним из первых национальных художников у нас считается уроженец Благоварского района (1887 г.) Касим Девлеткильдеев. В XIX – начале XX вв. на территории, ныне занимаемой Башкирией, господствовал ислам (в переводе с арабского – покорность), обслуживающий инте-



Касим Девлеткильдеев. «Девочка-башкирка в голубом», 1928 г. Бумага, акварель

ресы баев и мурз и не способствующий развитию одаренной молодежи из бедных слоев населения. Например, для мусульман был придуман запрет изображать людей и животных, который надолго затормозил появление и развитие национальной живописи в Башкирии. Одаренный художник Касим Девлеткильдеев покидает родные места и уезжает в Петербург, поступает в Центральное училище технического рисования им. А.Н. Штиглица. За один год он проходит программу четырех отделений училища, преподает в Серпухове и Петербурге графические искусства. Позже поступает в Петербургскую



Музей им. М.В. Нестерова

академию художеств, но, проучившись некоторое время, по семейным обстоятельствам возвращается на родину. В 1917 году Девлеткильдеев вступает в уфимский художественный кружок, членами которого были такие известные мастера, как Ю.Ю. Блюменталь, П.М. Лебедев, А.Э. Тюлькин, Д.Д. Бурлюк и другие яркие творческие личности. Октябрьская революция дала новый импульс к развитию талантливой молодежи, начали активно создаваться кружки и студии художников, в 1920 году открылся Уфимский пролетарский художественный музей (в 1954 г. ему присваивается имя М.В. Нестерова). Михаил Нестеров был одним из представителей новой волны «модерна» и много сделал для развития живописи в Башкирии. В 1913 году он преподнес в дар Уфе свою коллекцию картин.

На волне большой актуальности системного образования, а также преодоления вынужден-

ной отсталости Башкирии от других регионов в области искусства, в 1926 году было открыто художественное отделение при уфимском училище искусств. Плотина, веками удерживавшая выход колоссальной энергии, была прорвана, республика семимильными шагами устремилась вперед, наверстывая упущенные возможности. Уже в 1934 году назрела необходимость учредить объединение художников, был создан Союз художников БАССР. За годы существования Союза в его членах состояло более 300 художников. На башкирском небосклоне живописи начали зажигаться свои звезды, такие как К. Девлеткильдеев, А.Тюлькин, М. Елгаштина, И. Уразов и их ученики Б. Домашников, В. Кузнецов, М. Назаров, Н. Пеганов, Н. Латфуллин, В. Меос, А. Кашаев, Л. Круль. Открылись худграфы в педагогическом институте и институте искусств.



Талгат Масалимов



*Юрий Шевчук
и Раушания Бадретдинова*



Амир Мазитов

Более четверти века художественно-графический факультет пединститута (ныне БГПУ) возглавляет замечательный педагог и наставник Талгат Масалимов. Его учениками были многие, ныне маститые, художники, благодаря ему обрело поистине новое дыхание искусство работы с войлоком. Один из самых известных выпускников худграфа БГПИ – Юрий Шевчук, художник, музыкант, поэт и бунтарь, «визитная карточка» Башкирии по всему миру.

В Уфимском институте искусств факультетом живописи много лет руководит обаятельный человек и яркий художник Амир Мазитов. На сайт проекта художники прислали несколько его портретов, что говорит о большом уважении к нему коллег по цеху.

Из стен этих вузов выходят не только художники, но и скульпторы, мастера декоративно-прикладного искусства. В успехах прикладников – большая заслуга Стеллы Марковой, прекрасного художника, мастера ДПИ, возглавляющей секцию декоративно-прикладного искусства в Союзе художников.

Во многих городах и районах республики в разные годы открылись и успешно работают художественные школы. Одну из них, с момента открытия в 1967 году и по наши дни, возглавляет в Стерлитамаке легендарный педагог Владимир Курбатов. В школе обучаются 1000 учеников, из нее вышло много замечательных мастеров живописи. В Уфе знаменитую художественную школу № 2 более 25 лет возглавлял прекрасный педагог Виктор Кириченко.

В ходе работы по сбору материалов для книги выяснилось, что в большинстве районов республики, к сожалению, отсутствуют выставочные залы и галереи. Во многих районах было вообще не известно о художниках – уроженцах этих мест, соответственно, творчество их тоже оставалось закрытым для широкой публики. Для устранения подобной ситуации мы организовали специальный выездной тур проекта «Любимые художники Башкирии» по городам и районам. Было проведено множество встреч художников с земляками в Стерлибашево, Иглино, Федоровке, Красноусольском, Белебее, Буздяке, Раевке, Дюртюлях, Старобалтачево, Ишимбае, Стерлитамаке. В эту программу с большим энтузиазмом вклю-



*Интервью с Михаилом Назаровым
и его ученицей Лианой Мкртчян*



С легендарным Владимиром Курбатовым



*Интервью
с Ринатом Миннебаевым*



чились музыканты, объехавшие почти всю Башкирию. Сценарий подобных встреч был следующим: в заранее согласованный с администрацией города или района день в РДК проводилась встреча с художниками – уроженцами данного города (района); изготавливались баннеры на стойках с репродукциями картин художников и их портретами (эти баннеры в дальнейшем остаются в распоряжении домов культуры и презентуются при проведении массо-



Встреча в Дюртюлях

вых мероприятий, сабантуев и других праздников). После каждой подобной встречи земляки художника начинают проявлять к нему большой интерес, предлагать проведение его выставок в местных музеях и школах. А на сайте в это время регистрируется резкий рост просмотров картин данного художника. Это радует и укрепляет в мысли, что подобная работа действительно важна и востребована обществом. В самом крупном торговом центре «Планета» для

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

НАШИ ЗЕМЛЯКИ! Известные художники города Стерлитамака

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

НАШИ ЗЕМЛЯКИ! Известные художники города Стерлитамака

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

НАШИ ЗЕМЛЯКИ! Известные художники Альшеевского района РБ

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

НАШИ ЗЕМЛЯКИ! Известные художники Мишмаловского района РБ

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU

НАШИ ЗЕМЛЯКИ Известные художники 1. Сельской и 2. Бабичевского районов Республики Башкортостан

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

НАШИ ЗЕМЛЯКИ! Известные художники Гафурийского района РБ

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU

НАШИ ЗЕМЛЯКИ Известные художники 1. Сельской и 2. Бабичевского районов Республики Башкортостан

НАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ Уникальный проект о любимых художниках Башкирии, наших земляках. Сайт проекта www.arttrb.ru, по сути, виртуальная выставка, где представлены, на сегодняшний день, более 600+ художников республики, более 2700+ картин, которые имеют более 1 230 000+ просмотров из 100 стран ближнего и дальнего зарубежья!

Поддержи земляков! Художникам нужен твой ОТКЛИК на ARTTRB.RU



Встреча в Стерлитамаке

жителей Уфы была представлена открытая галерея с репродукциями картин известных художников Башкирии. Через несколько месяцев галерею переместили на территорию выставочного комплекса ВДНХ. В результате многих проведенных мероприятий в 2018 году нам удалось собрать на сайте работы почти тысячи художников, скульпторов, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства,



С руководством компании «Уфанет»



Айдар Альметов отмечает страны, голосующие за башкирских художников

фотохудожников. Меньше половины из них состоят в творческих союзах. Всего в республике их два – Союз художников РБ, который возглавляет Хатип Фазылов, и Творческий союз художников России, возглавляемый в Башкирии Владиславом Пеговым. В этих союзах состояли и состоят замечательные живописцы республики Ф. Кашеев, Н. Пахомов, С. Гилязетдинов, А. Терегулов, В. Ханнанов, В. Пегов, Р. Ахметвалиев, А. Мазитов, Т. Масалимов, Г. Калитов, И. Тонконогий, Р. Кадыров, Р. Бадретдинова, Д. Сулейманов, А. Заярнюк, А. Альметов, Р. Миннебаев, К. Бузыкаев, С. Гималетдинов, А. Кудаяров, Вакиль и Вагиз Шайхетдиновы, Ф. Набиуллин, Д. Ишемгулов, В. Панченко, Ю. Уждавини, Р. Абдуллин, С. Маджар, Р. Гарифуллин, М. Таран, Ф. Шаймухаметов, А. Хабибуллин, В. Николаев, Ю. Басарев, Ф. Шевчук и многие другие. Для художников, не состоящих в творческих союзах, крайне сложно организовать и провести персональную выставку, многие «talанты от бога» остаются за бортом официальной творческой среды. А выставки, которые проходят в той же Уфе, собирают мало зрителей, что

обусловлено, как правило, слабой рекламой данного мероприятия, незнанием вообще или знанием ограниченным кругом «знатоков» представляемого художника. При организации выставок, к сожалению, совершенно не учитывается мнение заинтересованной общественности, в составе выставочных и отборочных комиссий не бывает представителей «из народа». Это приводит к определенной изоляции художников от мира, келейности и субъективизму, а в итоге – к падению интереса к происходящим в сообществе художников процессам.

Объявляя конкурс, я наивно рассчитывал, что на сайте удастся быстро собрать работы наших художников. Однако проходили недели, но картин появлялось очень мало. Выясняя причины этого, я понял, что у 80 % башкирских художников не было представлено ни одной работы в интернете, в основном, из-за: 1) отсутствия времени; 2) отсутствия финансовых средств; 3) отсутствия навыков работы на компьютере. Благодаря компании-партнеру и спонсору проекта «Уфанет», которая бесплатно подключила наших художников к интернету и пре-

доставила им льготный режим пользования, проблему в целом удалось решить. В настоящее время работы 99 % башкирских художников размещены во всемирной паутине интернета. Необходимо отметить большую позитивную роль компании «Уфанет» в продвижении творчества башкирских художников: это и новостные ролики про открытие выставок, и репортажи из мастерских, и изготовление огромных баннеров на массовых мероприятиях с репродукциями картин. Недаром в народе компанию «Уфанет» прозвали «самым большим другом башкирских художников». А мгновенно реагирующий на все знаковые события художник-карикатурист Камиль Бузыкаев отразил в своей искрометной манере эту ситуацию, представив генерального директора «Уфанета» И. Бахтиярова в образе Деда Мазая, помогающего художникам подключаться к интернету.



Выступления артистов – в поддержку башкирских художников. Поёт Рамиль Бадамшин



Марафон классической музыки, г. Салават

Большую бескорыстную помощь проекту оказали башкирские музыканты, участвующие во многих бесплатных концертах в его поддержку. Во время концертов они демонстрировали на экране картины наших художников, что дало в итоге ощутимые результаты в повышении их узнаваемости. Новую волну интереса зрителей к творчеству башкирских художников подняла поддержка проекта через освещение его мероприятий всеми крупными СМИ республики, такими как БСТ, «Вся Уфа», UTV, «Туган Тел», «Курай», «Тамыр», «Башинформ», радио «Спутник», Медиакорсет, Горобзоржурнал УФА, газеты «Вечерняя Уфа», «Кызыл тан», «Республика Башкортостан», «Аргументы и факты». Особую благодарность хочется выразить арт-директору проекта Рамилю Бадамшину, легендарной Назифе Кадыровой и Гали Алтынбаеву, Евгении Сафиной, художнику и музыканту Айдару Альметову. 4 октября 2017 года во Дворце молодежи БГАУ состоялся большой концерт в поддержку башкирских художников, на котором выступили более сорока наших



Группа «Санки» с портретами от Рамиля Латыпова

певцов и музыкантов. Артисты благодарны замечательному художнику Рамилю Латыпову, в короткие сроки создавшему 45 портретов мастеров башкирской эстрады.

Отдельная благодарность за помощь в освещении мероприятий – фотохудожникам Марату Сарманаеву, Рустему Ахмееву, Зарифу Низаметдинову, Фариту Гильмиярову, Дементию Казанцеву.

Узнав из интернета о проекте и создании электронной галереи работ башкирских художников, люди начали присылать видеоролики в поддержку проекта. Самый первый трогательный видеоролик прислала 18-летняя девушка-инвалид из Ульяновска Татьяна Федоричева, которая, не имея обеих рук, научилась рисовать ногами. Вторым эстафету принял лидер группы «Дамаск» Булат Аминов, кото-

рый на своем концерте записал видеообращение в поддержку наших художников.

Проект поддержали также легендарный джазмен из Уфы Олег Киреев, знаменитые Нази́фа Кадырова и Гали Алтынбаев, Ямиль Абдульманов, Ринат Рамазанов, Алексей Смоляр, Юлия Юртова, Сергей Круль, «Артемий», Идель Нургалин, Геннадий Родионов, Константин Романов, Станислав Никоненко, Ильшат Яппаров, Екатерина Ямщикова, Евгения Сафина, Гузель Габитова, Руслан Ахунов, Анжела и Наталия Яковлевы, Азамат Гафаров, Арина Трофимова, Евгения Радченко, Руслан Воротников, Александр Мичурин, Дамир Лукманов, Алексей Ходорев, Лилия Курамшина, Дмитрий Каретко, Алексей Радченко, Анастасия Реут, Артем Аитов, Илья Подольский, Зелифа Барлыбаева, Жанна



А. Вахитов, З. Барлыбаева, И. Калабухова и В. Гимазетдинов

Байрашева, Сергей Миннигулов, Валериан Гагин, Рашид Рамеев, Сергей Шикалов, Руслан Янбаев, Ринат Нигматуллин, Радик Курамшин и легендарная группа «Красные кресты».

Позже начали приходиться ролики из разных стран мира. Организатор форумов «Арт-Уфа – 2015» и «Арт-Уфа – 2017» Василий Пеганов, сын знаменитого художника Николая Пеганова, учредил премию имени своего отца, которую вручили лауреатам на торжественной церемонии 28 января 2018 года в ГКЗ «Башкортостан». Депутат Курултая – Госсобрания Башкирии Венер Гимазетдинов и депутат Городского совета г. Уфы Артур Хазигалеев оказали материальную поддержку при покупке призов для лауреатов конкурса. Колоссальную помощь в популяризации творчества башкирских художников оказал отряд космонавтов Российской Федерации.

Большое спасибо организатору тура «Марафон классической музыки» Назире Яппаровой, организовавшей концерты в 14 городах и разместившей баннеры с картинами башкирских художников на своих концертах, благодаря чему их увидели ты-

сячи жителей Башкирии; уфимским поэтам Раилу Сяндюкову, посвятившему стихи башкирским художникам, и Сергею Крулю, написавшему про них песню; компании «Акцент», предоставившей электронные экраны по всему городу для размещения работ башкирских художников; владельцу телеканала «Туган Тел» Азату Вахитову, демонстрировавшему картины башкирских художников жителям республики в своем концертном турне по Башкирии; PR-директору компании «Уфанет» Ольге Эделева и автору роликов «Ожившая природа» Никите Метелеву. Хочется выразить признательность руководству УФСИН Башкирии, предоставившему возможность познакомиться с проектом осужденных, отбывающих наказание в 10 колониях на территории Башкирии.



А. Заярнюк, Я. Абдульманов и депутат Госдумы РФ Р. Ишсарин



Вручение сертификатов об установке флага на Северном полюсе художникам-победителям

Особая признательность за создание видеороликов, посвященных творчеству наших художников, – директору фирмы «Лавка Задумок» Константину Романову, директору агентства «Колесо» Рустему Алляярову. И, конечно, команде проекта – главному айтишнику Герману Титову, Диане Эмировой, Анастасии Запорожец, Никите Беззубенко, Руслану Биктуганову, Марине Еникеевой, Катерине Ситдиковой, Алие Мамаевой-Галиуллиной.

Согласно статистике нашего сайта, наибольший интерес картины башкирских художников вызывают у жителей Башкирии (68%), России и СНГ (22%), Дальнего зарубежья (10% просмотров). Перевод сайта на 80 языков увеличил процент заходов на него из-за рубежа. Искусство – явление интернациональное, не признающее границ. По данным «Яндекс. Метрика» картины наших художников сегодня смотрят в 104 странах мира. Жители Канады, Мексики, Турции, Но-

вой Зеландии, Китая и многих других стран присылают свои отзывы; видеообращения с поддержкой башкирских художников пришли из самой северной столицы Европы – Рейкьявика (Исландия) и самой южной столицы – Веллингтон (Новая Зеландия). Видеосюжеты из мастерских, с выставок, концертов, посвященных проекту, суммарно набрали 1 700 000 просмотров.

С весны 2018 года в проекте представлены новые направления: скульптура, графика; фотохудожники; мастера декоративно-прикладного искусства. В рамках проекта регулярно проводится познавательная викторина «Узнай башкирского художника» с еженедельным подведением итогов и выдачей призов от спонсоров. В дальнейших планах – развитие проекта и написание новых книг, посвященных творчеству талантливых башкирских мастеров.

Наиль Махмутов



ЛЮБИМЫЕ
ХУДОЖНИКИ
БАШКИРИИ



**ПОБЕДИТЕЛИ
I ТУРА ПРОЕКТА
«ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ
БАШКИРИИ»**

АХМАТ ЛУТФУЛЛИН (1928–2007 гг.)

БАШКИРСКИЙ НЕОРЕАЛИСТ



Если сказать сухо, – Ахмат Фаткуллович Лутфуллин – выдающийся башкирский художник, академик живописи, народный художник СССР. В своих произведениях он всю жизнь изображал родной и любимый им башкирский народ.

Лутфуллин мыслил и философствовал о судьбе родного народа языком живописи. Он оставил после себя много картин, десятки портретов и сотни рисунков. Им написаны пронзительно реалистичные, живописные портреты земляков, родных и близких, детей и старух, деятелей литературы и искусства Башкирии. Писал много сюжетов из жизни башкирской деревни. Ахмат Фаткуллович уникален

и тем, что после себя сумел оставить в искусстве республики свою, «лутфуллинскую», школу. Его ученики по аспирантуре, сегодня всем известные художники, члены творческой группы «Артыш», А. Мазитов и Д. Сулейманов, считают Лутфуллина своим учителем не только в искусстве, но и по жизни. Это официально. А о Лутфуллине как о человеке и художнике расскажут нам несколько фрагментов из его писем и писем его учителя, Б. Лалетина, о которых речь пойдет ниже. Эпистолярный жанр тогда был ещё жив и даже бодр в среде уфимской интеллигенции.

Сначала всё же надо уточнить, что Лутфуллин – ровесник М. Назарова, А. Пантелеева, А. Бурзянцева, чуть моложе А. Кузнецова, Р. Нурмухаметова, Б. Домашникова. Почти все они учились в училище



«Три женщины».
Холст, масло

искусств у педагогов П.М. Лебедева, А.Э. Тюлькина, Б.Ф. Лалетина. Многие из них даже после окончания училища еще долгие годы поддерживали контакты со своими учителями. Сохранились удивительно интересные и бесценные для понимания творчества Лутфуллина письма Лалетина, в которых чаще всего речь идет о внутреннем мире и самоощущении художника, о незаметных для простого зрителя пружинах творчества, о художественной форме и стиле в произведениях ученика, о знакомых коллегах-художниках. Фрагменты из письма учителя говорят сами за себя:

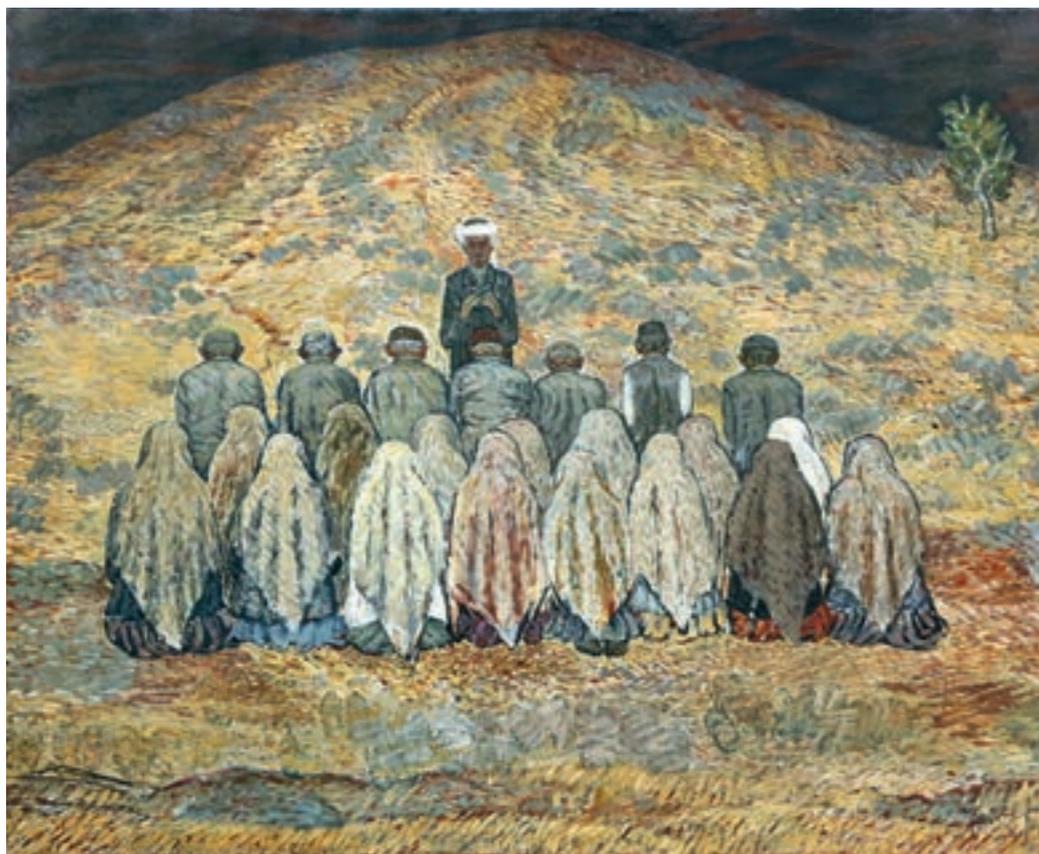
«Натура – точка опоры, а не материал для картины. Углубляйтесь, очищайтесь от случайностей.

Один совет: чаще ездите в деревню, как Антей, – помните, чтобы прикоснуться к родной земле! Совет: картины и этюды в деревне не пишите. У вас есть свой метод, стиль, почерк, потому делайте альбомные наброски, а потом в тиши мастерской фильтруйте, фильтруйте и ещё раз – фильтруйте!».

А. Лутфуллин всегда любил рисовать с натуры, сохранилось множество его карандашных рисунков, очень «внимательных» к деталям и острых по манере рисования, ему присущей.

В другом письме Лалетин пишет:

«Доминанта – магическая сила, концентрирующая всё импульсивное, сенсорное, чувственное в человеке, осмысленное, им осознанное, доро-



«Моление о дожде». Холст, масло

гое, близкое, помещающее всё это где-то глубоко и тайно в сознании. Сознание пишет доминанту – очаг возбуждения мозга. Без постоянной пищи, доставляемой сознанию, доминанта захиреет, умрет, потухнет очаг, и человек превратится в ничто». Далее учитель продолжает: «Домашников обладает практически неосознанной доминантой. У Назарова – есть доминанта слепого фанатика, пытающегося связать средневековые с космическим мировоззрением сегодняшнего дня. Пантелеев не обладает доминантой, но его ум – быстрый, начитанный – постоянно ищет пути. Он пишет фреску на холсте, я восхищен – он фрескист, первооткрыватель! Его поиски многообещающи. Счастливы художники, ко-

торые от рождения обладают господствующей доминантой».

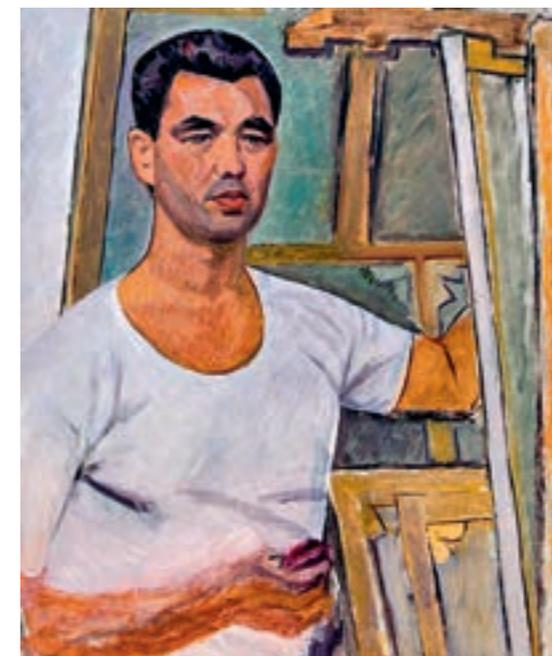
В другом своём письме ученику учитель пишет: «Апперцепция – выразить в малом великое, в частном всеобщее, способность индивидуализировать, субъективизировать мир фактов и превращать этот мир в мир дум сознания – счастье для людей».

Ахмат Лутфуллин до 1976 года продолжал получать письма от своего учителя. «Борис Фёдорович Лалетин был человеком энциклопедических знаний. Он вдохновлял нас на творческие поиски, очищал их своими беседами об искусстве», – так ответил мне на вопрос о временах их учёбы в училище, о педагогах однокурсник Лутфуллина, Михаил Алексеевич Назаров.

«Вы – счастливец. Оглянитесь вокруг: одни хитроумничают, другие модернизируют давно модернизированное, третьи пытаются поразить техникой и т. д. и т. п.», – так писал Лалетин Ахмату Лутфуллину ещё в середине 70-х годов. Слова этого мудреца актуальны и сегодня. «Тяжело видеть уфимских «академистов», «импрессионистов», а также концептуалистов и прочих. Необходима Вам большая аналитическая работа по созданию практической теории письма, и из этой многообразной цепи влияний надо вырвать (именно вырвать!) основное звено и на нем строить индивидуальности башкирской живописи».

Ахмат Лутфуллин был талантливым учеником. «Свою задачу в искусстве я понимаю просто: писать правду», – отвечал он своему учителю. А тот писал ему: «Жаркая любовь и жгучая ненависть – главные силы в творчестве художника. В портрете Вам себя искать не надо. Любовь водит Вашей кистью и создает шедевры. А война? ...Приветствую замысел! Это не война, не драка, это глубже, значительнее, но это, как Вы сами понимаете, труднее и ответственнее...».

Здесь, надо полагать, речь шла о цикле картин о войне «Ожидание, 1941», «Прощание», которые, безусловно, являются одними из лучших произведений всей башкирской живописи XX века. Работая над монументальными, крупноформатными произведениями в своей мастерской, Ахмат Лутфуллин никогда не порывал с зауральской деревней. «Здесь, в горных селениях, среди нетронутой природы, люди настоящие, не испорченные цивилизацией городов. Земляки художника последовательны в поступках, живут традиционным укладом. Душевно открытые, со своеобразными этическими представлениями», – пишет Э. Попова в своей монографии о творчестве Лутфуллина. Это то, что он ищет, и чего нет в официальном, насквозь идеологизированном, неискреннем соцреализме. Ахмат Лутфуллин нашёл свой художественный стиль и почерк, пройдя путь от увлечений импрессионизмом,



«Автопортрет». Холст, масло

русской иконой, как К. Петров-Водкин, произведениями мексиканских художников (Ороско, Ривера), итальянскими неореалистами (Р. Гуттузо), отчасти опытом «кубизма». Опираясь на реальную жизнь родного народа, он сумел из этой цепочки мировой культуры «вырвать звено», по словам своего учителя Б.Ф. Лалетина, и, соединив это с башкирской реальностью, создал свою «доминанту» – башкирский неореализм. Удивительное явление на фоне официального социалистического реализма! Пользуясь экспрессивной манерой письма, силуэтами темных и светлых тональных пятен, декоративными качествами цвета, жесткими ритмами рисующих линий, фактурным накладыванием матовой, лишенной всякой лакированности краски, Лутфуллин создал свои произведения в стиле, изобретённом им самим, – башкирского неореализма. Подобно кинорежиссёру Федерико Феллини в кинематографе, работавшему в стиле итальянского неореализма. Воз-



«Ожидание».
Холст, масло

можно, поэтому Ахмат Лутфуллин любил повторять о персонажах своих произведений: «Мне кажется, каждый из них – мой родственник. И я для них свой, они от меня ничего не скрывают. Для меня они – высшие судьи, мнение их мне так же дорого, как и мнение моих товарищей по искусству».

Лутфуллин создал прекрасные, отражающие время, в котором он жил, произведения, глубокие по содержанию, но суровые по форме. Его картины – это своего рода послания будущим поколениям о единых для всех народов понятиях правды, добра, чести, долга, труда. Его произведения выходят да-

леко за узконациональные, башкирские рамки, призывают все, живущие на земле, народы к взаимному уважению и гуманности. Он мог бы сказать словами Б.Ф. Лалетина: «Отцы и дети смотрят в разные стороны. Дети видят восход, а старики закат, это разные плоскости. Третья величина для согласия – мудрость. Мудрость уничтожает разногласие сторон».

Мудрые картины Ахмата Лутфуллина заставляют зрителя думать, «проветривают мозги», призывают любить жизнь, какая она есть, и много трудиться, как делал это сам художник.

Текст: Георгий Калитов

Ее натюрморты – это своеобразные лирические поэмы о вещах, своеобразные новеллы. От них веет чистой добротой и той бесконечной искренностью, которая отличает истинного художника.

*Б.В. Павловский,
доктор искусствоведения*



Поэт-модернист Райнер Мария Рильке считал, что натюрморты Поля Сезанна «выражают всю Вселенную». Об Адие Хабибулловне можно сказать, что ее натюрморты «выражают всю Башкирию». Её и называли «башкирским Сезанном». Действительно, в обоих случаях предметная природа вещей выражает сущность мира, окружающего художника, его взгляд на жизнь. Взгляд Адии Ситдиковой светел и праздничен, заботливо внимателен, словно радушная хозяйка приглашает в избу разделить семейную трапезу. Взгляд отражает тот мир, предметы которого едва ли в обычной жизни уже увидят молодые; для средних поколений – это, возможно, воспоминания детства, а старикам радует глаз ушедший мир берестяных туесков и глиняных «корчаг», башкирских домотканых скатертей, самоваров и занавесок.

Всем важно знать свое культурное наследие. Нарядные народные предметы интерьера плотнейшим образом скомпонованы в «красном углу» простого деревенского дома, словно говоря: «В тесноте, да не в обиде, гости дорогие!». Торжественность некоторых работ, двухмерных, четко контурированных, порой совершенно головокружительных по композиции, подчеркивается красным (в значении «прекрасным», как в народе повелось). Хотя и белый, и синий, и теплый желтый – любимые цвета художницы – все вместе создают необыкновенный воздушный уют в душе. Элементы орнаментов в настоящее время служат незаменимым пособием для молодых в изучении башкирского традиционного декоративно-прикладного искусства. «Это не обычные салонные натюрмортики с цветочками, салфеточками и



«Кухня», 1986 г.
Холст, масло

вазочками, а сюжеты осмысленные, продуманные и прочувствованные» (из статьи проф. Н. Максимова).

Мало кто знает, что простая девчонка из заброшенной татарской деревни, что родилась еще до революции и прожила огромную, трудную жизнь, вынося все тяготы разных периодов жизни своего народа, впервые взяла в руки кисть уже в зрелом возрасте, после сорока пяти лет! В 1934 году она оказалась в Уфе. В 1937 году вроде бы незначительное событие определило ее дальнейшую судьбу: она устроилась подсобной работницей в Худо-

жественный фонд Уфы. Там, между мытьем окон и перестановками чужих холстов, Адия стала брать первые уроки живописи в изостудии под началом народного художника РСФСР Рашита Нурмухаметова. Разглядев талант самородка, он взял ее под свою опеку. В результате деревенская женщина, мать-одиночка без специального художественного образования, нашла свой стиль, выработала свою технику и развила свою тему.

Чувство цветовой гармонии досталось ей поистине от Бога. И уже в 1958 году она участвовала в

республиканской выставке вместе с маститыми живописцами, а в 1960-м состоялась ее первая персональная выставка. Зональная выставка в Свердловске, где пять работ Адии Ситдиковой висели рядом с полотнами таких прижизненных легенд живописи, как А.Ф. Лутфуллин и А.В. Пантелеев, Б.Ф. Домашников, придала ей уверенности и вдохновения. В этом же году ее приняли в Союз художников БАССР; ее работы заслужили признание не только дома, но и за рубежом; на протяжении ряда лет они побывали и в странах восточного блока, и в Англии, Японии, Швеции.

Но творческий путь Адии Ситдиковой был отнюдь не легким. Ее упрекали в однообразии сюжетов, в отсутствии социальной составляющей. Народный художник Башкирии Ахмат Лутфуллин так парировал эти упреки: «Натюрморты Адии Хабибулловны написаны в одной гамме, мотивы близки друг другу, поэтому могут показаться однообразными. Ценность творчества – не в разнообразии сюжетов, а в отношении художника к своему делу». А главных качеств художника – беспредельного трудолюбия и душевной зоркости – ей было не занимать. В своем стиле Ситдикова вроде бы и держалась в условных рамках соцреализма, по крайней мере, не противоречила ему, однако в ее работах сильно ощущался авангард, возможно, народно-наивный; чувствовалась сильная рука и непреклонная воля. Она с упорством совершенствовалась, в 70-е годы освоила пастель. Критика советовала ей «освободиться от натуралистического налета, чтобы ее предметы говорили не только о красоте внешнего мира, а больше раскрывали внутреннюю суть именно со взаимосвязью с жизнью, острой, конфликтной» (Н.Н. Голованов). Конечно, «в моде» тогда был «суровый стиль», а не «безыдейные формалистические поиски» в области «этноживописи». В этой связи стоит вспомнить тезис одного из самых оригинальных мастеров натюрморта, Петрова-Водкина: «Натюрморт – это одна из острых бесед живописца и природы». Может быть, тогда ею были созданы



«Мёд», 1985 г. Холст, масло

«Оружие батыра» и «Память», пронизанные духом отваги и уважения к обычаям предков. Разве это не «остросоциальная» тема – светлая поэзия простой мирной жизни, где корни наши, традиции и культура поданы нам, зрителям, щедро и искренне, а всего лишь «натуралистический налет»?

Возьмем для примера ее любимый «медовый» мотив. «Наш мед славится во всем мире, и мне хотелось показать, что это именно башкирский мед, одно из наших сокровищ», – рассказывала художница. Солнечные, теплые слитки, запечатанные в соты, так же как и караваи, расписная утварь и дотканые рушники, шаршау, – дают представление о своеобразии культуры не меньше, чем жанровые картины. Этапной стала картина Адии Хабибулловны «Башкирским хлебобобам» – по содержательности, по высокой живописной и композиционной степени



«Интерьер башкирского дома».
Холст, масло

мастерства. В 1993 году художница стала лауреатом премии им. Салавата Юлаева.

«Ее отзывчивое на красоту сердце ничего не забыло, всё сохранило», – вспоминает журналистка А. Валева, называя Адию Ситдикову «на редкость тонким, обаятельным и дружелюбным человеком». Она неоднократно бывала в мастерской художницы и наблюдала за ее творческим процессом. Многие живописцы не могли не испытать на себе влияния

ее искусства, более чутко прислушивались и присматривались к национальной художественной культуре, передавая ее в соответствии со своими чувствами, техниками, стилями. «Какая странная техника – натюрморт: она заставляет любоваться копией тех вещей, оригиналами которых не любишься», – так размышлял великий Паскаль, образно выражая почтительное недоумение человечества перед тайной искусства. Адия Ситдикова, словно



«Полевые цветы».
Холст, масло

выполняя высшую миссию своей жизни, оставила потомкам поистине бесценное наследие, изобилующее еще неразгаданными тайнами. Так кому же, как не ей, быть легендой, одним из самых любимых художников Башкирии? Коллеги по цеху запомнили ее как мудрую, крепкую крестьянскую женщину, с хорошим чувством юмора, никогда не пасующую перед трудностями. Что касается последователей именно ее стиля, некоторые авторитетные художники пока не видят молодых продолжателей, способных писать подобные вещи: в плоскостных картинах создавать неповторимую воздушную атмосферу,

соблюдать тактичность в сочетании цветов. Со сменой той системы, когда государство давало ежемесячные госзаказы работавшим в едином «комбинате» художникам, относилось к ним более чутко, многое хорошее отодвинулось на задний план, а то и вообще исчезло. Да и художников теперь стало в десятки раз больше. Проект «Любимые художники Башкирии» как раз и есть своевременная акция, индикатор для обнаружения новых талантов. Хочется верить, что они поймут и переймут мудрое наследие Адии Ситдиковой.

Текст: Эльвира Каримова



Николай Леонидович Пеганов родился 30 декабря 1948 г. в Москве. С 1952 г. жил и работал в Уфе. В 1977-м окончил Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова.

Заслуженный художник Республики Башкортостан с 1997 г. Член Союза художников СССР (РФ) с 1980 г. В 1977–1983 гг. и в 1991–2000 гг. работал преподавателем живописи и композиции на факультете живописи (ныне факультет изобразительных искусств) Уфимского государственного института искусств (ныне Уфимская государственная академия искусств им. З. Исмагилова); с 1997 г. – доцент академии. С 1971 г. – участник республиканских, зональных, региональных и всероссийских выставок.

Работы находятся в коллекции Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова, в частных собраниях в России и за рубежом.

НИКОЛАЙ ПЕГАНОВ

(1948–2006 гг.)

ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ЛЮБВИ

Заслуженный художник РБ, живописец Амир Мазитов – о Николае Леонидовиче Пеганове:

– Николай Леонидович – совершенно потрясающий и художник, и человек. Он вел в нашей группе живопись и композицию (тогда ещё – в Уфимском государственном институте искусств). Нам было очень приятно учиться у человека с классическим академическим образованием, окончившим Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова. Учителем Пеганова в «Суриковке» был знаменитый Виктор Цыплаков, работы которого по сей день экспонируются там в главных залах и рекреациях как эталоны живописного искусства.

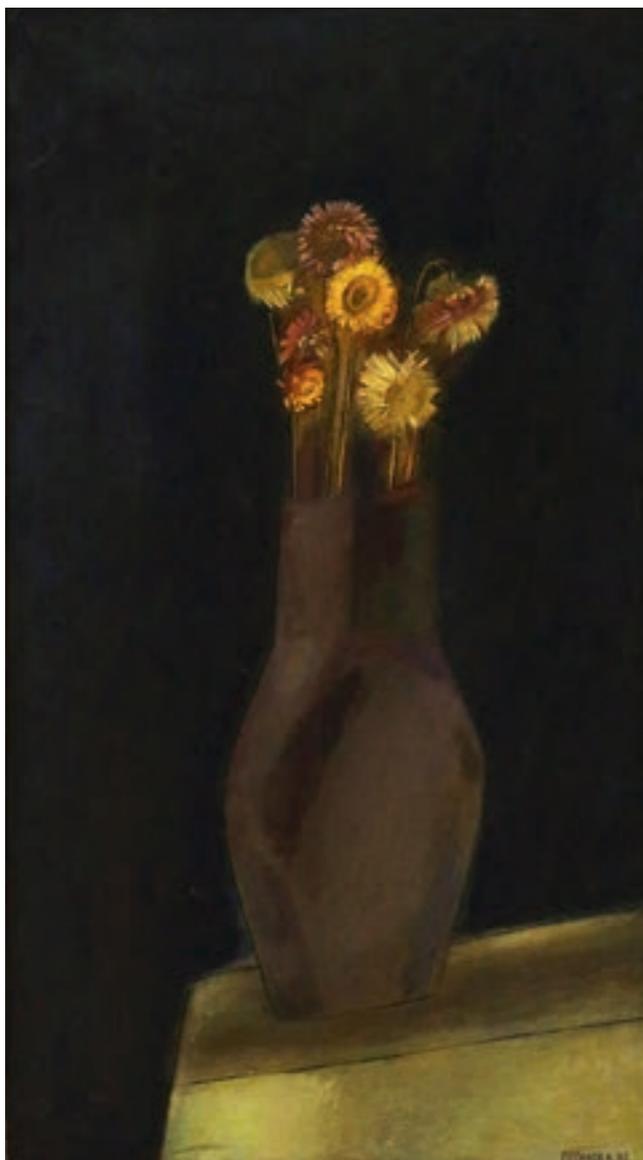
Вместе с тем, если Цыплаков – такой «мазистый», предпочитающий выражать себя большими мазками как Константин Коровин или Валентин Серов, то Николай Леонидович ценен своим современным видением пространства живописи, которая в его исполнении более декоративна, воздушна и, конечно, тонка и эмоциональна. Я говорю об условном пространстве. Мы видим иной подход и к композиции в его работах, основанный на современном методе построения всей плоскости холста.



«На реке Сим».
Холст, масло

Экспонент многих выставок самого высокого уровня, причем не только республиканских, но всероссийских и международных, он никогда этим не бравировал. Я хорошо помню его слова о таланте, о природе художника – любимые темы для обсуждения в мастерской. Он говорил мне: «Ты знаешь, это как вкус воды. Есть большая река Волга и вкус ее воды. Она подпитывается маленькими российскими речушками, родниками, и они тоже имеют одинаковый с ней вкус. Понимаешь, то же самое с

художниками». Изобразительное искусство Пеганов рассматривал не только как результат труда и вдохновения гениев. Он не забывал о лепте малоизвестных художников и считал, что любой художник может «подпитать» молодого автора. Конечно, нам были очень ценны эти советы Николая Леонидовича. О том, что он был необыкновенным педагогом, говорит и его инициатива по учреждению именной стипендии. В один прекрасный день он зашел к нам в группу и сказал: «Хочу учредить свою именную



*«Бессмертники на синем фоне». Оргалит, масло.
Фонд БГХМ им. М.В. Нестерова*

стипендию лучшему студенту, и первым стипендиатом будет Амир Мазитов». Для меня это было очень значимым событием, я до сих пор ему благодарен.

Ещё он был тонким мастером цвета (его знаменитое отношение «желтого к фиолетовому»). Казалось бы, только два цвета, но всё дело в нюансах, в тончайшей градации других цветов, тех, которые вплетаются в основную «партию». Важны все их переливы, оттенки. Он делал акцент на том, что даже если картина художника полностью написана в одной зеленой гамме, мы должны найти для себя все нюансы, весь видимый спектр. На самом деле так и есть, что легче всего просматривается на полотнах больших мастеров.

Колоссальное внимание Николай Леонидович уделял вроде бы таким незначительным, «бытовым» элементам создания картины, как изготовление подрамников и рам. Многие художники даже внимание на это не обращают! Он всегда буквально ощупывал каждый наш холст. Мог сказать: «Вот в этом плане, Амир, ты сделал, конечно, не до конца». Надо было аккуратнее, вплоть до маленьких клинышков. Перфекционист «чистой воды», он старался, чтобы работа была закончена «от и до». К своим полотнам Пеганов также относился очень жестко в этой части.

В целом о его работах можно говорить только в превосходной степени. Потрясающие цвета! И синий, и по-особенному нежный перламутровый, и необыкновенные нюансы серебристых, серых. Одна из серий его работ называется «Память», где Уфа – такая, как он любил говорить, «немножко окраинная». Ему это очень нравилось. Нравилась Уфа в дни общероссийских праздников, таких как седьмое ноября, первое мая, когда близкие ему люди выходили на улицы с флагами, шарами, транспарантами, поддерживая общую атмосферу «соборности». Такое у него было любимое слово – соборность. «Амир, обращай внимание на нашу великую российскую соборность, потому что наш человек, если он вдвоем с кем-то, стремится к тому, чтобы их стало



*«Чай в деревне».
Холст, масло.
Фонд БГХМ
им. М.В. Нестерова*

трое и больше». Пообщаться, поделиться своими чаяниями, мыслями – русскому человеку это очень присуще. Николай Леонидович умел это показать: например, люди старшего поколения у него степенны, как на старинных фотографиях, они не суетятся, что часто мы видим теперь...

Вспомним ещё потрясающую серию «Аэропланы», которая опять же – родом из его детства. Нико-

лай Пеганов очень увлекался авиамоделизмом – сам делал модели. Все эти летающие конструкции были для него каким-то таким возвышенным миром! Работы серии, выполненные в технике «холст, масло», – такие же легкие, воздушные. В то же время, там есть вполне жесткая конструкция. Видно, что это именно мужская рука, это художник, которому знакомы Альфа и Омега данного ремесла.



«Натюрморт с чесноком».
Холст, масло.
Фонд БГХМ
им. М.В. Нестерова

Николай Леонидович учил обращать внимание на то, что каждое время имеет свои особенные, «останавливающие память», моменты, которые дают ощущение узнавания, передают само движение воздуха эпохи, её неповторимый запах. Где мы, в каком пространстве, какое у нас окружение? Художнику надо впитывать всё, запоминать и стараться отображать всю гамму впечатлений в своих работах.

Допустим, нарисует он чайник, но чайник внутри населен маленькими домиками его времени, маленькими аэропланами, кораблями. Это целый

Мир – тот, который Пеганов всегда старался открыть зрителю и передать... Он заполнен тем запахом, той жизнью, теми людьми, которые прикасались к этому чайнику. Он, как и любой старинный предмет, дышал временем своих неповторимых историй. Глядя на картины Николая Леонидовича, чувствуешь это через какие-то нежно-зелёные, серебристые, очень тонкие цветовые решения. Здесь не увидишь грубых, чрезмерно brutальных тоновых и колористических решений. Он старался работать на полунюансах, что было естественно для такого тонко чувствовавшего человека. Художник

Николай Леонидович Пеганов – это, прежде всего, поэт, лирик и гениальный наблюдатель жизни.

Профессиональный художник-дизайнер, живописец, график Раушания Бадретдинова – о Н.Л. Пеганове:

– Николай Леонидович Пеганов оказал сильное влияние на мою судьбу, на творческое становление. Я не встречала человека настолько воспитанного, порядочного и одновременно открытого. Он был прекрасным учителем, рассказывал о разных способах нанесения краски, о выборе цвета, раскрывал другие секреты мастерства. Что самое главное, он ко всем относился ровно, хотя я всегда ощущала большую любовь, исходящую от него. Он вселял в меня уверенность в моем таланте, что так важно для художника. Уже при первой нашей встрече, когда при поступлении в институт я показывала свои работы ему и Калинушкину, услышала от него: «Редко встретишь человека, когда это и красивая девушка, и талантливая...». Помню, на вступительных экзаменах, как он переживал за мою косу, которая доставала до пола: «Может, Рушаночка, ты на отдельный стульчик положишь косу свою?».

Его мастерская находилась далеко от центра, и ему приходилось во второй половине дня после занятий ехать туда, потом какое-то время уходило на то, чтобы разложить краски. Я вспоминаю его слова: «Главное – очень тяжело начать, войти в нужное состояние, но, если ты войдешь, начнешь, то уже не сможешь остановиться». И у меня – то же самое...

Когда я первый раз увидела его картины, меня поразила работа с чайником, в котором отражались кусочки нашего города, его деревенская окраина и чуть ли не вся вселенная одновременно. Для меня открылось понимание того, что можно увидеть внутри одного образа глубинные пласты. Его пароходы вмещают целый мир! А вид сверху на въезд в Уфу с мостом?!

Много сюжетов Мастера посвящены завтраку, неспешному чаепитию, на полотнах много чайников. Когда я его спрашивала, почему именно такие сюжеты, он говорил, что вырос в то время, когда нельзя было публично высказывать свое мнение, и



«Вифлеемская звезда». Уфимские художники М.А. Назаров, Н.А. Калинушкин и Н.Л. Пеганов, 1997 г. Холст, масло

самые искренние вещи о том, что ты думаешь, обсуждались на кухне за чашкой чая. Оттого было в этом что-то сакральное...

Сначала вроде бы кажется, что работы Николая Леонидовича – простые, но, когда присмотришься к ним, начинаешь понимать, насколько они продуманные по композиции, насколько на самом деле сложные, каждый их миллиметр – выверен. Помню, как-то на открытии выставки говорили, что это – «романтический линейный чертеж».

Особенно мне близка серия работ, посвященная облакам, полетам, самолетам, где чувствуются свобода и тяга к путешествиям. Картины Николая Леонидовича Пеганова меня вдохновляют до сих пор.

Текст: Елена Синицына

МИХАИЛ НАЗАРОВ

В АВАНГАРДЕ АВАНГАРДА



Михаил Назаров удостоен специальной премии имени Николая Пеганова

Родился в 1927 г. в с. Кананикольское Зилаирского кантона (ныне Республика Башкортостан). Живописец, заслуженный художник РБ (2002 г.), лауреат премии им. Г.С. Мосина (2001 г.). Специальное образование получил на факультете живописи Государственного художественного института Эстонской ССР (Таллин, 1958 г.). Член Союза художников с 1980 г. С 1959 г. – участник республиканских, региональных, всероссийских и международных выставок. Произведения хранятся в музеях, частных собраниях и картинных галереях: ГТГ (Москва), МСИ (Москва), БГХМ им. М.В. Нестерова (Уфа), Челябинская и Екатеринбургская картинная галереи, Новосибирский ГХМ, РММИ (Йошкар-Ола).

*Кануло лето
Кануло в Кану
Бросил Никола Никольск
Лесом охвачен Кананикольск
Разруха, проруха, голые ворота
Синее небо и гора Масим
Нас возносят в синь
Крылья Кананикольска*

Михаил Назаров

Горы грохочут и содрогаются, отзываются утробным эхом старых шахт, ран и радостей человеческих. Черный лес дыбом встает. Из-за гор чистое небо выглядывает, спускает розовый свет на студеную реку. Река обнимает село, а там пир горой после базарного дня – шум-гам, избы ходуном, рычание трактора и стаканов звон. Узоры заборов и кушаков разноцветных, запах мясных туш, мякины, конского пота и парного молока. Дышит жизнь, сияет прорехами свободы сквозь почерневшие крыши, вздыхает мехами гармони, скрипит раскоряченными оглоблями. И опять тишина на подворьях – ночь, мудрая и чуткая, как Божье слово, до утра запирает суровыми скобами да ставнями людскую толкотню и заботы...



«Базар. Мясо».
Холст, масло

Из сонника: «Деревенский базар – к простым радостям и бесхитростным развлечениям. В «бесхитростных» сюжетах Михаила Алексеевича, напоминающих странные, давно забытые сны, как раз и заключается его хитрость, этакий народный лукавый прищур. Вместивший в себя несколько эпох, перевернувший много культурных пластов, от классики до неоавангарда (которому верен до сих пор), он именуется заводским кананикольским крестьянином. Большой, монументальный уроженец вековых лесов Зилаирского кантона, он и сам, за компанию со своими персонажами, кажется высеченным – изваянным из исполинского дерева или скальной породы. Коса, топор, молот – родные орудия. Подростком в военные годы работал на Тубинских шахтах наравне со взрослыми. Правда, в недавней беседе – со всегдашней хитрецой – объ-

вил себя дворником. «Где же вы работаете?», – «Да все там же, на том же дворе, где и жил с тридцать восьмого года. На Тубинском руднике (ударение на первый слог). А вот моя метла...», – поигрывает широкой кистью и указывает на «тот» двор на холсте. Двор вроде всё тот же – дом, телега, ворота с «крышечкой», дорога в гору – десятки и десятки различных вариантов. Это универсум, который он так и сяк вертит и тасует, словно забавляясь «случайными формами», композиционными ритмами, акцентами, разными для каждого мгновения дня: «утонченная игра разных уровней условности», как сказал бы Юрий Лотман. Дальние и средние планы легко уживаются с крупными фигурами, похожими на языческих идолов, – это и не фигуры уже, а части его знаковой системы; предметам дозволено просторно развалиться или невозмутимо болтаться



«Мунир и Мунира».
Холст, масло

в воздухе на любом расстоянии от зрителя и выглядеть притом вполне логично. Формируется единое монументальное пространство – и плотное и воздушное, направленное внутрь – и в бесконечность. Важно все – удар розовых белил на ободке колеса, негрунтованный клочок холста на бревенчатой стене, упрямый поворот чьей-то «колченогой» ноги...

В его формалистических изысканиях – а до сих пор художник ставит перед собой ежедневные новые задачи, вдохновенно отработывая приемы «чистой» живописи, пространственные и цветовые, — присутствует удивительная цельность, то бишь соподчинение всех частей. Редкий дар, доступный немногим. «Рутинная» тематика служит и великолепным подсобным материалом, и философским выражением его натуры. Вроде бы наивная попытка создать гармонию из приземленных, обделенных гармонией вещей; фокус в том, что на них, как на этом простом дворе, и строится миропорядок жизни.

Говоря научным языком, дабы не впасть во власть смутных догадок, «архаическое видение – канонизация типических черт деревенской жизни, композиционная и предметно-фигуративная плоскостность – это принципы древнерусской иконы. Колоссальная повествовательная информация – «клейма», органично сочетающиеся друг с другом» («Житье-бытье Зинки Пустыльниковой» и др.) (искусствовед С. Игнатенко).

Его акварели «Евангельские сюжеты» так эфемерны, светлы и по-детски (читай «по-язычески») безыскусны, так «по-назаровски» ирреальны, что иной зритель может впасть в недоуменный столбняк. (Но не такова ли и вера наша – если взять ее честно, без пафоса и без прикрас?) Библейская тема как нельзя лучше подходит для его пространственных опытов, решения вопросов формы, которая, как известно, – это тоже содержание.

«Светские» сюжеты – пир, ярмарка, трактир, трудовые моменты – это как «выражение народной сво-

боды и воли». Его долгая дорога, что берет начало из башкирской глубинки (Кананикольск, Мраково, Тубинск, Темясово, Баймак), привела его вначале в Магнитогорск, а затем в Уфимское театральное-художественное училище. Далее – Таллинский художественный институт – «окно в Европу». Естественно, большое влияние на стиль оказали учителя и друзья – самые разные: в первых рядах – А. Тюлькин, Б. Лалетин, Б. Домашников, В. Головченко, А. Лутфуллин и многие другие. Учителями можно счесть Филонова и членов «Бубнового валета»; Ф. Леже, П. Пикассо и Р. Гуттузо. А также наших «антикумиров» выхолощенного соцреализма, в эпоху которого взаимопонимание достигало точки кипения. Приходилось годами затворяться, чтобы не потерять себя. Его обвиняли в упрощении и искажении реальности, но это скорее «укрощение» ее. Модули «деревенского» цикла – квадраты и ромбы, трапеции и треугольники



«Мининур и Тимиряр». Холст, масло



«На тракторе
«Беларусь». Вариант I»,
1969 г. Холст, темпера



«Продавец самоварных труб».
Холст, масло

– остовы изб и сараев, старые крыши и рамы – его строительный материал, все кружится и танцует в процессе строительства; зрителю дана возможность чувственного, даже рефлекторного участия.

Уже позднее, в 80-х, пришло признание и единомыслие (свердловчане Мосин и Брусиловский, художники группы «Сары бия»), но и при всей экспозиционной свободе его искусство не стало (и не станет) живописью для всех. Хочется провести параллель с Андреем Платоновым в литературе: тот же отстраненный, нелегкий для понимания художественный язык, то есть воспринимаемое на чувственном уровне «гениальное косноязычие»; те же, без патетики, драматизм и «печаль по цельности мира», тревога и боль за сво-

их героев, преданность своей земле и раз и навсегда избранному пути. Обоим свойственна высокая поэзия – ощущение движения неба, о котором Бабель сказал: «...и небо, текущее над эспланадой и улетающее как птица...».

«С детства был дерзким, воинственным, неподвластным мнениям максималистом», – говорит Михаил Алексеевич о себе. Да таким он и остается до сего дня – могучий исполин, идущий в авангарде нашего авангарда. Победа в проекте «Любимые художники Башкирии» (2017 г.) в номинации «Мастера» – закономерный акт любви и признания как простых зрителей, так и профессионалов, молодежи и зрелых поколений поклонников его таланта.

Текст: Эльвира Каримова

РАУШАНИЯ БАДРЕТДИНОВА:

«Есть жесткие бытовые рамки, как прутья воображаемой клетки, за которые женщина может выйти, но боится утратить дорогие ей связи с близкими. Важно понимать, что выбор есть, и видеть эту дверь...»

– Раушания, когда и где вы родились?

– В деревне Яшерганово Стерлибашевского района Башкирии, 7 октября 1974 года.

– Большинство художников уверяют, что рисовали всегда, практически сколько себя помнят. Вы тоже?

– Да, помню, что всегда рисовала. Еще мечтала стать балериной, потому что у меня мама танцевала. От той детской мечты осталась любовь к национальным костюмам, которые перекевали в мои работы. Это не случайно. Мама всегда танцевала и танцует до сих пор, и я танцую, и дочка... Из-за травмы в юности мамина карьера прошла вдали от сцены – она всю жизнь проработала главным бухгалтером. У меня не сложилось с балетом тоже по воле случая. Члены выездной комиссии сочли меня «поленькой», а я просто не могла объяснить, что на мне слишком много теплой одежды, которая помешала сесть на шпагат. Плохо тогда говорила по-русски.

– Могли тогда на шпагат сесть?

– Да. Позже мама, следуя моим желаниям, привела меня в художественную школу. Это уже было в Ишимбае, куда семья переехала, когда мне исполнилось пять лет. Мне очень повезло с учительницей, которая сразу высоко оценила мои спо-



Раушания Бадретдинова удостоена
специальной премии имени Николая Пеганова

Член Союза художников России и Республики Башкортостан, Союза дизайнеров России и РБ, Международной Ассоциации ЮНЕСКО. Закончила Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова. Лауреат премии «Человек года – 2014». Золотая медаль в международном конкурсе New York Realism. Золотая медаль на биеннале художников ARS INCOGNITA в Турине, Италия. Лауреат и дипломант международных, всероссийских, региональных выставок. В творческом активе – более двадцати персональных выставок.

Картины находятся в галерее New York Realism fine art в Нью-Йорке, в галереях: Московского Дома национальностей, «Беляево» (Москва), Art-INCOGNITA (Берлин); в собраниях организации Quality-Cultural Association (Турин); в музеях: современного искусства «Артмуза» (Санкт-Петербург); Башкирского театра оперы и балета; современного искусства (Уфа); Дома Музыки Владимира Спивакова; в картинных галереях Салавата, Стерлитамака, Ишимбая; в частных коллекциях России, США, Канады, Австрии, Германии, Италии, Голландии, в Китае, Турции, Намибии.

Раушания Бадретдинова создаёт авторскую линию одежды RUSHA. Она – многодетная мама, занимается благотворительностью.



«Как подобрать ключи».
Холст, масло

способности и взяла в первый класс, а не в нулевой, как того требовали правила. На четвертый год обучения я уже сама учила малышей. Так что первые свои деньги я заработала в седьмом классе, и это было круто.

– Пожалуйста, расскажите о своем отце.

– Папа работает сварщиком, что никогда не мешало ему писать стихи. Я помогала их публиковать в «Истоках». Он увлекается историей, очень тонко и философски воспринимает мою живопись, хотя принимает не все, отдавая предпочтение более реалистичным работам. Папа сам рисовал, например, Ленина в клубе в Яшерганово, его брат работал художником-оформителем.

– У вас ведь тоже есть брат... Он рисует?

– Волей непростых поворотов судьбы брат стал муллой, хотя в свое время окончил Уфимский нефтяной институт. Живет сейчас недалеко от Сургута.

Наш дедушка был муллой, прадедушка – суфийским учителем. Серию работ я посвятила им. Вот смотрите (показывает картину), это мой дедушка. При советской власти он держал мечеть, скрывая ее от посторонних глаз и ушей. Картина не про то, каким он был внешне. Скорее про душу, через которую пролегла эта дорога через Яшерганово. Вот, посмотрите, – его дом на ней. Раскрытые ладони подняты, он азан говорит, призывает к молитве. Перевернутые дома в небе означают, что его уже нет среди нас, только память о нем жива. Картина далека от реализма, и все же я пыталась передать его черты, у него такое вытянутое лицо было.

Это бабушка, картина называется «Намаз», она находится сейчас на выставке в Санкт-Петербурге. Бабушка всю жизнь молилась, и когда она это делала, мне казалось, что ее платок превращается в крылья. Молитва возвышала ее и делала ближе к звездам. Обратите внимание, я часто незаметно вплетаю в картину строки из сур Корана как узор.

Когда Талгат Таджуддин увидел «Намаз» на выставке, он захотел приобрести. Потом говорит: «Она очень мне нравится, но ее должны люди видеть». Ему импонирует моя техника, которая не копирует реальность. Таджуддин сказал, что это как раз приемлемо с позиции мусульманства. Заказал мне картину.

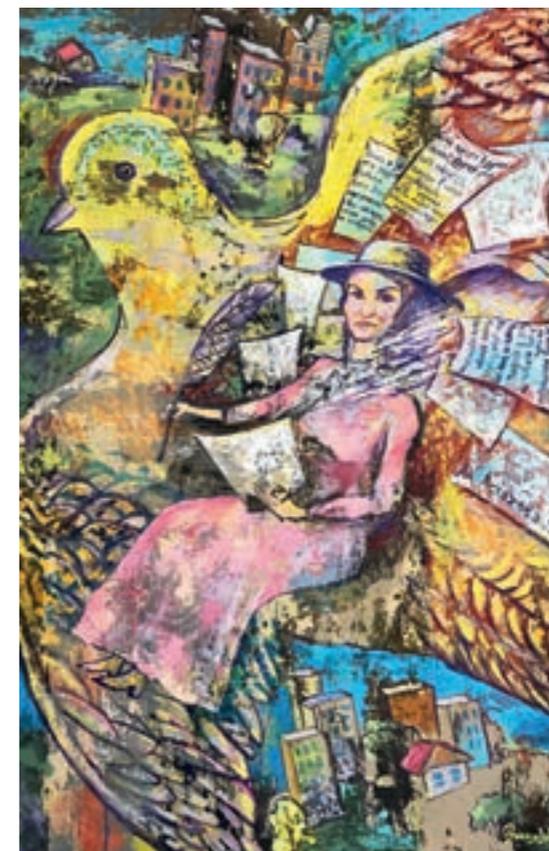
Конечно, я умею и в очень реалистичной манере выполнить портрет (показывает на портрет старшего сына в детстве), но уже практически отошла от этого, потому что хочется донести не только внешнее сходство, но и внутренний мир.

Еще одну работу я посвятила папе. Со временем он стал заниматься пчеловодством. Идея картины родилась в тот момент, когда я смотрела на вращение бочка медогонки, которой мед качают. Мне вдруг показалось, что папа будто вселенную раскручивает. Пчелы как люди, ульи – дома. Хотелось передать это вращение вселенной. Там тоже есть строки из Корана, они про то, что нельзя человека заставить верить, каждый сам должен к этому прийти.

Вот эту работу я назвала «Проснись» (показывает картину, в центре нее изображен глаз, который отделяет от Мира частая железная решетка, и ее прутья начинают рваться благодаря помощи извне).

– Здесь хоть и нет строк на арабском, но образ книги притягивает внимание, вызывая соответствующие ассоциации. Вы читаете Коран?

– Не могу похвастаться, что читаю Коран на арабском. Основные молитвы знаю, конечно, я же с этим выросла. По моей просьбе брат переводит строки, которые просятся на холст.



«Поэтесса Ах. Астахова». Холст, масло

– Поделитесь вашими духовными исканиями.

– На меня, безусловно, сильное влияние оказала мусульманская религия. Но был период, когда погружалась с головой в изучение христианства, потом вообще в Индию уехала, мантры учила. Постепенно пришло понимание, что не только религия, но само творчество, в том числе, работа над картинами, делает художника чище, возвышает над суетой, дает успокоение, что иногда передается через холсты зрителю. Во всяком случае, мне приходилось слышать от поклонников моих работ, что картины в буквальном смысле исцеляют.

Помнится, была выставка в Президент-Отеле, где я представляла серию работ «Объятия». Спустя

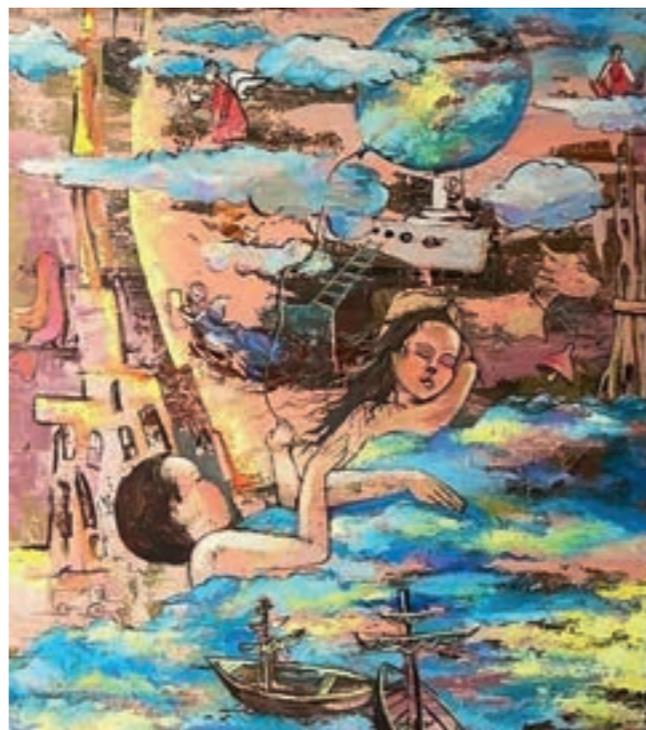


«Ангел. У каждого есть выбор, только нужно уметь найти свою дверь...». Холст, масло

некоторое время меня нашла женщина, которая верила, что вылечилась, созерцая одну из моих работ, позволяя себя поплакать рядом с ней. Еще был интересный эффект такой: стены темные, и картины эти как будто светились. Я уж не знаю, что там на самом деле произошло...

– Кого вы можете назвать своим Учителем?

– Это, конечно же, не один человек. В пятнадцать лет я самостоятельно уехала из Ишимбая в Уфу, сбежала, фактически, послушав свою любимую учительницу художественной школы Любовь Леонидовну Грачеву. Ещё тогда, в моем детстве, Любовь Леонидовна сказала, что я стану известным художником. Как запрограммировала! Получила сначала специальность учителя рисования и черчения, что впоследствии пригодилось мне, помогало выжить



«Сон». Холст, масло

за счет небольшого дохода от преподавания. В педучилище посчастливилось учиться у Алика Насыповича Валиуллина. Потом поступила в институт искусств (ныне Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова), где на меня сильное влияние оказали Николай Александрович Калинушкин и Николай Леонидович Пеганов.

– Пришлось долгое время жить в общежитии?

– Да, жила в общежитии, потом замуж вышла. В первый раз.

– Как вы считаете, когда ваш собственный стиль окончательно сложился?

– У меня долгое время были самые земные цели: выжить после развода, купить квартиру в Уфе, поставить детей на ноги. Поэтому работала дизайнером в издательстве «Старая Уфа», стены расписыва-

вала, ночью картины рисовала. Все получилось, встретила любимого человека, родила еще дочку и сына. Казалось бы, я должна быть счастлива, но ощущение счастья не приходило.

У меня есть работа, которая называется «И в клетке можно летать», где я изобразила птицу в парящей клетке с открытой дверью. Есть жесткие бытовые рамки, как прутья воображаемой клетки, за которые женщина может выйти, но боится утратить дорогие ей связи с близкими. Важно понимать, что выбор есть, и видеть эту дверь...

Вдруг в какой-то момент я поняла, что могу рисовать для себя, что мне не надо больше подстраиваться под кого-то. И тогда же выставка в филармонии, составленная из работ, в которых я не хотела никому понравиться, вызвала сильный резонанс. «Ты нашла себя», – говорили художники в один голос.

Для любой картины нужно внутреннее состояние готовности. Когда ты устала или болеешь, но что-то из себя вымучиваешь, чаще всего ничего не получается. Иногда сам холст как будто подсказывает. Я смотрю на него и вижу... образ. Иногда ставишь задачу перед собой, ходишь, делаешь домашние дела, и вдруг – перед тобой картина. Может, и не законченная, но уже можно делать эскизы, переносить ее на бумагу.

– К какому направлению живописи можно отнести ваш стиль?

– Искусствоведы спорят, говорят о новом звучании неоекспрессионизма, присутствии символизма. Нет однозначного прочтения.

– Дети рисуют? Какое образование они выбрали для себя?

– Старший сын получил специальность дизайнера в Санкт-Петербурге, очень мне помогает, второй выбрал архитектуру и уехал в Москву. Девочка оказалась натурой творческой, но с жестким характером. Она хорошо рисует, удивительно чувствует цвет. Малышу еще пять.

– Говорят, попасть к Саид Бабе было почти нереально, но у вас получилось. О чем вы его спросили?



«Поиск дома». Холст, масло, акрил

– У меня была тьма вопросов в голове. «В чем истина?», – хотела спросить. «Всё в тебе», – сказал он по-русски, и я расплакалась. Надо было проделать такой путь, чтобы услышать простой ответ. Раньше было важно мнение окружающих, теперь спрашиваю сначала себя. Это очень помогает.

– Что вы думаете о проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Люди не знают многих художников, и такая ситуация не изменится, если продолжать сидеть и ничего не делать. Сайт позволяет донести работы художников практически до всех. Не так важно, кто победит в рейтинге. Выиграют все.

Текст: Елена Синицына



Расих Ахметвалиев удостоен специальной премии имени Николая Пеганова

Заслуженный художник РБ (1990 г.), член Союза художников РФ (1992 г.), член Maison des Artistes, Франция (2002 г.). Родился в д. Бекеево Чишминского района БАССР. Окончил художественно-графическое отделение Уфимского музыкально-педагогического училища № 2 (1976 г.) и художественно-графический факультет БГПУ им. М. Акмуллы (1981 г.). Входил в творческую группу «Инзер» (1989–1993 гг.), участник творческого объединения «Чингисхан» (с 1990 г.). Лауреат первой международной независимой культурологической премии фонда «Туран», г. Казань (1993 г.). В 1991 г. работал в США, в 2002–2008 гг. жил и работал во Франции (Онфлёр, Париж), где сотрудничал с галереей Bartoux; в 2009–2016 гг. работал с галереей Visio Dell'Arte (Париж), с 2014 г. сотрудничает с галереей MaxLaniado (Нью-Йорк, США). Показал более 25 персональных выставок в России и за рубежом. Работы хранятся в Государственной Третьяковской галерее, БГХМ им. М.В. Нестерова, Московском музее современного искусства, Национальном культурном центре «Казань», Новосибирском государственном художественном музее, Фонде поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани, во многих российских и зарубежных частных коллекциях.

РАСИХ АХМЕТВАЛИЕВ:

«Художник и Муза – это сюжет и вопрос: кто кого рисует?»

Мы встретились с Расихом Хасиповичем в кафе с цветными лампочками на стенах. Если смотреть на них долго – мир расплывается цветными пятнами, увлекая в тонкое и запредельное, где нет чётких линий, точных портретов, предсказуемых состояний, где ничто не гарантировано по определению. Бывает: стоит скамейка, подошла девушка, села девушка, сидит девушка – всё. Но та же ситуация может разлиться каскадом эмоций и настроений, если всмотреться волшебными глазами художника: своенравное пространство преобразило девушку, растащило на нелогичные линии, и весь её образ проливается цветом. Вряд ли это только видение.

– Расих Хасипович, не могу сказать, что разгадываю ваши картины.

– А их и не надо разгадывать, они должны воздействовать ассоциативно, эмоционально.

– Да, но хочется же уловить послание, понять, какая в них была заложена мысль.

– Конечно, даже абстрактная работа содержит смысл, имеет своё сюжетное развитие. Говорят же: картины возникают из картин, стихи из стихов, фильмы из более ранних фильмов, то есть мы все передаем приветы туда, в прошлое. Если человек всерьёз рисует, значит, у него уже есть какой-то опыт общения с искусством, он уже видел картины, принял понравившуюся ему пластику, а когда художник садится за холст – вот тут и завязывается сюжет. Допустим, на примере литературы: писатель начал рассказ или роман – почему он начал его писать? Почему пишет именно такой рассказ и именно так? – Это и есть сюжет, где сам писатель



«В мастерской». Холст, масло

– персонаж. Художник – тоже персонаж этого мира, а так как изобразительное искусство статично, неподвижная картинка в двухмерном пространстве, вот и включается в сюжет то, что за ее рамками – замысел и опыт художника. За любым художником стоит история. И как можно внести в искусство новшество, сказать свое слово, добыть изюминку? Только копаясь в своей истории. Картина или другое произведение будут живыми, если в них заложены чувства, но эти чувства нужно еще суметь передать. И, конечно, нужны навыки, владение изобразительными средствами выражения, но во время работы не надо пользоваться вчерашними штампами, сама текущая ситуация, уникальный сюжет художника должны их диктовать. Иной раз может получиться

немного коряво – пусть так, по чуть-чуть, но своя манера будет нащупываться. И в первую очередь должна быть игра, автору самому должно быть интересно. В этом и весь секрет.

– И всё же, какая в ваших приветливо-ускользающих сюжетах кроется философия?

– В студенческие годы, в конце 80-х, я читал Шопенгауэра, мне был интересен чувственный мир человека, когда весь мир против тебя. Именно с этого я начинал: весь мир против тебя. Это сильные слова, мозг возбуждается от такой мысли. А если бы я подумал: вступлю в компартию, буду в колхозе работать, яблони красивые посадим – наверное, всё было бы по-другому, но не познал я коммунистического воодушевления, другое дело – экзистенциализм, вот что меня тогда волновало. Я начитался книг. В семье жены, где мы с ней поселились и жили какое-то время после свадьбы, хранились двести томов всемирной литературы, а это же самое-самое. Я брал наугад книги, читал. Джон Стейнбек, Низами, Фирдоуси, Акутагава Рюноске – список тот длинный, и каждый из них чем-то меня зацепил. Такие книги ломают стереотипное восприятие. А когда я сам начинал как художник, думал, что писать – это стремиться к гармонии, но позднее понял, что, с одной стороны, мы служим искусству, а с другой – занимаемся самоисследованием. Но и это, возможно, ошибочно. Казаться нам может всё что угодно. Необязательно же думать о себе бог знает что и тянуться к высокому ремеслу и регалиям, чтобы понять или создать что-то важное. Вспомним роман Гессе «Сиддхартха»: Будда целенаправленно искал просветления, предпринимал нечеловеческие попытки, а когда вернулся домой и взглянул в глаза друга детства паромщика – увидел в них свет и понял, что тот достиг своего просветления, не уезжая из дома.

– А вы когда-нибудь вставляли за холст, чтобы нарисовать мрачное?

– Нет, внутренне это совсем не моё. Это всё равно, что преумножать негатив, а ведь в мировом контексте самое востребованное из русского ис-



«В саду», 1997 г. Холст, масло

куства – это иконы и авангард двадцатого века. Иконы вытаскивают человека на другой уровень, в них глубокий контекст, это искусство соборное. А авангард (Малевич, Кандинский) – это построения вне земной гравитации, в пространстве без притяжения, в космосе, можно сказать, – и снова выход в высокое измерение. Иконы и авангард человека над собой поднимают, это искусство дающее. В этом и красота русского искусства, как я для себя выяснил – русское искусство должно наполнять. Мне всегда больше нравилось доброе, и, если мы откроем любую энциклопедию по искусству, то встретим там вещи, в основном, дающие.

- *Изобразительному искусству?*
- Да. Но, я думаю, это касается всех его видов, литературы тоже.
- *Но великие писатели, копая глубоко, бывает, достают до дна.*
- Чтобы читатель не засыпал, в книге должны быть взлёты и падения, но, в конечном итоге, всё произведение в целом обычно оставляет хорошее впечатление, наполняющее? Вот.
- *Расих Хасипович, скажу по-другому: если на картине красивые девушки, то все понимают, что они не будут такими всегда. Трагедия и увядание на*



«Середина лета» 2016 г. Холст, масло

холсте, нарисованном позитивно, просто не успевают случиться! А хороший текст, на мой взгляд, оставляет не столько приятное послевкусие, сколько двусмысленность, выбор.

– Но и настоящая картина многослойна и многовременна. В первый раз её можно рассмотреть так, а потом иначе. Она бесконечна. Хорошая картина – это каждый раз новое настроение, открытие за открытием – так же, как когда снова и снова читаешь великую книгу. В книге ведь слова (по-другому сказать: краски) те же, а читатель вдруг новые детали улавливает. И картина, и книга – это эмоциональное, сконцентрированное послание.

- *Расих Хасипович, а как вы рисуете? Например, девушки на скамейке: вы увидели их, запомнили, делаете наброски?*
- Нет, нет. Девушки – это ведь повод. Может быть, прямо таких, которых рисую, – их нет, но такие же постоянно сидят, на любых скамейках. Мы все пришли сюда из Рая, и девушки эти тоже пришли из Рая. Расскажу одну из интерпретаций, – улыбается художник. – Сидят они в сквере – прообразе Рая – ждут любви, а сами не знают, как к этому относиться, у них же и гордость, и воспитание – вот и выходят характеры: одна сосредоточилась и чем-нибудь недовольна, другая легкомысленна



«Девушка с книгой», 2016 г. Холст, масло

как ветерок. Сидят девушки – да, а смысл-то в чем? А ни в чем! (смеется) И для меня это очень удобный сюжет – когда нет конкретного смысла.

– Хорошее признание (смеемся вместе).

– Да, я тогда максимум включаю свои фантазии. А мысли нету вообще, но есть идея, и, когда я рисую, то даю выход именно ей, идея овладевает мной, подсказывает средства выражения. Говорят же китайцы: смотри на дерево, и оно само расскажет, как его рисовать. Или вот еще удобный сюжет для картины: девушка с книгой об изобразительном искусстве, она сама пришла неизвестно откуда, а тут еще книга – реальный продукт о чем-то возвышенном – вот и происходит наложение и переплетение духовных миров.

– А когда неожиданно меняются пропорции тела, например, сильно вытянутая назад голова?

– Я так не воспринимаю, честно сказать, но не хочу рисовать ожидаемо, реалистичные формы тела – это неинтересно. Изюминка должна быть, и картина сама ее подсказывает. Начинаешь картину ты сам – ты ведь «умный», опытный, вроде бы что-то придумал, а потом, картина может не нравиться, я больше половины своих работ уничтожил, а работа получилась – если в ней что-то вышло не от меня. Я даже не знаю, хорошее это или плохое, но точно вижу – не от меня. Я именно это и вижу.

– А другие люди могут определить, где именно в картине случилось «не от меня»?

– Не знаю. Наверное, нормально, если они об этом вообще не думают. Ну вот как у меня бывает? Прихожу иной раз в мастерскую: рисовать неохота, погода дурацкая, настроение – катастрофа. Октябрь, ноябрь, декабрь – сегодня хмурый холодный день, и сколько таких ещё будет! Так можно долго расстраиваться и вообще перестать рисовать. А я себе говорю: ведь это удобный момент! Это же хороший сюжет! Вот я пришел в мастерскую, настроения нет – об этом и нарисую. И рисую художника, и в процессе работы начинаю меняться. Холст, краски, кисти, палитра, цвета – я всё это очень люблю, можно сказать, этим и вдохновляюсь. В процессе приходит Муза и дает понюхать цветок, символ иного мира. И меня затягивает совершенно в другой мир, в котором это и происходит: к художнику пришла Муза и принесла другой аромат. Иной раз я на это так и смотрю: картину забыл и смотрю. А потом иду домой, радостный. Я, конечно, укорачиваю историю, одна картина несколько месяцев может делаться. Но всё это происходит примерно так. Наверное, обычный собранный человек такую картину не нарисует – для этого слишком уж надо себя отпустить, медитация, что называется.

– Ух ты! А всадники на ваших картинах – что они означают?

– Всадник – это составной образ, в котором лошадь – тело, а наездник – душа.

– А почему же девушки без лошадей, они – бестелесные?

– Они изначально эфирные, необычные существа, они не отсюда, они у меня «душа» сразу. Мужчин я могу рассматривать как душу и тело в отдельности, я сам мужчина, а женщин я не понимаю вообще. Но женщины иногда подходят на выставках: «Ой, вы так тонко чувствуете нашу душу!» Но я не чувствую, честно говоря. Да и вообще этой теме большого значения не придаю. Рисую так, как рисую, – и всё. Лучше вообще не думать (смеется).

– Говорят, в каждом человеке существует свой внутренний конфликт, обычно между противоположными качествами. И у вас он, будто бы, в том, чтобы не думать вообще или – наоборот, взять и однажды подумать как следует, чтобы, наконец, что-то уже понять.

– Вот, – улыбается Расих Хасипович. – На самом деле, так оно и есть. Но когда касаемся глобальных вопросов, любые ответы временны, завтра или через десять лет мнение поменяется: в связи с возрастом или здоровьем, или неожиданным опытом. Человек, он – текучий, а не завершенный объект, хоть и берется иногда судить обо всем с позиции вечного.

– Тогда получается, что вообще никто, никак и никогда не стабилен? Честно говоря, именно это через ваши картины прослеживается.

– Я так чувствую, и поэтому у меня, как говорят некоторые, – «кривые линии», зато органично.

– А вы любите, когда ваши картины трактуют? Бывало, что вы обижались на чью-то трактовку?

– Нет, ведь это не мои толкования, это история зрителя. Смотрит он на картину, характеризует себя, а меня охарактеризовать невозможно. Около меня можно описать словесные зигзаги, выстроить предположения, но ведь это уже буду не я, а кусочек видения конкретного человека, да и то, только так,



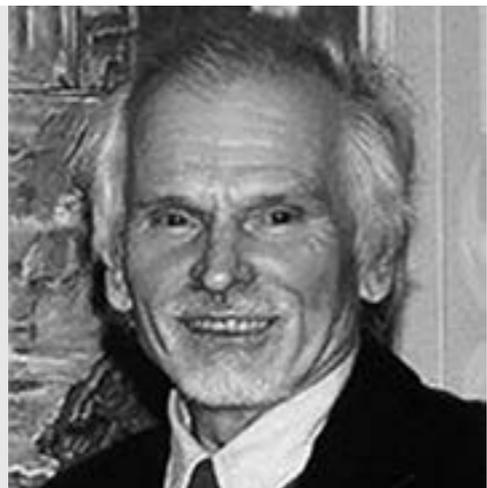
«Зимний всадник», 2016 г. Холст, масло

как он сумел передать словами. Нельзя про меня написать, и ни про кого нельзя. Один одно увидит, другой – другое.

– Выходит, я напишу статью про СЕБЯ, которая будет называться вашим именем?

– Конечно! Поэтому всё нормально.

В России про меня иной раз говорят: кубист, импрессионист, авангардист, но я не отношусь никуда в чистом виде – не актуальное искусство, не контемпорари, не абстракция. Французы тоже пытались классифицировать и сформулировали: tres personalite – очень личностное, наделенное качествами, которых ни у кого больше нет (улыбается). Такого стиля не существует.



Федор Кашеев удостоен специальной премии имени Николая Пеганова

Один из основателей башкирской школы живописи. Народный художник Башкирской АССР (1979 г.), заслуженный художник РСФСР (1991 г.). Родился 6 декабря 1934 г. в с. Аскино Аскинского района Башкирии. Живет и работает в Уфе.

В 1955 г. Ф.А. Кашеев окончил художественное отделение Башкирского театрально-художественного училища (ныне – отделение изобразительных искусств УУИ). С 1957 г. участвовал в республиканских, зональных, региональных, всероссийских, всесоюзных, международных и зарубежных выставках. С 1960 г. – член Союза художников СССР (РФ). Лауреат премии Комсомола Башкирии им. Г. Саляма (1968 г.), обладатель Золотой медали им. В.И. Сурикова Союза художников РФ (2016 г.).

Работы художника находятся в собраниях музеев и картинных галерей: БГХМ им. М.В. Нестерова (Уфа), Удмуртском МИИ (Ижевск), Красноярском художественном музее им. В.И. Сурикова, Абаканском художественном музее (Абакан, Республика Хакасия), в частных коллекциях в России и за рубежом.

ФЕДОР КАЩЕЕВ

НАРОДНАЯ САГА ЖИВОПИСЦА

Федор Александрович Кашеев родился в крестьянской семье и, хотя большую часть жизни провел в Уфе, сохранил глубокое уважение к сельскому труду, понимание психологии простых людей-тружеников и выразил это в своих живописных работах.

Живые, колоритные образы жителей села в быту и в процессе крестьянского труда, портреты детей, женщин, односельчан – художник передает духовное богатство и житейскую мудрость своих героев, самобытность национального характера. Цветовое решение его полотен построено на принципах декоративности, палитра отличается чистотой цвета, активностью и яркостью. Среди основных работ мастера – «Портрет матери» (1957 г.), «Комбайнер» (1958 г.), «Птичница Анисья» (1958 г.), «Доярки» (1964 г.), «Семья» (1967 г.), «Башкирский кумыс» (1966–1967 гг.), «Утро у колыбели» (1969 г.), «Письмо» (1973 г.), «Подружки» (1970 г.), «Мать солдата» (1975 г.), «Первая борозда» (1977 г.), «Башкирский мед» (1977 г.) и другие.



«Письмо», 1973 г. Холст, темпера

Успешно окончив в 1955 году Башкирское театрально-художественное училище, Федор Кашеев, спустя некоторое время, преподавал в нем, в 1960 году его приняли в Союз художников. Большую роль в судьбе Федора Александровича сыграл его преподаватель, а затем и старший друг-наставник Александр Эрастович Тюлькин. Он пробудил интерес молодого художника к темперной технике, научил разбираться в нюансах и возможностях цвета.

В 1958 году, в самом начале творческого пути, Федор Кашеев принял участие во всесоюзной выставке, посвященной 40-летию Ленинского комсомола, представив на ней выразительные портреты



«Август», Холст на фанере, масло



«Портрет Героя Советского Союза С. Г. Галимзянова», 1979 г. Холст, масло

своих односельчан. В работах, выполненных маслом и темперой, ему удалось передать душевную открытость, скромность и непритязательность этих людей в быту и в труде. Художник и в дальнейшем активно участвовал во всероссийских и всесоюзных художественных выставках, таких как «Советская Россия» (1967, 1970, 1975 гг.), «Советский портрет» (1973 г.), «По Ленинскому пути» (посвященная 60-летию Великого Октября, 1977 г.); международных выставках произведений

советского искусства (Болгария, 1967 г.), «Советское искусство» (Польша, 1970 г., Болгария, 1975 г.), выставке произведений художников БАССР (ГДР, г. Галле, 1975 г.) и др.; состоялись его персональные выставки в Уфе, Москве, Ленинграде.

В конце 60-х годов Федор Александрович избирался председателем Башкирского отделения Союза художников, был членом правления Союза художников СССР.

По мере роста мастерства у Ф.А. Кашеева возрастал интерес к башкирской национальной тематике, башкирскому быту, народному фольклору (картины «Утро. Семья», «Бабай», «Башкирский кумыс», «Башкирский мед»). Особое место в его творчестве занимают женские об-



«У колыбели». Холст, масло



«Урожай. Горячий хлеб», 2009-2013 гг. Холст, масло

разы (работы «На летнем пастбище», «Доярки», «Ковровщицы», «Птичница», «У колыбели»). С большой любовью, наблюдательностью и прекрасным знанием детской психологии художник пишет детей («Девочки», «Нина», «Сережа», «Подружки»).

Ф.А. Кашеев работал и в мозаике. В 70-е годы совместно с А.А. Кузнецовым, В.Д. Пустарнаковым, Л.Я. Крулем, С.А. Литвиновым, Р. Рафиковым он участвовал в оформлении экстерьера и интерьера Дворца спорта и Дворца машиностроителей в Уфе.

Неизменно требовательный к себе и верный принципам реализма, за долгие годы напряженной работы художник создал сотни живописных полотен, радующих зрителя четкостью композиции и художественной идеи, особой насыщенностью цветовой палитры. Определяющей темой творчества Федора Кашеева стала жизнь башкирского народа, его история и современность. Преемственная связь прошлого и настоящего передана через обширную галерею портретов, в которых экспрессивно-психологическая линия творчества художника получила наиболее полную реализацию.



Ралиф Файзелович Ахметшин – живописец, член Союза художников России (с 2014 г.). Участник республиканских, региональных, всероссийских, зарубежных выставок. Произведения хранятся в музеях им. М.В. Нестерова, С.Т. Аксакова, в частных собраниях Италии, России, Германии, США, Финляндии, Франции, Южной Кореи, Японии.

– *Какие детские воспоминания ассоциируются у вас с профессией художника?*

– Наверно, было даже не впечатление, а ощущение. Удивительное ощущение, что я стану какой-то артистической натурой. Мне тогда было лет шесть-семь, я сидел в одиночестве у реки недалеко от дома бабушки в родном Караидельском районе. Можно сказать, медитировал по-своему, по-детски, будто в будущее заглядывал.

– *Вы родом из Караидельского района? Когда родились? Рано начали рисовать?*

– Да. Родился 24 января 1963 года в деревне Шамратово. В школе, уже в Уфе, куда мы с родителями переехали, срисовывал животных. Четко помню, что они у меня лучше всего получались. И, конечно, как все мальчишки, рисовал танки, «бомбежки».

РАЛИФ АХМЕТШИН:

«Мне близки традиции русской классики – Левитан, Поленов, Серов, Коровин, Репин...»

– *Родители проявляли творческие способности?*

– Мама, хоть и работала токарем на заводе, посещала вокальную студию. Она хорошо пела, у нее был слух абсолютный. Отец рисовал. Я помню, как он нарисовал шариковой ручкой розу. И только потом, спустя многие годы, понял, как это сложно. Надо обладать объемным мышлением, и это же не карандаш – не исправишь. Он был строителем, у него объемное мышление присутствовало по определению.

– *Расскажите, пожалуйста, как и когда вы, выпускник УГАТУ, приняли решение посвятить себя живописи?*

– На втором курсе авиационного института я посмотрел французский фильм о судьбах Гогена и Ван Гога, которые пересекались. И примерно в то же время вышел замечательный советско-болгарский фильм о Никколо Паганини. Партию скрипки играл Леонид Коган, в главной роли снимался армянский артист Владимир Мсрян. Я испытал своего рода шок, в результате которого пришел к мысли, что учусь не в том заведении. Примерно со второго курса я это конкретно понял.

– *На какой специальности учились?*



**«Весна на Инзере», 2012 г.
Холст, масло**

– Учился технологии машиностроения. С того момента проявился мой интерес к живописи. Я начал самостоятельно изучать историю искусств, читал о художниках, покупал альбомы. Я помню, в «Знании» тогда был шикарный второй этаж, где, в том числе, и репродукции вывешивали. Ван Гог там был с его «Подсолнухами»!

– *То есть все эти книги о художниках и альбомы с репродукциями появились после фильмов?*

– Именно! Между тем, я окончил институт, по специальности практически не работал, отслужил в армии. Кстати, уже в Орске, где я служил в авиационной части, много общался с местными художниками и скульпторами. Мы, будучи офицерами, могли выезжать в город, так как жили более или менее свободно. Познакомился в Орске с девушкой, окончившей Магнитогорский пединститут. Она меня и ввела в их круг. Когда вернулся в Уфу, я первым

делом отправился в вечернюю художественную школу № 2, которая тогда располагалась на улице Белякова. Учился там и параллельно работал в оперном театре.

– *Как в театре очутились?*

– Я просто искал близкую себе атмосферу. Наобум пошел. Меня приняли сначала бутафором-декоратором, потом, когда вакансия освободилась, я перешел уже на должность художника-декоратора. Легко, помнится, влился в артистическую среду. Там года два поработал, затем в училище искусств поступил.

– *Когда вы увлеклись пейзажем?*

– Меня как художника изначально притягивала пейзажная живопись, в том числе городские пейзажи. Возможно, тут вмешался случай – мне повезло. После окончания Академии художеств СССР имени



«Мечеть имени Ахмата Лутфуллина», 2014 г.
Холст, масло

Ильи Ефимовича Репина в Уфу на какое-то время вернулся Радик Масхутович Шафиев. Его направили сюда на практику, и он у нас преподавал.

Радик Масхутович заразил нас пейзажной живописью. Он стоял с нами и писал прямо «с окна»: очень наглядно. Не надо забывать, что он был мастером, его работы Алексей Михайлович Грицай высоко оценивал. В Уфе Шафиев как-то не прижился и уехал, но успел дать нам базовые знания. Был бы другой педагог – неизвестно, может быть, и другое направление изобразительного искусства меня увлекло. Как правило, от педагога очень многое зависит. Я вижу это и на примере коллег. Кроме того, Шафиев заряжал нас своей целеустремленностью. О многом говорит уже то, что он несколько раз поступал в академию, пока своего не добился. К моменту встречи с нами он был вполне опытным художником.

– Как у вас произведения рождаются?

– Многие вещи требуют натуры, поскольку я пейзажист. Поэтому так важны этюды. Всё преходящее, текучее, меняющееся – только успевай ловить мгновения.



«Мостик», 2011 г.
Картон, масло

– Вам прекрасно удается эти мгновения поймать... Много этюдов пишете к одной работе, или не всегда такое обязательно?

– Как правило, два-три этюда. Некоторые из них вполне самостоятельны. Большого формата работы требуют нескольких этюдов, когда ты занят поиском композиции. Для примера – «Музей А.Э. Тюлькина» (находится в БГХМ им. М.В. Нестерова). Я к этой работе делал несколько этюдов, потому что стремился не к фотографической точности, тогда для меня были важны акценты на значимых объектах – доме-музее, мечети, мосте на въезде в Уфу. Задача была показать знаковые места. А иногда надо просто состояние передать, и одного этюда достаточно.

– Что вы подразумеваете под состоянием? Транслировать зрителю состояние, в которое вас приводит сама эта природа?

– Да. Некое обобщение. Бывает, работая над этюдом, пытаешься что-то нащупать, ищешь; что-то теряется в процессе поиска, ускользает, но появляется другое. То есть настолько это всё зыбко... Эти этюды – практически их и невозможно повторить, они чаще самостоятельными бывают.

Мне близки традиции русской классики – Левитан, Поленов, Серов, Коровин, Репин. Они писали самостоятельные этюды, и из них уже потом что-то брали. Левитан, я знаю, увидев мотив, мог подойти к мольберту и писать этюды один за другим. Когда у него накапливался материал, тогда он созрел для того, чтобы создать нечто большее. Так же и я. Пишешь в зависимости от того, какие задачи, какой мотив, что ты хочешь, что наметил. В том же «Музее Тюлькина» я хотел Уфу показать и особо не стремился передавать какие-то состояния. Ну, зима...

– Как вы понимаете, что вот это – «всё», а вот это – то, что нужно?

– Не знаю. Это логике не поддается. Я больше не аналитик, а эмоционал, скорее. Для меня важно первое ощущение, эмоциональное восприятие. Анализ уже потом идёт, когда пишешь большую картину или какие-то детали добавляешь, прорабатываешь. Первый импульс всегда более эмоциональный.

– Что вас приводит в нужное для работы состояние?

– Как правило, я под музыку пишу.

– Кто ещё из учителей оказал влияние на ваше творчество?



«Уборка сена», 2014 г. Холст, масло



«Улочки Уфы», 2002 г. Холст, масло

– Я благодарен всем своим педагогам. Вспоминаю Мухаметшина Гумера Идиятовича – мудрого, опытного, с прекрасным чувством юмора. Он преподавал скульптуру, будучи хорошим живописцем. Именно он подсказал мне сюжет дипломной работы. Рисунок вел у нас Калитов Георгий Гайнияхматович. Его бесценные замечания о рисунке и в целом об изобразительном искусстве запомнились на всю жизнь. Композицию преподавал Хасанов Ринат Мидхатович с его любимым Брейгелем, признанным мастером композиции не только в части компоновки, но и в организации пространства с точки зрения смыслов. Карпова Тамара Петровна запомнилась увлеченной и вдохновенной подачей материала об истории искусств.

– Что привлекает в ваших работах поклонников?

– Стараюсь передать эмоциональное, цветовое и пластическое ощущение от состояния природы, пейзажного мотива, и, когда мне это удастся, зритель чувствует мгновенно. Я благодарен моим поклонникам за их теплые, душевные отклики!

Текст: Елена Синицына



Александр Николаевич Заярнюк родился в 1978 г. в селе Подольск Республики Башкортостан. В 2001 г. окончил художественно-графический факультет БГПУ им. М. Акмуллы, с этого же года начал преподавать в Бирском филиале Башкирского государственного университета. Доцент кафедры изобразительного искусства. Работает в жанрах портрета, натюрморта, пейзажа, сюжетной картины. Лауреат Аксаковской премии (2001 г.); член Творческого союза художников России и Международной федерации художников (2004 г.). Награжден бронзовой и серебряной медалями ТСХ России «За вклад в отечественную культуру» (Москва, 2009, 2010 гг.), дипломом «За вклад в отечественное изобразительное искусство» (Москва, 2014 г.).

В творческом багаже художника – 18 персональных выставок и участие в республиканских, всероссийских, международных выставках, фестивалях и конкурсах изобразительного искусства. Его работы находятся в музеях, галереях и частных коллекциях России, Болгарии, Украины, Германии, США, Армении, Ирана, Черногории, Италии.

АЛЕКСАНДР ЗАЯРНЮК:

«Чем талантливее художник,
тем он меньше
зависит от социума...»

Пронизанное светом и радостью, особой экспрессией, наполненное внутренней динамикой и глубокой щедростью творчество Александра Заярнюка основывается на синтезе экспрессионизма, реализма и импрессионизма. Его творческая концепция как нельзя лучше совпадает с высказыванием любимого им Анри Матисса: «Нужно находить, уметь выражать радость во всем: в небе, в деревьях, в цветах».

– Как наша сдержанная «по природе, погоде, солнцу» полоса вдохновляет вас на такое яркое, позитивное, феерическое творчество? Более привычно, когда художник, живя среди березок и осинок с хмурыми небесами, их и пишет...

– Я так писал с раннего детства, видимо, во мне изначально было заложено такое мироощущение. Хотя, действительно, жил не в Италии – в Башкирии, в Хайбуллинском районе. У нас прекрасная природа, но, конечно, другая. В нашем районе особого ландшафтного разнообразия не было, там, в основном, степь. Но у меня такой характер: всегда хотелось вызывать положительные эмоции, ощущение радости у зрителя. Сегодня – на фоне большого количества негативных настроений и в творчестве, и в жизни – особенно. Для этого и пишу, в основном. Пока у самого настроение не поднимется, не отхожу от холста. Поэтому и страны Средиземноморья люблю, Италию, Балканский регион, Черногорию, Хорватию. Менталитет жителей этого региона очень мне по душе. А у нас это – Украина, ее природа и климат, люди.

– В свое время в Гостином Дворе в Уфе с успехом прошла серия ваших выставок «Почти итальянец». Вы так себя ощущаете? Может, были итальянцем в какой-то из прошлых жизней?



«Средиземноморье»,
2013 г.
Холст, масло

– Возможно... Вообще внешне я очень спокойный, но вот мое «второе я» – то, что внутри, обычно кипит и бурлит, и это находит свое отражение в творчестве. А южные народы, действительно, периодически принимают меня за «своего».

– Вы провели 18 персональных выставок в разных городах и странах, участвовали в республиканских, всероссийских и международных конкурсах, выставках, таких как «Искусство сегодня» (Москва); «450-летие присоединения Башкортостана к России» (Ишимбай, Салават, Уфа, Москва); «Жанр портрета в изобразительном искусстве» (Уфа); «Ассамблея искусств» (Москва); «Русские национальные традиции» (Котор, Черногория); «Взгляд из России» (Турин, Монкальери, Ланьяска); «Аквабиеннале» (Петрозаводск); «Дни республики Башкортостан»

(Париж); «Современное изобразительное искусство России» (Москва); «Русь православная» (Тольятти); выставка членов ТСХ России (Геленджик, Янгантау); «УРАЛ» (Тюмень); «Дни Украинской культуры в России» (Нижний Новгород); «Дни культуры Башкортостана» (Чебоксары); «Аргамак» (Уфа, Салават); «Взгляд из Италии», ЦСИ «Облака» (Уфа); «Идель-Арт» (Казань). Как вы всё успеваете?

– Считаю, что это не много, стараюсь хотя бы один раз в год одну персональную выставку проводить. Конечно, в финансовом и эмоциональном плане это непросто. У нас в России практически всё сам художник делает: рекламу, развеску... В прошлом я организовывал масштабные выставки с привлечением музыкантов, актеров, в частности, именно так проходила упомянутая вами серия выставок «Почти итальянец» – в Бирске, Уфе, Магнитогорске. Пре-



«Вечерний Шато-Руж», 2012 г. Холст, масло

красная площадка была в Гостином Дворе: работы хорошо смотрелись, благодаря отличной акустике замечательно звучала музыка. В театрализованное действо вовлекался каждый зритель, а на фоне экспозиции выставки шли съемки художественного фильма «Утро седьмого дня» с участием режиссера Салавата Вахитова и актеров Башкортостана. Придумали фантазмагорический сюжет, в русле которого в главного героя – художника – влюбляется девушка, пришедшая на его выставку. Задумывалось несколько серий, отсняли рабочий материал – получилось интересно. Но вскоре Салават переехал в Москву, и на этом все закончилось.

Шел 2004 год, материал той выставки был очень ярким, и мы провели несколько открытий, одно – специально для телевидения, но оно тогда, к сожалению, игнорировало подобные мероприятия.

Я до сих пор считаю, что в «Гостинке» была самая лучшая площадка, любой человек мог даже случайно зайти – и приобщиться к искусству. А стереотип, что художники должны выставляться только в галереях, давно морально устарел.

– Удавалось привлекать спонсоров?

– Я постоянно этим занимался, и где-то года до 2010-го их удавалось находить, а потом как-то устал, «притормозил». Родной вуз, конечно, тоже поддерживал и поддерживает. У нас очень хороший, понимающий ректор, Салават Мударисович Усманов, замечательная картинная галерея в Бирске, коллекция которой постоянно пополняется. Там все классики изобразительного искусства есть, работы собирали с 60-х годов. Мы организуем персональные выставки художников, у них работы закупаем. Вскоре, например, планируем выставку Ралифа Ахметшина провести.

– Вас часто называют экспрессионистом. А как бы вы сами определили свой творческий метод?

– Скорее, синтез экспрессионизма с импрессионизмом. Может, постимпрессионизм. Мои любимые художники – Матисс, Сезанн... А из русских – Константин Коровин, Илья Машков.

– У вас прекрасно получаются и пейзажи, и портреты: по-моему, редко удается успешно сочетать такие разные жанры.

– На самом деле, хороших портретистов очень мало. Лучшим российским портретистом я считаю Николая Фешина, он превзошел по мастерству даже своего великого учителя – Илью Репина. Это сложный, я бы сказал, мучительный жанр, эмоционально выматывающий. Ты стремишься на холсте раскрыть психологию, характер человека, его внутренний мир. У хорошего портретиста все это происходит на подсознательном уровне. Что касается меня, то в институте в качестве дипломной работы я выполнил серию картин, посвященных Юрию Шевчуку. И в них постарался применить упомянутые принципы. Наверно, кое-что получилось, раз вам понравилась (улыбается).

– До вуза вы обучались живописи?

– Я рисовал с раннего детства, но в художественной школе не учился. Думаю, страсть к искусству пе-



«Юрий Шевчук. ДДТ», 2001 г. Холст, масло

редалась мне от мамы: она работала фармацевтом, но любила рисовать. В семье царил творческая атмосфера: отец очень много читал и меня к этому приобщил; благодаря родственникам с Западной Украины у меня всегда в наличии были карандаши, краски. Я рано начал рисовать маслом. Окончив школу, год обучался на рабфаке в Уфе, затем поступил на художественно-графический факультет педуниверситета. Педагоги у нас были хорошие, но тех, кто хочет чего-то добиться, учат «стены» и окружение. Главное – внутреннее желание, внутренний посыл. Если говорить о технических приемах, то работать акварелью меня научила Н.В. Турьянова, а масляную живопись я сам освоил. На пленэре работаю чаще акварелью, акрилом, потому что на природе, на открытом воздухе, легче акварелью писать. Она и сохнет быстрее, хотя является более сложной техникой.



«Пляж в Албании», 2016 г. Холст, масло.

Пишу я быстро, обычно в два-три сеанса, а бывает – и в один: манера письма и характер такой. Потом, как правило, начинаю немного портить – настроение улетучивается, происходит перегрузка ненужными элементами. Много времени занимает педагогическая деятельность, поэтому, конечно, работаю не каждый день. Но живопись – отдушина для меня, когда работаешь, поднимается настроение, появляется смысл жизни. Я русский рок люблю, в частности, «Калинов мост», Диму Ревякина обожаю. Пишу под музыку и, думаю, напишу работу, посвященную «Калинову мосту». У них очень образная музыка. Люблю Сашу Башлачева, нравится лиризм и романтика Юры Шевчука, хотя долго его не могу слушать.

– Получается гармонично сочетать живопись и преподавание?



«Венеция», 2003 г.
ДВП, масло

– Прежде всего, я, конечно, художник, а потом уже – преподаватель. К студентам у меня подход демократичный, я ничего им не навязываю, никогда не заставляю в каком-то определенном направлении работать. Стараюсь так направить, чтобы они сами раскрывались, свой почерк искали. Главное, чтобы у них появилось желание работать. К сожалению, сейчас этого сложно добиться: урезаются часы по спецпредметам, поступает контингент менее сильный в последнее время. Более талантливые ребята стремятся в большие города, в столичные вузы. А лет 10–15 назад к нам приезжала способная молодежь из северного региона Башкирии, из Татарии, Перми.

– При ваших замечательных работах (я знаю, что их уже – около пятисот!) почему вы не являетесь членом Союза художников?

– Я состою в Творческом союзе художников России и вхожу в Международную федерацию художников, мне этого достаточно. В данном статусе чувствую себя вполне комфортно.

– У вас есть любимые работы?

– Мне нравится цикл «Венеция» – это был капельный период, когда краска свободно течет и как бы «дорабатывает» что-то сама.

– Как ваше творчество воспринимает зарубежный зритель?

– С интересом. За рубежом очень любят абстракционизм, даже маленькие дети понимают и воспринимают сложное искусство. Там на первом месте – творчество, умение выразить себя, свое мировоззрение. А вот школа реалистического образования там практически утрачена.

У нас же – другой перекосяк: на передний план выходит техника, определенная (порой спекулятивная) тематика, которой «рекомендуется» придерживаться. Но чем талантливее человек, тем он меньше зависит от социума.

– Ваши ближайшие планы?

– Запланирована персональная выставка в Нестеровском музее. Для меня это очень ответственное мероприятие, ведь я как художник должен показать зрителю свое «лицо».

– Вы идете своим особым путем и уже много сделали на этом пути. Не тяжело?

– Я привык всего добиваться сам, а трудности – закаляют.

Текст: Ольга Новикова

ДМИТРИЙ ПАВЛОВ:

«Современное искусство – это то, что есть сейчас, а не то, что было раньше. Когда-нибудь и я тоже стану классиком...»

– Можно сказать, что вы – фрилансер?

– Я работаю на себя. Я – художник, моушн-дизайнер, фотохудожник, Dj DmitRoLL.

– О моушн-дизайне, пожалуйста, расскажите подробнее.

– В 2004 году появился термин моушн-дизайн (Motion Design) – графическое 2D и 3D анимирование, визуальное оформление для видео и кино с применением компьютерных технологий. Это направление везде сейчас активно продвигается – и в одежде, и в электронике, и в медицине, но больше всего, конечно, в кинематографе, который меня тоже интересует с профессиональной точки зрения. В живописи же своё направление я называю «неокосмоимпрессионизм».

– Они как-то взаимосвязаны? Или моушн-дизайн для вас является только способом зарабатывания денег?

– И способ зарабатывания денег, в том числе. Еще я преподаю современное искусство – от живописи до цифровых технологий, а также у меня есть свои ученики, которым я помогаю повысить квалификацию, подготовить к поступлению в вуз.



Дмитрий Васильевич Павлов – член Союза художников России и Международной федерации художников. На его счету – 20 персональных выставок, участие в региональных, российских, международных проектах, в том числе в VI фестивале народных мастеров и художников России «Жар-птица» (г. Москва), выставке ART-EVA – 2008 (ЦХГ «Гостиный Двор», г. Уфа), передвижной выставке, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Салават, Ишимбай, Мелеуз, п. Воскресенск, Бирск).

Удостоен медалей «Талант и Признание», «За выдающиеся заслуги» (Центральный дом художников «Миротворец», г. Москва), диплома I степени Городского конкурса космического искусства «Мой космос» (г. Уфа). Информация о художнике вошла в энциклопедию «Одарённые дети – будущее России» (г. Москва).



«Вселенная», 2010 г.
Холст, масло

Термин «современное искусство» некоторые не понимают, не отличая современное от классики. Академическая школа не теряет своей значимости, подразумевая наличие конкретного фундамента. Даже визаж такое предполагает, поскольку ты, например, должен хорошо видеть цвет. Приборы и инструменты, безусловно, могут быть разными: где-то – холст и масло, где-то – компьютер, где-то, как в боди-арт, – тело. Как раз благодаря наличию школы создается новое: вспомните Пикассо, всех абстракционистов, авангардистов, импрессионистов. Случается, видишь, что бьют себя в грудь со словами: «Я – художник!». Но чаще всего это – ремесленник от искусства. Настоящий художник – тот, кто прошёл школу, у кого есть свои мысли, кто способен создавать новое и развиваться. Как говорил мой преподаватель Ренат Абдуллинович Валиуллин, «художник – не работник малярного цеха, художник – работник по цеху идей».

– Вы считаете, что достойные внимания мысли появляются только после того, как художник получает академическое образование?

– Это процесс, который длится всю жизнь, это сравнимо с огранкой алмаза. Из рудников же его достают неограниченным, и он нуждается в огранке. Как в восточных единоборствах с их философией, предполагающей, что мастер передает свое знание ученику, так и в искусстве.

– Расскажите о своем образовании, начиная с того момента, когда вы были неограниченным, скажем так, алмазом.

– С трех лет я начал рисовать, с десяти лет – писать маслом.

– Довольно рано. А где и когда вы родились?

– Я – чистокровный сибиряк, родился 22 января в 57-градусный мороз. Водолей, зодиакальный



«Красная планета», 2011 г.
Холст, масло

«пограничник». Родители – военные, как говорится, «до мозга костей».

– Вы упоминали, что в родне есть и художники.

– Да, дядя. А прабабушка была писательницей, она писала стихи, рисовала, и мама тоже рисовала. К сожалению, талант к рисованию развить у них не было возможности.

– А в каком сибирском городе вы родились?

– Это не город, а посёлок в тайге на правом берегу реки Чуны – Чунояр, Красноярского края. Потом мы с родителями исколесили всю Сибирь, и в Уфу я попал уже из Кемерово. Поступил в училище искусств, с красным дипломом его окончил, потом учился в Академии ВЭГУ, где получил профессию арт-дизайнера. Надо сказать, что довольно рано начал принимать активное участие в выставках и арт-проектах. Горжусь тем, что три мои графические работы находятся в Музее им. Н.К. Рериха, ведь с Рериха начиналось всё

моё творчество. «Мои» художники – это Рерих, Айвазовский и Клод Моне (последний появился позже).

– Вероятно, на вас повлияла и философия Рерихов?

– Да, я читал «Живую этику». Уже в десять лет копировал картины Рериха, и Айвазовского полностью перекопировал, потом обратился к Ван Гог и Клоду Моне. Вообще считаю себя импрессионистом, точнее, я – «световик» и импрессионист.

– Каков был ваш путь от прямого копирования до создания собственного направления в живописи?

– Ещё в кемеровской художественной школе, по сути, начало выстраиваться мое творчество. И я не просто копировал – переделывал работы по-своему.

– Трансформировали?

– Да, а термин «неокосмоимпрессионизм» сформулировал на третьем курсе училища искусств, в академии написал о нём в своём дипломе.



«Зимний день». Холст, масло

– Как у вас тема диплома называлась?

– Сейчас не воспроизведу, название было довольно сложным.

– А о чём в нём шла речь?

– О принципах педагогики, преподавании для детей и подростков, но более всего – о моём неокосмоимпрессионизме. Вспомним историю искусств, начиная с импрессионизма, отцом которого является Клод Моне. Далее следовали постимпрессионизм, неомпрессионизм, пуантилизм и, наконец, я бы поставил неокосмоимпрессионизм. И расшифровал бы так: лессировка подчиняется точке, а точка подчиняется лессировке. Это законы метафизики в искусстве, где главное – ритм, свет, гармония. По мнению ректора академии, диплом «тянул» на диссертацию, но я не пошёл по этому пути. Писать научные труды – это не моё, у меня другая миссия. Я больше люблю творить, создавать, организовывать какие-то мероприятия, «движухи». Воспринимаю себя человеком Вселенной, а Вселенную понять не так просто...

– Хотелось бы узнать, как у вас изменялись работы со временем, как обычно рождается замысел картины?

– Вопрос про то, как рождаются мои картины, задают многие. Это сложная тема, философская... Бывает по-разному: иногда что-то «зацепит» во сне, иногда – во время макрофото съемки, во время обычной прогулки, поездки куда-то. Приходит реальное ощущение потока... Там, где заканчиваются факты, начинается необъяснимое.

– Вы говорите о способности улавливать информацию тонкого плана?

– Да.

– Это, например, то, что пытался запечатлеть на своих полотнах ваш кумир – Николай Рерих?

– И не только он, даже и Репин, Саврасов, Суриков...

– Рериха, Айвазовского и того же Моне, о которых вы говорили ранее, могли бы назвать своими учителями?

– В той или иной мере. Не могу не вспомнить еще раз моего лучшего преподавателя в училище искусств – Валиуллина Рената Абдуллиновича. Он буквально оттачивал мой талант во время обучения.

Все думают, что я пишу Космос, но это не так. Полное определение всего моего искусства – это



«Планета Грипиус», 2010 г. Холст, масло



«Инженеры Миров», 2016 г. Холст, масло

триллер. Неокосмоимпрессионизм – впечатление, нео – новый, космический жанр, за гранью загадки – течение в живописи и музыке, возникшее в период искания чего-то нового... Это направление отражается в разных стилях, но в нём – особенный стиль письма, а также необычный световой спектр; ещё присутствует триллер, то есть необычное построение композиции и напряженный, загадочный сюжет. Вы подумаете, что это фэнтези или фантастика, но это не так. Свой почерк и тон строго подчиняются лессировке, присутствует добавление особого мазка, часть картины пишется точками.

Это сплав всех видов искусств. Современное искусство – это то, что есть сейчас, а не то, что было раньше. Когда-нибудь и я тоже стану классиком...

С каждым годом моего взросления картины меняются, меняются их сюжеты. Каждая моя пер-

сональная выставка предполагает свой отдельный сюжет. Например, серия картин из девяти полотен, над которой сейчас работаю, будет называться «Инженеры Миров». Пока написана только первая часть картины.

– Не могли бы вы рассказать о картинах, которые, по вашему мнению, заслуживают особого внимания?

– «Вселенная», например, выполненная в технике холст, масло. Это одна из работ, победивших в проекте «Любимые художники Башкирии». «Красная планета»... Обе работы – блокбастерские. «Вселенная» изображает безграничный, далёкий Мир, в котором мы – как песчинки в океане. Картины нужно внимательно смотреть, в них каждый увидит то, что хочет и может увидеть.

Текст: Елена Синицына



Инна Владимировна Калабухова родилась в с. Воскресенском Мелеузовского района Республики Башкортостан в 1979 г. в семье художников Татьяны Рагулиной и Владимира Калабухова. Обучалась в Уфимском училище искусств, в Челябинском художественном училище, на факультете живописи Уфимского института искусств. Федеральный стипендиат 2005 г. Окончила УГИИ в 2006 г., ныне преподаватель кафедры «Дизайн и искусствоведение» в УГНТУ ИЭС.

С 2005 г. является участником республиканских, региональных и зарубежных выставок. Работы находятся в частных коллекциях России и других стран.

В 2017–2018 гг. принимала участие в выставках: «Жизнь в искусстве» (Уфимская художественная галерея); «Башкирский мёд» и «Пейзажи Башкирии» (Мемориальный дом-музей им. А.Э. Тюлькина); в международном арт-проекте «Вдоль Великого шёлкового пути» (Москва, Санкт-Петербург); в совместной персональной выставке с Владимиром Калабуховым (РКБ им. Г.Г. Куватова); совместной выставке «Пленэр» (Малый выставочный зал СХ РБ, Уфа); «Рождение Республики» (Уфимская художественная галерея, республиканская выставка художественных произведений); в совместной тематической выставке «От Большой Казанской...» (Национальный музей РБ); в итальянском международном биеннале художников ARS INCOGNITA (Palazzina do Caccia di Stupinigi, Турин).

ИННА КАЛАБУХОВА

ЯРКАЯ СТОРОНА ДОЖДЯ

*Лишь используя ту палитру,
которую подсказала нам природа,
мы нарисуем прекрасную картину
своей жизни.*

Р. Подзоров

Подсолнухи – любимая и бесконечная тема в изобразительном искусстве, начиная, наверное, с импрессионистов. Массивные, пронизанные внутренним светом подсолнухи Клода Моне, мистические – у Гогена и, конечно, разнообразные их вариации – у Ван Гога, ставшие символом его творчества. Нестерпимо яркие и прекрасные подсолнухи Николая Фешина, насмешливые и задорные – Натальи Гончаровой. У каждого мастера они свои. В. Набоков, назвав это растение «цветком счастья, солнца, свободы», тут же оговорился, что в России это – «самый мордастый и глупый цветок» (очевидно, имея в виду народную страсть к лузганью семечек. Отрицательное отношение – тоже отношение).

«Подсолнуховая» тема не оставила равнодушной и молодую художницу Инну Калабухову. Ее первая персональная выставка состоялась в галерее «Академия» УГУЭС, где она преподаёт рисунок и живопись. Маленькие солнца на ее полотнах то бьют залпами горячей энергии, выстроившись в боевые ряды («Желтое поле. Подсолнухи»), то выступают олицетворением «хлеба насущного», и на это работает негрунтованный «сермяжный» холст («Подсолнух для птички»), то служат зеркалом настроения автора («Букет подсолнухов»).



«Жёлтое поле. Подсолнухи», 2015 г. Холст, масло

Собственно, картина – всегда зеркало настроения. Обозревая творчество Инны, мы можем создать творческий портрет самой художницы. Он составляется не только из живописных, но и фоторабот, представленных во множестве на различных экспозициях.

Инна – лирик. Это можно заключить из ее пейзажей. Чуткое внимание к состояниям природы, желание поймать неуловимые градации и изменения в вечерних красках деревни говорят о вдумчивости, созерцательности ее натуры («Вечер у соседнего двора», «Вечерние облака», «Вечер. Кобыла с жеребенком»). Но это и неудивительно – ведь она выросла в сельской среде, в благословенном селе Воскресенском. Ее родители – художники Татьяна Рагулина и Владимир Калабухов. Возможно, это от них – упругая, сочная и свободная кисть. О поэтическом восприятии мира говорят ее небольшие работы – «Пион



«Река Чечёрка», 2016 г. Холст, масло



«Грушевый цвет. Май в Воскресенске».
Холст, масло

и бабочка», «Ранетки», «Настурции». Они воспринимаются как японские трехстишия – по легкости, ёмкости и словно случайности. На больших полотнах много серого, и художница смело обращается с ним. Серый цвет у нее чрезвычайно богат, может быть и теплым, тлеющим изнутри, и нежно-серебристым, и холодно-свинцовым («Осень. Серебристый день», «Большое деревенское окно» и т. д.). Иногда она предоставляет холсту право оставаться негрунтованным, ведь его естественный серый – такой живой и насыщенный. Базовый цвет, по мнению знатоков, укрощающий капризные красные, желтые, синие. О картине «Большое деревенское окно» художница рассказывает: «Я увидела это окно в родном Воскресенском, в доме женщины, к которой ходили за молоком. Мне хотелось передать кусочек деревенской жизни, согретой домашним уютом, настоящим душевным и солнечным теплом».



«Дети в саду», 2016 г.
Холст, масло

Инна также и «физик». В ее фотоработах – большой интерес к самым различным материалам – и их взаимному сопротивлению. Интерес к фактуре, текстуре предметов, к их ритму и цветовой игре. Эффекты воды, камня, льда, кирпичная кладка, железные решетки и их отражения в стеклах, контрасты и соответствия больших и малых форм, их единство и противоречия. Не только статичные вещи запечатлевают ее фотовзгляд, но и те доли секунд, когда животные и птицы демонстрируют свои маленькие чудеса. Оригинальны и поэтичны названия фотокартин: «Белая пушистость», «Устаканенная зима», «Легирующий хром», «Застенчивые синицы», «Яркая сторона дождя», «Капля рассвета» и др. В наше время вообще непросто настроить струны души на лирический лад, а Инна еще старается передать это отношение своим ученикам.



«Заснеженный ноябрь в Уфе. Вид с ул. Чернышевского», 2017 г. Холст, масло

Рассказывает Лидия Стратонова, ее наставница и коллега по преподавательской работе: «Студенты настолько проникаются этими чувствами, что благоговейно ловят каждое ее слово и бросаются рисовать как сумасшедшие». Замечательно, что среди нас существуют тонко чувствующие люди, умеющие открыть другим, что и у серого дождя есть своя яркая сторона. Не только деревенская и дикая природа вдохновляют и восхищают художницу, справедливо победившую в недавнем конкурсе, – проекте «Любимые художники Башкирии».

«В последнее время уделяю особое внимание сегодняшней Уфе. Изучаю историю города, в котором живу довольно долго – с 1994 года, и люблю его всем сердцем. Уфа стремительно меняется, приобретает новые грандиозные черты современности, что-то навсегда исчезает, и мне бы хотелось запечатлеть именно этот период жизни любимого города», – таков общий план Инны на будущее. Судя по результатам голосования на сайте «Любимые художники Башкирии», любовь эта взаимна.

Текст: Эльвира Каримова



АЗАТ КУЖИН:

«Иллюстратор – это «враг» писателя и его лучший друг одновременно, потому что никто так не читает текст, как иллюстратор...»

– Когда и где вы родились?
– В январе 1962 года в Уфе.

– Можно было предположить, что, как говорится, вам на роду написано стать художником-иллюстратором? Вы помните свой первый детский рисунок?

– Первые мои детские воспоминания связаны со стенами знаменитого башкирского интерната № 1, который теперь стал гимназией-интернатом им. Рами Гарипова. Мои тетя и мама там преподавали, мама – башкирский язык и литературу. Надо понимать, что интернат – это круглые сутки, вот я и рос среди пионеров и октябрят. И, конечно, там просто невозможно было говорить не по-башкирски.

Когда мне исполнилось года четыре, родители получили квартиру и на период переезда решили меня отправить в детский санаторий, который располагался в черте города за Госцирком. Предполагалось, что всего на месяц, но дом долго не сдавали, и пробыл я там все четыре. Говорили здесь все по-русски. Я ничего не понимал! Отлично помню свое состояние – пришел, говорить не могу. Там и начал рисовать, потому что языка не знал. Мне достался малиновый карандаш, дали бумагу. Помню, что нарисовал малиновый танк. В четыре года! Телевизора же не было,

где я танк мог увидеть? Понятия не имею. Может, в кино...

– Получается, вы картинками изъяснялись?

– Не хочу сказать, что это были какие-то пиктограммы или комиксы, но какое-то время так и изъяснялся.

– Русский быстро выучили?

– Я любой язык быстро учу. Всё ждал, когда домой заберут, а меня не забирали и не забирали. Отец был фотографом. Фотографии его остались, где стою среди этих детей. Как фронтовые какие-то фотографии получились...

– Папа был профессиональным фотографом?

– Да! Кроме того, он был журналистом в «Башкортостан пионере», газете «Пионер Башкирии», которая издавалась в Уфе с 1930 года на башкирском языке. Кстати, он по ночам работал. Не знаю, на каком уровне, может, на генетическом, такой режим работы мне передался. По ночам рисую.

– «По ночам больше тем»? Вы учились в художественной школе?

– В художественной школе № 2, она тогда располагалась на улице Ленина в странном таком купеческом

доме из красного кирпича. Я там оказался не сразу и довольно неожиданно для всех, включая родителей. Со второго класса ходил в танцевальную студию народного танца к Фае Сахиповне Гареевой, все считали, что буду танцевать в ансамбле Файзи Гаскарова. «Гаскаровцам» давали стипендию больше, чем у студентов! Мой одноклассник пошел, я – нет. В девятом классе решил, что хватит танцевать. А какое-то время и танцевал, и в художественной школе учился, куда меня рисунки на асфальте завели.

Во втором подъезде нашего дома жил такой живописный старик – будто сошедший с экрана, как из старых кинофильмов или из телепередач канала «Культура». Аккуратный, в берете. У него жена ещё была, по возрасту годившаяся в дочери, лет тридцать разницы. Подходит раз этот сосед и смотрит внимательно, как я рисую на асфальте перед домом коня мелом. Потом он пришел к маме и сказал, что надо срочно меня отдать в художественную школу. Убедил. Так я там и оказался в срочном порядке. Смешно вспоминать, в художественной школе страшно не любил среду только за то, что в этот день проходили занятия по истории искусств и ещё по скульптуре, с этим пластилином из-под ногтей! Сейчас обожаю и историю искусств, и скульптуру! Но как художник я больше всё же в нефтяном институте сформировался.

– В Уфимском нефтяном?

– Да. Я поступал на худграф пединститута, и у меня баллов не хватило. Тогда существенные преимущества были у абитуриентов, приехавших из деревни, а я – уфимский. В общем, не прошел. Устроился лаборантом на кафедру архитектуры, и как в другой мир попал! Так мне стало интересно! На следующий год поступал уже в Уфимский нефтяной институт и закончил его архитектурно-строительный факультет по специальности «архитектура». Теперь уже много лет живу в Польше, работаю иллюстратором и без ложной скромности могу сказать, что с нашей школой рисования чувствую себя очень уверенно в профессиональной среде. Я такой сильный! Мне линейка не нужна для построений, у меня мозг сам всё выстраи-



«Урал Батыр», иллюстрации к эпосу «Урал Батыр»

вает! Поэтому считаю, что художника, рисовальщика из меня сделала уфимская кафедра архитектуры.

Кстати, в польском языке художник официально – «рисовник». И мне самому больше нравится русское «рисовальщик». Уверен, что архитекторы и есть самые лучшие иллюстраторы. Это всё гармония, проверенная алгеброй! Ведь что такое иллюстратор? Иллюстратор, я думаю, прежде всего – аналитик. Никто так подробно не читает произведение, раскладывая его на составляющие и собирая вновь в виде картин. Правильнее сказать, картинок, поскольку теперь это digital, цифровая графика.

Вообще иллюстратор – это «враг» писателя и его лучший друг одновременно, потому что никто так не читает текст, как иллюстратор. Он видит насквозь все



«Башкиры в 1812 г.», иллюстрации к книге Р. Рахимова «Национальная конница императора Александра I»



«Сидика Хаус», стрит-арт, роспись дома в г. Лейпциге, Германия

его несовершенства и проблемные места. Среднестатистический читатель прочел и дальше пошел, а иллюстратор по несколько раз возвращается, пока он это всё не начинает чувствовать кончиками пальцев. «Вот тут ему слов не хватило! А, он же повторяется здесь!». Книга как художественный арт-объект – это совместный труд автора текста, иллюстратора, полиграфиста.

– Как вы в Польше-то оказались? Не распределили же вас туда?

– Распределили меня в Сибай, где я, как и положено, три года отработал заместителем главного архитектора города. Застой как раз тогда был. Тоска такая!.. И я пошел ещё в художественную школу преподавать, точнее сказать, в филиал художественной школы, где учились детдомовские дети. Там тоже все по-башкирски говорили, как в уфимском интернате

№ 1 в моём детстве, а я уже сам по-башкирски разговариваю хуже, чем они! Смешно было. Преподавал там год с удовольствием. Приятно, что ученики помнят до сих пор, пишут. У, какие там дети талантливые были! Я так удивился! Даже не знал, что дети могут быть такими талантливыми!

В Сибайе же стал дома книги рисовать. Надо сказать, тянуло меня к этому с самого детства. Благодаря родителям, я всегда был книгами окружен самыми разными, от башкирского эпоса до русской и зарубежной классики. Когда читал, мне обычно или иллюстрации не нравились, или, если их вообще не было, хотелось самому нарисовать. По прошествии этих трех сибайских лет я даже поехал в Москву для того, чтобы поступить на заочное отделение полиграфического института, но как-то не сложилось. Я не стал упираться – у меня уже к тому времени книги выходили!

Первой моей книгой была «Северные Амуры» – раскраска для детей. Ее очень многие помнят, как выяснилось. Потом – «Индейцы Северной Америки», потом еще для Москвы кучу книг сделали. Тогда тиражи были по полмиллиона! Став иллюстратором, я архитектором остался, хоть давно и не работаю по специальности. Бывших разведчиков, говорят, не бывает, вот и бывших архитекторов – тоже.

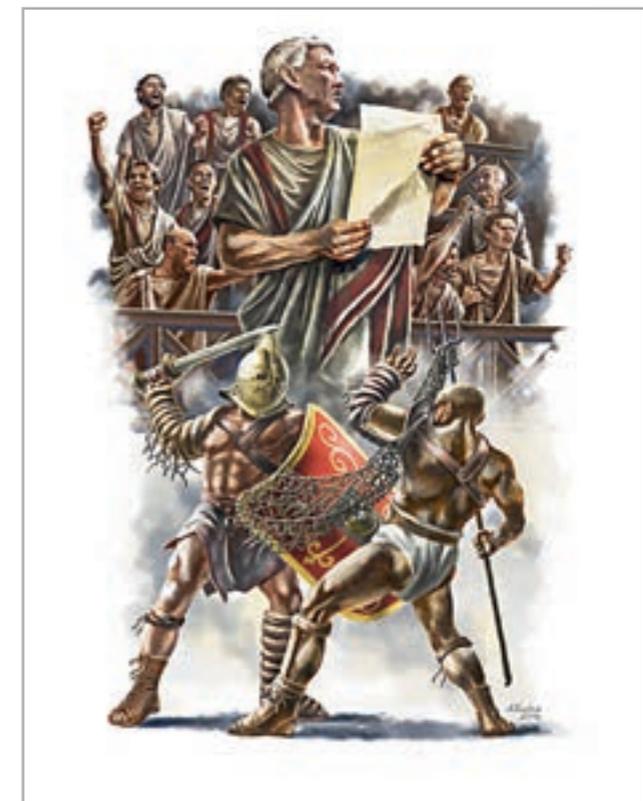
– Такое мировосприятие?

– Да! Это в крови. Я, когда иллюстрирую, сразу думаю о том, где восток, где запад, пути подъезда... Так вот, про Польшу. Как-то поехал я к однокласснику, который на польке женился, в гости. Зашел там в издательство, говорю: «Я – иллюстратор!». Они заинтересовались, предложили выполнить иллюстрации к «Оловянному солдатику». Пошел, купил краски, бумагу, отиллюстрировал очень быстро. Так увлекся, что сделал объемный макет книги. Ну, вы знаете, когда детская книга открывается, а на развороте появляется объемное изображение благодаря вырубке. Принёс. Им так понравилось, что они меня пригласили работать!

А у меня сын родился младший, шел 1991 год. «Давай, ты съезди, потом приезжай! У нас будешь работать!». Через год, в 1992-м, я приехал, а это издательство уже обанкротилось. Тогда я зашел в книжный магазин и начал смотреть на детских книгах адреса издательств. Нашел пару таких в городке Бельско-Бяла, где сейчас живу, пошел в первое, там сразу взяли. Я вообще-то поехал на три месяца, думал, что вернусь. Через какое-то время жена с младшим сыном приехала на месяц в отпуск посмотреть Польшу, осталась, понравилось. Потом я в самых разных польских издательствах работал и в самых разных типографиях.

– А если бы сосед с тонким художественным вкусом не увидел вашу лошадь на асфальте? А если бы одноклассник не женился на польке?

– Я думаю, всё равно произошло бы то, что произошло. Помню, как еще в художественной школе мне



«Древние войны», иллюстрации для голландского исторического журнала Ancient Warfare

показали архитектурную отмычку. Подумал: «У меня же не хватит терпения...».

– Но уже тогда зацепило?

– Да. Так что тут я абсолютно уверен. Всё равно бы к иллюстрации пришёл, как ни крути.

– Насколько издательства сейчас учитывают ваши предпочтения, ваш круг интересов?

– Я же член военно-исторического клуба «Любизар – Северные Амуры»! В нашем башкирском конном полку я – кашевар. Давно принимаю участие в реконструкциях, в том числе в самых масштабных и в разных уголках земного шара. Вот сейчас новые



«Кот в сапогах», иллюстрация к сказке Ш. Перро

колчаны делаем. Благодаря Интернету меня находят заинтересованные издательства. Турки на меня недавно вышли, сейчас голландское издательство обратилось ко мне.

– Как это – новые колчаны делаем?

– Я проектирую старинное оружие, а мой друг, «гаскаровец» Рафаэль Амантаев, его потом изготавливает. Я и старинную одежду, и обувь проектирую. Когда работаешь с реконструкцией, не всегда есть гравюры, и, даже если есть, не всегда они правду говорят. Иногда больше из текстов находишь, особенно мелочи, казалось бы, детали.

– Я знаю одно: чем старше, тем больше понимаю, что времени вообще нет. Столько надо сделать! И не потому, что я хочу, а потому, что надо. Например, проект по национальной коннице. Мы выиграли Путинский грант в этом году. Это будет не совсем книга – наборы планшетов формата А3 по 16 штук в папке с текстом о национальной коннице времен наполеоновских войн. Войдут башкиры, крымские татары, мещеряки, тептяры, ставропольские и астраханские калмыки. Такие наборы будут раздаваться, когда напечатает, в кадетские корпуса, библиотеки, везде, куда важно донести информацию об историческом наследии наших с вами предков.

Еще, к примеру, мы видим на исполнителях ансамбля народного танца имени Файзи Гаскарова башкирские костюмы, привыкли к таким. Но существовал и военный мундир второй половины XIX века, а мы его не знаем! У меня есть мечта сделать реконструкцию башкирского военного мундира второй половины XIX – начала XX веков. Не только 1812 года, а в динамике, показать, как он изменялся в дальнейшем.

– А в какой момент возникло это ваше увлечение реконструкцией?

– Сразу.

– С того момента, как вы малиновый танк нарисовали?

– Я думаю, да.

– Как вы оцениваете проект «Любимые художники Башкирии»?

– Мне, по сути, неважно, кто на первом месте, кто на десятом. Мне важно, что я увидел на одном интернет-ресурсе столько замечательных талантливых людей! Кроме того, согласен с Андреем Мироновым, который в свое время сказал, что выступает на сцене не для тех, кто сидит в зрительном зале, а для тех, кто стоит за кулисами. По-настоящему ценно, когда тебя коллеги оценили! Прекрасный проект! И спасибо организаторам!

Текст: Елена Синицына

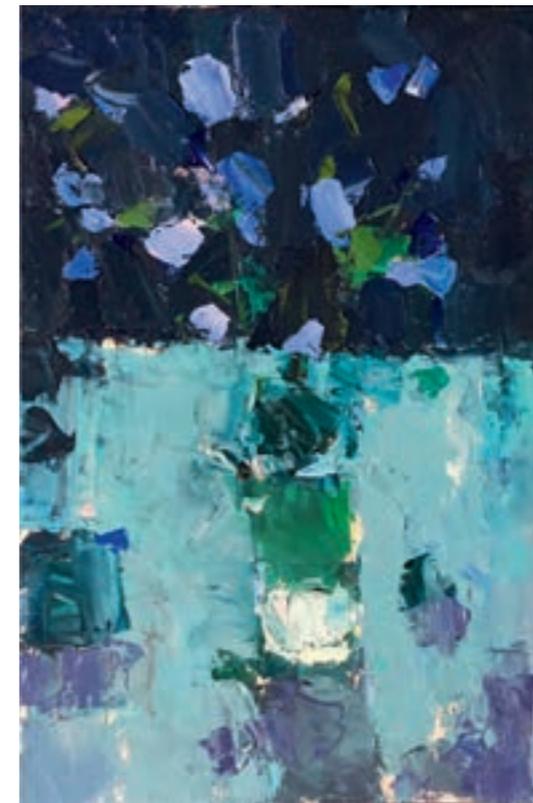
ИЛЬШАТ БАЙБУРИН

ПО СЛЕДУ ШИРОКОЙ КИСТИ



Он пишет без эскиза, флейцем или широкой кистью, в одну прописку. Работает быстро. Он говорит, если покорпеть над холстом, все становится правильнее, но куда-то девается энергетика, уходит драйв. Иногда он пишет с натуры. Впрочем, не раболепствует перед ней.

Ему нравятся «пограничные» состояния дня, когда вечер, к примеру, балансируя на стрелке часов, только готовится свалиться в ночь. Ильшат работает во всех жанрах, включая портрет, натюрморт, пейзаж. Одним больше нравятся его мятежные картины природы, другим – нежные натюрморты, а третьим – выразительная лепка портретов. На худграфе БГПИ, который закончил Ильшат, руководителем его диплома был Ринат Зуфарович Харисов, давший ему первые уроки мастерства; он, при всей разности их стиля, научил «зреть в корень». Величайшей наградой для художника Мандельштам считал «подвинуть к деятельности мыслящих и чувствующих иначе, чем он сам». Знакомство и общение с мэтром башкирской живописи Борисом Федоровичем Домашниковым угадывается в почерке художника и сегодня – чи-



«Синие цветы», 2017 г. Холст, масло



«Вечер в порту. Атлантика», 2015 г. Холст, масло

стый цвет и смелость мазка. В его этюдах – взрывы эмоций, мягкие волны страсти...

Другой неизбывной страстью Ильшата Байбурина являются путешествия. Они с женой Еленой объездили едва ли не полмира: Испания, Италия, Марокко, Тайвань, Шри-Ланка, Камбоджа... Сейчас наверняка затевают новый маршрут. В поездки Ильшат, как правило, берет этюдник и возвращается с трофеями – папкой экзотических закатов и рассветов.

А потом начинаются будни. В обычной жизни Байбурин – арт-директор брендингового агентства



«Мама», 1996 г. Картон, масло

PARADOX BOX, созданного в 2005 году. Оно известно успехами в графическом дизайне, что подтверждено множеством призов и дипломов. Вот только некоторые из них: Национальная премия Российской Академии рекламы, призы Киевского и Минского международных фестивалей, «Epsilon» (Франция), «Logolounge» (США), национального фестиваля «Идея!» и много других – всего более 200 наград. Студия PARADOX BOX входит в десятку самых профессиональных студий страны и постоянно участвует в актуальных для Башкирии проектах.



«Санчо - губернатор», 1997 г. Смешанная техника

«Образ Башкирии за ее пределами никто целенаправленно не продвигал, особенно на федеральном и международном уровне; к сожалению, в мировом масштабе мало кто знает о нашей республике. Соответственно, стоит задача по созданию яркого самобытного ее образа, который позволил бы идентифицировать ее и способствовать продвижению в мире», – так обозначил работу «ПАРАДОКСА» его арт-директор.

В проекте «Любимые художники Башкирии» Ильшат Рифгатович Байбурин был удостоен приза в номинации «Актуальное искусство» за свои живописные работы. Живой и порывистый, легкий на подъем, полный оптимизма, Ильшат и по характеру своему, чуткому и уверенному в абсолютной правоте добра, сам похож на свою живопись, на легкую широкую кисть, которой движет вечерний бриз или дыхание луговых цветов перед грозой. Ильшат не боится грозы – ведь это и грандиозное зрелище, и символ обновления. Он горит новыми проектами и идеями, и мы надеемся увидеть их в ближайшем будущем.

Текст: Хайдар Кульбарисов



«Атлантика», 2015 г. Холст, масло



Анна Анатольевна Анпилогова родилась 11 июля 1987 г. в Уфе. Окончила ГОУ НПО Профессиональный лицей № 155, отделение лаковой миниатюрной живописи и росписи по дереву, затем художественно-графический факультет БГПУ им. М. Акмуллы, отделение изобразительного искусства. После окончания вуза преподавала изобразительное искусство в уфимской гимназии, совмещая преподавательскую деятельность с научно-практической исследовательской и творческой работой с одаренными детьми.

В апреле 2017 г. была удостоена медали им. Ю.А. Гагарина Федерации Космонавтики России за заслуги в развитии образовательного-патриотических проектов в рамках Олимпиады на кубок Ю.А. Гагарина.

Участник и дипломант республиканских выставок. В ноябре – декабре 2011 г. в Музее современного искусства Республики Башкортостан им. Наилия Латфуллина состоялась первая персональная выставка художницы «Метаморфозы».

АННА АНПИЛОГОВА:

«Сегодня я работаю в стиле, который можно назвать эклектичным трансцендентальным сюрреализмом...»

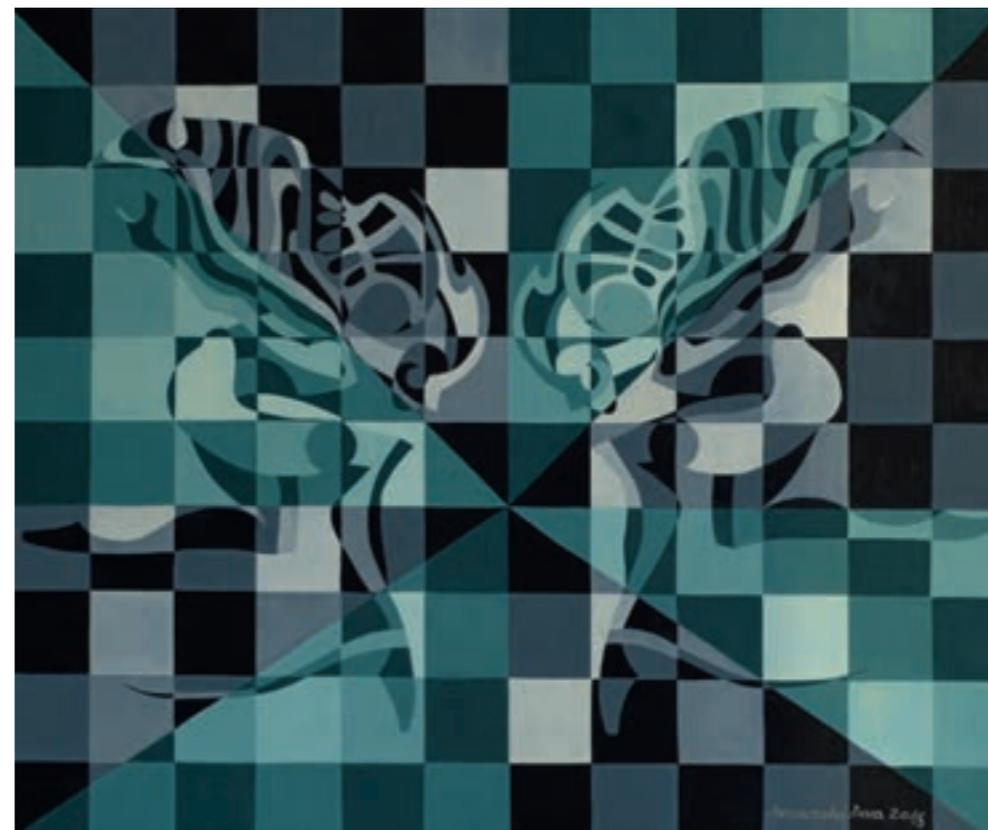
– Анна, у вас очень необычные картины. Неужели реализм никогда не привлекал?

– Вы – не первый человек, который интересуется, почему я не пишу в реалистической манере. Не моё! Я окончила университет с отличием, очевидно, что не могу не владеть соответствующими техниками, легко доношу необходимую информацию до учеников, но у самой душа к реализму никогда не лежала.

Ещё в лицее и со второго курса университета с огромным удовольствием погрузилась в изучение декоративной живописи, которая предполагает стилизацию и трансформацию пространственных форм.

Безмерно благодарна Григорию Александровичу Загвоздкину, преподавателю живописи, доценту педагогического университета, члену Союза художников России. Именно он научил меня правильно «держать кисть в руке» и в настоящее время продолжает поддерживать и вдохновлять.

Сегодня я работаю в стиле, который можно назвать эклектичным трансцендентальным сюрреализмом. Данное направление сочетает элементы кубизма Пабло Пикассо, сюрреализма Сальвадора Дали и аналитического искусства Павла Филонова.



«Рекурсия», 2015 г.
Холст, масло

Трансцендентальный – выходящий за пределы, представляющий собой квинтэссенцию реального и сверхреального. Также присутствует наложение на композицию работ простых геометрических фигур, таких как куб, квадрат, треугольник, ромб, прямоугольник, окружность.

– Когда у вас сложился этот стиль?

– Он оформился где-то в 2013 году. Но до сих пор я нахожусь на пути становления данного направления. Процесс создания каждой картины – весьма трудоемкий, длительный и продуманный, поэтому работ в таком стиле пока немного.

– Вы легко апеллируете к сложным терминам. Я бы предположила, что вы выросли в семье скорее «физиков», чем «лириков». Это так?

– Да, совершенно верно, родители получили техническое образование. Мама – специалист в области физической химии, долгое время работает в Уфимском институте химии РАН, папа был химиком-органиком.

– Я знаю, что у вас есть живой талисман и «идейный вдохновитель».

– Да, у меня две собаки породы Сибирский хаски, и, по стечению обстоятельств, младшего зовут Мастер Леонардо. Согласитесь, когда на процесс творчества внимательно смотрит Мастер Леонардо – не забалуешь (смеётся).

– По моим ощущениям, вы помогаете зрителю включать не только эмоции, но и мозг. Ваши работы заставляют думать – не только сопереживать.



«Реминисценция», 2014 г.
Холст, масло

– Да, они все продуманные. Одна из моих любимых картин – «Поцелуй дементра». Я планирую поместить ее на афишу моей персональной выставки. Образ Дементра навеян персонажем романа Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Дементр (в романе – Дементор) – сущность, высасывающая через поцелуй жизненные силы и светлые воспоминания человека, оставляя только самые тоскливые чувства. Дементр символизирует грустные воспоминания, опустошающие душу.

– За что поклонники вашего искусства любят ваши картины, как думаете?

– Возможно, за выбор интересных тем, сложность и оригинальность композиции, мастерство исполнения и чувственность.

– Пожалуйста, попытайтесь раскрыть психологическую подоплеку картины «Реминисценция».

– Реминисценция – от латинского «воспоминание», характеризует собой творческий прием, заключающийся в осознанном или неосознанном использовании отдельных элементов. В данном случае использован прием «зеркальной композиции», когда элементы строятся друг напротив друга, что очень хорошо воспринимается зрителем: ему хочется разглядывать их, изучать, быть частью произведения. В работе использованы сложные смешанные цвета, основная гамма – красно-коричневая. На картине изображены голова человека, трансформированная в верхней части в сердечные клапаны, и череп, из которого



«Ночной дендрарий», 2017 г. Холст, масло

формируется сердечная мышца. Затем – наложенное изображение из квадратов и треугольников. Работа имеет философский смысл: «ты жив, пока о тебе помнят».

– Графичность ряда ваших работ дополнительно подчеркивает сдержанность цветовой палитры. В результате образы надолго «застревают» в сознании. Так вижу именно я, или налицо закономерный результат ваших усилий как художника?

– На данном этапе моего творчества я использую именно сдержанную палитру, но никто не может знать, какая палитра будет завтра или через год, возможно, все изменится.

– Ваши работы – это живопись или графика?

– Между. Для моей техники важны навыки черчения, которыми я отлично владею, при этом многие работы написаны маслом. Меня не перестает удивлять, что, например, при воспроизведении орнаментов многие даже по линейке не могут ровно начертить линию, циркулем не в состоянии аккуратно воспроизвести окружность. К счастью, чертить меня научил ещё в лицее Василий Петрович Никишов, он

сейчас преподает в Башкирском колледже архитектуры, строительства и коммунального хозяйства. Спасибо ему, очень пригодилось!

– Ожидали победу в конкурсе «Любимые художники Башкирии»?

– Нет, для меня это было скорее полной неожиданностью. Я особо и не следила за голосованием. Людей никто не заставлял голосовать, значит, мои картины понравились!

Текст: Елена Сеницына

Фото картин: Светлана Магдаласова



«Поцелуй Дементра», 2013 г.
Цветной картон, коллекционная гуашь, контур



Художник-график Руслан Рафисович Султанов родился 18 января 1990 г. в селе Насибаш Салаватского района. С раннего детства по нынешнее время проживает в городе Бирске. С 2008 г. участвует в молодежных, республиканских выставках.

По словам Руслана, талант и желание рисовать ему передались, скорее всего, по материнской линии. В молодости его мама занималась скульптурной лепкой, и сейчас у нее несколько творческих хобби. А ее отец, дедушка Руслана, слыл в Салаватском районе мастером на все руки. Он окончил Московское художественное училище, прекрасно рисовал, но больше был известен как искусный резчик по дереву. Да и в целом в родне немало людей творческих.

– С каких основных событий начался ваш «диалог» с живописью?

– Рисовать я начал со школы, уже тогда организовывал свои первые выставки в технике «гуашь». Окончил художественную школу в городе Бирске, затем поступил в Уфимский художественно-про-

РУСЛАН СУЛТАНОВ

**Каждый день учиться
чему-то новому...**

мышленный колледж № 64. В колледже мой интерес к творчеству возрос и заиграл новыми красками. Так как здесь много времени уделялось практике, я приобрел большой опыт и серьезный багаж знаний от замечательных преподавателей и специалистов своего дела. Это были и резьба по бересте, по дереву, и маркетри, и компьютерная графика, и многое другое. Здесь я открыл для себя и полюбил масляную живопись.

– На сайте «Любимые художники Башкирии» вами представлены две работы в технике «шариковая ручка». Это вовсе не простая техника, требующая и таланта, и особого видения, и сноровки, чтобы добиться, например, объема, живой фактуры, передать определенное настроение. Все это я вижу в картинах с фантастическим наполнением «Природа побеждает» и «Старая библиотека». Расскажите о них и о том, почему выбрали такую технику.

– Шариковой ручкой я рисовал ещё в школе, это были карикатуры друзей, комиксы, делал какие-то зарисовки. Первую свою награду я получил в 2008 году на республиканском конкурсе «Живая кисть»,



«Сова в дупле».
Бумага, масло

где были выставлены две мои работы в этой технике. Одна – на тему природы, другая – по книге «Сталкер». Я тогда занял II место в номинации «Фантазия будущего».

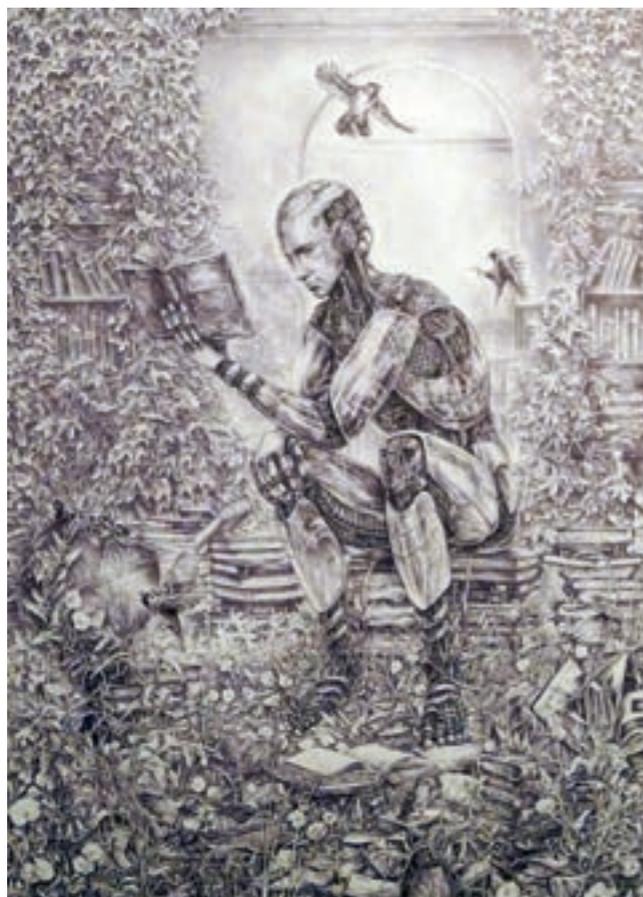
Рисую я обычно легкими штрихами, еле касаясь бумаги, понемногу набирая тона. Вдохновение черпаю от художника-сценариста Берни Райтсона и его потрясающих детализированных иллюстраций книги Мери Шелли «Франкенштейн».

В картине «Природа побеждает» мною показана борьба природы и техники. Это антиутопия послевоенного времени, где растения, пробиваясь отовсюду, опутывают своими стеблями вышедшего из строя солдата. А сова, сидящая на ветке над ржавым роботом, символизирует обновление природы и круговорот жизни. Ведь природа всегда возьмет свое.

В «Старой библиотеке» я хотел показать ценность книг, которые хранят в себе важную информацию, не занесенную в глобальную сеть и серверы. Это одно из последних хранилищ знаний, уже заросшее растениями, а робот, с холодным терпением перебирая книги, изучает по ним историю человеческого труда и мысли.

На создание этих работ меня вдохновили рассказ Рея Брэдбери «Будет ласковый дождь» из книги «Марсианские хроники», «451 градус по Фаренгейту» и произведения Станислава Лема.

– В недавнем прошлом вы занимались аэрографией, сегодня пишете маслом, реставрируете храмы... Кажется, вовсе не боитесь, а, наоборот, стремитесь осваивать все новые и новые направления!



«Старая библиотека». Шариковая ручка

– Я вообще обычно ни на чем не зациклен, стараюсь попробовать многое, действительно, осваиваю разные техники и направления. После армии окончил курсы аэрографии – расписывал капоты машин. Сейчас увлекся созданием барельефов посредством декоративной штукатурки.

Думаю, для художника вполне естественно постоянно учиться чему-то новому, расширять свой кругозор разными способами. Мне нравится общаться с другими художниками, чему-то учиться у тех, кто восхищает своим мастерством, прекрасной

техникой. Я очень люблю, например, хорошую масляную технику.

– Своих любимых и таких выразительных сов вы пишете маслом. Сова для вас – какой-то символ?

– Для меня это, прежде всего, необыкновенно красивые птицы, с огромными, завораживающими, янтарными глазами. В их облике есть что-то поистине мистическое, наверное, поэтому они меня и привлекают.

– Приезд в Бирск в 2016 году Патриарха Кирилла способствовал рождению многих творческих проектов в преддверии этого события и после него. Расскажите в связи с этим о вашем участии в реставрации храма Свято-Троицкого женского монастыря.

– К приезду Патриарха Кирилла начались строительные и художественные работы по реставрации храма Свято-Троицкого женского монастыря. Моя подруга детства предложила мне участвовать в реставрации, и я с энтузиазмом влился в этот процесс, благодаря чему приобрел новый интересный опыт. Теперь, когда появляются заказы, с удовольствием участвую в районных реставрационных проектах; сейчас начались реставрационные работы в Нефте-



«Совята». Бумага, масло



«Ночной совёнок». Бумага, масло

камске, где я, в основном, занимаюсь орнаментами и поталью.

– Вас привлекает участие в выставках?

– Да, оно способствует рождению новых идей, заряжает и вдохновляет. Первыми моими серьезными выставочными работами стали картины с совами. Это была республиканская выставка молодых художников в Уфимской художественной галерее осенью 2015 года. А в 2016 году работы «Природа побеждает» и «Старая библиотека» экспонировались в Казани на выездной выставке «Современное изобразительное искусство Республики Башкортостан» в художественной галерее «Хазинэ». В этом же году я участвовал в молодежной художественной выставке «Живопись и графика» в Уфе в Торгово-деловом комплексе «Гостинный Двор». А в 2017 году состоялась моя персональная выставка «Любимому городу посвящается» в родном Бирске совместно с двумя талантливыми коллегами по реставрации храмов.

– Что-нибудь пожелаете своим коллегам и друзьям?

– Во-первых, несколько слов скажу о проекте «Любимые художники Башкирии». Как раз такого нам и не хватало! Он дал многим хорошие шансы и возможности показать свои работы, увидеть тысячи работ других художников. Приятно наблюдать, как проект растёт и развивается, втягивая в свою орбиту все новых и новых удивительных людей.

Желаю ему долгих лет жизни и ярких талантов в самых разных номинациях!

Текст: Ольга Новикова



«Природа побеждает». Шариковая ручка



Юлия Вячеславовна Келу – человек яркий и разносторонний. Она – член Союза дизайнеров России, лауреат и призёр международных, всероссийских и региональных выставок, в том числе в Центральном доме художника (Москва), в Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Тольятти, Уфе и других городах. Участник республиканских, региональных, межрегиональных, всероссийских и международных конкурсов, таких как конкурс В. Зайцева и «Адмиралтейская игла». Опубликовала ряд научных статей в международных сборниках молодых учёных. Участвовала в презентации в рамках международной недели моды Aurora Fashion Week Russia (2014 г.).

Авторские работы художницы размещены в каталогах «Лучшая живопись дикой природы» (Москва, 2013 г.) и Design Debut Year Book 2013 (International Design school). На мировом телеканале моды «Fashion One» состоялась ротация ее авторского ролика (2014 г.).

ЮЛИЯ КЕЛУ:

«Считаю, что цель тоже может служить источником вдохновения...»

– Представителей поколения Z, к которому, судя по дате рождения, вы относитесь, характеризуют как перфекционистов, творческих и амбициозных личностей. Эти качества легко ассоциируются с вами и не противоречат моим впечатлениям от ваших работ. Какие чувства у вас вызвала победа в проекте?

– От этого конкурса у меня остались самые яркие впечатления.

Дедлайн был установлен на последние числа ноября, и, буквально дня за два до завершения голосования в конкурсе, вижу сообщение от знакомого: «Юля, не могу найти тебя! Конкурс «Любимые художники Башкирии» уже полгода как идет, почему нет твоих работ?!».

Пересматривая свои работы, выбрала два графических рисунка – «Тигр» и «Ганеша». Ганеша – это индуистский Бог. Надо сказать, что у меня часто просматривается тема анимализма, связанная с мистикой, духами, восточными религиями. Так вот, отправляю работы в последние минуты буквально, когда у людей уже голосов под тысячу. И – ура! Дедлайн продлевают еще на месяц! В этом, я считаю, мне тогда очень повезло. Периодически об-

новляю результаты голосования на сайте. Там – 50 голосов, затем – 100, и так постепенно, в течение месяца, я уже оказываюсь на третьем месте!

С нетерпением ждала итоги. Волнение было сильным, все могло измениться в любую минуту. Я до сих пор под впечатлением, всё случилось как по волшебству! Через какое-то время раздался звонок от организаторов конкурса: «Приходите, пожалуйста, на награждение и садитесь рядом со сценой».

Мероприятие впечатлило меня своей масштабностью. Артисты, музыканты, художники, журналисты и организаторы – невероятные люди с особой, сильной энергетикой, с некоторыми удалось не просто познакомиться, но и подружиться.

– Понятно, что родившимся «со смартфоном в руках» легче было сориентироваться в условиях проведения интернет-рейтинга. Вот лично вы любите все новое?

– Безумно люблю что-то узнавать и познавать, хотя и без старого новое невозможно. Вместе с тем, не надо забывать, что мы создаем историю здесь и сейчас.

– Можно про вас сказать, что вы рисуете столько, сколько себя помните?

– Безусловно. Я из тех, кто с детства знает, что будет заниматься творчеством. Первый альбом мне купили совсем-совсем маленькой, когда только и формируются первые воспоминания о себе и о Мире. Изрисовала его практически мгновенно. Здесь нужно отдать должное моей семье: я очень благодарна ей за то, что она меня всегда поддерживала в творческих исканиях и давала поле для маневра. У меня, к счастью, всегда был выбор, куда идти, и я шла не раздумывая.

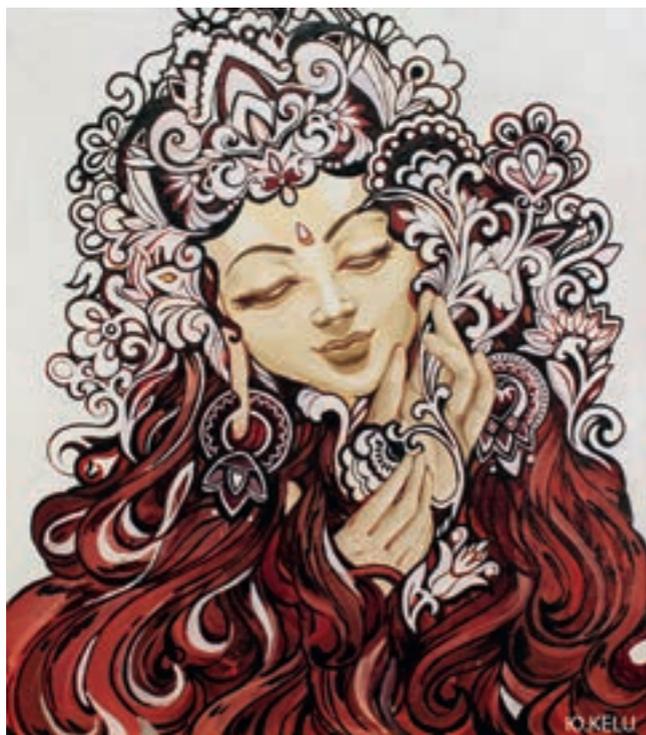
Со временем, конечно, была учеба и во второй художественной школе, и в УГУЭС. В школе искусств мне было непросто. Я много рисовала гелиевыми ручками, что, вероятно, сформировало мои особые отношения с графикой. Эту любовь к графике и мои



Ganesha, 2016 г. Настенный арт, колер

рисунки не очень там понимали, что привело меня к осознанию: за что-то стоящее надо бороться.

Зато в университете с нами работали великолепные преподаватели, которые во мне какой-то свет увидели, раскрыли меня как художника и творческую единицу. Я до сих пор безмерно благодарна Альмире Гайнулловне Янбухтиной, доктору искусствоведения, заслуженному деятелю искусств Республики Башкортостан, а также Любове Валерьевне Хабибуллиной, доценту кафедры дизайна и искусствоведения. Их без преувеличения можно назвать преподавателями с большой буквы.



«Тара», 2017 г. Холст, масло

Маслом я начала писать недавно, буквально год или, может, чуть больше. Но, повторюсь, графика, благодаря которой как раз и выиграла конкурс, сопровождает меня с самых малых лет. И, если вы заметили, прослеживается интерес к маскам. Я рисовала в графической манере маски, кажется, всегда. В детстве их исполнение было, конечно, далеко от того уровня, которого удалось добиться сейчас со всем моим перфекционизмом. Все мои увлечения – это как точки, которые, если их соединить, сложатся во вполне зримую дорогу.

– С любовью к графике вы как будто родились, выходит, масло стало продолжением, новым этапом становления личности художника?

– Не совсем. Графика и живопись в моем личном микрокосмосе больше похожи на два взаимо-

связанных направления, которые всегда шли рядом. Я это только недавно увидела, отследила. Благо, у меня остались совсем старые работы четырех-пятiletнего возраста. Это обретенное знание удивило и добавило уверенности в своих силах. Сейчас работаю над тем, чтобы органично соединить графику и масло в своих картинах. Рисую, пишу, пробую...

– Ваш интерес к маскам весьма необычен для человека, который родился во время цифровой революции. Откуда он возник?

– Я только могу догадываться. Возможно, важную роль играет то, что я тяготею к изображению восточного мистицизма. Здесь считывается некая особая связь со Вселенной... Кроме того, странным образом на интерес к маскам повлияло одно яркое драматическое событие, произошедшее со мной в детстве. В четыре года на меня напала собака. Помню это как вспышку в сознании. Видела всё немного со стороны: огромная овчарка и маленькая белокурая девочка... Собака меня не укусила, скорее напугала, поранила: шрамы до сих пор сохранились. Я ее погладить хотела, а она повернулась и ударила лапой. У меня с лица и рук текла кровь, домой прибежала, боясь не за себя, а за семью, что расстроиться могут. И вот эта встреча нашла потом своё отражение в моём творчестве. Собака могла меня и растерзать, но этого не произошло. После того события меня влечет то, что находится рядом, незримо присутствует: духи, святые, Бог.

– Мистика?

– Да. Мне интереснее всего мистические сюжеты, и у меня охотно заказывают картины, которые дышат мистикой. Я понимаю своих заказчиков. К кому они ещё пойдут? (Смеется). Иногда думаю о том, что цветочки-лютики, бабочек, что-то милое, доброе рисовать не менее увлекательно. Почему бы и нет? А заказывают всё равно некие демонические образы. Говорят, что моя внешность и картины – это две противоположности. С одной стороны, мягкий

образ, который ассоциируется с чем-то светлым, добрым, а с другой – демоны и тёмные боги. Хотя, возможно, это просто такой период в моём творчестве. Да и само деление на темную и светлую стороны условно. Мир – двойственный по своей сути.

– Орнаменты где берёте? Кельтика?

– Нет, абсолютно всё свое. Когда рисовать начинаю, чувствую потоки, которые льются через меня на холст. Но ничего не имею против копирования. Так молодые художники ставят руку и нарабатывают свой собственный стиль. У каждого – свой путь.

– Как рождаются идеи ваших картин?

– Возможно, я кого-то из представителей профессионального сообщества шокирую своими словами, но эскизов много не делаю, иногда их даже нет вовсе. Я привыкла работать так, а не иначе, поскольку ясно понимаю, что время – ресурс ограниченный. Его надо буквально «выкраивать» на творчество после плотного восьмичасового графика основной работы над декорациями в театре.

Да, в институте нас учили, что эскизов должно быть много. Так и представлялась целая стопка огромная, выше тебя ростом, и в ней только один рисунок – лучший. Слава Богу, пока это – не про меня. Я даже маслом пишу без эскизов, сразу чувствую, что мне нужно.

– Расскажите про вашу основную работу.

– Во время учебы и после нее работала художником-стилистом. Создавала образы, подбирала одежду, делала прически. Отучилась на визажиста, когда это еще не было так распространено в Уфе. Работала в театре «Нур» художником-декоратором. Потрясающее было время! Как же это здорово – работать с творческими людьми! Работа на сцене имеет удивительное послевкусие. Хочется возвращаться к ней снова и снова.

Кроме того, преподавала детям от 3 до 7 лет изобразительное искусство в детских садах и частных студиях. Взаимодействие с детьми давало мне



«Запутавшийся», 2017 г. Холст, масло

потрясающий эмоциональный заряд. Мы завершали уроки объятиями и аплодисментами. Бывало периодически, что трудилась на двух работах. Сейчас не представляю, как у меня на все хватало времени, но было довольно динамично. Мне, к счастью, с этим очень повезло.

– Вернёмся к идее ваших картин.

– О, это всегда происходит спонтанно... Предполагаю, что таланта во мне – 5 процентов, а остальные 95 – это конкретные усилия. Не нужно ждать какого-то особого случая, определенного момента – нужно брать и делать здесь и сейчас. Вдохновение должно застать тебя за работой. Не представляю,



«Тигр», 2017 г. Графика, тушь

как можно прийти домой и лечь на диван. У меня такого не бывает!

– Для спонтанных находок и свежих образов нужны впечатления. Что вас вдохновляет?

– Меня не сложно удивить. Я от всего впечатляюсь: от путешествий, событий, людей, разных ситуаций. Я – человек, который глубоко и открыто чувствует сердцем. Думаю, немаловажную роль здесь сыграла литература. Самое ценное, что привожу



«След», 2017 г. Графика, тушь

домой из поездок, – это книги (после впечатлений, конечно). А вообще считаю, что цель тоже может служить источником вдохновения. Если человек чего-то действительно хочет, ничто не может ему помешать. В 2014 году вступила в Союз дизайнеров России. Сейчас очень хочу вступить в Союз художников России. Для меня это некий этап в развитии.

Текст: Елена Синицына

АЛМАЗ МУРЗАКАМАЛОВ:

«Техники меняются,
а сюжеты – нет.
Как в детстве рисовал природу,
так и продолжаю...»



Алмаз Агзамович Мурзакамалов – лауреат и дипломант всероссийских и республиканских выставок, в том числе организованных Министерством образования РБ и Республиканским центром культуры учащейся молодежи.

– Когда и где вы родились? Рано начали рисовать?

– Я родился 28 ноября 1990 года в селе Мечетлино Салаватского района. До переезда в Уфу жил в деревне Ахуново.

Рисовал с самого детства, причем, не карандашом, а красками. У меня сохранились эти акварельные работы. В детском саду начинал с попыток копировать иллюстрации и постепенно всерьез увлекся живописью.

Ещё надо сказать, что класса с шестого освоил интересную технику работы с деревом: собирал древесные грибы, вроде чаги, и на них писал маслом, украшая своеобразной мозаикой из того, что было под рукой, например, из покрашенного гороха. Так необычно, свежо выходило! К сожалению, те работы не сохранились. Надо было древесину правильно обрабатывать, но в то время я ещё не знал, не понимал этого. Лица матрешек делал с колпачками. Мои поделки пользовались постоянным успехом на

осенних балах, которые традиционно проводятся в школах района.

– Получается, что у вас рано открылся интерес к народным промыслам, кроме того, удивительно, что вы в детстве предпочитали акварель карандашу. Близкие поддерживали ваше детское увлечение живописью?

– Да, и это закономерно. У меня с маминой стороны много художников, преимущественно преподавателей, которые ведут уроки изобразительного искусства. И папа любил рисовать, ему доставляло большое удовольствие оформлять плакаты, объявления для местного клуба, хотя он и не был художником по специальности.

С первого по одиннадцатый класс я учился в сельской школе деревни Ахуново. Там с энтузиазмом посещал все факультативы, которые имели отношение к сфере изобразительного искусства. Неизменно и весьма успешно участвовал в олимпиадах, где занимал постоянно призовые места. Два раза выходил на уровень республики. В тот период на мое творческое становление положительно повлиял мой дядя Азамат Фарватович Тажетдинов, которому я до сих пор очень благодарен.



«Лошади».
Холст, масло

По окончании школы события развивались для меня, на первый взгляд, неожиданно, но, как потом оказалось, очень удачно. Я планировал поступать либо в училище искусств, либо в педуниверситет на худграф. Но получилось так, что в результате поступил в Уфимский художественно-промышленный колледж (бывший профессиональный лицей № 64). Посоветовал мне его мой двоюродный брат с маминой стороны. Его семья жила неподалеку, и я частенько проезжал мимо. Знал, что есть в Уфе такое учебное заведение. Прошел сразу – без экзаменов, без конкурса творческих работ. У меня было много грамот за олимпиады, на основании которых и приняли в колледж. Конечно, какие-то работы свои приемной комиссии продемонстрировал. Было очень приятно, когда всеми уважаемая башкирская художница Аида Махмутовна Абдуллина, супруга из-

вестного художника Рамиля Раисовича Абдуллина, сообщила мне о положительном решении приемной комиссии. Это решение было принято сразу же.

Потом я ни разу не пожалел о выборе учебного заведения. Благодаря мастерам и преподавателям в колледже бережно сохраняется домашняя, располагающая к творчеству обстановка. налажены постоянный диалог с учениками, контакты с родителями. Практически семейную атмосферу можно легко ощутить сразу: уже на входе вас встретят интерьеры, любовно оформленные учениками во время практики.

В колледже я проучился два года, окончил его с красным дипломом и начал там свою карьеру, поскольку директор колледжа Рамиль Ахнафович Кагиров сразу предложил мне работу.

– Какую специальность вы получили в колледже?

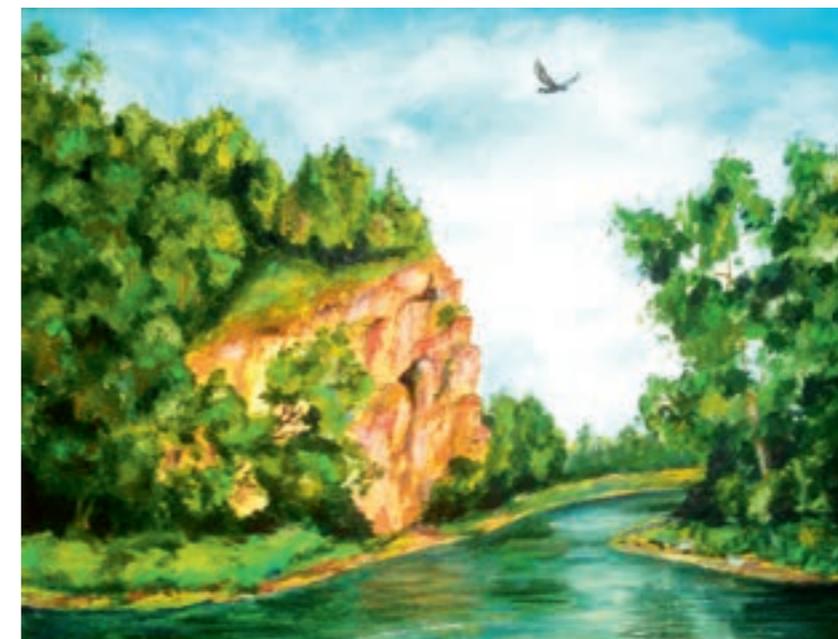


«Башкирские мотивы», 2016 г.
Роспись по дереву, гуашь, лак

– Учился на специальности «Изготовитель художественных произведений из дерева», то есть в результате стал специалистом по деревообработке. Но на этом не остановился и в тот же год, как и мечтал когда-то, поступил на заочное отделение худграфа в Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. С 2011 года учился и одновременно преподавал в художественно-промышленном колледже. В 2016 году получил диплом уже о высшем художественном образовании.

– Какие дисциплины преподаете?

– Начиная работать в учебных мастерских – обучал студентов росписи и резьбе по дереву, технике маркетри, художественной обработке бересты. И, к тому же, компьютерной графике. Со временем перешел в преподавательский состав колледжа. Начал с преподавания техники оформительских работ (для оформителей), а также реставрации, ИЗО и ри-



«Пещера Салавата Юлаева», 2016 г.
Холст, масло

сунка (для изготовителей художественных изделий из дерева).

– Реставрацию вы, по всей видимости, уже в колледже освоили?

– Не в деревне, конечно. Я, когда поступал, смутно представлял себе, что такое «роспись по дереву», был не знаком с названиями и особенностями народных помыслов. Все эти знания получил в учебном заведении, в котором сегодня преподаю.

– Вы себя к какому художественному направлению относите?

– Больше, конечно, я «прикладник». Уже давно специализируюсь преимущественно на прикладном искусстве. Но вот буквально недавно вновь всплыло моё увлечение живописью, изучаю ее тонкости, рисую, акцент творчества постепенно перемещается в живописную сферу.



«Лошади», 2013 г. Холст, масло

– Теперь, надо понимать, речь идет уже о масле?

– В основном, да, но, бывает, иногда пишу акварелью. Даже не знаю, почему масло меня так завораживает и притягивает. Его запах мне нравится, работа с ним увлекает, особенно когда использую мастихин. Это такой металлический инструмент, напоминающий шпатель, благодаря которому получают достаточно крупные фактурные мазки. Таким образом прекрасно передается определенный объем, настроение особое получается. Мне такая техника наиболее близка.

Сегодня, помимо преподавания в колледже, я стал работать ещё и в багетной мастерской «Р-багет», где принимаю участие в оформлении картин, художественных изделий, вышивки. Мне это тоже доставляет большую радость, полагаю, из-за особенностей ручной, рукодельной

работы. Возможно, играет роль осознание факта завершенности. Какие-то новые идеи в процессе приходят, часто нестандартные. Каждый день – что-то новое, на одном месте не стоим. Отмечу, что к нам приносят свои работы и именитые художники.

– Как со временем менялось ваше творчество?

– Техники меняются, а сюжеты – нет. Как в детстве рисовал природу, так и продолжаю. Многие предлагают начать портреты писать, но почему-то у меня душа к ним не лежит. Природа мне ближе. Как приезжаю в деревню, в тот же день иду к Юрюзани, на горы люблю, фотографирую интересные моменты. Летом макросъемку применяю активно, особенно интересуют детали цветка, ветки. Если какие-то нестандартные ветки попадутся, себе оставляю, чтобы потом что-то из этого сделать. Природу я люблю больше всего.

– Красота, видимо, постоянно должна в жизни присутствовать?

– Да, вы правы. Я с самого детства это осознавал. Всегда любил природу, уходил в лес, особенно часто летом, сидел, смотрел на горы, на любимую деревню. У нас красивейшие горные места! Тогда, наверное, и возникла у меня мечта – написать Ахуново маслом. Нужен только подходящий момент. Особенно живописны наши башкирские горы осенью. Такие цвета необычные! И желтые оттенки, и красные... Можно, конечно, и по памяти писать, я же представляю, как наша деревня выглядит, но она тоже каждый день растет. К нам переезжают, переселяются из других мест, деревня динамично развивается. Это хорошо.

– Живопись и художественная деревообработка – два полюса вашего творческого пространства. Они обогащают друг друга?

– Да, безусловно. Возникают новые мысли, свежие идеи... Когда пишешь маслом, в какой-то момент может прийти понимание, что этот же объект



«Павлины», 2016 г. Роспись стен, масло

хорошо бы стилизовать, сделать в другой технике. Например, живописный уголок природы так и хочется написать маслом, но его же можно выполнить в технике маркетри, мозаикой. Или наоборот. Это как бы два разных взгляда на один и тот же объект. Интересно необычайно!

– Сейчас в моде акрил. Не планируете работать с ним?

– Нет, акрилом ни разу не писал, и нет желания. Меня смущает его относительная недолговечность. Показываю, как и положено, эту технику студентам на занятиях. Владею, но не привлекает.

– Что для вас является источником вдохновения?

– Может быть, прозвучит слегка банально, но мне нравятся работы Ивана Ивановича Шишкина. Могу бесконечно смотреть на них... Природа средней полосы, поля... Меня восхищают насыщенные зеленые цвета, желтые, которые он мастерски применяет. Нечто гораздо большее, чем ожившая вдруг фотография, но не уступающее по достоверности. Истинное царство природы!

– Можно назвать его вашим учителем?

– Да. Но раз уж вы сами заговорили об учителях, то я с удовольствием назову несколько фамилий преподавателей колледжа, которым обязан своими базовыми знаниями, и которые теперь стали моими коллегами. Это и Ольга Васильевна Суханова, которая обучала меня росписи по дереву, тонкостям деревообработки и особенностям «обхождения» с берестой, и Лариса Ивановна Салеева, преподававшая в нашей группе народные промыслы, историю искусств и декоративно-прикладное искусство. Член Союза художников Наталья Юрьевна Бабина вела у нас колористику, скульптуру и живопись. Особенно важным для себя из её предметов считаю цветовидение или, по-другому, колористику. От Владимира Николаевича Дикорева я многое узнал о народных промыслах, от Ирины Рашитовны Крымской – о композиции и дизайне. Они сами постоянно находятся в творческом поиске, вдохновляя окружающих, выставляют свои работы, причем, не только в Башкирии, но и в России, за границей.

– Что вы думаете о проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Очень рад, что жюри проголосовало за меня, что я стал лауреатом. Искренне признателен Наилу Махмудову за его титанический труд. Благодаря сайту, заходить на который вошло в привычку, я многое для себя открыл, познакомился с массой не известных мне до сих пор авторов и их творчеством.

Считаю важным, что предоставляется прекрасный шанс для башкирских художников, проживающих в сельской местности. Им менее доступны выставки, общение с коллегами, да что там говорить: во многих деревнях и Интернет-то не особо развит. Проект дарит им новые возможности!

Текст: Елена Синицына



Художник-маринист Юрий Евгеньевич Бычков родился 15 июня 1947 г. в городе Кексгольме. С 1992 г. посвятил себя только творческой работе. Участник восемнадцати выставок, в том числе – двенадцати персональных. Четыре раза персональные выставки проводились в Малом зале Союза художников: «300 лет Российскому флоту» (1996 г.), «Корабли мира» (2007 г.), «Пираты под парусом» (2014 г.) и «Боевая слава парусов России» (2017 г.). Выставлялся также в Нефтекамской художественной галерее, в Никольском храме села Николо-Березовка Краснокамского района Башкирии, в Русском драматическом театре Уфы, в Президент-Отеле (дважды). Принял участие в выставке «Пленительная тайна воды» (2017 г.) в Башкирском государственном художественном музее имени М.В. Нестерова, посвященной 200-летию со дня рождения И.К. Айвазовского.

Девять живописных и три акварельные работы художника принадлежат БГХМ им. М.В. Нестерова.

ЮРИЙ БЫЧКОВ:

«Ты должен так передать на холсте море, чтобы сам от него пришел в полный восторг, чтобы тебе захотелось нырнуть в эту воду...»

– Юрий, скажите, пожалуйста, пару слов о городе, в котором вы родились.

– Город Кексгольм географически был расположен в Карело-Финской ССР, сейчас уже не существующей. Сегодня он называется Приозерском и относится к Ленинградской области. Все течет, все изменяется...

– Рисовали всегда?

– Сколько себя помню, с самого детства. Мой путь художника не был связан с какими-то взрывными эмоциями. Шел им, постепенно и мягко эволюционировал в различных техниках, но все-таки одну ошибку совершил. Мне надо было закончить институт соответствующего профиля. В художественной школе учился и ту бросил. Зато сын получил художественное образование

– В какой художественной школе вы учились?

– В Черниковке, на улице Ульяновых. Мне тогда было 15 лет.

– Удивительно встретить в абсолютно сухопутной Уфе художника-мариниста. Всё-таки ваш путь художника весьма необычен. Вы так не считаете?



«Петровская Нева», 1995 г. Холст, масло

– Знаете, Айвазовского как-то спросили, почему окна в его мастерской выходят в противоположную от моря сторону. Казалось бы, в великолепной Феодосии он мог себе позволить их «с видом на море». Иван Константинович ответил примерно следующее: «Движения живых стихий неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны – немыслимо с натуры... Художник должен запоминать их... Сюжет картин слагается у меня в памяти, как у поэта...». Впечатления, когда-то полученные, в голове оставляют след.

– Расскажите о своих встречах с морем, которые оставили настолько сильные впечатления, что заполнили ими сотни ваших полотен.

– Отец мой был военным, офицером. В свое время из Сатки, что в Челябинской области, мы поехали с родителями на Дальний Восток, потомплыли до Магадана через Охотское море. Мне тогда было 10

лет. Поселок Берелёх, куда направили служить отца, располагался в 650 километрах от Магадана. Через 5 лет семье предложили на выбор Уфу, Калининград и Благовещенск. Папа решил посоветоваться со мной, и я выбрал Уфу.

Так что ещё в детстве имел счастье купаться в Охотском и Японском морях, побывал на Азовском, Балтийском, Черном. Неравнодушен к воде, эта стихия меня завораживает. Воду художнику надо чувствовать, чтобы уметь передать на полотне.

– Вы её изначально чувствовали? Она всегда вызывала сильные эмоции?

– Конечно. Вода будит в моей душе фантазии. Ты должен так передать на холсте море, чтобы сам от него пришел в восторг, чтобы тебе захотелось с головой нырнуть в эту воду. Знаете, вот есть авангардисты-маринисты. Скажу откровенно, они не вызывают у меня особых чувств, и, думаю, я – не



«300 лет Российскому флоту», 1998 г. Холст, масло

исключение. Кроме Айвазовского никто не писал море так нежно и достоверно, хотя находились те, кто ругали его за избыток идеализации. В определенной степени могу назвать его своим учителем.

Ещё на Колыме у меня были небольшие альбомы Айвазовского, не самого лучшего качества, конечно (смеется). Со временем съездил в Ленинград, чтобы посмотреть на подлинники его картин. Это что-то невероятное!

К тому же важно помнить, что вода – это зеркало. Она отражает все. И любая волна – это тоже обязательно зеркало, и тоже отражает. Поэтому меня удивляют некоторые современные авторы, у которых море на полотне отдельно, а корабль – отдельно, связи никакой. Я всегда обращаю на это внимание, можете убедиться.

– Как рождаются ваши работы? Все эти корабли реально существовали?

– Обязательно. Меня вдохновляет история, а эта дама как раз не терпит фантазий. Сначала появляется образ корабля. Я добиваюсь того, чтобы он

выглядел на картине достоверно вплоть до самых мельчайших деталей. Фантазию уже потом включаю, представляя море, по которому он ходил.

Не забывайте, что типов кораблей было тысячи, и я могу говорить о них часами. Клиппер «Катти Сарк», «короткая рубашка», он до сих пор находится в музее под открытым небом в Гринвиче. Корабль берегут как нашу «Аврору», тщательно реставрируют. Был ещё отличный клиппер «Фермопилы». Эти два корабля всегда соревновались между собой за голубую ленту Атлантики. Любимый «Ингерманланд» Петра – парусный линейный корабль. На нем были 64 пушки установлены.

Я давно начал изучать историю, в том числе военную, собрал огромную по нашим меркам собственную библиотеку. Меня интересовало все, в том числе современная история военно-морского флота. Ну и паруса, конечно. Это же романтика! Мне не приходилось встречать человека, который бы не любил паруса. Фильм «Алые паруса», Вертинская и Лановой... Созданные ими кинообразы с ума сводили моих ровесников, да и сейчас не оставляют зрителей равнодушными.

– Вы – художник-самородок. Кто-то, помимо Айвазовского, оказал влияние на ваше становление в качестве художника?

– Полученное мной образование не имеет прямого отношения к живописи. Я окончил Уфимский индустриальный техникум, потом Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта. Но на мое творчество большое влияние оказала Адия Хабибулловна Ситдикова в процессе нашего с ней общения. Мы дружили семьями. Она была уникальной! Тоже самородок, кстати. Стала народным художником Башкирской АССР (Республики Башкортостан), лауреатом Государственной премии имени Салавата Юлаева. Она входит в число лучших художников Башкортостана, таких как Борис Фёдорович Домашников, Александр Данилович Бурзянцев, Ахмат Фаткуллович Лутфуллин, Александр Эрастович Тюлькин, Рашит Мухаметбареевич Нурмухаметов.



«Пиратская жизнь», 2013 г. Холст, масло

– Масло, акварель. Это все сложные техники. Неужели по книгам учились?

– Вы даже представить не можете, сколько я прочитал! Ещё на Колыме подписался на «Школу изобразительных искусств», всю ее проштудировал от «А» до «Я». Все доступные мне книги по живописи были изучены и апробированы. Надо ещё сказать, что в Отделе технической эстетики завода «Гидравлика», где я проработал 14 лет художником-конструктором, также был получен бесценный опыт. Знания по черчению и художественному дизайну у меня уже к тому времени были. Я прошел самостоятельно такую школу живописи, какую не каждый художник получит в институте. Участвовал в выставке «Дизайн и архитектура в реконструкции» (Уфа, 1987 г.), в оформлении уфимских площадей к праздникам, в том числе в подготовке новогодних ледяных городков, фойе Госцирка к Новому году.

– Может быть, ваши родители рисовали?

– Боюсь вас разочаровать. Папа не рисовал. Его единственный рисунок – корова с крыльями. Он думал, что это птица! Но мне так она понравилась, что я стал ее перерисовывать, пытаюсь папе подражать. Мама работала бухгалтером, была прекрасной домохозяйкой, но – никакой живописи.

– Ваша жена Венера много лет работала художником-оформителем?

– Венера окончила художественную школу, педучилище, а после истфака БГУ проработала восемь лет научным сотрудником Музея этнографии. Она – моя движущая сила, помогает мне во всем. Мы с ней познакомились на заводе «Гидравлика», где она была не только художником-оформителем, но и заместителем начальника «Комсомольского прожектора». В эту общественную работу втянула и меня. Так я стал заводским художником-карикатуристом. И хотя работал я тогда на предприятии техником военного представительства Министерства обороны,



«Петровская Балтика», 1996 г. Холст, масло

меня всегда притягивала творческая атмосфера. Закономерно, что спустя пять с половиной лет перешел в отдел технической эстетики. Получил четыре авторских свидетельства об изобретениях и был награжден бронзовой медалью Всесоюзной выставки ВДНХ СССР.

Спорт после живописи всегда был вторым моим любимым занятием. Это и спортивная гимнастика, где я – кандидат в мастера спорта, и волейбол, и водные лыжи. Принимал участие в соревнованиях по всем этим видам спорта.

– Ваш сын получил художественное образование и тоже участвует в проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Да, он окончил Уфимское училище искусств и худграф БГПУ. Сейчас Евгений работает директором рекламного агентства. Пять его работ вы можете увидеть на сайте проекта в номинации «Актуальное

искусство». Ситдикова в свое время высоко оценила его потенциал как художника. Я разделяю это мнение.

Художественное образование сына делает его неоценимым консультантом для меня. Я с ним советуясь при написании картин. Евгений, как и жена, принимает самое деятельное участие в подготовке моих выставок. Я творчески подхожу к оформлению «Книги отзывов», собственноручно изготавливаю пригласительные билеты. Друзья часто оставляют их «на память». На открытии, бывает, организуем викторины с призами – моими работами.

Основная тематика моих выставок – история морского флота России. За экскурсии, которые в их рамках провожу, меня наградили грамотой Союза художников Республики Башкортостан за пропаганду изобразительного искусства. Я благодарен Союзу художников РБ за то, что их Малый зал был четыре раза предоставлен для моих персональных выставок.

Текст: Елена Синицина

АЛЬБИНА АНТИПОВА:

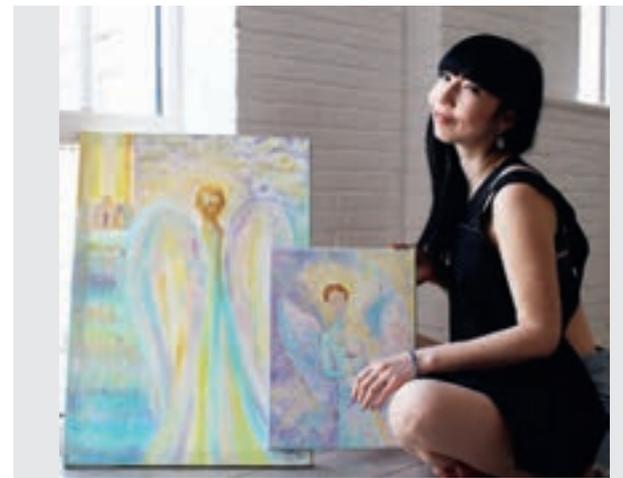
«УЛЫБОК ВСЕМ, КТО ЖДЕТ ВЕСНУ...»

*Три светлых ангела стояли над душой.
Один сказал: «Она живет беспечно!»
«И редко молится» – тут поддержал второй.
«Зато полна любви и человечна!» –
Ответил, улыбнувшись, третий.
И Бог ответ лишь третьего заметил.*

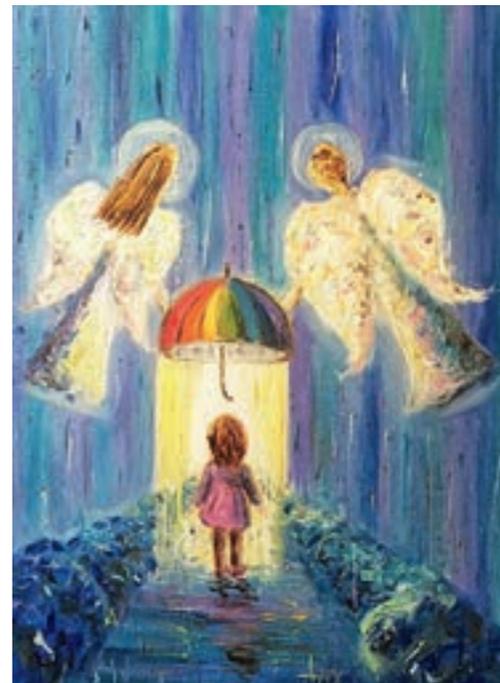
А. Савенков

На картине – маленькая девочка, идущая в «сумрак неизвестного» под радужным зонтом, который над ней раскрыли два ангела. Альбина сделала к ней «нота бене»: «Когда ты грустишь и рассуждаешь о тотальном своем одиночестве, при видимом количестве людей возле тебя, просто вспомни – ты не одна, и ты не один. Ты – частичка света и любви, из которой соткано всё». Эту картину у художницы заказывали четырежды, и «намерение, вложенное в нее, оберег, лишь усиливают ее».

Традиция изображения ангелов – бесплотных крылатых созданий защиты – стара как мир и идет от влияния христианского искусства. Но современная культура, однако, показывает, что наше великое увлечение темой ангелов не всегда зависит от религиозного контекста. Их облик менялся и меняется в разные эпохи. Но это всегда драгоценный мир духовного просветления. «Ангелы есть и у тебя. Ты помнишь об этом?» – спрашивает Альбина. Очертания крыльев – и в могучей морской волне («Море»), и в облаках – разноцветных фантомах, и в силуэтах белых парусов («Лодки»). «Ты помощь моя, и в тени крыл твоих я возрадуюсь!» (Пс. 62.8).



Альбина Харисовна Антипова родилась 25 мая 1989 года в Уфе. Рисовать любила с детства. Окончила Финансовую академию при Правительстве РФ в Москве. Создала метафорические карты. Ведет занятия по арт-терапии. Участвует в городских и региональных выставках.



«Ангелы».
Холст, масло



«Полет». Холст, масло

С детства любившая рисовать, Альбина, однако, получила образование, которое трудно увязать с изобразительным искусством. Она окончила московскую финансовую академию, но внутренняя тяга к рисованию, уверенность в своих силах вновь привели ее на малую родину, где «распускалось как цветок ее неоспоримое дарование», говоря высоким слогом. Стройная девушка с раскосыми глазами мечтательной шалуньи не растеряла своей детской непосредственности и яркого, мажорного восприятия мира. «Я осталась девочкой, которая однажды взяла в руки фонарь и решила зайти в сумрак неизвестного, раскрасить его яркими красками, – говорит Альби-

на. – Когда рисую, словно просматриваю любимый фильм – вижу всё как исполненное. Обязательно подкрепляю эмоциями любви и благодарности. Энергию таких вибраций я вливаю в картину, и оказывается так, что желание сбывается!». Действительно, некоторые сюжеты ее картин напоминают кадры детских мультфильмов, светлых грез. Но это – не слащавая инфантильность, и не то, что Пушкин называл «выходками авторского самолюбия». Убедившись в положительной реакции на свои картины самых разных категорий зрителей, художница решила заняться арт-терапией. Она создала на базе картин своеобразные «метафорические карты».



«Лодки». Холст, масло

«Данный инструмент работы с подсознанием будет идеально помогать при психотерапии, сказкотерапии в разрешении конфликтов. Эти карты легки и наглядны в применении, и работать с ними можно самостоятельно, особенно тем, кто стремится к самопознанию, кто желает стать ближе к себе истинному», – уверяет Альбина.

Её искренность, яркость и богатство оттенков в радужной палитре, детская метафоричность сюжетов подкупают («Полет», «Луна») и заставляют забыть об академической стороне ее живописи, но она на это и не претендует. Главное, передать эмоции любви и благодарности. Спокойная просветленная безмятежность, чувство многоцветности мира и вера в лучшее присущи её картинам, а этого нам всем хронически не хватает сегодня.

Альбина Антипова – призер проекта «Любимые художники Башкирии» в номинации «Самородок». А что такое самородок, если спросить у батюшки Владимира Ивановича Даля? «Самородок разнообразен природой своей, нравом и свойствами».



«Море». Холст, масло



«Луна». Холст, масло

В этом художнице не откажешь. Хочется, чтобы Альбина сохранила солнечный заряд доброты и любви, радуя зрителя новыми врачующими вибрациями своей живописи.

Текст: Эльвира Каримова



Рауфат Талгатович Нигматуллин родился 3 мая 1963 г. в с. Дюртюли. В 1980 г. окончил среднюю школу, затем – автошколу ДОСААФ. После прохождения воинской службы в Приморском крае работал на рыболовецких судах в Охотском и Баренцевом морях. Вернувшись в родные края, начал рисовать в свободное от основной работы время. Принимает активное участие в различных проектах, экспозициях.



«Зима», 2013 г.
Холст, масло

РАУФАТ НИГМАТУЛЛИН

САМОРОДОК ИЗ ДЮРТЮЛЕЙ

*Весь огромный мир кругом меня, надо мной
и подо мной полон неизвестных тайн.
Я буду их открывать всю жизнь, потому что
это – самое увлекательное занятие в мире.*

Виталий Бианки

Любовь к лошадям – это наша национальная любовь, это в крови. Но вороной конь, выходящий из бурных морских волн, уже напоминает символ, автобиографический символ возвращения домой из трудных далеких странствий.

Дело в том, что автор картины «Конь», дюртюлинский самодеятельный художник Рауфат Нигматуллин, провел в морях немало лет. После флотской службы в Приморье он подался в рыболовную отрасль и ходил на кораблях по Баренцеву и Охотскому морям. Жизнь моряка, тяжелая, но невероятно интересная, полна ветров и широчайших просторов. И всё же, после долгих скитаний, сменив много профессий, он вернулся в родные места, обогащенный дальним опытом и охваченный ностальгией по малой родине. Не оттого ли им так подробно и любовно выписана каждая веточка на дереве, каждое облачко или лесная тропинка?

Рисовать Рауфат Талгатович начал уже в довольно зрелом возрасте. К творчеству его привела не только романтика былых странствий, но и... работа на кладбище, где он с 1989 года занимался изготовлением надгробных памятников, обустройством могил. «Работая там, поневоле становишься философом, начинаешь смотреть на мир под другим углом», – говорит Рауфат Нигматуллин. Как не вспомнить тут гамлетовское: «Бедный Йорик»! Какая неожиданная смена декораций, крутой поворот судьбы! Но пути Господни неисповедимы, и у каждого человека они свои.



«Конь», 2012 г. Холст, масло

В 2010 году он увлекся метафизикой, его живо заинтересовала сущность Бытия. Тогда он и начал серьезно рисовать, писать картины, в основном – пейзажи. И не грандиозные просторы северных морей, а родные до боли уголки Башкирии.

Не будем слишком строги к стилю художника. Его картины, словно по меткому выражению А.С. Пушкина, писаны «более музыкой мысли и чувств, чем игрою воображения». Природа для него – выразитель «светлых энергий» и источник тайн, художник в своих работах стремится «в ее таинственную грудь, как в сердце друга, заглянуть» (А.С. Пушкин). Рауфат Талгатович поясняет: «Любая картина впитывает и несет энергию, вложенную в нее». Стремление его к гармонической точности, подробности живых деталей иногда невольно переходит в излишнюю декоративную «красивость», «салонность», и от этого индивидуальные достоинства стиля остаются «под водой», некоторые работы начинают напоминать репродукции с фотографий



«Малиновка», 2015 г.
Холст, масло

(«Айдар»). Реалист – романтик, он придерживается традиционной классической школы, но у художника есть картины, в которых ощутимы и собственный дух, воззрения автора. Очень трогателен «портрет» птички малиновки среди яблоневого цвета, ведь эта малая утренняя птаха – действительно один из проводников наших «светлых энергий», провозвестник зари. Пустынный пейзаж «Покинутость» гораздо более драматичен и суров, но и здесь с неба сквозь тучи проливаются солнечные лучи, освещая золотом прихотливую пластику крон голых деревьев, берега водоема, окрестных гор, расцветивая мрачное состояние природы.

В целом, в работах Рауфата Нигматуллина всегда присутствует солнечная воздушная среда, несущая заряд позитива и чистоты. Чистый лес, без варварского захламления пластиком и прочим мусором, к сожалению, скоро трудно будет найти и в самых заповедных уголках природы, но художник доносит до нас прелесть «идеального» леса, каким он дол-



«Покинутость»,
2011 г. Холст, масло

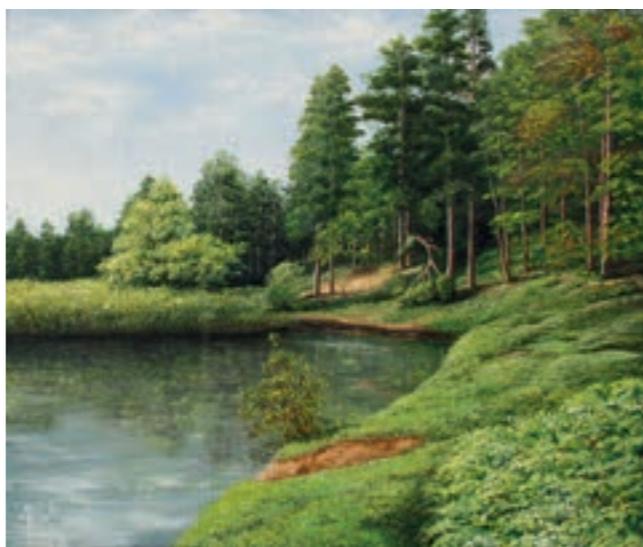
жен быть («Кангышевский лес», «Зима», «Осень», «Пейзаж с озером» и другие работы).

Трудясь художником-декоратором в Центре культуры и досуга Дюртюлей параллельно с основной работой, Рауфат Нигматуллин может предаваться любимой пейзажной живописи, по его словам, лишь с ноября по апрель: летом не хватает времени. У него большая семья, трое детей и уже двое внуков, много домашних забот.

Любят творчество Рауфата Нигматуллина, а сам он утверждает: «Если даже несколько человек, посмотрев на мои картины, захотят сделать мир краше, я буду счастлив».

Персональные и другие выставки с участием художника неоднократно проходили в родных Дюртюлях, в селе Верхне-Яркеево, в городе Бирске. Пожелаем дюртюлинскому самородку и в дальнейшем совершенствовать свой талант, свой стиль и духовность, одаривая зрителей радостью и светлым настроением.

Текст: Эльвира Каримова



«Пейзаж», 2016 г.
Холст, масло

ФЛЁРА ШАРИПОВА:

«То, что у тебя внутри,
ты и передаешь.
Берешь кисть –
у тебя получается картина,
берешь ноты – музыка,
берешь слова –
у тебя получаются стихи...»



– Где и когда вы родились?

– 25 марта 1963 года в деревне Чуюнчи-Чупаново Зилаирского района. Это очень красивый лесной район Башкирии – со скалами, соснами, богатыми смешанными лесами. Природа восхитительной красоты! Мой отец, Шарипов Габдулхай Хазиевич, был преподавателем математики и по совместительству – преподавателем рисования. Папа, кстати, и учил меня рисовать. Я помню, он ставил передо мной стеклянную банку и говорил: «Нарисуй!». Я рисую, стараюсь, пытаюсь всё передать. А он: «Нет, банка непрозрачная, я не верю, что она из стекла». И я рисую снова. Сам он прекрасно рисовал, пел, и мама у меня замечательно пела. Как я теперь понимаю, истоки всего моего творчества берут начало в семье. Папа с мамой были восхитительной парой, они даже когда в магазин выходили, держали друг друга за руку, дома постоянно звучали песни и смех. Я родилась и выросла в атмосфере любви. Семья была на удивление дружной, поэтому у меня много стихов и песен о таких семьях.

Деревня наша расположена в лесу, может, поэтому пишу в основном родные пейзажи. Мечтала в детстве стать учителем, хотела иметь четверых

детей, чтобы один был обязательно композитором, другой – художником, а еще два – певцом и поэтом. Так сложилось, что всё это воплотилось во мне самой. Я с детства слышу музыку. Музыка во всём: в травах, шелесте листьев, в лесу, на воде... Когда вижу картины природы в реальности, то представляю себе, как их лучше нарисовать, чтобы, например, вода текла, стволы берёз светились живым волшебным магическим светом. Любуюсь человеком, всё время ловлю себя на мысли о том, как изобразить его, чтобы получился взгляд живым, чтобы в этом взгляде проявилась душа, подлинное настроение. Я считаю, что нашла свою дорогу в жизни, ведь у каждого человека – свои задачи, предназначение... Думаю, я рождена для того, чтобы через музыку, стихи, картины передавать людям то, чем наполнена моя душа, как я чувствую эту жизнь.

– Что именно вам хотелось бы передать людям?

– Когда пишешь, льётся из души то, что тебя трогает, волнует... В своём творчестве, через песни и картины, я стараюсь призывать людей к позитивному отношению к жизни, к умению видеть прекрасное в простых вещах. Хочется, чтобы их душа была



«Река Нугуш», 2003 г.
ДВП, масло

наполнена светом и любовью, чтобы люди были добрее, жили в любви и согласии друг с другом и с природой, умели ценить то, что есть. Мне хочется добавить капельку света в их жизнь, дотронуться до души каждого человека, чтобы люди задумались об истинных ценностях бытия.

– По сути вы своим искусством проповедуете философское отношение к жизни. У вас в родне нет представителей духовенства?

– Да, я из рода муллы. Многие мои предки в своё время совершали хадж.

– А как ваша трудовая биография складывалась?
– После 8 класса я приехала в Уфу и поступила в дошкольное педагогическое училище № 1 (теперь это Уфимский педагогический колледж № 1), потом окончила БГПИ им. Акмуллы. Трудовую де-

ятельность начала в родном Зилаирском районе, в детском саду. Работала в г. Баймаке в школе № 3, в уфимских детских садах. Сначала это был 308-й детский сад в Сипайлово, затем трудилась старшим воспитателем в 234-м детском саду. Надо сказать, что как раз в это время уделялось большое внимание региональному компоненту, открывались национальные группы. Я тоже совместно с коллегами открыла башкирскую группу и работала её воспитателем, обучала детей башкирскому языку. Это было впервые! Ещё тогда, в первой своей башкирской группе, я самостоятельно разрабатывала программу «Обучение башкирскому языку», своими руками делала необходимые пособия. Считаю, что знание родного языка и искусства очень важно для каждого человека. Сама говорю и пишу и на татарском, и на башкирском, и на русском. Я – татарка, но баш-

кирская татарка, влюблённая в Башкирию, в природу родного края.

Как только у меня появляется свободное время, мы выезжаем с друзьями на природу, сплавляемся по рекам, ходим в походы, взбираемся на скалы, и так – уже более 20 лет. Вот откуда большинство моих пейзажей, все картины отражают то, что я видела. И мне всегда хочется, чтобы люди тоже увидели эту красоту.

– Вы пишете по памяти?

– Выезжать на этюды у меня не всегда получается. Когда бываю на природе, много фотографирую, иногда делаю какие-то зарисовки. И вот на основе этих зафиксированных впечатлений появляется картина. Когда я начинаю её писать, возникает ощущение, будто я переносусь туда, в то самое место, там стою и пишу. Был такой случай: мне заказали картину «Дорога в сад». Женщина просто описала местность: дорога, слева овраг... Я там не была, собственными глазами никогда не видела всё это, но она посчитала, что ей такая картина очень нужна, а мне очень нужны были деньги. Когда пришла забирать работу, восхитилась: «Ничего себе! Это именно то место! И овраг, и дорога в сад...». По ощущениям помню, как будто там побывала. Получилось достоверно. Удивительно... Начинаю писать и впадаю в какое-то изменённое состояние: никого не вижу, ничего не слышу, могу забыть о еде. Пишу и пишу на одном дыхании. Родные говорят: «У тебя на лице – улыбка блаженства». Я действительно «исчезаю», оказываюсь не здесь – «там». Зрители тоже ощущают живую энергетику этого места, она идёт от картин, когда на них подолгу смотрят. Говорят, иногда такое ощущение возникает, что они слышат журчание воды и шум ветра. Делятся многие тем, что успокаиваются, отдыхают, им становится хорошо, как будто они тоже оказываются там, на лоне природы; картина завораживает, происходит релаксация... Хотя и о песнях то же самое говорят.

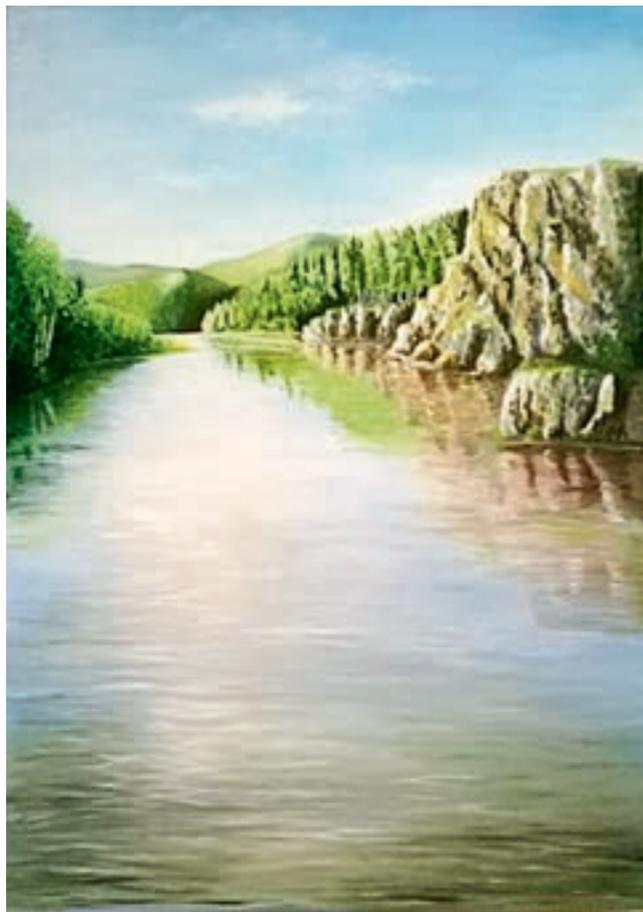


«Колыбельная», 1999 г. ДВП, масло

– Мне нравится ваша картина с девочкой и бабушкой. Так нежно выписан быт! У вас, по моим ощущениям, очень лиричные и женственные, женские картины. Даже пейзажи.

– Да, в этой девочке все меня узнают: такая же манера склонять голову на бок... Я даже когда на сцене пою, голову похоже наклоняю. Узнаваемо получилось. В основном, конечно, пишу пейзажи, очень люблю природу. При этом возникает желание запечатлеть всё, что меня трогает, что эмоционально наполняет. Есть и портреты. Встречаются очень интересные лица, которые светятся изнутри, и мне интересно это сияние внутреннее передать. Но портретов немного.

Случается, что сталкиваюсь с удивлением окружающих. У меня нет художественного образования, и при этом я пишу картины, нет музыкального образования – пишу песни (Флёра Габдулхаевна – лауреат I Регионального фестиваля-конкурса самодельных композиторов и национальной музыкальной премии «Радио Булгар» – авт.). Считаю, что моей заслуги тут очень немного, всё идёт от Бога, как будто мне Всевышний какой-то канал дал, че-



«Река Инзер», 2017 г.
Холст, масло

рез меня просто передается всё... Мне кажется, что и картины, и стихи, и музыка – это одно и то же. То, что у тебя внутри, ты и передаешь. Берешь кисть – у тебя получается картина, берешь ноты – музыка, берешь слова – у тебя получаются стихи. Неважно, чем ты пользуешься: просто выливаешь то, что у тебя внутри, передаешь то, что хочешь выразить.

– С какого времени вы себя полностью посвятили творчеству?

– С 2008 года. С тех пор я написала более 300 песен, выпустила два диска, книгу стихов, написала немало картин. Сколько – даже не знаю, не считала... Писала, дарила родственникам, всем, кто просил. В тяжёлые годы жизни картины помогали мне встать на ноги. Осталась у меня с того времени самая первая картина, «Сурень», написанная маслом, она в одном из конкурсов Зауралья заняла второе место, кажется, в 1989 году. Я подарила её папе на юбилей.

Был в моей жизни и очень сложный период. Вышла замуж, родила дочь, и мы разошлись с мужем, когда она была ещё совсем маленькой. Я просто взяла дочь и ушла. Особенно тяжело было вначале: «мотались» по квартирам, даже в детском саду какое-то время приходилось жить. Но любое испытание – это наши уроки жизни, и мы их благополучно прошли. Дочь для меня – большой подарок судьбы! Она очень мудрая, воспитанная, добрая, очень хорошенькая. Это мой самый большой друг, моя поддержка во всём! В замужестве я не рисовала, не пела, у меня практически полностью творчество «встало», только стихи писала... Потом, позже, казалось: мы как будто из какой-то ямы выбрались с дочкой. Но моё творчество было бы другим, если бы это «чистилище» не прошла. У каждого есть свой путь, и мне нужно было пройти и такой его участок. Мудрости эти испытания добавили и философского отношения к жизни. Всё это передаю на холсты, весь мой опыт жизни выливается в творчество.

Считаю, что, несмотря на трудности и испытания, человек должен оставаться наполненным светом и любовью... Когда пишу, меня переполняет любовь – к природе, к людям, к жизни. Особенно это проявляется в наших путешествиях, на сплавах. А потом, глядя на мои картины, люди это чувствуют. Помню, подарила картину «После дождя» старшему прапорщику, командиру роты кадетского корпуса Сайделову Ильдару Закуановичу. Просто дорога после дождя... Мокрая трава, березовая роща. Он особых эмоций в ответ на подарок не выразил, а через полгода меня



«Нугуш», 2000 г.
ДВП, масло

увидел и говорит: «У Вас картина волшебная, живая! Захожу после работы, сажусь перед ней, и кажется, что я там, иду по дороге, ощущаю свежесть... Все неприятности, усталость, головная боль – всё уходит. Отдыхаю! Ваша картина – лечебная».

Я очень благодарна организаторам проекта «Любимые художники Башкирии». Благодарна Айдару Ахатовичу Мусину, мужу моей сестры Флориды, преподавателю школы искусств в Баймаке, заслуженному деятелю искусств: именно он настоял на том, чтобы я участвовала в этом конкурсе. А когда-то впервые дал мне в руки масляные краски. Победа в конкурсе стала для меня счастливой неожиданностью и значимым событием в жизни!

Неважно, сколько человек послушают мои песни, прочтут стихи и увидят картины, главное, чтобы мое творчество задело их души, помогло стать на капельку чище и светлее! Я так вижу и я так живу.

Текст: Елена Сеницына



«Дорога на Ирмель»,
2016 г. Холст, масло

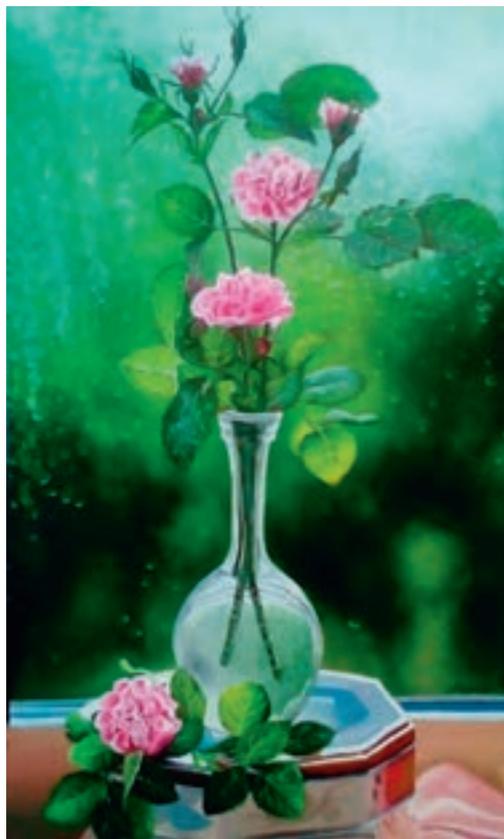


МАРЬЯМ ЦЕЛИЩЕВА

РУЧЕЕК ПОКА ТОЛЬКО ПРОБИВАЕТСЯ...

*Талант не там, где его ждут.
Он там, где его не ждали.*

К. Фосборн



«Розы у окна в дождь», 2017 г. Холст, масло

Как передать удивительно нежный цвет грудки снегиря или сложную игру бликов на спелых яблоках, как правдиво описать роскошное умирание пионов в жестяном ведре или нездешнюю грацию цветка магнолии на ветке? Как передать это подробно и в то же время целостно, при этом не дублировать «равнодушную» природу, но одухотворить ее, выхватив чудесные моменты из обыденной действительности? То есть как передать всё это без специального художественного образования, руководствуясь только интуицией, врожденным вкусом и огромным желанием рисовать? Молодой художнице Марьям Целищевой это удастся каким-то волшебным образом.

Марьям Ильгизовна родилась в 1990 году в Уфе. С красным дипломом окончила УГАТУ, работала в банках республики и России. В 2016 году посетила частную художественную школу, в 2018-м стала призером проекта «Любимые художники Башкирии» в номинации «Самородки».

В ее семье не было людей, близких к искусству, и художественное творчество не считалось серьезной профессией, делом всей жизни. С детства любившая рисовать, девочка мечтала поступить в художе-



Триптих «Цветы», 2018 г. Наждачная бумага, пастель

ственную школу, тем более, что та находилась буквально за забором ее дома. К остальным «кружкам» – танцам, занятиям музыкой – она была равнодушна. Но учиться в той «художке» ей было не суждено, и по окончании средней школы Марьям поступила в престижный технический вуз, с головой окунулась в напряженную учебу. Заниматься рисованием не было времени. Успешно окончив УГАТУ и работая в дальнейшем в технической и банковской сферах, Марьям чувствовала, что в ее жизни не хватает чего-то очень важного, по ее словам, «всегда было ощущение, что я не на своем месте».

И только в 2016 году она начала учиться азам рисунка и живописи в частной художественной школе – вместе с дошколятами и младшими школьниками, что нимало ее не смущало, а, напротив, даже нравилось. И первые успехи не заставили себя ждать, всё давалось ей удивительно легко. Супруг, заметив и оценив первые творения Марьям, купил ей мольберт и прочие необходимые атрибуты, попросил

сделать целую галерею картин. А Марьям, оставив прежнюю работу, поняла, что всё становится на свои места. Любимыми материалами стали масло и пастель. «Конечно, они очень разные, и в каждом – своя прелесть. Масло позволяет делать картины яркими и реалистичными, пастель же менее требовательна к деталям, нежна и легка в обращении», – рассказывает художница.

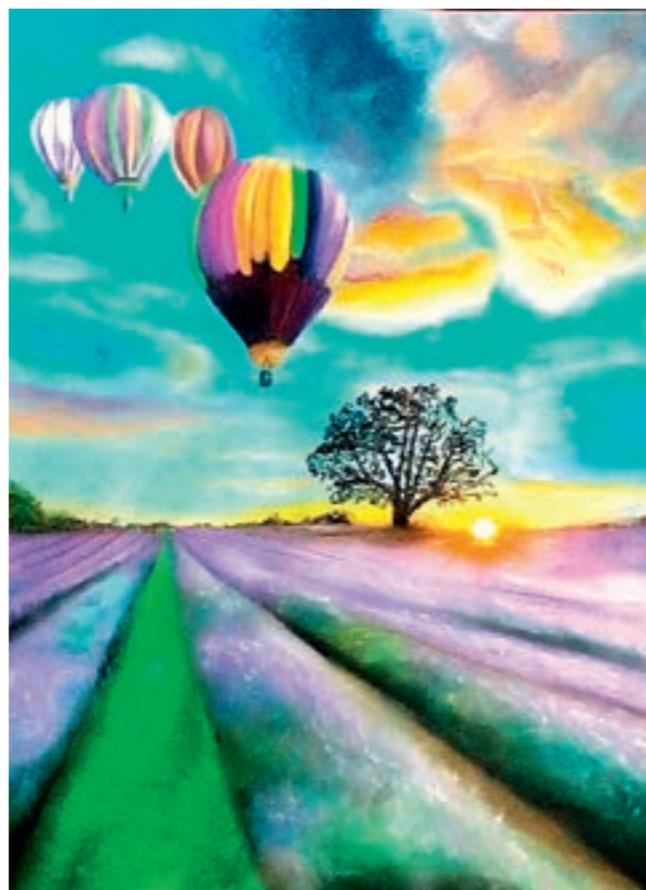
Материалы действительно разнятся, но в обеих техниках Марьям показывает неповторимый стиль, узнаваемый особой плавностью линий, богатством и неожиданностью цветовых сочетаний («Лебеди», «Лодка», другие работы). Слова Ильи Репина о том, что «талант, внося часть самого себя в свое создание, создает этим новый стиль», кажется, сказаны и о ней. Сюжеты предельно просты и беспроектно хороши: в основном, это цветы и фрукты, иногда – состояния природы (как, например, великолепный закат в картине «Лодка»). В этом нет ничего исключительного. «Талант ниспослан природой и апелли-



«Лодка», 2017 г. Пастельная бумага, пастель

рует к ней же» (Ф. Купер). Но в цветах Целищевой мы видим такое нежное внимание к каждому бутону и лепестку (триптих «Цветы», картины «Пионы», «Роза» и др.), что они и вправду кажутся одушевленными. «Не знаю, почему, но, когда я смотрю на них, сразу понимаю, с какой стороны подобраться к изображению, с чего начать, и как лучше передать форму. Возможно, когда-нибудь захочется попробовать себя в иной тематике», – говорит Марьям.

Случайно узнав от сестры о проекте – конкурсе «Любимые художники Башкирии», Марьям разместила на сайте свои работы. Победа в номинации «Самородки» стала для нее полнейшим сюрпризом. И она благодарна всем создателям проекта за высокую оценку ее творчества. Несомненно, это даст ей новый импульс, новые источники вдохновения. Ручеек ее таланта только начинает пробиваться, но, как говаривал несравненный Фредди Меркьюри, «настоящий талант всегда пробьет себе дорогу!».



«Воздушные шары над лавандовым полем», 2017 г. Пастельная бумага, пастель

МУНИР АБУБАКИРОВ:

«Всё равно в душе есть то, что переносится на холст...»



- Мунир Ризаевич, когда и где вы родились?
- Я родился 7 марта 1954 года в селе Аркаул Салаватского района.
- Творческий дар настиг вас в 55 лет?
- Застал (улыбается).

– А до этого? Неужели с ним были совсем незнакомы? Вы родились в одном из самых красивых районов Башкирии, где, кажется, сама природа располагает к творчеству, к живописи.

– Деревенская жизнь – это работа, работа и работа с раннего утра и до позднего вечера. Нас в семье было пятеро детей. Коровы, овцы, труд в колхозе, к которому детей приобщают очень рано... Я, наверное, характером больше на маму похож. Она всю жизнь была депутатом сельского совета, депутатом женсовета деревни, потом председателем ревизионных комиссий. Отец работал механизатором: и на комбайне трудился, и на тракторе. Художников в родне нет, но в детских воспоминаниях запечатлелось, как отец подошел и, не отрывая карандаша от бумаги, одним движением нарисовал петуха. «Вот так надо рисовать!». Я помню, как уди-

вился. Примерно в то же время, где-то во втором классе, на уроке рисования первый раз учитель похвалил меня, и в памяти это осталось. Было задание нарисовать топор, учитель посмотрел внимательно на мою картинку и сказал: «Так красиво получилось – настоящий топор!». Потом всё как-то забылось, долго не рисовал.

Ещё вспоминается случай в общежитии уфимского мединститута, где я учился в начале семидесятых. Вместе со мной в одной комнате студентов проживало человек десять. Нередко я делал карандашные и акварельные наброски и приклеивал их на стены. Комендант заходит: «Убери всё это хозяйство! Порядок нужен!». Я отвечаю: «Нам хорошо, мы смотрим – всем нравится». Он декану пожаловался и в очередной обход общежития зашел к нам уже вместе с деканом. Тогда эту должность занимала Аскарова, она оглядела стены и сказала: «Красиво же, пусть так и будет». Потом, во время работы санитарным врачом уже в районе, в Малоязе, в свободное время я начал заниматься резьбой по дереву. Увлёкся: вырезал что-то для себя, на подарки... Позже с друзьями по вечерам после работы рубили



«Сенокосная пора», 2016 г. Холст, масло

сообща деревянные скульптуры для детского городка в детском саду, всё это бесплатно, конечно.

В 1995 году переехал в Уфу, точнее, меня перевели в организационный отдел Госсобрания на должность главного специалиста. До этого в Малоязе сначала работал в санэпидемстанции санитарным врачом, потом секретарем исполкома назначили, избрали депутатом. Работал заместителем председателя райсовета, затем – управляющим отделением Сбербанка. Параллельно, в течение 10 лет, был председателем районной избирательной комиссии. В 1997 году учредили должность Уполномоченного

по правам человека, и руководство попросило принять участие в формировании аппарата. В итоге 17 лет проработал помощником уполномоченного и стал первым человеком в Башкирии, которого наградили Почетной грамотой Уполномоченного по правам человека Российской Федерации.

– У вас такая интересная трудовая биография!

– Самое главное, что мы, деревенские, работаем честно, о какой бы работе ни шла речь... Когда мне 55 лет исполнилось, дети подарили мне набор красок, кисточки и несколько холстов на подрам-



«Ковыль», 2015 г. Холст, масло

никах. И вот потихоньку, в свободное время, когда оно появлялось, я начал писать. Какая-то тяга была, и пошло, пошло, пошло... Сейчас, на пенсии, времени, казалось бы, должно быть много, но мне его теперь вообще не хватает. Не только картины пишу, не оставляю и своих спортивных увлечений! Это волейбол, настольный теннис, а зимой обязательно лыжи.

– До этого вы писали маслом?

– Нет.

– Вы у кого-то учились?

– Двигался методом проб и ошибок, десятки картин переделал, до сих пор переделываю некоторые, даже выбросить могу. Что-то нравится, что-то не нравится. Когда Интернет появился, появились и новые возможности для обучения. Теоретической базы же нет. Может быть, и хорошо...

– С одной стороны, да.

– Я смотрел, изучал, наверно, десятки тысяч работ разных художников, и не все были мне близки и

понятны. Дилетант же... Если нравились, старался технику изучать, смотреть на полотна с этой точки зрения. Так, понемногу, и постигал азы живописи. Кстати, еще студентом, я посещал в Уфе все выставки. Какая-то сильная внутренняя тяга была... Выставки Домашникова помню, Лутфуллина. Уже в то время, когда на картины смотрел, техника интересовала: особенности мазка, какие-то необычные приемы... Я на все это обязательно внимание обращал.

– Как у вас идеи картин рождаются? Вы пишете по памяти? Или выезжаете на природу?

– Есть преимущество сельского жителя, которое никуда не исчезает с годами жизни в городе. Я прекрасно помню, как с матерью ходили косить сено, вижу до сих пор эти пейзажи до самых мелких подробностей. Какие травы, как они растут, деревья – до отдельных веточек. Всё в памяти осталось. В детстве память самая...



«Натюрморт с кураем», 2017 г. Холст, масло



«Май на Урале»,
2017 г.
Холст, масло

– Яркая?
– Крепкая!

– Сколько обычно уходит времени на работу?

– По-разному. Иногда вот вроде бы завершил всё, потом через какой-то промежуток времени вижу – не так... Рисую родные места. Уфу пробо-вал, но в городских каменных пейзажах нет души. Не моё это. Года четыре тому назад ездил на родину, там с родными встречались на берегу Юрюзани. Сгустились сумерки, смотрю – луна вот такая... В течение недели написал работу.

Мне близок реализм, пейзаж, в основном – сельский. Портреты пытался писать, но пока сложно. Есть желание ещё попробовать, поработать серьезно. Хочется не просто лицо показать, а передать эмоции, взгляд. Это сложнее, чем пейзаж. Вот, например, портрет жены я раз сорок переделывал. Хотя, казалось бы, с моим профессиональным зна-

нием анатомии все должно получаться, но нет, не все так просто.

– Что, на ваш взгляд, притягивает зрителя в ваших картинах?

– Говорят, что реализм, натуральность, что реально красиво, как будто недавно сидели где-то на моей полянке или у реки. Вот это и притягивает. Говорят: «Смотрим на иной пейзаж, а там деревья неживые, трава пластмассовая, цветы не пахнут. А у вас – как в реальном лесу».

Я рисую, как мне нравится, как душа велит. Когда начал плотнее пейзажной живописью заниматься, стал более наблюдательным: замечаю, как трава утром выглядит, как – вечером, какие деревья – в солнечную погоду, какие – осенью, зимой... Наблюдательность «на автомате» развивается. Вроде бы и раньше всё это знал, но, когда рисуешь, мельчайшие нюансы всплывают. Я поклонник Исаака Левитана и

Алексея Савченко, думаю, можно их назвать моими учителями. У Левитана все картины пересмотрел множество раз, люблю технику Савченко, Шишкина изучать. Всё равно в душе есть то, что переносится на холст. Наброски делаю карандашом, когда в родном районе оказываюсь. Память пока зрительная хорошая, места все знакомые: просто память освежить, чтобы в картинах достоверно отображать природу своего района.

– А это какая деревня на холсте?

– Аркаул, наш дом. Называется «Память». Собирательный такой образ, дома давно нет, и сарая с соломенной крышей, и ворот. На скамейке – мать с отцом. Сейчас на этом месте стоит дом, но он немножко другой. А в памяти тот образ дома остался и душу греет всё равно. Вот написал, сфотографировал, отправил всем родственникам. Люблю делать подарки... Картин, наверное, 30–40 родственникам раздарил, друзьям. Сейчас в планах столько же работ написать для выставки, которую хотелось бы провести в Уфе. У меня состоялись выставки в Малоязе, в музее «Салавата Юлаева» (работала два месяца, было представлено 35 картин), в Янган-Тау. Но любителям всё-таки сложнее, чем профессионалам, которые располагают поддержкой профессионального сообщества в лице Союза художников. Мы, самородки, думается, нуждаемся в большей поддержке (*смеётся*).

– Я бы с удовольствием пошла на вашу выставку, мне близка природа Салаватского района.

– В Уфе надо сделать хотя бы один небольшой зал для самородков, любителей. Мы же интересуемся профессиональными художниками, их творчеством. Думаю, многим было бы интересно и на любителей посмотреть. Выставка – это же ещё и общение. Наверно, и профессиональные художники пришли бы...

В этом плане проект «Любимые художники Башкирии» – очень актуальный, интересный. Такая площадка! Первый раз для любителей столько



«Зимняя рябина», 2018 г.
Холст, масло

возможностей открылось. Огромное спасибо организаторам. Думаю, опять же, что сторонний взгляд простого обывателя интересен и для любителей, и для профессиональных художников. Для обывателя в современном изобразительном искусстве есть сложные и не совсем понятные моменты, особенно – в авангарде. Не все же понимают, например, суть «Черного квадрата» Малевича. Но в любом направлении должно быть что-то, что цепляет зрителя, заинтересовывает его. И в этом плане оценка «неподкованного» зрителя интересна. Одно дело, что говорят искусствоведы, а другое – как это обычный человек воспринимает. В конце концов, картины пишутся не для искусствоведов, а для широкой аудитории.

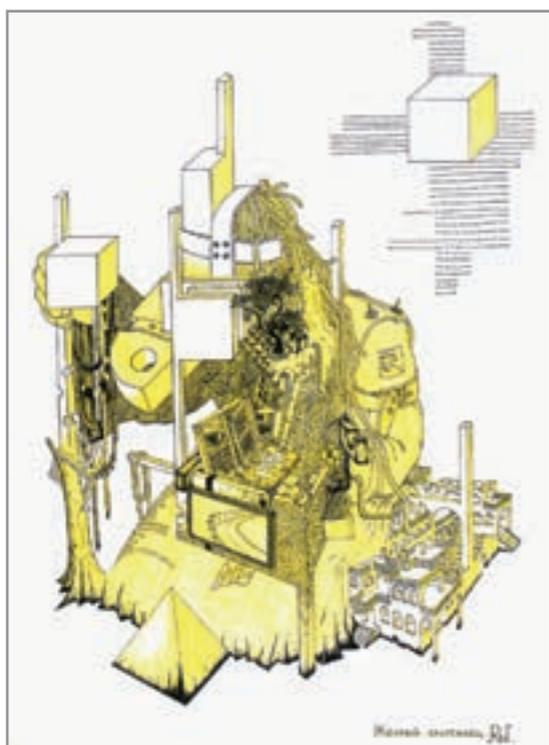
Проект, в котором посчастливилось участвовать, открывает новые возможности, у многих после него открылось «второе дыхание», выросли крылья...

Текст: Елена Синицына



РУСЛАН АХУНОВ:

«Это какая-то вечная математика, картины нереальные, непонятные, но что-то задевает прямо до дрожи, до мурашек...»



«Желтый скиталец», 1996 г. Картон, тушь

– У вас очень уютно.

– Да, наверное. Можно по квартире пройтись, Борис Фёдорович Домашников здесь жил. У нас же два великих башкирских художника – Лутфуллин и Домашников.

– Руслан Ирикович, как вам посчастливилось с ним познакомиться?

– Я познакомился сначала с сыном его Виктором. Жил рядом с мастерской Бориса Фёдоровича, там такая улочка есть недалеко от Тукаева. После знакомства стал забегать иногда в мастерскую.

Я интересовался живописью. В школе рисовал, в институте иногда. Очень хорошо у меня получались карикатуры, смешные какие-то вещи. Даже в журнале «Хэнэк» одну из них напечатали. Такой башкирский вариант «Крокодила» был, «Вилы» переводится. В школе, как только что-нибудь нарисую смешное, сразу ребята разбирали. Каждую неделю какие-то веселые истории рисовал в стенгазету, уже все привыкли к этому. В институте – тоже, но там больше было походов, гор, стройотрядов, КВНов, музыки. Вторая часть меня – это музыка, я музыкант.

– В каком институте вы учились?

– В уфимском нефтяном, по специальности «Бурение нефтяных и газовых скважин». После окончания института на Севере работал, потом свой бизнес раскручивал, не рисовал вообще. Правда, был один момент, когда мне этот навык понадобился. Интересная такая картина в результате получилась! Моему другу на День рождения подарок нужен был: не знал, что подарить. И вдруг появилась мысль картину нарисовать. За ночь нарисовал, работа хорошая получилась, я её выставлял потом. «Желтый скиталец». Графика. У меня голова скорее под графику «заточена». Я бы с удовольствием одну графику рисовал, но мне яркости хочется, цвета больше, работаю сейчас в технике «холст, масло».

– У вас, действительно, и живописные работы по-своему графичны.

– Интересно, что на выставках именно к этому моему небольшому по размеру «Желтому скитальцу» все «прилипали». Хотя другие работы цветные, яркие, а эта такая одна – монохромная, по сути.

– А на какой выставке?

– У меня было несколько выставок, организовывал. Книгу стихов выпустил «Я живу в Уфе», её презентация была. В ней тоже мои работы есть. И именно «Желтый скиталец» неизменно привлекает максимум внимания. Странно, она магическая какая-то!

– А вы никогда не анализировали, почему?

– Не знаю... Трудно объяснить. Там мудрость, страдания, жизнь, много всего. Целый Мир такой, присевший ненадолго отдохнуть, огромный, уставший... И сейчас он встанет и пойдет дальше... Нормально всё, надо жить дальше. Или, представьте, сколько мыслей у вас может пролететь за минуту, абсолютно разных, и всё равно это Вы, сгусток такой разной энергии... Чувствуется, наверно, картина транслирует это зрителю. Я говорил, что «Желтый скиталец», по сути, случайно возник. В начале двухтысячных я стал заходить к Борису Федоровичу Домашникову. Там большая мастерская была. Он и сын его Виктор сказали: «Приходи, вон место есть,



«Материальная», 2007 г. Холст, масло

садись, рисуй!». Я и сел, и начал писать. Они практически вообще ничего не говорили. Рисуй, что хочешь, никто ничему не учил. Приходил в любое время, потом мне даже ключи дали. Там было красок навалом, старые тюбики, кисточек остатки какие-то, позже сам стал себе покупать. Я сидел и писал, вообще ни в чем не разбираясь, а картины хорошие выходили и выходили. Энергию выплескивал! В это время бешеная работа была: завод строил, а потом вечером приходил в мастерскую. И мне это нравилось, я писал. Вот, кстати, до сих пор баночка для разбавителя оттуда, не знаю, как она называется, у мольберта стоит, привык



«Театр», 2003 г.
Холст, масло

к ней. И палитра его, самого Бориса Фёдоровича, от туда... Махровая такая, тяжеленькая.

– Как талисман?

– Нет, я этим не заморачиваюсь, просто удобные вещи. Я рисовал очень странные картины и удивлялся, что они производили хорошее впечатление на Бориса Фёдоровича, который был строгим человеком, именитым. И возраст всё-таки, а воспринимал мои картины нормально. Я думал сначала, что сейчас мне по башке дадут за мои нестандартные художества!

Потом он умер, и получилось так, что родные продавали квартиру, а я искал как раз себе жилье в это время. Посмотрел и понял, что мне здесь нравится. У нас был выбор, но купили здесь, переделали все. А мастерскую сделал на даче, там рисовал в нерабочее время.

– Расскажите о работе подробнее, пожалуйста.

– Я – производственник по образованию и пониманию всех этих железок, механизмов, компрессоров, редукторов и т. п. Получилось так: когда заработал нормальные деньги, решил построить завод. Вложил всё туда, набрал кредитов, и в 2004 году запустили хороший немецкий завод по производству бетона, позже еще и производство сухих смесей открыли. Многие значимые городские объекты – Конгресс-холл, Уфа-Арена, аэропорт и целые микрорайоны Уфы – построены и на нашем бетоне. Мы делали качественную продукцию, и нас любили. Проработали 14 лет, а потом случился рейдерский захват. Готовились года два они, затем подло нанесли «удар в спину». Тяжело, конечно, было, столько лет труда и денег туда вложено! Сейчас заново начинать нужно жить, с нуля. Будем стараться. А завод дальше живет, работает, и это тоже моё творение, что приятно.

– А когда и где вы родились?

– Родился в Уфе 7 ноября 1965 года, в красный день календаря, ко мне всегда после демонстрации друзья приходили на День рождения.

Недавно жена предложила: «Пиши дома. Что ты мотаешься все время в мастерскую? Сидишь пока тут, думаешь, волнуешься, дурью маешься – рисуй!». В какой-то степени я, наверно, стресс снимал, что-то новое начал, «новая волна» пошла. До сих пор странно немного, что победил в этом конкурсе «Любимые художники Башкирии», лауреатом стал. В Питере говорил с руководством выставочных залов, показывал работы, вроде берут, даже с музеем «Эрарта» договорился. В Италию и Испанию, если постараться, есть возможность выставить картины, друзья там живут. Это бизнес тоже, если посчитать, то затраты пока превышают приход. Но приятно, что картины мои нравятся и воспринимаются за пределами республики. Здесь в серьезные выставочные залы не пробился, все всегда занято на год вперед. «Формат» у меня другой. Я, кстати, пробовал и пейзажи писать, у меня портреты неплохо получаются, но как-то это не моё всё, голова по-другому устроена. Сюрреализм получается или абстракция. Я даже названия своего направления толком не знаю, только в Питере нашел немного похожих ребят, тоже работают в технике «холст, масло».

– Ваши картины и картины Б.Ф. Домашникова – абсолютно разные. Меня удивляют ваши взаимоотношения, его благосклонность к художнику-самоходку.

– Конечно, абсолютно разные. Но в любой картине, независимо от стиля, или есть что-то, практически не поддающееся описанию, или нет. Если есть эта наполненность, – работа светится, энергия прёт от неё! Борис Фёдорович обычно смотрел: «прёт – не прёт», «задевает – не задевает».

Я всегда экспериментирую как художник. Мне важно, чтобы самому было интересно. И обязательно, чтобы было новое, абсолютно новое! Этим, возможно, тоже отличаюсь.

– Кого из классиков любите?



«Мысли», 2012 г. Холст, масло

– Все главные галереи мира объездил, была такая возможность. Париж, Дрезден, Барселона, Рим, Нью Йорк. На Айвазовского могу смотреть вечно, в шоке от него. Во Флоренции, жена видела, как я из Галереи Уффици не вылезал, работы Рафаэля буквально жрал глазами. Вот, понимаете, с человеком встречаешься – можно за семь секунд по взгляду определить его суть. Мозгами-то, может, и не понимаем, но тело, аура уже среагировали. Фишка в чём: когда я смотрел на Рафаэля, на меня смотрели глаза, которые я считывал. Я считывал его характер, ауру его. Это как надо рисовать? Там настоящее волшебство, магия! У меня почему-то с детства любовь к нему. Когда был маленьким, никто мне не говорил, кто такой Рафаэль. У меня была книжка «Шедевры зарубежной живописи», и именно живопись Рафаэля «зацепила» меня больше всего.

– Вы всегда мир так воспринимали, как сейчас? Глазами художника?

– Наверное, да. Зрительная хорошая память. Когда меня жена спрашивает: «Как ты это всё придумал?», говорю ей: «Да у меня миллион таких картин».



«Формы», 2009 г. Холст, масло

в голове, даже больше! Мне просто времени не хватит всё это передать!».

Еще я музыкант, как говорил уже, с детства играл на гитаре, в юности работал в рок-группах. И сейчас играю с очень хорошими коллективами. Мои инструменты – это губная гармошка, гитара, чаранга. Любимый стиль – блюз и музыка кантри. Считаю своим достижением стоять на сцене рядом с лучшими музыкантами нашего города и играть любимую музыку.

Мы и с женой благодаря музыке познакомились! Она с детства почему-то тоже в «кантри» влюблена.

– Она для вас – Муза?

– Да! Залия – это мой луч солнца! Она – Человек с большой буквы, спасибо, что Бог дал мне ее. Она и книгу стихов меня заставила выпустить. Нашел кучу бумаг, когда переезжал, целый мешок полиэтиленовый. «Выкинуть надо или нет? Молодой был – стихи писал». Она говорит: «Дай, я прочитаю!». Ей понравилось. Потом я всё перебрал, распечатал, кое-где мат убрал, и вышла книжка с «Желтым скитальцем» на одной из страниц. Жена настояла, пока я тут «тормозил»: «Рисуй, сиди!», а то бы и не было картин многих. И сама она – очень творческая личность: конкурсы красоты проводит, на радио работает, такие сильные передачи делает, столько народу ее слушает! Честно говоря, я раньше рисовал картины и их не показывал. Для семьи рисовал, для жены. У меня трое детей. Самый радостный момент, когда принесу новую картину и ставлю на мольберт, показываю им: дети в восторге! Вот для чего я всегда рисовал. Вижу их глаза – честные, удивленные. Смотрят: как ты так можешь? Вот это, наверно, самое главное. И глаза детей – их не обманешь...

Жена говорит, что это – другие пространства вселенной, какая-то вечная математика, мои картины – нереальные, непонятные, но что-то задевает прямо до дрожи, до мурашек, и рассматриваешь, рассматриваешь, в них исчезаешь...

– Как рождаются ваши картины?

– Восемь секунд, наверно, уходит на то, чтобы представить, что я буду рисовать. Сажусь иногда перед новым холстом и, честно говоря, не знаю, что будет. Жена ругает: «Сколько нерождённых картин тебя ждут, как нерождённые дети!». Свой зимний сад убрала, раздарила цветы, место мне подготовила: «Вот место для мольберта! Настоящее равно будущему! Пиши!». Жена Сальвадора Дали тоже гоняла своего, говорят, татарка была, Галия. И Залия говорит, что сердцем чувствует: нужно писать.

Думаю, у любого нормального художника мужчины Муза – это женщина! Любовь движет нами всеми, миром.

Текст: Елена Синицына





КАСИМ ДЕВЛЕТКИЛЬДЕЕВ (1887–1947 гг.)

ПЕРВЫЙ ИЗ БАШКИРСКИХ ХУДОЖНИКОВ

*Выявления культуры так же многообразны,
как бесчисленны многообразия самой жизни.
Они облагораживают Бытие.
Они как истинные ветви священного дерева,
корни которого держат мир.*

Николай Рерих

Касим Девлеткильдеев великолепно понимал это, и вся его жизнь – тому пример.

Не хочется оправдывать наше равнодушие и незнание родной культуры и истории бешеным ритмом нашего времени, своими рутинными проблемами и глобальными катаклизмами, которые не дают внимательно взглянуть в прошлое, видимое уже как бледный, полузабытый сон.

Его называют основоположником башкирской живописи (а в Татарии – и татарской). «В жизни его не было ни одной фальшивой ноты», – скажет о нем скульптор Т. Нечаева. Он же стал и первым учителем и создателем целой плеяды башкирских художников самых разных направлений и стилей. Прожил довольно долгую жизнь, несмотря на неважное здоровье. Дружил с актерами и поэтами, и они посвящали ему стихи. Эпохальные события, переломные моменты

нашей истории проходили перед ним не на экране кинопроектора – он бросался в самый водоворот жизненных трудностей и сделал для культуры республики, а значит – и всей страны, невероятно много. И сделал это для нас, неизвестных потомков, в глубокой уверенности важности своей работы.

Касим Салиаскарович Девлеткильдеев родился в деревне Кугуль (Марьино) Благоварского района в обедневшей дворянской семье (отец – татарин, мать – башкирка). С детства рисовал с упоением, чем попало и на чем попало. Близкие поразились однажды, как он расписал печь прекрасным панно с цветами. Его влекли природа, цветы и... цирк: срисовывал с журналов, передавая сложную динамику и грацию танцовщиц, наездниц, акробатов; это была его первая самостоятельная школа.

После смерти отца (Касиму было 7 лет) семья – мать и сестры – переехала в Уфу. О своем детстве он вспоминал как о бесцветных годах, проведенных в бедности, тяготах и заботах. Страсть к рисованию и черчению привела его в изокружок, хотя по запове-



«Южный Урал»,
1931 г.
Холст, масло

дям Корана мечта стать художником казалась недосягаемой. После окончания гимназии Касим продолжил учебу в Казанской учительской школе. На 22-м году ему удалось уехать в Петербург и поступить в художественно-промышленное училище барона Штиглица (позже – Мухинское училище). За один год он сдал программу четырех отделений училища. В 1914 году Касим окончил училище с педагогическим и декоративным уклоном по классу стенной живописи (вспомним расписанную в детстве печку). Преподавал в Серпухове и Петербурге графические искусства, сам учился в частных мастерских, даже поступил в Петербургскую Академию художеств, но

по слабости здоровья и семейным обстоятельствам был вынужден вернуться в Уфу.

Мощная петербургская школа не могла не повлиять на развитие таланта Касима Девлеткильдеева. В 1917 году он примкнул к уфимскому художественному кружку, членами которого были такие известные художники, как Ю.Ю. Блюменталь, П.М. Лебедев, А.Э. Тюлькин, Д.Д. Бурлюк и другие яркие творческие личности. Несмотря на труднейшую обстановку в стране, в 1919–1921 гг. в Уфе начался небывалый взлет искусств. Повсюду открывались изостудии, в здании бывшего коммерческого училища (ныне Авиационный техникум) был создан



**«Крыльцо башкирской избы», 1928 г.
Бумага, акварель**

рабочий клуб им. Ленина с художественной студией, создателем и преподавателем которой стал Касим Салиаскарович. Затем были долгие годы преподавания в Театрально-художественном училище (УУИ).

Как сотрудник Наробраза по делам музеев и охране памятников искусства и старины Касим Девлеткильдеев с 1921 года ездит в экспедиции (Туркестан, Южный Урал, Башкирия), собирая экспонаты для музея народов Востока. Сколько он привозит новых впечатлений, зарисовок и акварелей! Пейзажи, портреты простых селян и знаменитых художников, поэтов (в том числе Мустая Карима)... В одной многофигурной композиции был запечатлен и великий Пушкин («Пушкин среди башкир»). В поездках по башкирской глубинке Девлеткильдеевым написаны картины «Тубинский рудник», «Южный Урал», «Баймакский завод» и то трепетное произведение, ставшее классикой башкирского портрета, о котором скажу чуть позже. В годы Великой Отечественной он пишет картины «Хлеб фронту», «За Родину», а в военном госпитале – портреты бойцов кавалерийской дивизии, поддерживая бое-



**«Башкир Ибрагим», 1928 г.
Бумага, уголь**

вой дух воинов. В эти времена ему, как и всем, приходилось очень нелегко, подводило здоровье, но и больным он не выпускал из рук кисть, верный своей любимой акварельной технике.

Остановимся подробнее на картине «Девочка-башкирка в голубом». Касим Салиаскарович встретил ее в деревне Усман-Гали под Белорецком, случайно зайдя в избу и сразу поняв, что просто не может не изобразить ее. Долгое время считалось, что это – собирательный образ башкирской девочки-подростка. Светлое, не по летам серьезное, лицо, особая искренность и нежность исполнения производили и производят сильное впечатление на зрителя. Интересно, что в одной из экспедиций, уже по следам поездок Девлеткильдеева, нашлась та самая героиня картины – Марьям Юмагулова, уже мать пятерых детей, о чем рассказала искусствовед Валентина Сорокина. И вот как знаменитая башкирочка описывает встречу с художником, высоким шутливым человеком, написавшим ее портрет «в один присест»: «Сидела на хике в своем нарядном платье, а рядом горкой было сложено

приданое снохи – паласы, сыргытыши, стоял деревянный челяк...».

От картины, как, впрочем, и от других произведений художника («Башкирская изба», натюрморты и пейзажи), веет благородной теплотой, одухотворенной сдержанностью в передаче народного характера, народной жизни и быта. Первопроходец башкирского искусства, всю жизнь преданно служивший ему, К.С. Девлеткильдеев похоронен на татарском кладбище в Уфе. Интеллигентное, чуткое лицо художника с какой-то затаенной надеждой смотрит на нас с памятника работы скульптора М. Мухаметшина. Именем Касима Девлеткильдеева названы гимназия-интернат и бульвар от улицы Российской.



**«Башкир-охотник».
Бумага, акварель**



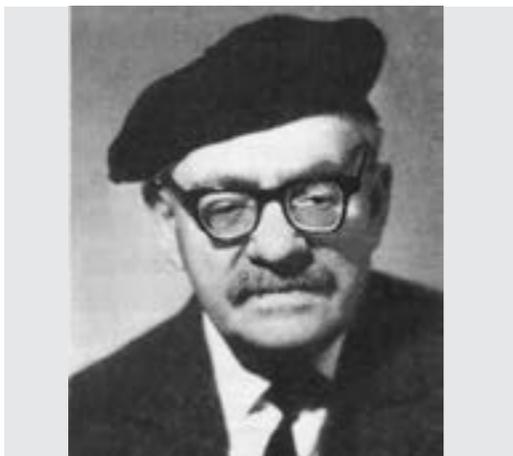
**«На молитве».
Бумага, акварель**



**«Баймак».
Бумага, акварель**

Сложно надеяться, что умерший более 70 лет назад человек, каким бы ни был масштаб его личности, останется любимцем публики. Но забывать людей – художников, тружеников, подобных К.С. Девлеткильдееву, нам никак нельзя. Это – гордость нашего народа и часть его великой истории.

Текст: Эльвира Каримова



Александр Эрастович Тюлькин – заслуженный деятель искусств БАССР (1944 г.) и РСФСР (1960 г.), народный художник БАССР (1955 г.), лауреат Государственной премии БАССР им. Салавата Юлаева (1975 г.).

АЛЕКСАНДР ТЮЛЬКИН

(1888–1980 гг.) :

«НАДО ВСЕ БРАТЬ
ТОЛЬКО ИЗ ЖИЗНИ...»

Он был моложе Николая Фешина, своего учителя, всего лишь на семь лет, но влияние Фешина на него огромно. Тем не менее, если Фешин остался в рамках стиля «модерн» до конца своих дней, то его ученик, Тюлькин, уже в одном из первых самостоятельных произведений «Дворик на даче», созданном в Уфе в 1919 году, отходит от своего учителя. Он здесь предстаёт более близким к кругу художников «Бубнового валета». После поездки в Москву, затем в Петроград, близкого и детального знакомства с современной живописью, Тюлькин возвращается в Уфу и начинает формировать собственный стиль. Он ищет оригинальный пластический язык и колорит. Художник находит его в рамках простых сюжетов и фактурной живописи, вдохновляясь оврагами и шиханами любимой им Уфы: «Троицкий собор», «Гортензии», «Весна на Белой», «Тишина»,

«Цветущие окна», «Голубец», «Изба Салавата». Эти произведения мастера прославили его и одновременно послужили примером и маяком для талантливых учеников. В 50-х – 60-х годах именно ученики Тюлькина сумели создать легко узнаваемый в СССР «уфимский стиль живописи»: дерзкий, свежий, фактурный, яркий по цвету – на фоне традиционной серо-коричневой живописи соседних республик и областей Урала и Поволжья. Это были молодые уфимцы Б. Домашников, А. Бурзянцев, П. Салмасов, А. Пантелеев, Н. Русских, А. Кузнецов, А. Лутфуллин, Р. Нурмухаметов, В. Позднов, М. Назаров, Ф. Кашеев. Многие из них – питомцы Тюлькина, прямые или косвенные его ученики по училищу искусств, выпускники разных лет. Пятнадцатилетний Федя Кашеев, приехавший из Аскино в Уфу учиться на художника, целый год жил у Тюлькиных дома. У Феде



«Шиханы под Уфой»,
1953 г.
Холст, темпера

не было денег даже на художественные материалы. Учитель давал юноше свои кисти и краски. Вот откуда у Кашеева на всю жизнь сохранилось трепетное отношение не только к мастеру, но и к матовой темперной живописи. Тюлькин любил темперные краски и часто пользовался ими в своём творчестве.

Учитель – это не только тот, кто учит, но и тот, у кого учатся. Его учениками могут с полным правом считать себя художники более молодого поколения, выпускники училища 60-х – 70-х годов: М. Кузнецов, В. Меос, Н. Пахомов, П. Хадаев, С. Лебедев, Н. Латфуллин, З. Шайхлисламов, А. Кашаев. Особенно близок к Александру Эрастовичу в последние годы его жизни был Н. Пахомов, который в очерке «Художник и мудрец А.Э. Тюлькин» создал живой образ своего Учителя на все времена.

Тюлькин советовал художникам вдохновляться самой жизнью: «Я люблю фантазию. Я прошел через все направления в живописи XX века. Но в итоге своей жизни пришел к выводу, что выше природы, выше жизни нет ничего. Надо все брать только из жизни. Фантазию – тоже. Жизнь – бездна».

Мудрый мастер призывал своих учеников стараться держаться подальше от власти и быть выше политики. Может быть, потому, что эта позиция ему самому помогла пережить мрачные времена культа личности в 1930-х и хрущевские выпады в сторону творческой интеллигенции в 1960-х. Сохранив в себе художника, Тюлькин, по словам его учеников, учил не только в классе, а больше на примере собственной жизни вне училища, в мастерской по улице Волновой, 21, где он прожил вместе с женой в до-



«Гортензии», 1920 г. Холст, темпера

мике на крутом берегу реки Белой всю свою жизнь. Было так: небо над головой и вода под ногами, а между ними – дом художника, окруженный яблоневым садом, рядом – его ученики. Как это символично! Александр Тюлькин создал таким образом оазис иной, духовной, реальности. Он был в большей степени учителем восточного типа, диаметрально противоположным европейскому типу учителя. Он учил видеть внутренним зрением, а сердцем читать мир вокруг себя, мир, полный символов и смыслов. Он жил и работал, а ученики приходили и работали рядом, учились у него.

Окна – один из излюбленных объектов художника. Они в его произведениях приобретают символ границы меж двух миров, меж двух пространств. Более того, это своего рода художественный принцип, «театр в театре», эффект пространства в простран-

стве. Он впервые создает в башкирской живописи образ окна, впоследствии много раз варьированный другими художниками и в том числе – его учениками. В 1924 году Александр Тюлькин пишет свой шедевр – «Цветущие окна». В 1955 году он повторно напишет его еще раз.

С начала 20-х годов два его учителя и близких по духу человека Д. Бурлюк и Н. Фешин живут в США. От Бурлюка он получает открытки, письма. В это время Тюлькин чувствует себя как художник покинутым, одиноким, что явно отразилось в его знаменитом произведении «Цветущие окна». Композиция проста, как небо и вода, как кусок хлеба. На фоне ветхой серо-серебристой стены домика – три покосившихся окна с простенькими ставнями. Белые рамы у двух окошек открыты настежь. На подоконниках благоухают алые и белые герани – символы концентрированной жизненной энергии природы, щедро расточая в раскрытие окна свой аромат. Все-му миру. А вот третье окно – едва раскрыто, на нем нет ярких цветов, а виднеется чуть приоткрытая занавеска. Это окно одиноко контрастирует с двумя другими. Но «два» в природе всегда порождает «три». Художник оставляет себе надежду и верит в себя. В этом его произведении есть что-то глубоко личное. Три окна – как три картины трех друзей на вернисаже... Фон, на котором они расположены в композиции, – это ветхая стена, когда-то сияющая белизной; нынче она рассыпается, вот-вот развалится, и все исчезнет... В работе видится символ прежней жизни и прежней России, которой больше не будет. Учеба в Казанской художественной школе у Николая Фешина, его слова о цвете, фактуре в живописи. Разговоры с Давидом Бурлюком: «Рисуйте, Сашенька, уфимские окна – там есть все – фактура, цвет, жизнь». А еще Тюлькин не забывал совместные походы на этюды с Бурлюком. «Отец русского футуризма» вел себя как бог, сошедший на землю с небес ниспровергать всё старое и создавать новый мир, новую живопись, новые смыслы. По словам Тюлькина, Давид Бурлюк всюду оставался неорди-



«Цветущие окна», 1955 г. Холст, темпера

нарным, большим и шумным человеком. На этюдах он всегда имел в кармане горсть конфет и раздавал спящим возле художников мальчишкам, просил их бежать впереди и кричать: «Бурлюк идет!». Он так же, громко, появился в среде «Уфимского общества любителей живописи». В башкирский период, помимо своих кубофутуристических работ «Натурщица», «Красный полдень» и др., Бурлюк написал множество видов татарских деревень, портреты татар и татарок. В Башкирии им создано много натюрмортов в реалистической манере, но свойственным художнику насыщенном по цвету и предельно пастозном, брутальном, даже грубоватом стиле. На первую выставку «Уфимского общества любителей живописи» Бурлюка пригласили, ско-



«Сирень», 1961 г. Холст, темпера



*«Праздник на окраине», 1948 г.
Холст, темпера*

рее всего, по инициативе Тюлькина, молодого тогда художника, также не чуждого новейшим веяниям в искусстве. На первой выставке «Уфимского общества любителей живописи», в октябре 1916 года, Бурлюк был представлен вместе с уфимскими художниками в здании Губернского музея, где ему предоставили отдельный зал. Он выставил 20 своих произведений. Совместно с работами Бурлюка и уфимских художников экспонировались работы русских художников из собраний уфимских коллекционеров: Айвазовский, Васнецов, Келлин, Шишкин.

На второй выставке экспонировались работы стилистически разных художников: М. Нестерова и К. Первухина, Д. Бурлюка и художников «Уфимского

общества любителей живописи». Уфимский зритель впервые увидел кубофутуристические произведения Бурлюка «Казак Мамай», «Радуга», «Женщина с зеркалом» и др. На третьей выставке, в апреле 1918 года, были показаны только произведения художников Уфы и Бурлюка. В результате в 1916–1918 гг., выражаясь фигурально, в духе футуристов, в заолупную провинциальную жизнь губернского городка Уфы Бурлюком были брошены первые «камни» нового искусства – «крутого авангарда». Вот так, на выставках уфимских реалистов, впервые появилось модернистское искусство в Уфе, получившее позднее более точное название «авангард». «Волны» от этих «каменей» оказались живучими. Но, тем не менее, Бурлюку пришлось издавать свой буклетик,

поясняющий для уфимских любителей живописи и простых зрителей, «Как нужно понимать картины Д. Бурлюка».

В массе своей уфимские художники писали тогда в традиционной манере. Ю. Блюменталь, профессиональный художник, был главным авторитетом в городе. Еще в годы учебы в Академии художеств в Санкт-Петербурге он был знаком и близок к так называемым «куинджистам» – молодым художникам, свободным от старых академических требований. Произведение Блюменталю «Сумерки» – это чистая лирика в сюжете и в цвете, написанная в традиционной манере русского пейзажа. В выборе композиции и сюжета есть отголосок самого А. Куинджи. О бывших контактах Ю. Блюменталю с «куинджистами» («Весенние выставки» – объединение 1897 г., С.-П.) говорит одна деталь. Когда он разрабатывал по поручению учредителей «Уфимского общества любителей живописи» устав, то включил в него пункт, взятый из устава «Весенних выставок»: создать почву для широкого объединения художников, в том числе молодых, на демократичной основе. Поэтому приглашение Бурлюка на совместную выставку для Блюменталю было естественно и логично.

Кто первым пригласил Давида Бурлюка в круг художников Уфы, доподлинно не известно. Есть такая версия. В детстве, до семи лет, Александр Тюлькин жил в Иглино. Потом он с мамой переехал в Уфу, а в Иглино оставались его бабушка и дедушка. Он их навещал и позже бывал там у каких-то родственников. В один из приездов он, возможно, познакомился с Бурлюком. В разговоре могла возникнуть фамилия Фешина. Бурлюк в 1902 году в течение одного года учился в Казанской художественной школе на одном курсе с Николаем Фешиным. Позже, в эмиграции, Фешин посетил Бурлюка в США и написал портрет его жены и его самого. Таким образом, хороший знакомый обоим, художник Фешин стал еще одним поводом для долгой дружбы Тюлькина с Бурлюком.



*«Лионы», 1964 г.
Холст, темпера*

...Нам остается лишь догадываться, что думал мастер, создавая свое «сердечное» произведение «Цветущие окна». В нем явно просматриваются дружба и близкое знакомство этих трех художников: А. Тюлькина, Н. Фешина и Д. Бурлюка. Время создания работы – 1924 год. Бурлюк и Фешин эмигрировали в Америку, прежней России уже нет. Будущее весьма туманно и тревожно, особенно для Александра Тюлькина, женатого на Марии Мартирьевне Агишевой, дочери богатого уфимского дворянина. Одно никто не может у него отнять – живопись. Его, живописью, художник выразил все то, что чувствовал и переживал в ту пору.

Давид Бурлюк считал себя элитой общества. Он принял, что вполне в его стиле, молодого уфимского художника Сашу Тюлькина в свой элитный клуб словами: «В обществе борются две тенденции – элита общества и серая прослойка, а формой существования этой борьбы являются их произведения».

Текст: Георгий Калитов



БОРИС ДОМАШНИКОВ

(1924–2003 гг.)

И ВСЁ ЭТО – РОДИНА...

*И заплутав в березах белых,
Не меть под трелью соловья,
Чтобы душа от счастья пела,
Что это Родина моя!*

Николай Рубцов

Борис Фёдорович Домашников – советский и российский живописец, народный художник СССР (1982 г.), член-корреспондент РАХ (1997 г.), почётный гражданин г. Уфы (1994 г.). Родился 5 апреля 1924 г. в д. Кригоузово Лухского района Ивановской области в крестьянской семье. В 1935 г. семья переехала в Уфу. В 1950 г. Б.Ф. Домашников окончил Уфимское театральное-художественное училище, преподавал рисование и черчение в школе, работал декоратором в Уфимском кукольном театре. С 1953 г. художник участвует в выставках в России (Уфа, Москва, Ленинград и др.) и за рубежом (Франция, Англия, Голландия, Япония, ГДР, Польша, Венгрия). В 60-е годы – путешествует по Италии, изучая культуру страны, подлинники античности.

Произведения Б.Ф. Домашникова находятся во многих музейных собраниях и частных коллекциях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее, Академии художеств, Государственном музее искусств народов Востока, Национальном музее РБ в Уфе, БГХМ им. М.В. Нестерова и других.

В этом году народному художнику России Борису Федоровичу Домашникову исполнилось бы 94 года. За 50 лет, что художник отдал любимому делу и своей стране, мир менялся до неузнаваемости. Война и победа, масштабное строительство, «оттепель» 60-х, развал СССР – все эти вехи пройдены им в ногу со своей страной, с Уфой, где он прожил всю жизнь, до 2003 года, заслужив звание почетного гражданина города.

Б.И. Домашников родился в многодетной семье крестьянина-плотника, в 30 верстах от знаменитого Палеха. Не палехскими ли ветрами принесло эту искру божью народного вдохновения? Ведь, по словам художника, «никто в детстве художествам, понятно, не учил. Но тяга была». Когда семья перебралась в Уфу, уже уральские ветра не дали угаснуть, но раздули эту божью искру его дарования. Жили трудно, сначала – в землянке на Цыганской поляне (совсем рядом – полноводная Белая, очень любимая художником), затем в коммуналке за Летным полем. Гораздо позже родителям, которые трудились на моторостроительном заводе, дали квартиру в центре.

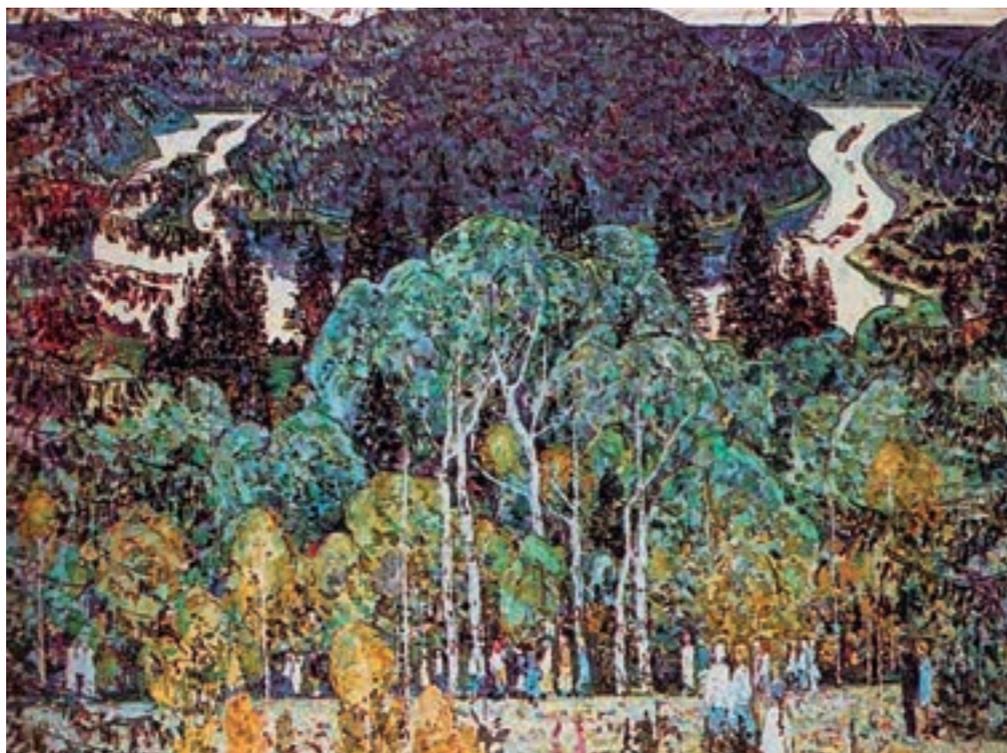
Юность Бориса пришлось на военные годы: он работал в художественных мастерских госкомхоза, рисовал агитплакаты. А в 1945 году, без всякого



«Стадион. Сумерки»,
1960 г.
Холст, масло

начального образования, поступил в театральное-художественное училище (ныне Уфимское училище искусств). Учителями и старшими товарищами были А. Тюлькин, П. Лебедев, В. Турицын, другие мастера и просто талантливые люди, плотное общение с которыми не могло не дать отличный старт молодому, жадному до искусства художнику. Он окончил театральное-декорационное отделение в 1950 году, и дипломной работой его не случайно стали декорации к «Снегурочке». В театре Домашников научился слушать и любить музыку, и сценическая композиция оказала влияние на стиль его живописи, который, несомненно, эволюционировал на протяжении жизни – от традиционного лирического пейзажа до полотен, полных символических знаков, философских размышлений и обобщений, где видна обеспокоенность и забота о судьбах родной страны (серия «Красная площадь»).

С именем Домашникова связано понятие «чистого» пейзажа, где сюжет не несет смысловой нагрузки («Пейзаж – лишь повод!», – говорил он), а цель – выразительная передача глубоко личных, камерных эмоциональных переживаний автора, и для этого у него был набор своих «волшебных» средств. Смелая колористическая школа Александра Тюлькина (а тот, в свою очередь, был последователем изумительного колориста Николая Фешина), чистота и веселая звонкость цвета были взяты на вооружение Борисом Федоровичем с юности, и он обогатил их собственными новаторскими чертами, сделавшими его стиль столь неповторимым в композиционном и цветовом отношении. Казалось, любой самый невзрачный уголок городской или деревенской окраины (именно невзрачный, ничем не примечательный) он мог изобразить восхитительно интересным,



«Сказ об Урале», 1974 г.
Холст, масло

открыть, «опозитизировать» это место без сусальной «красивости», но с присущей ему порывистой «этудной» достоверностью. Такова, например, одна из самых ранних картин «Охлебинино» (1940 г.): уголок довоенной деревни, солнечная летняя зелень, соломенные крыши и покосившиеся плетни. Написанная легко и неожиданно профессионально, работа дорога еще и тем, что на ней запечатлены приметы давно ушедшего времени. То же Охлебинино, но уже 1954 года, открывает совсем другое состояние природы и деревни. Художник очень любил писать реку Белую с окрестными видами, особенно весной («Под Уфой», 1953 г.; «Калужница цветет», 1954 г.; «Весна», 1954 г. и др.). После училища Борис Федорович работал преподавателем рисования и черчения, а также декоратором в кукольном театре. Но все свободное время он посвящал основно-



«Девочка у окна».
Холст, масло

му делу – живописи, активно участвовал в выставках. Знаменитая картина «Окраина к вечеру» (1957 г.) была представлена на Международном фестивале молодежи и студентов в Москве и принесла ему серебряную медаль и широкую известность в художественной среде. Ее купил Русский музей.

Картины Домашникова хранятся, помимо частных коллекций, более чем в 40 музеях по всему миру. В 60-е годы Борис Федорович впервые посетил Италию, прибавив к своему художественному опыту изучение подлинников античного искусства, шедевров Возрождения и современной живописи и графики. Он познакомился с Ренато Гуттузо и другими выдающимися мастерами. Следующим этапом творчества стал период поездок по историческим местам России и Востока (Псков, Новгород, Самарканд), где его вдохновляли храмы и монастыри. Написаны они в природном антураже, создающем определенную атмосферу, просветленное настроение.

Визитной карточкой Домашникова, конечно, были березовые рощи и перелески, трепетные, пронизанные светом, которые он писал всю жизнь. Фронтальное наступление берез также не оставалось неизменным, подвергалось постоянным формальным поискам; у каждого березняка – свои вибрации. Есть у Ивана Бунина выражение «звучный лес», нагляднее будет процитировать всё четверостишие:

*И весел звучный лес, и ветер меж берез
Уж веет ласково, а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.*

Эта импрессионистическая картинка – словно иллюстрация к березам Домашникова. Его и называли «советским импрессионистом». Музыкальность, звучность его пейзажам, наряду с игрой света, придавал особый ритм стволов, (в городских пейзажах – ритм заборов и крыш, фигурок людей, как, например, в картинах «Вечерний сеанс», «Стадион»).



«О весенних березах», 1974 г.
Холст, масло

Декоративные рефрены, многоголосие – эхо ближнего и дальних планов, стремление к стройности движений, к хороводу, сценические композиционные эффекты – это всё самобытные, авангардные приемы Домашникова, в них также проявился его опыт театрального художника. Несомненно глубинная связь художника с народным искусством, природой, с родными корнями, и это составляет истинное достоинство его творчества. Со временем его березы стали еще более стилизованными, абстрактными, орнаментальными, напоминающими ивановские «березовые ситцы», как и импульсивный пуантилизм сирени, которая была одной из его любимых «моделей».

Авторский кругозор художника с годами расширялся от «левитановской» лирики до калейдоскопи-



«Пейзаж с поездом»,
1981 г.
Холст, масло

ческого смещения реализма со сказочными, былинными мотивами («Сказ об Урале», 1974 г.). О зрелой гражданской позиции говорят работы 90-х, посвященные Красной площади. Будучи убежденным коммунистом, Борис Федорович очень переживал распад великой страны, и драматизм туч над Красной площадью и мавзолеем неподдельно символичен. «Я не считаю нашу эпоху напрасной – столько пережито и сделано. Могу ли я быть неблагодарным нашему времени, если оно дало мне, крестьянскому сыну, возможность стать художником, открыло искусство Нестерова, Левитана, Филиппо Липпи ...», – говорил художник. О смысле жизни он рассуждал так: «Когда человек осмыслит, для чего он живет, он живет жадно, спокойно, уверенно, помня о той мечте, ради которой ему подарена жизнь: радовать людей своими свершениями и трудами».

Мастерская Б.Ф. Домашникова по улице Салавата, где он работал много лет, отмечена мемориальной доской и стоит на горе над Белой, в исторической части Уфы, недалеко от дома-музея С.Т. Аксакова и дома-музея А.Э. Тюлькина. Это хорошее соседство. Сейчас там творит его сын, художник Виктор Домашников.

Друзья-живописцы вспоминают о Борисе Федоровиче как о живом – настолько яркой и цельной была фигура этого человека. А некоторым «молодым» даже порой кажется, что он вдруг войдет, как бывало, на выставку, порывистый точно ветер его пейзажей, угрюмо втянет голову в плечи и, нацелив «кутузовский» меткий глаз на чей-то холст, произнесет свое коронное: «Ну-с, молодой человек, а что тут можно на весы положить?»...

Текст: Эльвира Каримова

АЛЕКСАНДР БУРЗЯНЦЕВ (1928–1997 гг.)

ВЗГЛЯД ИСПОЛИНА

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.*

Сергей Есенин

Глядя на эпические пейзажи Александра Бурзянцева, не можешь отделаться от ощущения, что вся природная уральская мощь – грандиозное сцепление гор, лесов, небес, водной поверхности и человеческого жилья – увидено и изображено даже не с высоты птичьего полета, а посредством многоугольного, панорамного зрения какого-то чудесного доброго исполина, при всем детальном реализме изображаемого. Действительно, только гигант мог так видеть природу, ее таинственное образное целое, одновременно великое и мимолетное. Художник, плоть от плоти этой земли, уроженец не только деревни Балакар Зилаирского района Башкирии, но – смотри шире – всего Южного Урала, по его собственному утверждению. «Мастер с широким письмом, широкой натурой русского человека» – так назвал его собрат по кисти и друг Борис Домашников.

Отличительной чертой башкирского пейзажа, который в силу многих причин развивался быстрее и успешнее сюжетных картин, искусствоведы называли поэтичность, что «здешние художники видят в единении природы с красочной стихией народного быта и современными приметами жизни». В формировании этого жанра Бурзянцев сыграл большую роль. Он был из того поколения, чьи отрочество и юность пришлось на военное и после-



Александр Данилович Бурзянцев – известный российский живописец, пейзажист. Член Союза художников СССР (1958 г.), народный художник Башкирской АССР (1979 г.), заслуженный художник РСФСР и БАССР. Удостоен Республиканской премии им. Салавата Юлаева (1977 г.).

Работы художника находятся в собраниях музеев и картинных галерей: БГХМ им. М.В. Нестерова (Уфа), Государственной Третьяковской галереи (Москва), Государственном Русском музее (Санкт-Петербург), Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина (с. Константиново Рязанской области РФ).

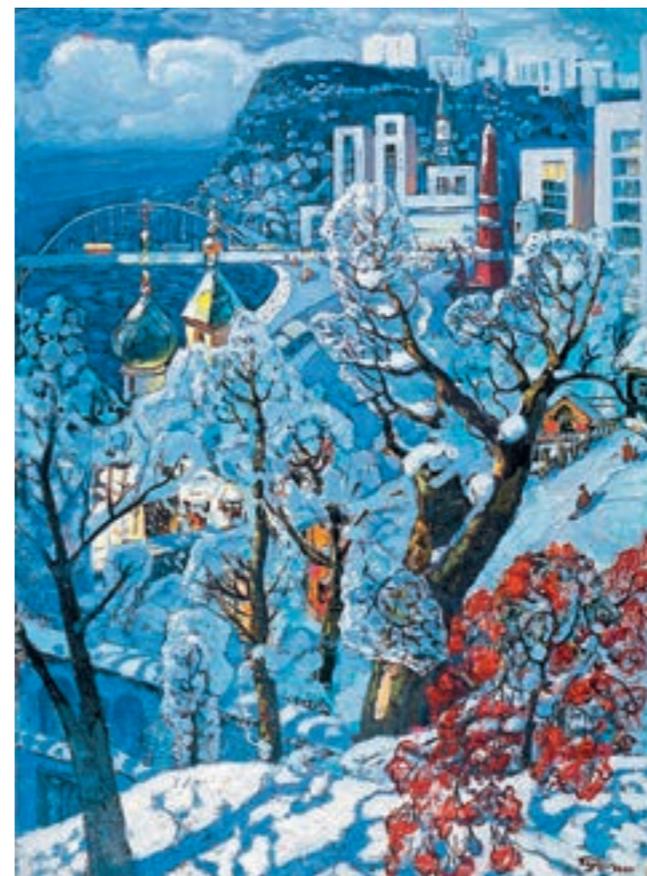
военное время, чьи биографии отмечены скорбью потерь и радостью Победы, а затем нелегким восстановительным трудом. Еще подростком он работал в леспромхозе, на лесоповале, катал валенки... Но поэзия с детства витала над Александром: и в окружающей его суровой и великолепной деревенской природе, и дома. В семье сельских интеллигентов (отец был конторским служащим, погиб под Сталинградом в 1943-м, а мама – сельская учительница, мастерица рукоделия) всегда звучали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Мальчиком он



*«Пора подснежников»,
1984 г. Холст, масло.
Фонд БГХМ
им. М. В. Нестерова*

рисовал иллюстрации к сказкам Пушкина, уже тогда переносил на бумагу поэтические образы. Страсть к рисованию была настолько сильной, что в 1946 году он уехал из деревни в «большую жизнь» и, после нескольких провальных попыток поступить в Ростовское и Ленинградское художественные училища, был принят в Пензенское, которое и окончил с отличием в 1951 году. Дипломной работой Бурзянцева стала композиция «Пушкин в Михайловском»; красота среднерусского пейзажа с лесом, полем и церковной маковкой вызвала похвалу его любимого учителя – Ивана Сильча Горюшкина-Сорокопудова. Александру повезло с учителем. Преподаватель живописи с 1908 года, ученик Репина и чуткий, но строгий педагог, он учил «не ремеслу, а духу», как писал Бурзянцев в дневнике. Позже, уже работая

в Худфонде Уфы, в 1952 году, во времена сомнений и жажды духовного совета, он даже ездил к старому учителю под Пензу, и их общение, длившееся почти сутки, стало настоящим откровением: стихи, рассказы о мастерской Репина, где тогда занимались такие корифеи, как Б. Кустодиев, К. Сомов, Н. Фешин. Старый мастер не поучал, просто показывал свои картины, читал стихи. «Уехал окрыленный, взбудораженный, с желанием работать», – вспоминал Александр Данилович. Поэзия и беседа с мастером стали основными двигательными факторами, Бурзянцев словно заново переосмысливал и открывал поэтические пейзажи Нестерова и Левитана, вырабатывая свой стиль, «возился» с композицией, цветом и формой. Появились первые успехи на выставках, и это вселило ещё большую уверенность в выборе творческого – жизненного – пути.



«Над Белой», 1984 г. Холст, масло

Становление Александра Бурзянцева как профессионального художника происходило в конце 50-х – начале 60-х годов, в знаменательный период, когда волна общественного прозрения, душевного подъема и раскрепощения «накрыла» народ после падения культа личности. Новые темы появились и в пейзаже, они стали более демократичными, свободными, без имперского подобострастия и сусальной позолоты. Прямой дух авангарда, задавленный со времен «Бубнового валета», проникал в советскую живопись, художники вдохновенно искали себя, открывая и испытывая новые приемы и сюжеты.

То было время худфондовских поездок по Южному Уралу в компании еще двух наших выдающихся пейзажистов – Б. Домашникова и А. Пантелеева; и было замечательное общение с ними, когда и расцвела любовь Александра Даниловича к исключительно живописным ландшафтам небольших старинных городков, таких уникальных, каждый в своем роде, как Белорецк, Сатка, Сим, Миньяр. Нетронутый покой полей, гор и лесов там мирно соседствует с новорожденными новостройками и ЛЭП, растут приметы индустриального пейзажа, и сквозь пафос созидания не слышна еще тревога от вторжения беспощадной технотронной цивилизации; еще жива самобытная дореволюционная архитектура тех мест, заводики и мосты через прелестные речушки, старые храмы и хутора, их органичное вхождение в дикую природу и историческая ценность, не описанная еще в полной мере. Из поездок привозился огромный этюдный материал, в мастерских выливающийся в картины («Сим – городок», 1959 г.; «На реке Бианке», 1960 г.; «Ветер с Урала», 1957 г. и многие другие полотна). На них ясно видно, как начинает дышать, разворачивается плоскостями и планами, изливается напевной плавностью линий и цветовыми радостными каскадами могучий стиль художника, говоря по-есенински: «буйство глаз и половодье чувств». Удивительны его интуитивное знание природы, панорамное видение, словно на бредущем полете позволяющее наблюдать весь охаём места с узнаваемыми до боли деталями, составляющими очарование пейзажа; живительный необъятный простор, на котором умещается целая гамма различных чувств, словно сама земля-матушка движется навстречу зрителю. Произведения этого периода искусствовед Валентина Сорокина назвала «уральским сказом». «Магическая сила полотен Бурзянцева – в его умении показать сопряжение времен, сливающихся в единый гармоничный мир», – писала она. Художник «сопругал» окончательные варианты картин уже дома, из этюдов и набросков, слагая их как стихи. «Придумывать не умею, – го-



«Кандры».
Холст, масло.
Фонд БГХМ
им. М. В. Нестерова

ворил он, – но этюд иногда перерабатываю так, что не узнаешь». Его любимый Есенин утверждал, что «стихами можно рисовать», а сам Бурзянцев непостижимым образом превращал живопись в поэзию.

Исколесив весь Урал, весной 1968 года художник отправился в Суздаль и был покорен сказочно-народной архитектурой и самой атмосферой средней России. «Из белизны снегов, как из глубины веков, постепенно возникали купола и башни, а когда я ехал по городу, на белом снегу звенели краски соборов и монастырей – это был праздник», – так поэтично он описывает свое путешествие. Звонким праздником отзываются картины этого периода («Купола», «Святые ворота», «Весна в Суздале» и другие работы). Еще ярче разгорается радостный, зоркий талант. Любовь к старинной архитектуре, к «куполам» (во времена неверия в Бога), глубокое уважение к родной истории звучат и в переделкинском цикле работ («Храм в Переделкино», 1969 г.). В конце 60-х манера письма Бурзянцева становится

еще более экспрессивной, более условно-формальной, хотя в один и тот же отрезок времени автор мог создавать совершенно разные по стилю картины. В Третьяковской галерее хранится его картина «Минута молчания», 1987 г. (на смерть Ленина). Она замечательна в колористическом отношении, напряженно драматична и, по мнению искусствоведа Л. Ртищевой, является одной из вершин творчества художника.

В 1970 году Александр Данилович неожиданно едет на родину Есенина. «Целую неделю не мог писать, только смотрел. Побывав в Константиново, я вижу стихи Есенина. В его поэзии меня привлекло, оказалось близким восприятие им природы, живой и очеловеченной». Строчками стихов любимого поэта названы работы «Синий звон», «Я вернусь...». Не пытаюсь построчно иллюстрировать поэта, он передавал дух и палитру тех благословенных мест, где «далеко сияют розовые степи, широко синее тихая река...». Таким же близким по духу стал для



«Зилаир». Холст, масло

него башкирский писатель Мустай Карим, дружбой с которым художник очень дорожил. На родине поэта, в деревне Кляшево Чишминского района, где гостил Александр Данилович, было написано много интересных и проникновенных работ, составивших серию «Кляшево – родина М. Карима» (1987–1988 гг.). Это живопись («Зырат», «Колодец Мустая», «Дом Мустая», «Ак-Манай», «Здесь была мечеть») и множество графических зарисовок. Работы сложны и богаты по цвету; в выразительных линиях деревьев, дорог и плетней словно читаются ритмические строфы, желание оставить в нашей памяти простую красоту, историю края. «Сопоставление старого и нового – слишком маленькая задача, она лежит на поверхности. Хочу показать, что всё это живет, дышит одним дыханием, что наша история – основа сегодняшнего дня», – писал Бурзянцев в своем дневнике.

В последнее десятилетие жизни художник много времени посвящал и пейзажам старой Уфы, которую очень любил, и, несмотря на полное сходство улочек, церковей, оврагов и холмов нашего старого города с оригиналами (большой частью, увы, уже исчезнув-

шими), в них ярко проявился его талант импровизатора и «композитора», где целью ставилось настроение «души каждого уголка» («Сутолока», «Улица Бехтерева», «Ледоход», «Здесь учился С.Т. Аксаков», «Посадская улица», «Покровская церковь» и многие другие работы). Насколько свежо и смело смотрятся сейчас эти работы, звенящие чистыми контрастными красками, озадачивающие своей композицией! До последних дней помнил художник завет старого учителя: «Смотри больше на холст, чем на натуру, береза растет там, где нужно художнику. И помни, что и в тени есть цвет». Эти цвет и свет, радостные, побеждающие тень, он постарался донести до нас.

Трудно уместить в одну статью фигуру такого исполинского, шляпинского масштаба (недаром А.Д. Бурзянцев собрал редкую фонотеку записей Ф.И. Шаляпина, выразителя мощи народного духа). Творчество Александра Бурзянцева не изучено, не разгадано даже наполовину, а наследство он оставил огромное: великий труженик и жизнелюб, фантазер и романтик, точно названный своими почитателями «апостолом добра и красоты».

Текст: Эльвира Каримова



«Старая Уфа. Первый снег», 1995 г. Холст, масло



НИКОЛАЙ КАЛИНУШКИН (1948–2004 гг.)

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ...

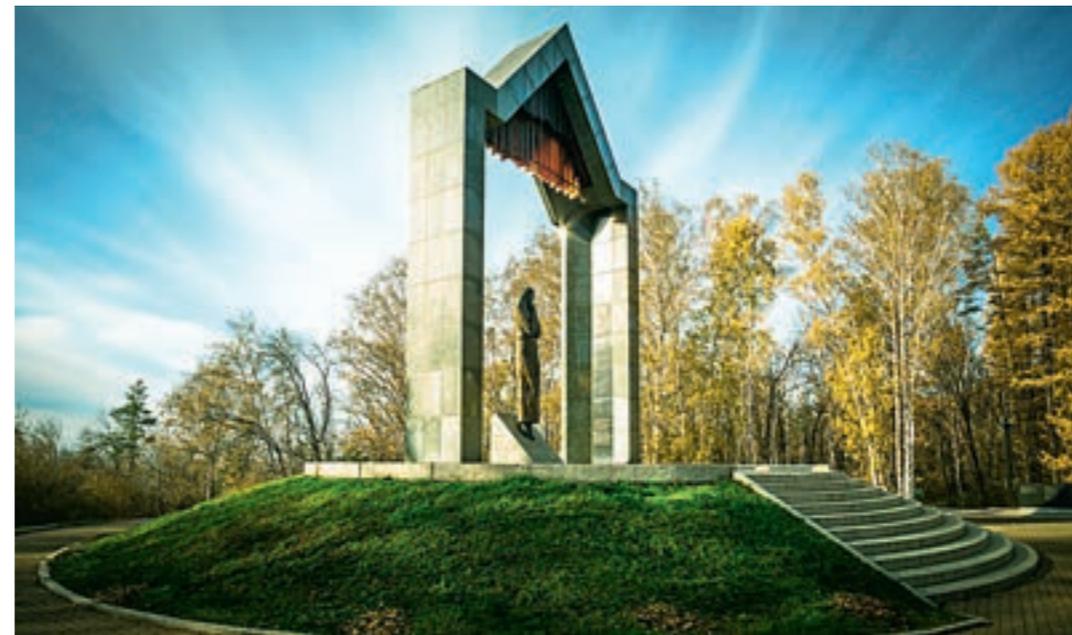
*Великая скульптура скатится
с горы и не расколется.*

Микеланджело Буонарроти

Николай Александрович Калинушкин родился 25 января 1948 г. в Уфе. Образование получил на факультете монументального искусства Московского художественно-промышленного института им. С.Г. Строганова. С 1977 г. жил и работал в Уфе. Заслуженный художник РБ (1993 г.) и РФ (1997 г.), лауреат Государственной премии РБ им. М.В. Нестерова (2018 г.), автор Мемориального комплекса «Скорбящая мать» (Уфа, 2003 г.). С 1991 по 2004 гг. работал председателем правления Союза художников РБ.

Произведения хранятся в собраниях БГХМ им. М.В. Нестерова (Уфа), Музея этнографии народов Башкортостана (Уфа), Дирекции художественных выставок России (Москва), Рязанского государственного художественного музея им. Пожалостина, Курганского художественного музея, Тюменского музея изобразительных искусств, в художественных музеях Переяславля-Залесского, Азова, Ростова-на-Дону, Элисты, в отечественных частных собраниях и за рубежом (в Италии, Германии, Словакии, Франции, США).

На одном из семи холмов Уфы, на высоком берегу Белой (в прошлом – Дежневская гора), расположен Парк Победы. Он существовал еще с 1947 года как парк культуры и отдыха «Нефтяник», и в наше время, несмотря на отсутствие развлекательных аттракционов, является любимым местом отдыха уфимцев, зоной созерцания и чистоты. Тихие и светлые березовые аллеи ведут в глубь парка, к памятникам героям войны; образцы военной техники и мемориальные плиты создают особую торжественную атмосферу. Настоящим украшением этого комплекса является скульптурная композиция «Скорбящая мать», установленная в 2003 году. Бронзовую фигуру Матери, застывшую в своем горе, пронзительно драматичную, полную внутренней экспрессии, венчает просторный портал – силуэт дома, символ объединения народов и вероисповеданий нашей республики, нашего общего Дома. Словно отзвуки и отблески душ ушедших, на фигуру с фронтона проливается бледно-розовый свет: такой эффект, особенно на закате, возникает от преломления солнца на полосках тонированного стекла. Рядом с памятником – две стелы черного



**Мемориальный
комплекс
«Скорбящая мать»,
2003 г.**

мрамора с высеченными именами наших земляков, павших в горячих точках планеты. Это своего рода «портал» в ином, не архитектурном значении. Пространство арки очерчено таким образом, что сквозь него открывается часть великолепной небесной панорамы, горизонт необъятных просторов над рекой, выход в Вечность.

Мемориал создан скульптором Николаем Александровичем Калинушкиным в 2003 году, незадолго до его смерти. Называют его «лебединой песней» рано ушедшего мастера, хорошо известного как в Уфе, так и далеко за ее пределами. В отличие от многих памятников парадно-патриотической скульптуры, мемориал выглядит чрезвычайно современно, даже авангардно. Ему присущи лаконизм статичной энергии и «легкое дыхание» – признаки действительно больших произведений современного пластического искусства, отвечающие выводу Ганса Арпа о том, что «суть скульптуры должна входить на цыпочках, легкая, как следы животных на снегу». Замечательный искусствовед Эвелина Фенина в

свое время подчеркивала, что с появлением имени Калинушкина «произошел поворот в искусстве скульптуры, смена стилей». Но об этом чуть позже.

Николай Александрович, а тогда просто Коля Калинушкин – один из детей полуголодного и жадного до знаний послевоенного поколения, ученик средней 114-й школы Уфы, поступил в первый набор только что открытой Детской художественной школы № 1 им. А. Кузнецова. Ее первый же выпуск дал творческую дорогу именитым теперь живописцам Ф. Шагабутдинову, Ст. Лебедеву, М. Спиридонову и в дальнейшем – многим другим выдающимся художникам.

Высшее образование Н.А. Калинушкин получил в московской «Строгановке» на отделении скульптуры, в мастерских профессоров А. Кондратьева и Г. Шульца. В течение восьми лет преподавал в Уфе на славном худграфе БГПИ рисунок и скульптуру, затем работал в Институте искусств. Ученики – среди них известные ваятели Ф. Нуриахметов, В. Лобанов, Р. Нигматуллин – вспоминают о нем с благоговением и одновременно с «дружеской любовью»:



«Адам и Ева», 2003 г. Дерево тонированное

«Общаться с ним было легко и очень интересно. Направлял деликатно, хотя бывал и жестким, и лишь потом ученик понимал, что это было как раз то, что в данный момент требовалось».

«Трудное дело скульптура, – писал Огюст Ренуар, – живописцы еще изредка встречаются, а литераторов и музыкантов – хоть лопатой гребь». Дело и в самом деле нелегкое во всех отношениях, и поэтому хороших ваятелей можно перечислить по пальцам. Отличительной чертой всего изобразительного искусства Башкирии тех лет, и особенно в области скульптуры, был стремительный темп развития; приходилось быстро осваивать достижения отечественной и мировой скульптуры – от античности до modern art, не хватало информации. Но, несмотря на «железный за-



«Дама в домино», 1995 г. Дерево, роспись, латунь

навес» и жесткую скованность идеологией, лучшим произведением, по мнению искусствоведов, «удалось избежать банальности тем и нивелировки образов». Возникли разные стилистические направления, индивидуальные поиски трактовки формы, эксперименты с пространственным построением, делался акцент на метафорическое, ассоциативное мышление, символику образов. Калинушкин использовал формально-образные элементы традиций Востока и Запада в сочетании с пластическими новациями XX века. Участвовал в разработке новой уфимской школы скульптуры, новой выразительности, в творчестве которой проявились такие непознанные ранее виды скульптуры, как мемориальная доска и медальерное искусство (в жанре медалей работал тогда, по-

жалуй, лишь Ильдар Валеев). Это была непаханная целина, возможно, из-за отсутствия традиции увековечивать портреты выдающихся людей и событий национальной истории и культуры.

В портретах Калинушкина запечатлены многие исторические личности – писатели, композиторы, художники – Бах, Паганини, Нестеров, Пушкин, Ахматова, Бурлюк, башкирский поэт Рами Гарипов и многие другие. Художник старался найти и находил пластические средства для психологических портретов в контексте эпохи, в которой жили эти мастера. В станковой скульптуре замечательны концептуальные серии, в основном, из дерева, его любимого материала («Торсы», «Адам и Ева», «Дионисия» и другие работы). Его впечатляли непреходящая ценность и красота человеческого тела, решенного как в классическом, так и в обобщенно-стилистическом изображении, вертикальные, вытянутые объемы, уплощенные до силуэта. Он соединял в одной работе различные материалы («Благовещение», 1996 г., мрамор, дерево, роспись). Он объединял и людей – студентов и творческую молодежь по всей стране. С 1989 года по инициативе Н.А. Калинушкина во многих городах России начали проходить симпозиумы по скульптуре, где темами были дополнительная художественная среда в городах, на улицах и площадях. Переяславль-Залесский стал одним из значимых мест, «очагов» скульптурных симпозиумов. Николай Александрович, как один из инициаторов и организаторов, хорошо видел важность общения молодых с их зрелыми коллегами из разных регионов, понимал, как необходимо для дальнейшего совершенствования профессии скульптора осмысление новых тенденций и процессов в мировом искусстве. «Большая школа мастерства» – так называли художники эти симпозиумы. («Предел достижения искусства намечается только средствами искусства иного». Г. Ландау).

Международный симпозиум по скульптуре «Артеррия» прошел в Уфе в 2016 году, и его результатом стала аллея мраморных скульптур со всего мира – от Грузии до Японии – в центре Уфы, у библиотеки



«Благовещение», 1996 г. Дерево, роспись, мрамор

им. Заки Валиди. Думается, Николай Александрович очень порадовался бы этому явлению, монолитной красоте и мощи современного ваяния. (Тем ужасней выглядят убогие городские скульптурные ансамбли в некоторых парках и скверах Уфы, в последнее время возникающие словно грибы после дождя и чуть ли не пугающие горожан низкопробным вкусом).

«Трудное дело» Николая Калинушкина живет в творчестве его преемников и учеников, в собственных замечательных работах, украшающих уголки Уфы, музеи и коллекции России и Европы. В 2018 году Мастер удостоен звания лауреата Государственной премии им. М.В. Нестерова. Его наследство незабываемо, ведь хорошую скульптуру, как и умного человека, не так просто забыть, недаром же Пикассо называл скульптуру «искусством ума».

Текст: Эльвира Каримова



Мастера



АЙРАТ ТЕРЕГУЛОВ:

«Какой импульс заложен в картину изначально, на той волне полотна и будет отдавать свой эмоциональный заряд зрителю...»

Айрат Рауфович Терегулов – художник-график, член Союза художников СССР (России) с 1991 г., заслуженный художник РБ (2004 г.) и РФ (2014 г.). Директор Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова.

– Айрат Рауфович, расскажите, когда и где вы родились.

– Родился в Уфе 30 октября 1957 года в семье служащих. Мама работала директором централизованной системы детских библиотек, отец – поездным диспетчером в управлении Куйбышевской железной дороги.

Начинал он станционным смотрителем на станции «Благовар», потом учился, со временем перебрался в Уфу.

– Как вы стали художником?

– Я бы сказал, случайно. Рисовал, конечно, как все пацаны, – сначала танки, космонавтов, потом «хиппарей» в клешах, музыкантов, хоккеистов. Что

увлекало, то и рисовал карандашом, акварелью. Как бы это странно ни звучало, но профессиональные краски и кисти я первый раз увидел в 1975 году в армейской «учебке» под Оренбургом в богом забытом городке Бузулуке. Судьба свела меня с полковым художником Олегом Астратовым, который получил образование в Оренбургском художественном училище и жил теми же интересами, что и я. Началось общение у него в мастерской, а там – этюдник, краски...

– Вы в армии оказались после того, как приняли решение уйти из нефтяного института. Почему? И что было дальше?

– После окончания средней школы № 44 я поступил в Уфимский нефтяной институт, но быстро понял, что трубопроводы – это совсем не моё. Затем – армия. После того, как я полгода отучился в Бузулуке на командира орудия 122-миллиметровых гаубиц, нас отправили служить в ГДР в Группу советских войск в Германии (ГСВГ). Там сдружился с полковыми художниками и музыкантами. Интересно, что в ГДР тогда уже были несмывающиеся краски на водной основе, которые сегодня мы знаем



«Шульган», 2017 г.
Холст, масло, акрил

как акрил. Играл в клубе, как тогда называлось, в вокально-инструментальном ансамбле, на всех инструментах, ведь я окончил Первую музыкальную школу им. Наримана Сабитова по классу скрипки у замечательного человека, Михаила Ефимовича Швайштейна. Сразу после армии пошел работать художником-оформителем на 40-й завод (УПЗ). Очень скоро мы с заводскими ребятами создали бригаду и перешли в «Башторгрекламу». Там мы занимались оформлением интерьеров магазинов – как в Уфе, так и по всей республике. Сейчас с удовольствием вспоминаю то время. Там я подружился с Володей Дворником, который впоследствии делал

графику для ДДТ и живет сейчас в Питере. Последний наш совместный объект – магазин «Сувениры» на улице Ленина.

– И в институт всё-таки поступили?

– В 1980 году я поступил на художественно-графический факультет Башкирского государственного педагогического института (в институте искусств в тот год приема не было) и благополучно его окончил в 1985 году с красным дипломом. Начиная с 1981 года, участвовал в профессиональных выставках. Диплом делал по графике в технике «резерваж». Хотя, во время обучения, меня и скульптура очень



«Золотой стрелок», 2016 г. Холст, масло

привлекала, к которой, по мнению Николая Александровича Калинушкина, у меня были природные способности. После окончания худграфа год преподавал рисунок и композицию в Республиканской художественной гимназии-интернате им. Касима Девлеткильдеева. Там была железная дисциплина – дети ходили по струнке. Я пытался их растормошить, дать свободы. В результате, как и следовало ожидать, они чуть ли не по потолку бегали у меня на занятиях.

– Как время повлияло на ваши работы?

– Меняется лишь внешняя сторона, но суть остается. Я думаю, что нашел себя как художник где-то к концу 1980-х в серии «Мужские игры». Потом были увлечение абстракцией и возврат к реализму. Но после абстрактного фигуративное стало уже несколько другим, не таким нравоучительным, без излишней прямолинейности. Абстрактное стало источником более формального отношения, переместив акценты со «что» на «как». Дидактики в работах стало меньше.

– Как директором музея стали?
– Если коротко, то – предложили. Согласился.
– Не мешает административная работа творческой?

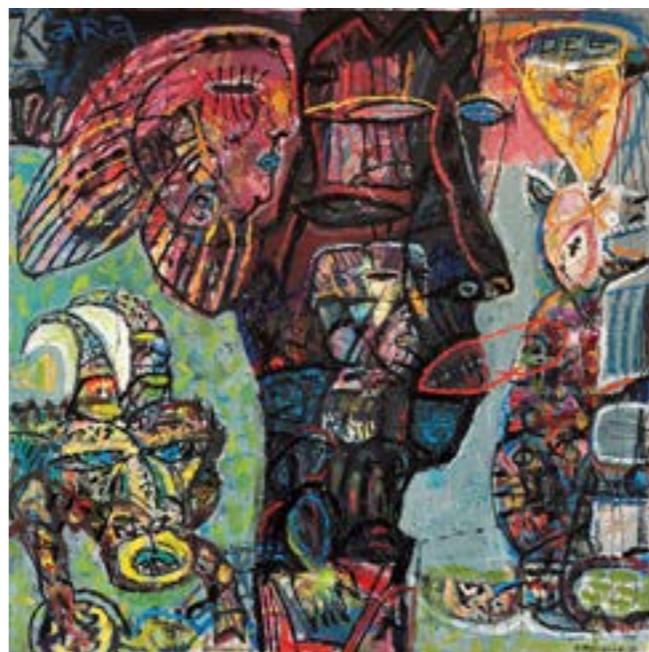
– Это две абсолютно разные сферы деятельности. Конечно, ощущается резкий дефицит времени на творчество. К сожалению, в наших головах нет тумблера, способного переключать мгновенно деятельность полушарий.

– Какой путь выбрала ваша дочь? Ее выбор был самостоятельным?

– Конечно, самостоятельным. Она финансист-юрист. Очень серьезная профессия.

– Ваши работы узнаваемы мгновенно. Что, на ваш взгляд, в них привлекает зрителя?

– Да, я надеюсь на то, что нашел свой почерк. Привлекать в моих работах могут энергетика, экспрессия. Они не делались для того, чтобы усладить



«Караидельский пасечник», 2017 г. Холст, масло, акрил



«Синий бык, золотые стремена». Холст, масло

зрение и душу. Может быть, поэтому их больше в музейных коллекциях, чем в частных собраниях.

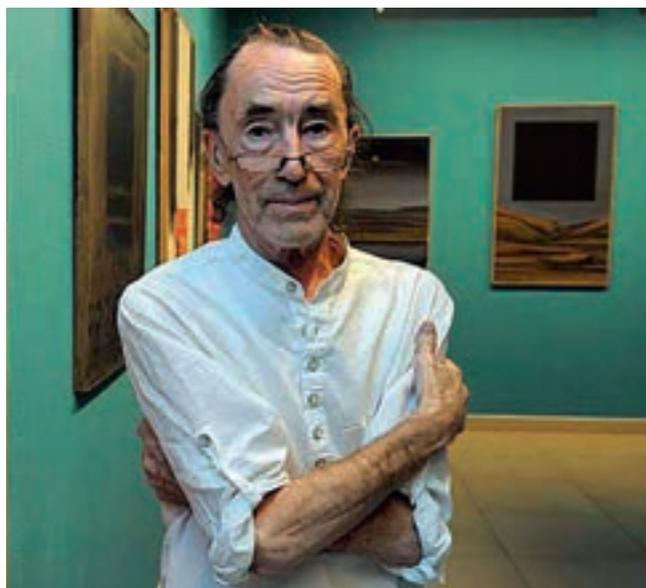
– Как по-вашему, какие эмоции они должны вызывать?

– Видимо, те, которые я вкладывал. Какой импульс заложен в картину изначально, на той волне полотно и будет отдавать свой эмоциональный заряд зрителю, если он готов к этому.

– Каковы источники вашего вдохновения?

– Мы все живем в этом мире здесь и сейчас. Общение с людьми, книгами, разные события жизни – все это заставляет переживать и опосредованно реагировать. Пока не возьмешь в руки карандаш, кисть или любой другой предмет, который оставляет следы на поверхности холста, вдохновение не снизойдет.

Текст: Елена Синицына



ВАСИЛЬ ХАННАНОВ:

«КАРТИНЫ –
ЭТО ВСЕГДА ВЫЗОВ...»

– Когда и где вы родились?

– Родился в Октябрьском 26 сентября 1956 г.

– Опишите самое яркое впечатление детства, когда стало понятным, что вы выбрали путь художника.

– «Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах». Мой любимый апокриф от Филиппа. Это же не может быть такой одноразовой акцией: раз – и я стал художником...

– Конечно. Но какое-то событие было в детстве, которое теперь воспринимается как знак?

– Яркое ощущение... Мне тогда было годика три, наверное, и мы жили в длинном бараке. Я захожу в него, иду, где-то в конце темного коридора свет – там окно. Представь себе – вот ты идешь, плачешь, ты уже понял, что тебя предали, что тебя обманули. Ты идешь по коридору, и сквозь ресницы видно заходящее солнце. Уже пора идти спать, лето. А потом раз, ты голову повернул так

случайно, голова наклонилась, и вместе с тобой лучи повернулись. Они видны сквозь мокрые ресницы. Потом раз, в другую сторону её наклонил – лучи пошли по-другому. Они красивые, они как радуга. Как красиво! Вот, наверное, первое ощущение такой красоты, когда ты на миг всё забыл и всё отпустил. Ты зачарован. Настолько красиво, оказывается! Идешь по бараку, головой вертишь. До конца комнаты дошёл, там тетя Маша, она сейчас накормит кашей, которую мама оставила.

– Вы никогда это не рисовали?

– А зачем?

– Расскажите, пожалуйста, о родителях.

– Папа был водителем. Мама всю жизнь работала штукатуром-маляром, была награждена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», многими юбилейными медалями. Насколько я знаю, со стороны мамы дед воевал на стороне Белой армии, со стороны отца – рабоче-крестьянской Красной Армии.



«Рождество».

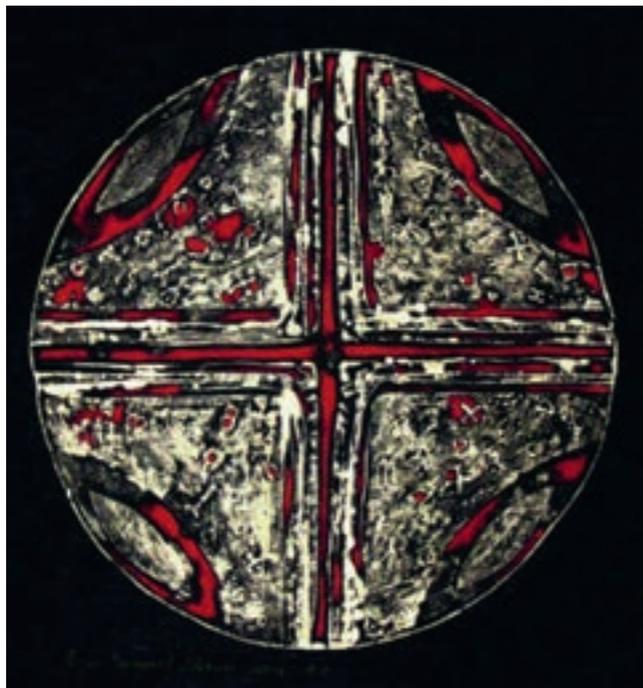
Ковер, коллаж, акрил

– Так часто было, к сожалению. А где вы получили художественное образование?

– Я в 1974 году поступил в училище искусств, год проучился на декоративно-прикладном отделении, а потом меня благополучно забрали в армию. Два года отслужил. Вернувшись на второй курс, умудрился за два года окончить и второй, и третий, и четвертый. И все, вышел в люди.

– И сразу попали в Бурзян?

– Да, в Бурзяне меня прикрепили к централизованной системе библиотек как художника-оформителя. Два художника на весь район – приходилось много чем заниматься. Мне легко давалось лозунги писать, поскольку в конце службы в армии довелось поработать художником Краснознаменного Дальневосточного округа. В Бурзяне уже понимал, что главное для меня – мои картины, а не плакаты, конечно. Через год вернулся в Уфу.



«Светило», 2002 г. Черная ткань, травление, акрил

– К какому направлению изобразительного искусства вы могли бы отнести свое творчество? Речь идет о живописи?

– Интересно, что мои работы далеко не все относят к живописным. К живописи у меня свое особое отношение. Это как тембр голоса, который тебе дан от природы. Или у тебя бархатный баритон, или великолепный волжский бас, или обыкновенный тенор. То же самое можно сказать о способности передавать цвета в живописи. Я просто делаю картины. Я так определил для себя: даже не рисую и не пишу, я их делаю. И мне совершенно не важно, к какому направлению, течению или стилю живописи мои работы отнесут. Когда я смотрю на чистый холст, приходит осознание одной единственной задачи,

состоящей в необходимости вызвать у зрителя сильное чувство сопереживания. Хорошо, если получится вызвать у него катарсис.

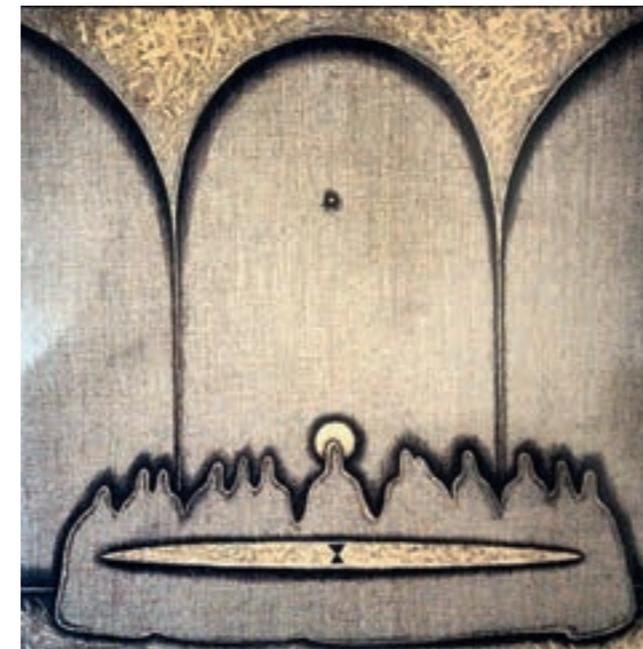
– Катарсис – это, наверное, не самое приятное ощущение.

– А вот это и есть самое главное. Когда человек увидел картину, и его вот так за горло схватило (показывает, хватая себя за горло), и он уже не может сдержать себя от переполняющих его чувств. Его слезы душат перед картиной. И всё. И мне плевать, какое это направление живописи. «Ах, как я вижу, ах, как я чувствую...». Самолюбование своими картинами – это вообще не про меня.

– Как время повлияло на ваши работы? Что в них изменилось? Как вы думаете, что в них привлекает поклонников?



«Малевич в Башкирии», 2015 г. Холст, масло



Тайная вечеря. Холст, масло

– Думаю, ничего не изменилось. Я просто делаю то, что хочу делать. Привлекает, наверное, момент искренности. Картины – это всегда вызов. Это двухмерное полотно, и ты должен создать такое пространство, чтобы оно стало реальным для другого человека, чтобы картина стала его собственным объектом для сопереживания. Ты должен его впустить в это пространство. И чтобы это не было пошлостью.

– В каких музеях ваши картины представлены?

– Более чем в тридцати государственных музеях России – от Сахалина до Феодосии.

– Какой путь выбрали ваши дети?

– Я сделал всё, что мог, чтобы они не выбрали путь художника (смеётся). Они музыканты, в них это изначально было. Когда они начинают

разговаривать – это такой темный лес для меня! Они – гениальные дети.

– 18 августа вам присвоили звание заслуженного художника Республики Башкортостан. От души поздравляю! Что дает вам участие в проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Очень классный проект, я давно говорю о феномене Башкирии, где в разы больше талантливых художников, чем в соседних регионах. Если же говорить обо мне, перефразирую слова Плутарха из его вступления к биографии Демосфена: на этой огромной планете Земля есть маленькая Башкирия, и, чтобы не сделать ее ещё меньше, я собираюсь здесь жить и творить дальше.

Текст: Елена Синицына



«Сфера интимного». Московский музей современного искусства на Тверском бульваре



Георгий Гайнияхматович Калитов родился 7 сентября 1952 г. в д. Нижнее Иванаево Балтачевского района БАССР. Член Союза художников РФ (1995 г.), народный художник РБ (2012 г.). Лауреат Государственной премии им. Салавата Юлаева (1995 г.), лауреат премии им. Я. Ялкайна (2017 г.). Живёт и работает в Уфе.

Рано оставшись без родителей, Георгий вместе с братом Сережей воспитывался в детском доме (1963–1967 гг.). После окончания восьми классов школы работал учеником резчика по дереву на Бирской фабрике художественных изделий. В 1972 г. окончил художественное отделение Уфимского училища искусств. Отслужив в армии, поступил в Уфимский государственный институт искусств и с отличием окончил его в 1980 г. Был направлен художником в редакцию детской газеты «Башкортостан пионеры», в том же году – приглашен художником в живописный цех БТПК Художественного фонда РСФСР. Работал в области монументального (витраж, роспись), театрального (сценография) искусства, сегодня работает в области станкового искусства. С 1984 г. преподаёт в колледже УИИ. Автор книг «Башкирская школа живописи. История» (Уфа: Гилем, 2011 г.); «Блеск черемисской стрелы» (Йошкар-Ола: Газета «Марий Эл», 2016 г.).

ГЕОРГИЙ КАЛИТОВ

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ПОЛОТЕН

– Георгий Гайнияхматович, у вас очень разные по содержанию картины. С одной стороны – гигантские монументальные полотна с портретами собранных вместе известных людей, а с другой – ироничные работы на современные темы: «Фуршет», «Святой Христофор», «Крепкий орешек». Наверняка, за этим кроются увлекательные истории? Но давайте начнем по порядку, с вашего детства. Как вы начали рисовать?

– Начал рисовать как все, ребёнком, в этом я ничем не отличаюсь от других, – скромно ответил художник.

– И всё-таки... детский дом?

– Да, было такое. Отец, бывший фронтовик, после войны часто болел, а мать, работница тыла, здоровьем также не блистала. Они умерли молодыми, но успели мне и моим братьям дать всё, что нужно человеку в раннем детстве. Я несколько не жалею, что детство моё прошло в фуфайке и в резиновых сапогах, часто бывало – на босую ногу, но такие детали меня вообще мало волнуют. Мои друзья и ровесники не «в шоколаде» жили, бедность была естественна и повсеместна, простой народ в деревне и в городе жил небогато. Зато любви и тепла мы достаточно получили от своих родителей, бабушек



«Царская грамота. 1557 г.».
Холст, масло

и дедушек, а от учителей и воспитателей в детдоме – человеческого участия и знаний. Поэтому сказать, что я что-то в детстве недополучил, нельзя. Иногда мы с братом Сергеем бываем в деревне, где родились, чтобы испить водицы из старого деревенского родника, посетить могилы предков, пописать этюды, в баньке попариться, а вечером за столом поговорить, попеть песни вместе с соседями. Там сейчас живёт брат наш младший, Вячеслав, с женой Ридой, дети их давно разъехались, они одни и гостям всегда рады. Связь с землей и людьми, живущими на ней, с корнями своего народа – для меня потребность давняя и привычная, как в жизни, так и в творчестве. Это моя личная «тектоническая плита», как у земли, на ней всегда стоял и стою, а если сорвусь, чую – сгину в битве цивилизаций как снежинка. Вот почему я искренне радуюсь даже маленьким успехам нашей

России, а от многих её безобразий и пороков печалью. Только вместе с Россией может спастись и сохраниться мой маленький народ, мари. Да, я старый ворчливый патриот, – помолчав, продолжал Георгий Гайнияхматович. – Про таких, как я, говорят: «Ватник». Ну, а что здесь обидного? Не понимаю. Я сам износил не один ватник в детстве и юности, укрывался в нем от дождя, а зимой – от стужи. Ватник для меня – символ стойкости и единства всей нашей огромной страны, начиная от колымских лагерей до советских солдат на ступеньках Рейхстага в 1945-м, от писателя В. Шаламова до поэта И. Бродского в ссылке: всех спасала и согревала простая стёганая ватная фуфайка. А когда обижаются на слово «ватник» – это, знаете, не для меня. Обидно это может быть поколениям, родившимся в 80-е – 90-е годы и позже, молодым в модных куртках на синтепоне.



«Святой Христофор», 2016 г.
Холст, акрил

У меня есть картина, где изображен холёный человек, похожий на Чубайса, с модными часами на руке, а над ним святой Христофор с лошадиной головой, копьём и крестом в руках – заступник и защитник православного народа при стихийных бедствиях: чуме, море, голоде, любой всенародной беде. Вот я и изобразил перед святым Христофором «чубайса». Имя и образ Чубайса после ваучеризации страны, залоговых аукционов 90-х годов и всеобщей приватизации стали для всех россиян нарицательными, вроде «палочек Коха» или «мерседеса», а для меня в этой картине – собирательным образом всенародной беды, повального обнищания большинства и сказочного обогащения непотопляемых ловкачей,

мошенников и аферистов. «Искусство – это мы», – говорил Лотман. Искусство – это, скажу я вам, не только красивые картины на стенах музеев, это нечто большее – глубже и выше. Меня лично волнуют смыслы и идеи в искусстве. Мотивацию и повод взяться за кисть даёт сама жизнь: «Крепкий орешек» – про наше непробиваемое упрямство, «Фуршет» – про непомерное тщеславие и самомнение. На выставке «Арт-Уфа» один интеллигентного вида пожилой зритель мне самому, автору, объяснил, о чём моя картина: про разобщённость и одиночество наших людей, про нас с вами, про нежелание посмотреть друг другу в глаза, чтобы хотя бы попытаться понять, кто рядом. Недавно я слышал, что Валентина Матвиенко предложила создать в стране «Министерство одиночества». Может, уже пора...

– «Святой Христофор» и «Крепкий орешек» воспринимаются, скорее, иронично. Или здесь пародии всё-таки нет?

– Люди смотрят на мои картины и видят иронию или пародию, даже специалисты-искусствоведы. Они видят по привычке только поверхностный ироничный сюжет, не заглядывая глубже, в идейный и художественный замысел автора.

– Вас расстраивает, что считают не ту интонацию в ваших картинах?

– Меня это немного задевает, но не сильно. Дураку не объяснишь, а умный сам поймёт.

– Кроме пейзажей, триптиха и «ироничных» картин (что ж поделать, снова назову их так), у вас много живописных портретов ваших знакомых, родных и близких вам людей. На них реальные люди, очень живые лица – не приглашенные и приукрашенные, как часто бывает на портретах, а, напротив, переживающие разнообразные живые эмоции. И напрашивается вопрос: а себя? Поставить перед ликами святых также себя?

– Как всякий нормальный человек, я слаб и грешен, а как художник – такой маленький на фоне множества больших, великих и просто гигантских

«небоскрёбов»-художников, что даже не думал об этом. Честно говоря, страшновато держать ответ за прожитую на земле жизнь перед Богом, перед своими предками, а ныне живущим марийцам всем предстоит через это пройти. Когда художник в своём творчестве вторгается в пространство потусторонних сил, метафизических существ, переступает черту мира умерших или «дёргает Бога за бороду», то он рискует всем, может сойти с ума, погибнуть рано, трагически. Об этом много примеров можно найти в искусстве, шутить с этим нельзя. Помните судьбу художников М. Врубеля, В. Попкова с его картиной «Хорошая была бабка Анисья», да самого М. Лермонтова. В искусстве всегда жива вера в приметы и табу. Пока хочется оградить себя от всего этого. Но меня нередко посещают темы, связанные со смертью, мистикой потусторонней жизни. И не только меня, наверное, многих художников. Просто не все, может быть, рассказывают об этом. Да и даже чтобы поставить «чубайса» на картине перед судом святого Христофора, надо иметь определённую решимость и силу, невзирая на критику иных высокопоставленных зрителей и коллег на выставке: «Кому нужен этот Чубайс?!». Речь не о конкретном Чубайсе, а о нашей с вами жизни, о силах добра и зла. Зрячий – увидит, ищущий – обретёт.

– А монументальные полотна? Как вы придумали их рисовать, и что вложили в них?

– Начну с того, что рисовать такие полотна я сам не придумывал. Вот как было. С 1978 года я начал участвовать в выставках, показывал небольшие пейзажики, портреты маслом на холсте. В качестве художника в двух театрах оформил спектакли, иллюстрировал книжки, и вдруг знакомый по институту Рашит Зайнетдинов предложил мне: «Слушай, Георгий, есть заказ на картину, один не успею к сроку, давай вместе напишем, а деньги – пополам». В тот год Министерство культуры республики некоторым нашим художникам заказало тематические картины, и Зайнетдинову досталась тема присоединения Башкирского войска к Красной



«Натюрморт с дыней». Холст, масло

Армии в марте 1919 года в селе Мраково. Такой вот заказ. Рашит ломал голову: как это сделать? А время летело. Прежде всего, надо было придумать композицию, найти и разработать образы всех персонажей, место и время действия средствами живописи, чтобы всё смотрелось «как в жизни»: это очень сложное дело – придумать и написать тематическую картину! А я как раз до этого написал для Национального музея свою первую большую картину после института «Групповой портрет членов Коминтерна в Уфе в 1941 г.» и сидел без работы. Думаю: а почему бы нет? До этого картин с башкирской тематикой я не делал: не интересовался, историю башкир знал поверхностно. Начал читать. Ведь как бывает: обложишься книгами, погрузишься в тему, и начинают в воображении мелькать события, сюжеты и образы; набрасываешь их на бумаге карандашом, делаешь зарисовки. И в какой-то момент вдруг всё это складывается в эскиз будущей картины. Так и вышло тогда. Худсовет Союза художников утвердил наш эскиз. В мастерской Зайнетдинова написали работу, принесли ее,



Р. Зайнетдинов, Г. Калитов. Центральная часть триптиха «Душа земли». Холст, масло

готовую, на тот же худсовет. Там одобрили, деньги нам заплатили. Вот, вроде бы, и всё. Где та картина сейчас? Мне не известно. Так появился тандем «Зайнетдинов – Калитов», соавторство на долгие годы. Каждый из нас жил своей творческой жизнью. Рашит – главный художник Худфонда и, одновременно, парторг Союза художников Уфы, а с 90-х годов – декан факультета живописи УГИИ. Меня же Худфонд направлял на объекты в Уфе и республике, на высокохудожественные, как тогда говорили, работы: вместе с бригадой стекольщиков, художников, столяров мы сделали витражи в филармонии, в Театре оперы и балета расписали потолок зрительного зала. Вместе с другими молодыми художниками Уфы я стал участником зональной выставки художников Урала в Свердловске, а моя

работа «Пенсионер из Сибая» была приобретена Министерством культуры РСФСР, её репродукция появилась в журналах «Смена» и «Художник». Как-то я встретил одного моего хорошего знакомого А. Хайбуллина, художника из оформительского цеха, он говорит: «В БГУ в главном корпусе, на последнем этаже, где исторический факультет, нужно сделать большие росписи с портретами знаменитостей из истории башкир, и всё это – на стенах. У тебя есть опыт, возьмёшься?». Я сказал, что согласен. Зашли к Зайнетдинову, а он: «Росписи! Да ещё с портретами исторических деятелей! Это же гигантская работа, мы не справимся, Георгий». А я ему: «Почему не справимся, Рашит? Давай вдвоём возьмёмся и сделаем. Судьба даёт шанс показать, на что мы способны, что-то стоящее оставить

после себя». Я его уговорил. Мы втроём пришли к тогдашнему ректору БГУ Рагибу Насретдиновичу Гимаеву, он сказал: «Ребята, настали новые времена: пришел Ельцин, подули демократические ветра, республики получили суверенитет, и народы России – башкиры, татары, марийцы, чуваша, якуты – вспомнили свою историю и культуру, своих великих людей. Теперь каждый башкир хочет увидеть и вспомнить всех поименно: кого запрещали, кто сидел в лагерях, кто был на стороне Белых, а кто – Красных, кто эмигрировал – всех, кто болел душой за родной башкирский народ. Хочется собрать их вместе на одном полотне, показать нашим студентам и оставить потомкам!». У меня, как сейчас помню, мурашки по спине побежали от таких слов. Это был подарок судьбы. Нам дали список имён, около тридцати персонажей: Акмулла, Мустай Карим, Салават Юлаев и так далее. Рашит по музеям и архивам ходил, собирал информацию и фотографии. А я закрылся дома и за несколько дней нарисовал карандашом на детском альбомчике небольшой, но довольно подробный эскиз будущей картины «Душа земли», впоследствии ставшей центральной частью триптиха. Я прикинул: в университете потолки низковаты, в коридорах всегда многолюдно, студенты постоянно снуют, а если ремонт – как с росписями быть, сохранятся ли – неизвестно. Предложил Рашиту: «Давай напишем большую станковую картину на холсте, работать будем в мастерской, спокойно, без суеты коридоров, а когда картина будет закончена, привезем и смонтируем». Рашит согласился, а ректор одобрил словами: «Вы – художники, делайте так, как считаете нужным». На тот момент о боковых картинах и о самой идее триптиха речи ещё не было. Картину закончили. Сначала она повисела на юбилейной выставке выпускников Института искусств, после чего её перевезли в БГУ, на постоянное место дислокации. И только мы с Рашитом немножко передохнули, как тот же ректор пригласил нас к себе и говорит: «Нужно развить тему картины дальше и



«Киндзмараули для союзников», 2010 г. Холст, акрил

сделать триптих. На левой стороне триптиха изобразите поэтов-суфистов домонгольских веков». Снова дали нам списочек – поэтов средневековья. Опять закипела работа: эскиз, погружение в архивы. Поскольку XII век, с портретами была проблема: фотографий-то нет, образы «лепили из того, что было». Например, Кул Гали, старик, который на картине сидит. Изначально его лицо у нас не получалось, выходило вялым и бледным как архивный рисунок. Сажу как-то в мастерской, смотрю на него, размышляю, ищу решение. И вдруг вспомнил, как однажды в Сибее проезжал в автобусе мимо карьера и на переднем сиденье ехал седой пожилой башкир с сухим, почерневшим от солнца лицом. Его лицо мне сильно врезалось в память, запомнилось в мелких подробностях. Меня осенило, что на этой картине нам надо не бледные лица писать, а как у того старика: тёмно-коричневые, смуглые, чтобы эпичностью и стариной веяло. Мы так и сделали. Еще картину не успели дописать, а нам снова: «Делайте теперь третью часть.

Изобразите близких к нашему времени русских, татарских, чувашских литераторов, в своём творчестве исторически связанных с Башкортостаном». И третью картину мы сделали. За триптих «Душа земли» мы с Рашимом Зайнетдиновым получили Государственную премию РБ им. Салавата Юлаева. Это были признание, статус, материальная и бытовая устроенность, о которой я мечтал с детства... Кончились шатания по детдомам, казармам и общежитиям: я впервые перевёз свою семью в собственную квартиру в центре Уфы. Из таких простых житейских историй сотканы обратные стороны большинства живописных полотен.

– *Здорово! Расскажите и про другие монументальные полотна – «Созвездие» и «Чаепитие в Темясово».*

– Идею создания картины «Созвездие» подал нам бывший директор Художественного фонда Мухтаров Рифкат Гусманович. Он был уже давно на пенсии, но часто приезжал к нам в мастерскую. Мухтаров нас уговаривал так: «В Мариинском театре все холлы картинами украшены, а в Уфе стены в коридорах театров голые, хотя столько замечательных башкирских артистов и музыкантов можно было бы изобразить. У вас есть опыт создания групповых портретов – начинайте, ребята, потомки будут благодарны вам, а спонсора найдём». Уговорил нас старик, мы написали картину, закончили её как раз к юбилею Башкирского драматического театра. Без проблем и трудностей, конечно, не обошлось, но всё-таки нам за нее заплатили, даже сделали помпезную театрализованную презентацию: во время официального торжественного вечера на сцене театра наша картина в раме медленно появилась откуда-то сверху как декорация, и зал, после минутной тишины, встал и овациями принял её. Это было для нас, авторов, незабываемо, полный драйв! А «Чаепитие в Темясово» мы с Зайнетдиновым решили написать сами, в 2007 году, для выставки художников ко Дням башкир-

ской культуры в Москве. Картина получила положительные отзывы искусствоведов и была закуплена БГХМ им. М.В. Нестерова. А однажды я сижу дома, чай пью, по телевизору передача БСТ «Байк» идет: показывают башкирские танцы. Вышел на сцену очередной танцевальный коллектив, пять молодых худеньких парней, смотрю – одежда у них подозрительно знакомая, прямо как на нашей картине «Чаепитие». Жюри парней за танец раскритиковало: всё сырое, еще работать и работать, но за идею – молодцы! А откуда взяли идею танца? Ребята отвечают: увидели картину «Чаепитие в Темясово» и вдохновились! У меня челюсть отвисла, я тогда такой счастливый перед телевизором сидел, про чай свой забыл: надо же, по нашей с Рашимом картине танец поставили! И подумал, чёрт побери, значит, что-то в нашей картине, действительно, есть. Жаль, мой соавтор этого не успел увидеть, он бы со мной вместе порадовался.

– *Георгий Гайнихматович, спасибо за интересные истории. А какие работы у вас самые любимые?*

– Невозможно выделить одну, потому что все они долго вынашивались и трудно рождались. Но если говорить о том, какие мне ближе, то такие вещи, как «Фуршет», «Натюрморт с дыней», «Киндзмараули для союзников». В них есть некая «игра», которая в искусстве имеет какой-то другой, более высокий смысл, чем в быту. Мы говорим, глядя на артиста и восхищаясь: ах, как он играет! Так могут только великие таланты и гении, а даруется это человеку при рождении самим Богом и небесами. Меня всё талантливое в искусстве и литературе завораживает, восхищает и делает счастливым до слёз. Если иногда, очень редко, у меня самого что-то похожее получается, я счастлив. Но, сказать честно, мне неловко представляться художником, скорее, я – человек со способностями к рисованию.

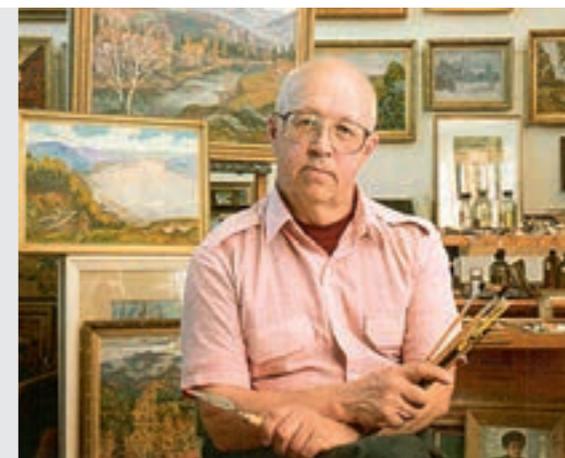
Текст: Надежда Смирнова

ВЛАДИСЛАВ МЕОС

СОХРАНИТЬ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Прекрасен и удивителен каждый шаг по этому уникальному во Вселенной жилищу под названием планета Земля.

В.Э. Меос

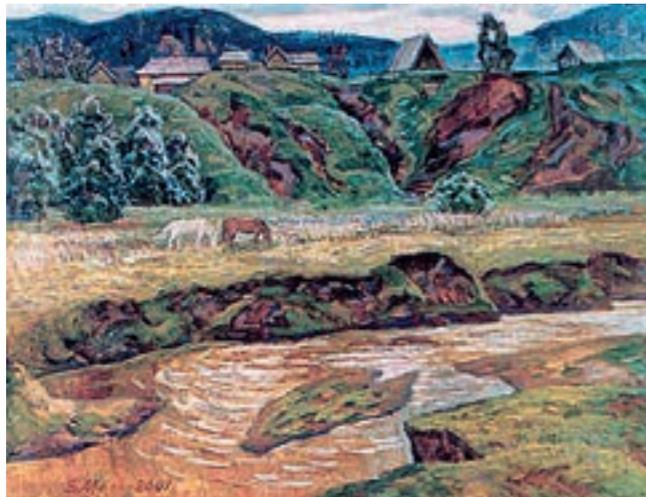


Владислав Эдуардович Меос родился в 1940 г. в Челябинске. В настоящее время живет и работает в Уфе.

Член Союза художников СССР (РФ) с 1980 г., член Союза художников РБ с 1995 г. Народный художник Республики Башкортостан (2007 г.). С 1964 г. – участник республиканских, региональных, всероссийских, всесоюзных, международных и зарубежных, а также более пятидесяти персональных выставок.

Картины художника находятся в БГХМ им. М.В. Нестерова, Национальном музее РБ, Мемориальном доме-музее им. С.Т. Аксакова, Мемориальном доме-музее М. Гафури, Мемориальном доме-музее Ш. Худайбердина, музеях УУИ, Уфимского филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова, МВД РБ, Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Белорецкой картинной галерее и Белорецком историко-краеведческом музее, ряде картинных галерей Башкирии, в частных коллекциях.

В.Э. Меос – автор двух книг воспоминаний, в которых он рассказывает о своем пути в искусстве, о первых учителях и коллегах, о незабываемых встречах.



«Летом на Усолке», 2001 г. Холст, масло



«Август кончается», 1976 г. Холст, масло



«Зилаир. Пожарный переулок», 1978 г. Холст, масло



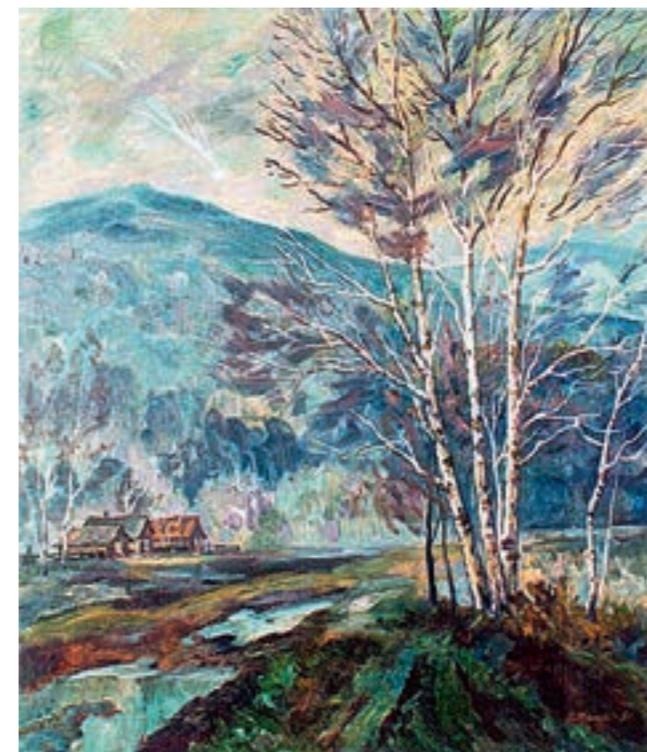
«Никола-Березовка. Перезвоны», 1998–2007 гг. Холст, масло

(К. Паустовский). И здесь на помощь приходят написанные с исторической достоверностью, созданные в творческих поездках и дома, в мастерской, серии работ – как раз они представлены и переданы Национальному музею. Сталинградская серия по местам боевой славы, куда он ездил неоднократно в разные годы, дополняя свои впечатления («Разрушенная мельница», «Штаб 138-й дивизии», «Ледоход на Волге», «Аллея героев. Волгоград», «Парк победы. Волгоград»). Картины написаны без пафоса, но «с трепетом в душе», который передается и зрителю. Мотивы, развернутые в ленинградской и московской сериях, со всеми приметами советского и постсоветского времени, – чем более отдаляются они хронологически, тем более интересными и загадочными предстают перед нами. Виды и исторические места Уфы, например, дом-музей Ленина, каким помнят его прежние поколения, еще без современной музейной «лакировки», еще зеленого цвета, еще были живы старые могучие деревья в его дворе. Замечательны деревенские пейзажи Башкирии, их множество повидал Владислав Эду-

ардович за свою долгую творческую жизнь. Поэтически чистые, задушевные картины разных времен года – «Светлый апрель. Охлебинино», «Вечерняя пашня. Мурадымово» и многие другие – передают тихое человеческое восхищение родной природой.

В зале музея обрели свой дом и портреты. Они невелики по формату, но психологичны и выразительны (прежде всего, хочется отметить портрет одного из учителей художника – Г.В. Огородова). Люди творчества – Н. Сабитов, Б.Ф. Домашников, А.Д. Бурзянцев, ветераны войны и труда – люди, оставившие яркий след в истории и культуре республики. Легки и узнаваемы графические зарисовки тушью Белорецкого и других живописных районов Башкирии. Есть и жанровые сюжеты («Челобитная», «Русский перепляс»).

Одним словом, коллекция подобрана таким образом, чтобы осветить в разных жанрах и широкие временные рамки – с конца 50-х годов прошлого века и до наших дней. В.Э. Меос продолжает горячо отстаивать свой стиль – реалистическое искусство, «это необъятное пространство человеческих судеб и



«Звезда упала», 1991 г. Холст, масло

историй! Реализм поет гимн Солнцу, гимн Жизни!». Так пишет он в своей автобиографической книге «Светлый снег памяти».

Спор о приоритете авангарда и реализма ведется так давно, столько копий и зубов сломано на этой теме, что невозможно в данном предмете быть арбитром, это все равно, что задаваться бесполезным вопросом: «что лучше – классика или джаз, цветы или бабочки». Уверенность художника в победе предметного искусства вызывает бесспорное уважение, тем более, что работы его с гордостью хранят многие исторические и краеведческие музеи и картинные галереи страны, за них он удостоен высоких правительственных наград. В 2016 году В.Э. Меосу присуждена медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

Пусть кто-то и относит его к представителям «кондового» реализма, художник безусловно остается «настоящим», искренним и молодым в своем творческом движении и вере в то, что его искусство завоеует сердца будущих поколений.

Текст: Эльвира Каримова



Сергей Владимирович Маджар – член РО ВТОО «Союз художников России» Республики Башкортостан, член Союза художников РФ (1993 г.), заслуженный художник РБ (2013 г.).

С 1979 г. С.В. Маджар участвует в республиканских, зональных, региональных, всероссийских, международных и зарубежных выставках. Работы художника находятся в собраниях музеев и картинных галерей Уфы, таких как БГХМ им. М.В. Нестерова, Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова, УХГ, Галерея «Мирас», Галерея «Лимузин»; Нефтекамской картинной галереи «Мирас» (Нефтекамск, РБ).

– Сергей Владимирович, когда и где вы родились?
– 14 февраля 1958 года в Уфе. В день всех влюбленных угораздило меня родиться, не забывают поздравлять!

– Опишите, пожалуйста, яркое детское воспоминание, которое говорит о том, что путь художника уже тогда манил вас.

– Мне было года три-четыре, наверное. Я возился с игрушками, забрался в комод и извлек из него тюбик зеленой краски. Окись хрома, как потом я узнал. Свинцовый тюбик такой небольшой. Отвинтил крышку: что-то зеленое оттуда попёрло вместе с ароматом странным и загадочным. Я к маме: «Что это?». «Это краски папины, он хотел стать художником».

СЕРГЕЙ МАДЖАР

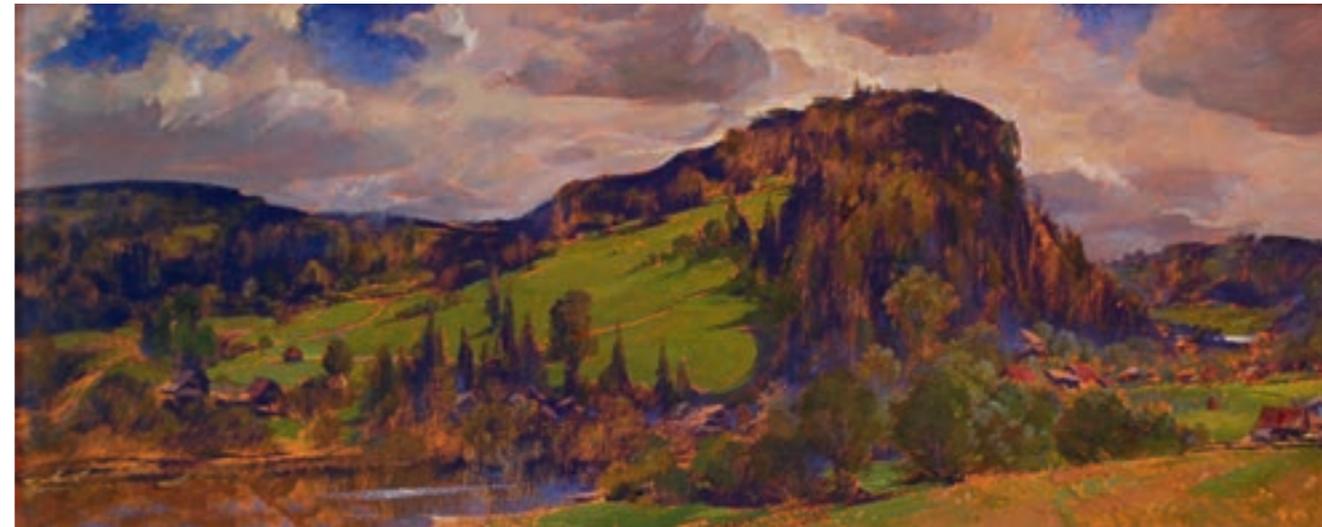
Почти по Толстому:
«...мать сочла сливы
и видит – одной нет...»

Акварельные краски я уже видел к тому времени – отец иногда рисовал дома стенгазеты. Но тут совсем другое... Сильное впечатление произвёл в первую очередь запах краски. С тех пор он остается для меня каким-то таинственным, загадочным и, главное, многообещающим. Запах красок у кого-то вызывает аллергию, а для меня он лучше, чем духи Coco Chanel. Когда отвинчиваю крышку, всякий раз этот запах, загадочно обещающий, волнует меня: получится – не получится?..

– Был ли ваш путь к мольберту прямым или «с перекрёстками»? Где вы получили художественное образование?

– Достаточно прямым, я бы сказал. В седьмом классе вдруг всё как-то совпало: и первая любовь нагринула, и про рисование я вдруг всерьёз задумался. Получилось, хочу только этим заниматься. На семейном совете был поставлен вопрос, родители мои, дядя, тетя, брат – все дома оказались. Они мне шутя этот вопрос задали: «Серёжа, ты что думаешь? Дальше учиться или после восьмого класса поступать куда-то будешь?». Я набрался духу и говорю: «Хочу художником стать». Зависла тишина. И дядя Вова, младший брат моей матери, встав в театральную позу, обхватил голову руками и шутливо произнес: «Вот художников нам только не хватало!». А отец задумался и серьёзно пошутил: «Только чтобы тогда как Шишкин!».

После девятого класса мне стало настолько невмogu в школе, что я решил попробовать поступить в



«Уральский мотив», 2017 г. Картон, масло

педучилище на худграф, потому что в сторону училища искусств даже смотреть боялся.

Художественную школу я, как Чапаев академию, не заканчивал, хотя мог, но это – отдельная история. На экзамене надо было рисовать гипсовую голову и натюрморт.

В рисовании гипсовой головы опыта у меня не было совсем, но надо было как-то выходить из положения и потренироваться на чём-то. Где гипс-то взять? Пошёл на озеро Комсомольское, где мы мальчишками купались. Место там было одно: глина замечательно скользкая, мы по ней в озеро скатывались. Вот я полмешка этой глины нарыл и к себе на чердак, на Локомотивную улицу, затащил, замесил эту глину и, глядя на репродукцию репинского рисунка головы Александра Севера, как сейчас помню, слепил нечто, как мне казалось, подходящее. Отлив это нечто в гипсе, я начал подготовку к вступительному экзамену. Сейчас смешно и весело это вспоминать. Потом это «наглядное пособие» пошло по рукам, кто-то ещё по нему пытался учиться рисовать.

Пришел я на экзамен, рисовать пришлось натюрморт, до головы дело даже не дошло. Посматривал я на работы соседей, и мне казалось, что мой рисунок – не худший, но, когда пришел за результатами, своей

фамилии в списках не нашел. Расстроился я, конечно, вернулся на свой чердак и первое, что сделал, – по памяти повторил натюрморт. Хотелось понять, что я сделал не так. Всё вроде бы так, но... Ничего не оставалось, как продолжать заниматься.

– На худграф вы всё-таки поступили, только не в педучилище, а в пединститут. Так?

– Да. На будущий год можно было попробовать поступить в пединститут. Как раз факультет только образовался, первый выпуск год отучился. Я вот со вторым набором и пришел поступать. После той двойки в педучилище я уже не был так уверен, тем более, что меня и тут встретил кудрявый и жизнерадостный педагог из училища. В дальнейшем я ему был очень благодарен, это оказался не кто иной, как Рустям Мугинович Фаткуллин! А пока себе на удивление получил пятерки по рисунку и живописи. Дальше – черчение, и тоже – пятерка. На сочинении выбрал свободную тему и, в приступе отчаяния, «наплел» на четверку. Потом – физика, её кое-как на тройку сдал. Последним экзаменом была математика. Вот тут я заёрзал... На диване оставшиеся три дня до экзамена спал в обнимку с алгеброй, пы-



«Золотые шары», 1994 г. Холст, масло

тался что-то в свою башку «вмонтировать», чего не смог за все школьные годы. Потом-то я узнал, что экзаменаторам была дана установка не придирайтесь на физике и математике к тем, кто сдал хорошо основные предметы. Видно, что-то удалось мне сказать вразумительное, и незаслуженную тройку свою я получил. Это было счастье!

– К какому направлению изобразительного искусства вы относите своё творчество?

– Все пять лет на худграфе думал только о живописи (и, конечно, о девушках!). А на пятом курсе мой будущий руководитель дипломной работы, замечательный рисовальщик Авхадий Габдрахманович

Габбасов, буквально в один день меня «подсадил на офортную иглу». Он своё дело любил очень и всегда находил нужные слова, междометия и способы донесения информации. Я так увлёкся, что чуть не забыл и о живописи, и о девушках! Но было поздно: с тех пор некоторые искусствоведы меня так графиком и считают, не живописцем.

– А вы сами?

– Эти явления – Живопись и Графика – взаимно обогащают друг друга, и мне не хочется их разделять так, как это принято у искусствоведов. Чтобы было понятнее, достаточно вспомнить творчество Рембрандта. Изначально я смотрел на рисунок только как на вспомогательное средство для живописи, а потом Габбасов и другие педагоги раскрыли мне глаза, и я перестал удивляться, видя наших чумазных студентов-графиков. Они ходили по локоть выпачканные чёрной краской, пытались выразить всё только одним этим страшным цветом, тогда как мы, живописцы, не справлялись с данной задачей, даже имея в распоряжении всю палитру.

В этой связи вспоминается ещё такой яркий момент. Будущий скульптор Володя Лобанов учился у Габбасова на графике, а я на живописи – в соседней аудитории. Я к нему заглянул, чтобы позвать в перерыв перекусить. Смотрю, Габбасов отставил свои междометия, поставил мольберт на мольберт, взял большой ватманский лист, угольный карандаш – ретушь, и начал рисовать вид из окна, которое выходило тогда на трамвайное кольцо и Детский мир, где небезызвестный дядя Миша мороженым торговал. Рисунок Габбасова я сначала даже не увидел, а услышал: ретушь даёт линию со специфическим визгом-писком, и мой взгляд пошёл на этот звук как кобра на дудочку. Я смотрел, завороченный, как простые, «гвоздём по стеклу», линии чудесным образом превращаются в знакомые до боли объекты. Я аж забыл, зачем пришел...

Кстати, этому «лёгкому движению» придала ускорение Эвелина Павловна Фенина, любимый и уважаемый всеми искусствовед. Она увидела мои перерисовки с Брейгеля и сказала: «Теперь это всё надо взять и перевести на медную дощечку... Серёженька, идите к Авхадю Габдрахмановичу».

– Расскажите, почему именно работы Брейгеля вас тогда вдохновляли.

– Это целая история. Не успели мы сдать последний экзамен, как к нам подошёл с объявлением декан Александр Семёнович Рындин: «Завтра приходите в рабочей одежде. Новый учебный год на носу, надо срочно заканчивать ремонт!». А зачисления ещё не было! Но нас, лодырей, это предложение поработать даже порадовало, появилась некоторая уверенность, что наши имена будут увековечены в заветных списках.

На следующий день мы пришли, и получилось, что меня в одну бригаду с Юрой Шевчуком определили. Он стал первым, с кем я познакомился на худграфе. Нам надо было красить стены. Декан выдал нам все необходимое и классически определил фронт работы: «Вот отсюда – и до обеда». В напряженной тишине мы приступили к делу, но Юра скоро разрядил атмосферу: возит валиком на длинной палке по огромной стене и говорит: «Я – Альфаро Сикейрос!». Мы со своими валиками так и попадали. Уже тогда у него даже шутки были монументальные.

Трудились мы с ним до обеда. А пообедать-то где? Каникулы! Столовая не работает. Юра предложил: «Я тут недалеко живу, пойдём ко мне». Фаина Акрамовна на работе была. Прошли на кухню. А там – и первое! И второе! И компот! Так и захотелось воскликнуть вместе с Дерсу Узала: «Пропaday нету!». Такой вкусный суп, даже сейчас помню! Поели хорошо. Потом – культурная программа. Он показал свои этюды, достал гитару. Побалдели. А потом, когда он меня в святая святых завел, в мамину библиотеку, я почувствовал себя прямо Бобиком в гостях у Барбоса. И тут, как говорится, свершилось. На журнальном столике лежала раскрытая книга. Это оказалась «История живописи всех времен и народов» Александра Бенуа 1911 года издания. И она была открыта на нужной (!) странице с репродукцией «Крещения Христа» Вероккио, где голову ангела мастер доверил написать своему ученику – Леонардо да Винчи. Листаю дальше. А там – «Охотники на снегу» Брейгеля! Дюрер с «Блудным сыном»... Увидев мои горящие глаза, Юра спросил: «Что, хорошая книга? Хочешь почитать? Бери!». И это – мне, первому встречному! Вот такой фолиант с золотым обрезом!



«Зимняя Уфа», 2006 г. Бумага, карандаш

Домой я шёл точно как тот Бобик с сахарной косточкой в зубах. И с этой «косточкой» весь первый курс поздними ночами блаженный мирно отходил ко сну. А пока я ею наслаждался, Фаина Акрамовна регулярно задавала сыну сакраментальный вопрос: «Где Бенуа? Куда ты его дел?». Юра стойко молчал и меня о книге не спрашивал. Как я ему благодарен! И тогда, и сейчас!

Эта книга стала для меня судьбоносной. Тогда всё неосознанно происходило. Теперь же у меня такое чувство, что я из этой книги вырос. К вопросу о моих учителях: бесконечный ряд их имён можно продолжать до самого главного Учителя.

Текст: Елена Синицына



Амир Минивалеевич Мазитов – декан факультета изобразительных искусств Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова, профессор кафедры живописи, заслуженный художник Республики Башкортостан, член Союза художников РФ и РБ.

У этого замечательного художника, опытного педагога и приятного человека много званий и наград, его картины находятся в музеях и галереях России, Италии, Австрии, Израиля, Португалии, США, Турции, ОАЭ.

Амир Минивалеевич – лауреат Государственной республиканской молодежной премии им. Ш. Бабича; обладатель золотой медали «Духовность, традиции, мастерство» Союза художников РФ и серебряной медали секретариата Союза художников РФ; обладатель звания «Человек года в области искусства» МБО США.

АМИР МАЗИТОВ:

**«Искусство – глубочайший океан,
и те, кто сумел донырнуть
до самого дна, –
это великие художники...»**

Амир Мазитов родился в 1968 году в деревне Верхнее Сазово Кугарчинского р-на БАССР. Живописью занимался с раннего детства, хотя, по его словам, в роду художников не было. Зато у него была тетушка Миннеса, старшая сестра отца, страдавшая болезнью органов дыхания. Она очень плохо засыпала, проводила много времени с маленьким племянником и уже с двухлетнего возраста вовлекла его в занятия живописью. Он то замороженно смотрел, как на белом листе появлялись лесная полянка, березка, солнышко, то сам начинал увлеченно «творить». В доме было очень много книг, в том числе посвященных творчеству известных художников: родители братьев Мазитовых знали, что сыновья интересуются живописью. Амир Минивалеевич называет своих родителей святыми людьми: при всей их занятости (мама преподавала математику в школе, отец долгие годы возглавлял сельский совет, работал в колхозе главным экономистом, главным агрономом) они уделяли силы и время воспитанию сыновей, следили за их успехами.

В 1995 году Амир окончил Уфимский государственный институт искусств (мастерская профессора Э.М. Сайтова и доцента М.А. Назарова), а в 1998 году – аспирантуру Российской академии художеств



«Середина дороги», из серии «Поэт», 2012–2014 гг. Холст, масло

при институте. Молодой художник работал под руководством академика А.Ф. Лутфуллина, которого Амир Минивалеевич считает своим учителем, наряду со знаменитым графиком Э.М. Сайтовым и талантливым живописцем М.А. Назаровым. «Ахмат Фаткуллович, – вспоминает он, – очень грамотно курировал процесс нашего обучения, сводившегося, в основном, к кропотливой работе над рядом картин. Еще на первом курсе, познакомившись с его творчеством, я испытал огромное уважение к таланту и

трудолюбию этого большого художника. Мне вообще повезло с моими учителями».

Амир Мазитов начал рано участвовать в республиканских, всероссийских и международных выставках, одну из его работ БГХМ им. М.В. Нестерова приобрел еще в пору его студенчества. В дальнейшем работы художника украсили музеи и частные коллекции многих стран. Всего Амир Минивалеевич написал около трех тысяч картин, в том числе 16 серий, среди которых: «Мальчик» (1992–1996 гг.),



«Тесто жизни», 2013–2016 гг.
Холст, масло

«Старик и колеса» (1996 г.), «Пророк» (1994–2003 гг.), «Притчи», «Отец», «Посвящение родителям», «Эпос», «О Салавате», «Художник» и другие. Среди его главных тем – такие вечные темы, как добро и зло, мужчина и женщина, семья. Серия «Художник», над которой он сейчас работает, медленно и кропотливо продвигаясь в этой «бескрайней для рисующего человека теме», приближает его к пониманию тайных глубин творчества. «Языком Манделыштама и Пастернака, через метафоры, я стараюсь пе-

редавать свое видение жизни, – говорит он. – Каждая наша секунда – это дорога, по которой мы движемся изо дня в день. Как мы проживаем эти секунды?..». Амир Минивалеевич образно мыслит, творит и излагает свое видение жизни. По его словам, «изобразительное искусство – это огромный всемирный ковер, и даже если ты сделал маленький стежок на этом ковре, то уже оставил свой след в истории».

У него много учеников, среди которых такие художники, как Ю. Аминев, Э. Забдинова, И. Калабухова, Д. Киямутдинова, А. Ахмедшин, Л. Мухаметова, Е. Осокина и другие. Помимо развития профессиональных навыков, он старается донести до своих учеников «правильные» истины: настоящий художник должен обладать великой любовью к искусству



«Разговор с рыбой», из серии «Притчи», 2013–2016 гг. Холст, масло



«Песня рыб. Начало рек», 2012–2014 гг.
Холст, масло

и огромным трудолюбием, должен быть поэтом и философом, историком и наблюдателем.

Амир Мазитов открыт для общения, с ним легко и интересно взаимодействовать. Серьезный разговор об искусстве прерывается веселыми рассказами из теперь уже далекого студенческого прошлого, из преподавательской практики. Запомнилась, например, смешная история про учащихся Уфимского педагогического колледжа № 2, в котором преподавал Амир Минивалеевич. Его ученики надевали на занятия белые халаты, которые, естественно, быстро пачкались. Как-то ребята, выпачканные красной краской, отправились во время обеда в своих белых халатах за пирожками, продававшимися на улице, рядом с республиканской больницей. Пока стояли в очереди, наслушались за спиной испуганных возгласов про то, как молодежь, видимо, «прямо из морга – и за пирожками!» А потом они экспрессивно и весело рассказали об этом своему учителю.

Верные друзья, способные ученики, яркое прошлое, насыщенное настоящее, наполненное работой и творчеством... Амир Мазитов с любовью говорит о людях, идущих по жизни рядом, своих друзьях, учителях, единственной дочери.

«Не хочется быть высокопарным, но все же скажу: у меня всего одна дочка, Аида – талантливая, солистка Башкирского государственного театра оперы и балета, и я ею очень горжусь. А остальные любимые дети – мои картины...».

Текст: Ольга Новикова



«Дерево деда», 2015–2016 гг.
Холст, масло



Джалиль Ахметович Сулейманов родился 16 марта 1968 г. в д. Набиево Бурзянского района БАССР. Его отец, Ахмет Мухаметвалеевич Сулейманов, мечтал стать художником, но, поскольку в год окончания им школы на художественное отделение в Уфе не принимали, отучился на филолога и в дальнейшем стал доктором филологических наук, знаменитым ученым-фольклористом, членом Союза писателей РБ и РФ.

Джалиль Сулейманов – российский живописец, член Союза художников РФ (1996 г.), лауреат государственной республиканской молодежной премии им. Ш. Бабича (1998 г.), заслуженный художник Республики Башкортостан (2011 г.), член творческого объединения «Артыш» (1995 г.). Участник республиканских, региональных, всероссийских и международных выставок (с 1991 г.).

ДЖАЛИЛЬ СУЛЕЙМАНОВ:

«У художника должен быть свой голос в искусстве и тема, вокруг которой всё крутится...»

– Примерно в четыре года я научился читать, и отец давал мне бумагу, краски и кисточку, отправлял к сельскому клубу: иди напиши, какое кино сегодня будут показывать, – рассказывает Джалиль Ахметович. – Я срисовывал буквы с афиши и приносил их домой. Особенно не старался, конечно, но буквы для меня значили много – за ними стояла реальная жизнь. А когда мне исполнилось шесть лет, семья переехала в Уфу, и я пошел в художественную школу и на дзюдо. Спорт очень помог в жизни: это и соревновательный дух на уровне рефлексов, и способность за себя постоять. Еще год-полтора в детстве я занимался музыкой – ходил на кубыз и на курай. Обучался у известного на весь мир кубызиста Роберта Загретдинова и кураиста, фольклориста, народного артиста РБ Юлая Гайнетдинова; он еще на телевидении передачи о курае на башкирском языке вёл. А про художественную школу – отдельная история.

– *Расскажите.*

– Я занимался там, пока в 5-6 классе, как говорится, не «потолкались» с одним мальчиком: он – каратист, я – дзюдоист, ну, «потолкались» и разошлись, я не придавал этому значения. А он дома всё рассказал, меня вычислили, пришли родители вместе с завучем, а завуч наш школьный, Михаил Дмитриевич Кузнецов, был также моим педагогом в школе худо-



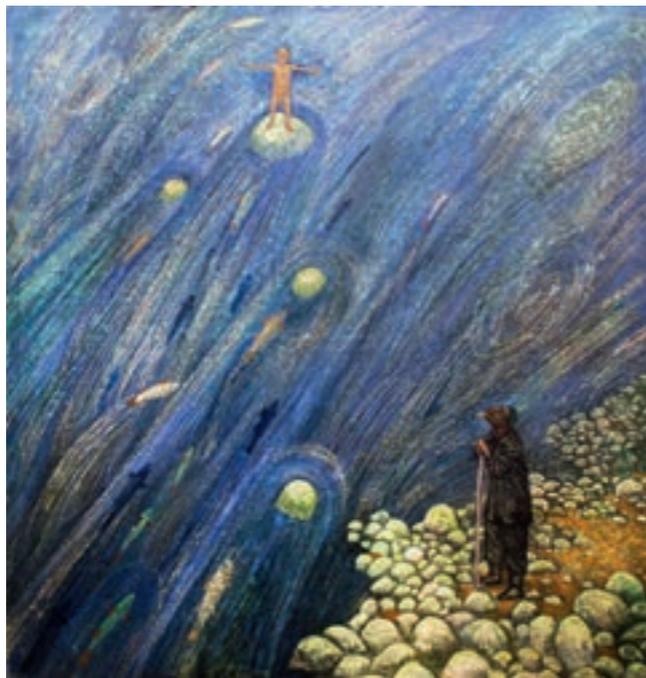
«Перышко».
Холст, масло

жественной. Послушал он всё это и проворчал мне в сердцах: «Глаза б мои тебя не видели!». А я человек гордый – месяц не ходил к нему на занятия. Сяду на улице, три часа порисую и возвращаюсь домой с набросками – вроде как из художественной школы. И через месяц звонок: «А где Джалильчик, заболел?», – «Нет, он же ходит в школу». Родители удивились, и сразу всё выяснилось. Были разборки. Но я наотрез отказался в ту школу ходить, не вернулся туда и всё. А спустя годы, когда уже выставляться начал, когда мое имя среди художников зазвучало, я как-то подошел к тому завучу и говорю: «Михаил Дмитриевич, вы меня, наверное, не помните?». А он: «Ты знаешь, я помню!», а затем помолчал и так мудро добавил: «Вот не выгнал бы тогда – не стал бы ты художником!».

– *Вы тоже так думаете?*

– А я не знаю, как было бы по-другому. Расскажу дальше. Восьмиклассником я пришел на день от-

крытых дверей в Уфимское училище искусств, нас рассадили в большом просторном классе, раздали бумагу и попросили написать, у кого какие успехи. Смотрю: мальчик справа – победитель всесоюзных и еще каких-то там конкурсов, девочка слева тоже свой лист достижений заполнила, а у меня никаких успехов и нет. И я поднял руку: «Можно выйти?». Вышел и смылся. Позорно, можно сказать. В училище искусств конкурс был 12-15 человек на место, и, по сравнению с другими претендентами, я оказался вообще не готов. Поступил в Уфимское педучилище № 2 на художественно-графическое отделение, о чем совершенно не жалею, так как там сильно преподавали педагогику и психологию, которые мне оченьгодились. А еще я там занимался в театральной студии, играл ежегодно по два спектакля, роли всё время главные. Например, Павку Корчагина играл, других революционеров. Ну что тогда ставили? Войну, революцию. И Клавдия Федоровна



«Нерест», 2017 г. Холст, масло

Жданова, преподаватель литературы, изумительная женщина, она столько нам дала, мне сказала: «Джалиль, иди в актеры или режиссеры, и только так». А педагог по живописи, Раиль Назаров: «Нет, Джалиль, иди только в художники». Он был выпускником Московского художественного института им. В.И. Сурикова и меня уговорил пойти к директору училища – взять направление туда же. А я шибутной был, активный, попадал в разные истории (о чем совсем не жалею). И директор наш, Сайфуллин Саид Бикмухаметович, выслушав идею моего поступления в Суриковку, подытожил, спокойно и важно растягивая слова: «Сулейманов, а-скажи а-спасибо, что ты вообще отучился, а-до-сви-да-ни-я». И моя история с обучением закончилась.

– А дальше?

– А дальше – армия (1987–1989 гг.). Причем, я сам туда хотел, и именно на границу. Хотел побыть в настоящих войсках, пожить в гарнизоне, и чтобы было что вспомнить. Специально даже стал

вожатым службы собак, так как все говорили: если с собакой – то точно на границу пойдешь. И вот я – на Иранской границе, в Туркмении (Туркменистан тогда входил в состав СССР). Иран – это Персия, Восток – столько оттуда я вынес положительных впечатлений! И язык туркменский с башкирским очень похож. Но, несмотря на собаку, меня в приказном порядке вскоре увезли с границы и сделали работником по комсомольской части – учли мое педагогическое образование. Там тоже было интересно, я много ездил по заставам, рисовал с натуры: идет солдат – я его и рисую. Из армии привез много набросков. А краски, бумагу просил родителей присылать. Отец смеялся: обычно солдаты вкусенького просят, а я – гуашь да карандаши. После армии вернулся сильный, уверенный, окрепший и думал поехать в Ленинград или в Москву. Но остался в Уфе: учился на рабфаке и поступил в пединститут, декан которого, Масалимов Талгат Хасанович, заметил, с каким интересом и трудолюбием я учусь (попросят, например, 40 набросков, а я все 60 приношу), и сказал: «Джалиль, ты должен найти себя в искусстве. Научиться рисовать – одно, стать художником – другое». Это сильно повлияло на меня. Я понял, в чем разница. Можно классно рисовать, писать с натуры, но у художника должна быть своя, по-настоящему волнующая его, тема, и всё вокруг нее должно крутиться.

– Джалиль Ахметович, могу заметить, что перед вашими картинами я пасую в трактовках: как не пытаюсь объемнее сформулировать мысль, картины остаются сложнее их толкований. Например, «Посвящение». Человек сидит на коленях (и при этом будто бы движется), упирается в некий острый предел, протыкает себя палкой или мечом, лицо его сосредоточено на мощном переживании, и всё это – в пятнисто-красных тонах. Это описание близко к картине, оно несколько не врет, и всё же смысловая нагрузка картины гораздо масштабнее. «Посвящение», как и другие ваши работы, заряжено невероятно. Глядя на них, я могу лишь понимающе кивнуть: «Да, мир по своей сути – такой». А



«Противостояние», 2011 г. Холст, масло

еще среди ваших работ я выделяю два ярких направления. Первое – скалы, деревья (пейзажи), в которых всегда – восхищение. Будто вы смотрите на природу и, рисуя, добавляете ей красоты. Это такой дружелюбный привет Богу: «Бог, а ведь художник ты классный!». В других же картинах, в которых вы мыслите, совершенно иная эмоция: «А смыслы, дорогой Бог, у тебя несправедливые и болезненные, замысел твой обидно непостижим, кажется, что он червоточит». Картины, в которых вы мыслите, – это картины-претензии. Или поиск ответов?

– Ну да. Вопросы задаются себе постоянно. Есть гениальная работа Поля Гогена «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?». В этих вопросах всё и содержится, но ответов-то нет. Есть много теорий, но никто ничего, по идее, не знает. Мы трудно себя воспринимаем в настоящем, о будущем можем догадываться, а прошлое – думаем, что знаем. Очень многие вещи, кстати, приходят во сне. Иногда мне снится, будто некто показывает картины и говорит: посмотри, ты это мог бы нарисовать. И так много раз было. Другое дело, что с возрастом приходится выбирать, что писать, в год я где-то 4–5 работ фундаментальных, серьезных делаю – не больше. А когда-то у меня была очень просторная мастерская и 5–6 разных картин одновременно в работе... И по настроению я писал то одну, то другую, рабо-

та шла параллельно. А иногда я специально порчу картину, чтобы влезть в идею, разозлиться и начать исправлять – вот тогда уже действительно работа идет! Другое дело, что потом начнешь сомневаться: а зачем это надо было, зачем? Иногда переписываю. Пока картина не станет многослойной и при этом простой, чтобы ни добавить ничего – ни убавить. Важна композиция, компоновка, чтобы идея раскрывалась тихонечко, а не по принципу: «пятно всегда видно». А насчет поиска... Писать картину – это и есть искать ответы, и сам процесс более интересен, чем результат. У меня есть серия картин под названием «Тарикат». Это исламский термин, означает – «остановка по пути познания истины». Я увлекался суфийской поэзией, открыл для себя Джалаладдина Руми и понял, что в любое время можно что угодно в себе поменять, когда есть стремление. «Услышь свой бубен», – папутствовал четырехлетнего Джалаладдина какой-то отшельник, и мальчик, уже тогда наизусть знавший Коран, запомнил эти слова и думал о них всю жизнь, но не мог услышать свой бубен. И вот, будучи уже седым и прославленным стариком, он встретил дервиша. Тот сказал: «Ты смотришь не на саму луну, а на отражение этой луны в медном тазике – в этом всё дело». Джалаладдин воскликнул: «Теперь я счастлив, теперь я понял, как близок к Аллаху». В нем заиграл бубен.



«Один», 2007–2008 гг. Холст, масло

Выходит, у каждого есть надежда услышать волшебное звучание бубна в своей душе. И я пока что его не услышал. Но много читаю и думаю, фильмы смотрю. Вообще, конечно, искусство требовательно, необходимо ему отдаваться. У художника должно быть время, чтобы свободно поразмышлять. Я работаю заместителем председателя Союза художников РБ (с 2005 г.), преподаю живопись, рисунок, композицию в Училище искусств (с 2002 г.), руковожу художественной студией для детей и взрослых «Акварелька» (с 2016 г.), и времени у меня, конечно, не так много.

– Ух ты, очень всё интересно. Поговорим подробнее про картины? Как вы определяете стиль, в котором работаете?

– Никак, и художник, на мой взгляд, не должен этим заниматься. Мне тесно в одной стилистике и манере, поэтому я осознанно веду 4–5 направлений внутри себя (декоративное, символическое, даже не знаю, как их все обозначить) и мечтаю, что когда-нибудь они соединятся. Допустим, пейзаж. Вы сами отметили, что я не пишу пейзажи как копирование действительности. Я хочу, чтобы они были эпическими, и, если это Урал, то его как будто рисую не теперешний я, а ребенок, впервые поднявшийся в горы и восхищенный их красотой. Но мне, конечно, приписывают «этно», «фолк-арт», «национальный дух» – это народные и этнические мотивы, названные разными именами. И если на моих картинах присутствует мужчина-башкир, то кто-нибудь обязательно скажет: «улавливается национальный сюжет». Но ведь искусство занимается общечеловеческими вопросами, и я противник того, чтобы сводить всё к национальности. Например, картина «Один» – мужчина с луком, на него летят десятки стрел, а своя стрела осталась одна, и он скоро погибнет, но за ним родовое древо и юрта – символы связи с потомками, сила всех поколений. Это тема мужчины, его бесстрашия, предназначения, мудрости – в самом широком смысле, хоть и выражена башкирскими образами. Вспомнился случай. Продавали мою работу «Три всадника», это было в Америке, и каждый день приходил человек и полчаса смотрел на картину: об этом галеристка мне рассказала. Она его спрашивает: «Что вы там видите, на ней же – башкиры, вы ведь и народа такого не знаете...». Он отвечает: «А мне и не надо. Я вижу трех всадников – деда, отца, мальчика, и с каким вниманием они смотрят друг на друга, у них есть преемственность поколений, уважение и гармония. У меня так, увы, не выходит – с детьми совсем нет понимания». Вот как бывает. И тот американец в итоге картину купил.

– Так картины и разбредаются по всему миру.



«Посвящение», 2013 г. Холст, масло

– Да, мои работы хранятся в России (в БГХМ им. М.В. Нестерова в Уфе, в Магнитогорской картинной галерее, в картинной галерее г. Набережные Челны), а также в частных коллекциях в США, Австралии, Великобритании, Франции, Сербии и др. Кстати, продолжу тему: когда писал дипломную работу в училище, нарисовал стройотряд – несколько фигур, одетых в студенческую узнаваемую униформу цвета хаки с нашивками. И мой учитель, Раиль Назаров, привел меня к Лутфуллину Ахмату Фаткулловичу, а тот сказал: надо, чтобы про этих ребят всё было понятно и без опознавательных костюмов, чтобы их образы по типуажу, по духу считывались. Лутфуллин сам тогда стремился уловить и изобразить именно башкира, а не национальный концертный костюм. Это очень непросто. Как, например, изобразить тип русского? Подобными темами в 80-е годы многие художники пристально занимались.

– У вас есть картина «Бабушка и внучка», где большую часть холста занимает гигантский лес, а с краешка – две маленькие фигурки, будто бы уходящие прочь из картины. Это размышление о том, что

мир не человекоцентричен и что люди по сравнению со Вселенной – пшик, совершенно малюсенькие?

– Не совсем так. Это посвящение матери. Когда ей было 12 лет, бабушка отвела ее в лес к дереву желаний, увешанному лоскуточками, и мама загадала, чтобы папа с войны вернулся. Но он погиб от нашей, шальной, пули 8 мая 1945 года, когда салютовали под Киевом. И так как своих дедушек я не застал, образ старика на всех моих картинах взят с Юнуса-олатая – старца ста с лишним лет, муллы нашего села, инвалида Первой империалистической войны 1914 года. Я видел, как он поднимается на гору, зачем-то переворачивает камни у реки, я много наблюдал за тем, как он существует. Картина «Нерест» – это образы старика, прожившего век, и мальчика, улетающего на камне, – картина-фантазия по детским воспоминаниям.

– Мне показалось, или на ваших картинах все дети со взрослыми лицами?

– Да, только так. Мне говорили: чего не напишешь красоту, молодость, зачем эти мальчишки-старички? А я рисую только то, что мне самому рисовать интересно. Да и мудрым может быть кто угодно – и старик, и ребенок.

– С чего для вас начинается картина?

– С мысли. Иногда – с записей. Например, увидел я на рыбалке, как корова переплыла реку вброд, и записал в блокноте: «корова плывет вброд» – именно так, как это было в реальности. А в мастерской уже сажусь пробовать. Символы добавляю. К примеру, солнце или луну. Я их часто рисую, они до меня были, будут после меня и, наверное, после Земли. Любое светило – свидетель вечности. А еще я придумал, что звезды связаны между собой, они сопровождают человека-поэта, витающего в их окружении. На словах это, конечно, звучит простенько, романтично. Но главное – не останавливаться, думать дальше и дальше, искать своё, дополнять, пробовать.

– Джалиль Ахметович, у вас есть дети?

– Да, две дочки. И внук недавно родился.

Текст: Надежда Смирнова



Вакиль Гилемович Шайхетдинов родился 4 мая 1951 г. в с. Копей-Кубово Буздякского района БАССР. В 1980 г. окончил художественное отделение УГИИ.

С 1972 г. – участник республиканских, зональных, региональных, всероссийских, международных выставок. Провёл 26 персональных выставок. Заслуженный художник РБ (1999 г.), заслуженный деятель искусств РТ (2011 г.), член Союза художников СССР (РФ) с 1991 г., член Союза художников РБ с 1991 г.

Основные награды: бронзовая медаль ТСХ России «За заслуги перед Отечеством» (2009 г., Москва), юбилейная медаль «200 лет Победы над Наполеоном» Совета Международной благотворительной общественной организации «Центр социальной поддержки соотечественников» (2012 г., Москва), Почетный знак «АРДАК» Кыргызского национального музея изобразительных искусств им. Г. Айтиева (2013 г., Бишкек). Дипломант РАХ (2005 г.), Союза художников России (2003 г.), IX Российской выставки «Большая Волга» – «Искусство республик Поволжья–2004».

Работы художника находятся в собраниях музеев и картинных галерей (БГХМ им. М.В. Нестерова, Национальный музей РБ, УХГ, Дом Республики Башкортостана, Татарский театр «Нур», БГПУ им. М. Акмуллы, НКЦ «Казань», Дом Республики Татарстана, Татарский театр им. Г. Камала, Галерея современного искусства на Петровке (Москва), Национальная галерея Турецкой Республики (Анкара), Галерея «Вилга» (София), «Путешествие во имя Мира» (Пекин) и др.); в частных собраниях в России и за рубежом (Египет, Канада, Турция, Германия, Болгария, Израиль, Китай, Сербия).

ВАКИЛЬ ШАЙХЕТДИНОВ:

«Надо суметь «намыть» хорошее, как золото намывают, и поделиться, чтобы хватило на всех...»

– Вакиль Гилемович, к какому направлению изобразительного искусства вы относите своё творчество?

– По технике?

– Да.

– По технике, думаю, что я реалист.

– Вы говорили в свое время, что речь идёт о современном реализме.

– Возможно, когда-то так и сказал. Сейчас не разделяю реализм на современный или несовременный. Реализм – он и есть реализм. Вот пример: портрет моего учителя Рашита Нурмухаметова. Портрет реалистичный, но в нем есть немного от потустороннего мира. «Ненаписанная картина» называется. Я изобразил учителя на фоне белого холста, стоящего на мольберте, он задумался, у него такое бескровное лицо. Понятно, что я хотел передать его безмолвное сожаление с того Света: «Вот этого не написал!». Всегда у каждого останется после смерти печаль: «Эх, вот этого не смог сделать! Эх, вот это надо было... и не успел!». Это реализм или не реализм? Конечно, реализм!

Или вот картина «Дудаил», она из серии «Икь-рар» – слово о религии. Коран не рекомендует художнику рисовать лица и животных, поэтому портрет Ангела я написал в условном стиле, для чувственного восприятия. Дудаил – один из Ангелов, который живёт возле Всевышнего и с началом уразы (поста) спускается на Землю. На картине он



«Дудаил», 2009 г.
Холст, масло

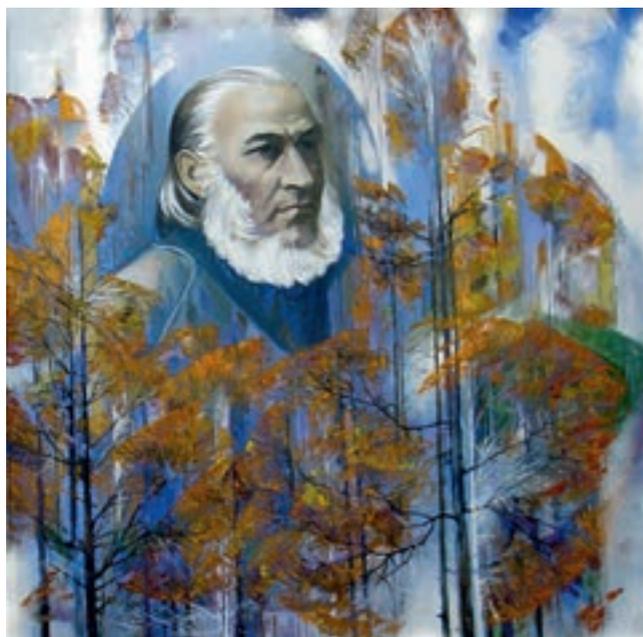
держит её в объятиях, поэтому у него одно крыло на восходе – нежно-розовое, другое на закате – бирюзовое. И так до конца поста он обнимает нашу Землю. У него очень много глаз, он всевидящий. После окончания поста Дудаил возвращается, куда ему подобает, докладывает о том, как люди жили, чего они хотят. Во время поста благие пожелания исполняются благодаря ему. Я считаю, человек религиозный или даже тот, кто хоть немного знаком с мусульманской религией, способен реально всё это увидеть и, главное, воспринять. Он же видит, что на полотне реальный земной шар есть, хотя и немножко условно выписанный, реальные крылья, напоминающие павлиньи, реальные глаза. Пусть это всё – с долей условности, но не абстракция же. Верно? Поэтому я считаю себя настоящим реалистом и не делю реализм на современный и какой-то ещё. У настоящего художественного произведения нет и

не должно быть привязки ко времени. Оно есть или его нет вне временных рамок.

Сегодня предпочтение отдают абстрактному искусству, особенно в самой художественной среде. Леонардо вроде бы все рассказал своими полотнами про реализм, лучше не сделаешь. Да нет, не так все просто! Продвигая абстрактное искусство, человек даже где-то грешит, сравнивая себя с Богом. Бог создал нас красивыми, Мир светлым, создал деревья, птиц, облака, землю, горы. Но мы этот Мир реалистически не будем изображать, даже не будем пытаться к нему приблизиться, мы стараемся своей абстракцией превзойти Создателя, называя абстракционизм высоким искусством.

– По-вашему получается, что Господь – реалист?

– Конечно. Мы глазами, которые он создал, которые можно потрогать, видим реальный мир. Это реально существует, присутствует.



«Осень в Уфе. С.Т. Аксаков», 2008 г. Холст, масло

– А Ангел?

– С моей точки зрения, если мы верим в него и чувствуем его присутствие, отмечаем про себя то, как он нам помогает, направляет, то почему же не реально? Это реально.

– Получается, если изображено то, в чем задействованы наши органы чувств, не обязательно зрение, можно говорить о реализме?

– Да, я так думаю. Абстракция более субъективна по своей природе. Но надо понимать, что абстрактное искусство и реализм – они рядом. Есть искусство бездарное, есть настоящее и там, и там. Я больше тяготею к реализму. В то же время, когда я пишу по истории религии серию, которую продолжаю до сих пор, там у меня больше абстрактного мышления. Хоть и реализм, а передача образов получается более абстрактная всё равно.

– Хадж в 1996 году в Мекку, насколько я понимаю, оказал большое влияние на ваше творчество?

– Да, очень большое. В свое время я прочитал одну старинную книгу, она с ятями ещё была. Где я её купил?.. Теперь даже не вспомню, в советское время книги достать было крайне сложно. Но как-то случайно она всё-таки у меня оказалась и лежала долго. Потом, в 90-е годы, я снова в руки её взял и прочитал. «Жизнь пророка Мухаммеда» Вашингтона Ирвинга. В ней повествуется о жизни пророка от его рождения до самой смерти, история мусульманской религии, получается. Прочитал, потом вскоре друг, Ринат Чанышев, посоветовал поехать в хадж, даже картину купил, чтобы я смог осуществить паломничество.

Думал, что всё приукрашено. Я же вырос в деревне, не представлял даже, что может быть живой художник, картины видел на конфетных обёртках и в школьных учебниках. Предполагал, что и пророки придуманы кем-то, что это красивая легенда. Когда уже туда поехал и все святые места пешком обошел, то поверил. Это не придуманная вещь, это было. Вот она – настоящая история, а не та, что в учебниках написана! Человек жил, человек воевал и доказал, что есть Архангел Джабраил, есть Бог, есть священное писание – моральный кодекс жизни на Земле, переданный от Всевышнего. Надо просто жить, его выполняя, и будет всё нормально. Моё сознание изменилось после хаджа. И поведение. Не так резко, конечно, чтобы сегодня был за «белых», а завтра стал за «красных». Потихоньку... Недостаточно мне было просто «Коран» прочитать, мне надо было увидеть, потрогать. Там рисунки сделал акварельные, они есть.

– Это событие послужило импульсом к серии работ под названием «Икърар»?

– Да. Первую картину до хаджа начинал – «Рамазан», второй стала «Рождение религии». Треугольник и ещё один перевернутый треугольник образуют звезду Давида, есть крест и два квадрата, получается восьмигранник мусульманский, и полумесяц есть. Я соединил знаки трех религий, которые имеют одни корни. Советовался с Талгатом



«Полет. Р. Нуриев», 2009 г. Холст, масло

Таджуддином – правильно, говорит, вот так, Адам и Ева – наши общие прародители. Хочу, чтобы люди не ошибались, чтобы воспринимали нашу религию через такую призму, и чтобы не было вражды. Потому что в «Коране» прямо написано о необходимости «уважать все другие религии»: и христианскую, и иудейскую, в том числе. Всё написано там. Уважать!

– Как у вас рождается идея картины?

– Не знаю. Хочется написать, и всё. Я быстро пишу. Вот как я делаю? Готовлю холсты приблизительно одного размера. Каждый день прихожу и думаю: «Что я тут буду писать?». На холст смотрю и готовлюсь, готовлюсь. Потом как бык на красное бросаюсь в работу, и уже к вечеру что-то получается. Думаю, ладно, завтра, что-то устал. Прихожу на утро, а она уже готова, чуть-чуть дописать и всё. Эскизы? Они в голове. Эскиз рождается, может быть, секунды на две-три раньше. А вот так сидеть, эскизы делать – нет.

Когда работал над флорентийской мозаикой для театра «Нур», естественно, были эскизы, они и сей-

час сохранились. Там же 100 квадратных метров! И там, если сделал, то уже не собьёшь – нельзя ошибаться. Кроме того, в театр люди будут приходить и сегодня, и завтра, и через сто лет, когда не только абстракционизм, ещё какое-нибудь новое течение в искусстве может появиться. Мозаика должна быть современной и тогда, должна быть вне времени. Я смотрел практически все орнаменты, которые были у татар, и на этом фундаменте создавал свою мозаику. Признают её своей, любят фотографироваться на её фоне. Когда серию о религии начинал, тоже думал над эскизом, над общей концепцией. Какого характера будут работы, какого размера, направления? Потом после первых картин понял: дерево посажено, надо только поливать, поливать и поливать, чтобы новые листочки добавлялись.

– Какие ещё есть серии?

– Серия, посвященная знатым людям современности. Портретная серия. На тот момент, когда приступал к ней, в пейзажной живописи уже чувствовал себя уверенно. А вот что касается портрета,



«Лейла», флорентийская мозаика, полудрагоценные натуральные камни. Фойе татарского театра «Нур», г. Уфа

понимал, что мне надо ещё шагать и шагать. Я знал, что портрет – это моё слабое место, и взялся их писать специально. Многие живописцы следуют принципу, что разрабатывать надо то направление, в котором силен. Я не такой. Мне надо, чтобы моя рука делала всё хорошо. Изучал портреты других авторов. Пришел к выводу, что, как правило, композиция одна и та же. Положение рук, головы – всё уже отработано. Когда так делаешь, получается скучно, невозможно внутренний мир человека показать. Можно и фотоаппаратом воспользоваться, большой разницы не будет. «Щёлк», обрезал как тебе надо, увеличил. Мне хотелось по-другому подойти. Одним из первых написал портрет Туфана Миннуллина, он драматург известнейший и общественный деятель, в Казани жил. Потом познакомился с ним, подружились. Вертикальная картина, он внизу изображен по грудь и наверх смотрит, а над ним – казанская новая мечеть Кул-Шариф, её минареты, Башня Сююмбике. Вот такую Вселенную

я на его плечи возложил, светлую-светлую, в которой есть и религия его народа, и история. У него всё это на плечах лежит, он задумался. Некоторым искусствоведам портрет не понравился.

– Не оценили ваши композиционные новации?

– Выбор такого ракурса был сделан не для того, чтобы от всех отличаться. Я просто вживался в его творчество, в его жизнь, представил, какой груз, какая ответственность лежит на плечах у него. Как я напишу портрет, если я не влюблюсь? Иначе никак. Тогда и люди поверят. Ахмата Фаткулловича Лутфуллина написал уже после смерти. У него есть картина «Проводы на фронт». Я мысленно раздвинул полотно и сделал портрет, когда он писал вот этих людей. Он задумался: «Вот было, написал эту картину...».

– Внутренний мир непосредственно передаете на картине?

– Да, чтоб сегодняшнему «ленивому» зрителю было над чем подумать. Так более содержательно получается. В глазах не каждый сумеет прочесть. У живых спрашиваю разрешения и всегда предупреждаю, что делать буду, как хочу. Перед белым холстом я позволяю себе быть гениальным, там лучше меня нет. Если перед холстом ты начинаешь думать о том, что Моисеенко написал бы так, Рафаэль так, то у тебя получится или очень плохой Моисеенко, или очень плохой Рафаэль. На выставке среди художников я скидываю эту свою гениальность, могу прислушаться к критике, но меняться не стану. Часто бывает наоборот у художников: перед холстом – «сделать бы как Леонардо», а в своей среде – «вот какой я гениальный!». Многие художники от себя отталкивают этим.

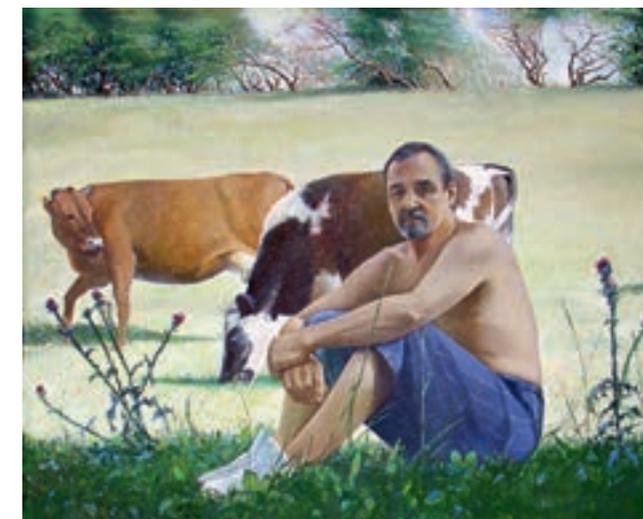
– Это применимо к любому виду творчества. А что вас вдохновляет?

– Хорошая книга вдохновляет. Больше всего, конечно, природа. Не обязательно лес – просто вышел, глаза открыл: жизнь! Даже в хмурый день, в самую пасмурную погоду ты видишь мокрые деревья, стволы, ветки, цвета особенные – шикарно! Когда понимаешь и уверен в том, что ты видишь больше других, появляется желание об этой красоте людям рассказать.

– Расскажите немного о своем детстве.

– Я родился в селе Копей-Кубово, в Буздякском районе Башкирии. Люблю приезжать в родной дом, мы там пять братьев и двое сестёр родились на кровати в углу. Под потолком на небольшом расстоянии была прикреплена доска (киштә), и на неё цепляли люльку для ребёнка. Когда я дома ремонт делал, увидел, что там следы остались, семь следов, оказывается, люльку на новое место вешали с каждым из детей, видимо, так положено. Сохранил, конечно. Я там родился, и туда тянет. Уверен, что адаптирован именно под эту точку. Я босиком там встал, первый раз увидел этот потолок; они до сих пор там – эти доски.

В детстве в школе было рисование, и родители, к моей радости, мне цветные карандаши купили!



«Автопортрет на своей земле», 2009 г. Холст, масло

Они быстро стачивались, особенно красный, желтый – самые яркие цвета. Потребность к рисованию, думаю, как и у всех была, она естественна для ребенка. Папа и мама работали в колхозе. Отец любил и петь, и нас развеселить. Петушков рисовал, неуклюже, но уверенно. Родители учили делать работу так, чтобы самому получать удовольствие, не для похвалы. Мама нас обшивала и кормила. Это тоже важная часть воспитания. В чистой одежде ходить – самая наглядная картина того, как должно всё быть для ребёнка. Театр, живопись, песни – они потом.

– Какие у Вас планы на будущее?

– Творить, жить, удивляться, делиться своим удивлением: будь то природа или состояние души. Задача не стоит всех сделать хорошими. Просто радоваться вместе. Это и есть жизнь. Не всё красивое, будь то пейзаж или женщина, несёт в себе добро, некрасивое не всегда тождественно плохому. Надо суметь «намыть» хорошее, как золото намывают, и поделиться, чтобы хватило на всех.

Текст: Елена Сеницына



Альберт Шамилович Кудаяров – график, художник декоративно-прикладного искусства, живописец. Член Союза художников России (2007 г.), заслуженный художник РБ (2015 г.). За плодотворную творческую деятельность награжден знаком «Отличник образования РБ»; бронзовой медалью за вклад в Отечественную культуру (Москва, 2011 г.); дипломом комитета РБ по делам ЮНЕСКО; благодарностью Министерства культуры РФ и Всероссийской ассоциации международных культурных и гуманитарных связей; почетной грамотой Министерства культуры РБ за значительные общественные заслуги в пропаганде изобразительного искусства Башкортостана, национальных традиций в контексте российского и зарубежного культурологического пространства.

Работы хранятся в музее КНММИ им. Г. Айтиева (Бишкек), в Чеченском республиканском музее изобразительных искусств им. А. Кадырова (Грозный), в частных российских и зарубежных собраниях.

Художник участвует в республиканских, всероссийских, региональных и международных выставках, в таких значимых проектах, как «Большая Волга X» и «Урал X» (Самара, Чебоксары, Екатеринбург, Тюмень, 2008 г., 2012 г.), выставках «Профессиональное декоративно-прикладное искусство Башкортостана», «Современное изобразительное искусство Республики Башкортостан», республиканских жанровых выставках «Портрет» и «Натюрморт» (Уфа, 2014 г.).

В творческом активе – 30 персональных выставок.

АЛЬБЕРТ КУДАЯРОВ:

«По моим ощущениям – для акварели нужен большой опыт, она дисциплинирует тебя, одновременно давая простор для фантазии...»

– Профессор Амир Мазитов считает, что вы – «царь и король» акварели. Так он выразился на открытии вашей персональной выставки «Акварель бесконечна» в Национальной библиотеке им. Ахмет-Заки Валиди, добавив, что в каждой вашей работе видит артистизм и виртуозность. И любовь. Почему именно акварель?

– Откровенно говоря, я пришел к акварели не за один день. Мой педагог Анвар Гилязович Сагитов всегда говорил мне: «Пиши акварелью». Я это игнорировал, мне хотелось работать маслом, что и делал в результате.

Нельзя сказать, что потом я в один момент бросил масляные краски, желание перейти к технике акварели пришло не сразу...

– Допускает ли акварель исправления?

– Нет, надо сразу попасть в десятку. Там исправления уже не пройдут, хотя в настоящее время используются разные приемы.

– Требуется особое мастерство?

– По моим ощущениям, для акварели нужен большой опыт, она дисциплинирует тебя, одновременно давая простор для фантазии. Мне же по-настоящему близка чистая акварель, и к такой акваре-



«Инзер после дождя», 2015 г. Бумага, акварель

ли надо иметь хороший рисунок, хотя многие пишут и без рисунка.

Если говорить о пейзажах, то очень важно передать состояние, создать образ... По сути дела, ты должен чувствовать пейзаж. Особенно важно поймать тон, колорит, а не просто «красить». Работая над портретом, пейзажем, я всегда делаю несколько вариантов рисунка и эскизов. В акварели рисунок должен быть более нежным и утонченным. Без рисунка, конечно, можно... но я привык к такому подходу.

В Башкирии есть красивые места, можно бесконечно работать – пиши и пиши.

– Вам удастся удивительно верно передать внутренний мир героя в ваших психологических портретах. Так же вкладываетесь? Много набросков делаете?

– Наброски появляются, когда ты уже «созрел», когда тебе уже есть что сказать о человеке. Например, я не возьмусь спонтанно писать портрет. Надо обязательно знать свои художественные задачи.

– То есть наброски – не основная часть работы? Важна работа над картиной в вашем внутреннем пространстве?

– Набросок, рисунок или эскиз – это начало работы над портретом.



«Портрет художника Алексея Королевского»,
2013 г. Бумага, акварель

Не хочу умалять важности фундаментальных вещей. набросок в изобразительном искусстве является основой, он дает возможность поймать, мгновенно ухватить образ, саму идею картины, и поэтому очень важен. Это мысль художника, которую он выстраивает в разных вариантах. Понимаете, художник – это не фотоаппарат, который «что видит, то и фотографирует».

– Фактически анализ и синтез реальности?

– Да, разумеется. Художник работает, как бы отбирая для себя самое лучшее, самое, на тот момент, значимое. Поймать характер, создать образ, пере-



«Портрет художника Амира Мазитова»,
2017 г. Бумага, акварель

дать психологию человека... Хотя это непросто. Посмотрите на портреты Веласкеса – целая эпоха запечатлена в выразительных и прекрасных лицах. У нашего Верещагина замечательные портреты, у Перова. Они притягивают, на них смотришь, и возникает полное ощущение, что человек стоит перед тобой в твоей нынешней реальности. Ты уже не различаешь краски и отдельные мазки мастера, что-то воочию тебя держит, меняет твое внутреннее состояние. Это, бесспорно, высший пилотаж.

Я считаю, что художнику нужно постоянно совершенствоваться, посещать выставки, музеи.



«Портрет художника Филарета Шагабутдинова»,
2017 г. Бумага, акварель

– В детстве, наверное, любили рисовать?

– Да, первый раз стал рисовать в третьем классе.

– С детства тяготеете к портретам?

– Сложно сейчас сказать, так совпало, что да. Детско-юношеское восприятие, конечно, отличается от того, что сформировалось со временем и стало частью жизни. Всегда было стремление ходить в кружок творчества, рисовать.

– А в семье кто-то рисовал?

– Нет. И отец видел меня военным, но тяга к художественному творчеству взяла свое.

– Насколько я знаю, благодаря вашим усилиям открылась после длительного перерыва Народная студия имени Геннадия Васильевича Огородова во Дворце культуры им. Калинина, при вашем деятельном участии была создана детская изостудия «Многоцветье».

– В 1999 году меня пригласили преподавать в изостудию Дома культуры им. Михаила Калинина. Студия на тот момент не работала, там пришлось все начинать с нуля. В 2001 году при лицее № 68 организовал детскую изостудию «Многоцветье», где проработал до 2015 года. Сейчас занимаюсь только творчеством.

– Что вы думаете о проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Проект интересен, я думаю, он имеет полное право на существование. Народ смотрит, ближе знакомится с художниками, в том числе с молодыми авторами, еще не известными широкой публике. И это прекрасно!

Текст: Елена Сеницына



«Утро на реке Дёме», 2013 г. Бумага, акварель



Талгат Хасанович Масалимов родился в Миякинском районе Башкирии, в д. Шатмантамак, в 1958 г. Окончил художественно-графический факультет БГПИ им. М. Акмуллы в 1982 г., в 1993 г. стал деканом факультета. Член Союза художников СССР (России) с 1991 г., член ТГ «Тамга» с 2000 г. Лауреат премии Комсомола Башкирии им. Г. Саяма (1991 г.), заслуженный художник РБ (2012 г.). Удостоен Золотого наградного знака «Духовность, традиции, мастерство» секретариата Союза художников РФ (2013 г.), благодарности министра культуры РФ (2015 г.). С 1978 г. – участник республиканских, зональных, региональных, всероссийских и всесоюзных выставок.

Произведения художника находятся в собраниях музеев и картинных галерей, таких как БГХМ им. М.В. Нестерова (Уфа), ГМИИ РТ (Казань), Новосибирский ГХМ, Калининградская государственная художественная галерея, Картинная галерея г. Набережные Челны (Республика Татарстан), Кыргызский национальный музей изобразительных искусств им. Г. Айтиева (Бишкек).

Т.Х. Масалимов – автор и куратор многих тематических проектов, осуществленных в техниках войлочного валяния.

ТАЛГАТ МАСАЛИМОВ:

«Мы вторгаемся в область эмоций, где надо даже осознанно допускать какую-то таинственность. Не трогать, чтобы дать возможность удивляться красоте...»

– Талгат Хасанович, какое у вас было самое яркое впечатление детства, которое в ретроспективе указывает на путь художника?

– Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Думаю, сказалась та обстановка, которая сложилась у нас дома. Детей было семеро, старшего брата уже нет, к сожалению. Отец работал ветеринаром, обслуживал весь колхоз, порядка восьми деревень и несколько хуторов, поэтому у нас много людей бывало в доме. Он знал всех, разговаривал с каждым на его родном языке: татарском, башкирском, русском, украинском, чувашском. Тогда для ветеринара был один показатель – «падеж». У отца падежа не было. Помню, даже дома стояли лекарства в шкафах, и, когда отец отсутствовал, мать справлялась сама, выдавая кому что нужно. Сельхозинститут постоянно направлял к нему практикантов, сегодня сказали бы – за «базовыми знаниями».

– И «лучшими практиками».

– На самом деле так и было. Мать дома часто напевала, какие-то ее песни и сейчас помню. А отец... Как-то в школе дали задание нарисовать птичку. Я сидел и мучился. Отец пришел с работы, поглядел



**«Су юлы (Шатман)»,
2005 г.
Оргалит, темпера**

на мои мучения, взял уголь из печки, бумагу и почти одним росчерком быстро нарисовал ворону.

Потом, когда мы дом новый строили, я узнал от строителей, что именно мой отец, ещё в молодости, научил их делать оконные рамы. Не случайно, конечно, всё. Вот черенок от топора – казалось бы, мелочь... Кто-то и не смотрит на него, а у отца даже это было настолько красиво, эргономично, как сказали бы сейчас, «отличный дизайн».

– Красивое всегда функционально.

– Да. Художественное начало было им заложено. Сейчас мы всё это сами умеем делать – и братья, и я. Братья рисуют, сестра в деревне прекрасно шьет, вяжет, вышивает. Мне немало лет, давно работаю, занимаюсь творчеством и так для себя понимаю, особенно в последнее время, что далеко от всего этого не ушел. Вообще никуда не ушел.

– От истоков?

– Из детства. Я понял для себя: там, оказывается, можно найти ответы на все вопросы.

– Сегодняшние?

– Сегодняшние... Понимаете, это всё наносное, оно пройдет. А останется то, что и тогда уже было. Наверное, наверху всё-таки кто-то есть. Я не помню, чтобы в каких-то разговорах всплывало что-то из детства, но наступает время, когда становится действительно необходимо, и неожиданно вспоминаешь очень подробные моменты.

Многие художники пытались и сейчас пытаются взять за основу своего творчества этнические мотивы, уловив интерес публики, тренд. Но такие образы не появляются из ниоткуда, если ты на этом не вырос, в тебе этого нет. Тогда получается искусственно.



«Су юлы (Шатман)», 2005 г. Оргалит, темпера

Вот у больших художников это есть: Лутфуллина, Домашникова, Бурзянцева, Ситдиковой, например.

– Наверное, у Адии Ситдиковой особенно?

– Да, у остальных не так ярко, как у неё. Она и пришла позже всех, что, может быть, сказалось. Ей это было дано, её картины убеждают. Картина, даже хорошо написанная, правильно написанная, оказывается, должна ещё и убеждать. Мы же иногда ходим по выставке, смотрим... Где-то очевидна хорошая техника, а мы просто проходим. «Ну, хорошо и хорошо». А где-то резко останавливаемся.

– Цепляет. Иногда не понимаешь, почему.

– Не понимаешь, да. Наверно, отзываешься на присутствие сильной связи художника с тем, что он писал, рисовал.

– Кроме того, с личностью самого зрителя резонанс должен быть, иначе картина «не дотянется» до эмоций.

– Вот это, наверно, настоящее искусство. И потрясающая загадка одновременно. Можно пытаться разложить на составляющие, объяснить научно, но мне это не совсем нравится. Мы вторгаемся в область эмоций, где, я уверен, надо даже осознанно допускать какую-то таинственность. Не трогать, чтобы дать возможность удивляться красоте. Если такое есть – хорошо, если этого нет – просто ремесло.

– Да, бывает ремесло хорошего уровня, но оно остаётся ремеслом, даже если претендует называться искусством.

– По-разному можно называть, можно ученых почитать с их определениями. Всё это, может, и правильно, но жизнь по-своему многое расставляет...

Вот я помню ещё, как к нам приезжали каждый год на всё лето дядя отца с женой. Он был указным муллой, и от этой пары исходило что-то такое, что заставляло всех вести себя подобающим образом. Я хорошо помню их утренние намазы, а в другой половине дома мать готовила им в это время ранние завтраки. Очень приятно все это вспоминать, мягче душой становишься как-то...

Не знаю отчего, но всё, о чём я говорю, взаимосвязано и одновременно связано с моим творчеством. Какие-то цветные сны, полеты во сне, незнакомые вкусы и ощущения остаются потом с тобой. Всю жизнь ищешь эти вкусы и ощущения наяву и не находишь. Может, и хорошо, что не находишь... У меня есть несколько недавних работ о таких снах. Я изобразил деревья необычные в прекрасном саду, их листья вытянуты, изящны, отдаленно похожи на листья ивы, плоды – необычной округлой формы. Во сне срывал их и ел, они имели чудесный вкус и сливы, и киви, и чего-то ещё. Утром лежишь и ду-



«Ночь (Шатман)», 2004 г. Оргалит, темпера

маешь: было ли всё это? Сказать, что это ерунда, я, например, не могу. Даже руку иногда как-то так чувствуешь, как будто ты там работал. Вот всё это и не позволяло заниматься серьезными темами (*смеется*).

– Про ваше творчество говорят, что у вас многое идет от сказки, от эпоса. С детства любовь к фольклору? Ещё про обращение к войлоку расскажите, пожалуйста.

– Я думаю, основа всё-таки оттуда. Среди предков были муллы, люди, как минимум, образованные. Книжки помню, в том числе на арабском. Помню ещё, собирались люди на посиделки, кис ултырыу, и читали. Нам, детям, запоминались легенды, сказки, они просто «вошли» во всех нас. Там же литера-

турного хлама не было, как сейчас. Потом, конечно, Тукай.

А про войлок – вот я говорил уже про детские воспоминания... Это тоже вспомнилось как-то сразу, моментально. До этого я не знал, не помнил, получается. Работал, преподавал уже, рисовал, писал, как говорится, ничего не предвещало такой поворот, и вдруг как-то всё вспомнилось. Перед глазами встало вдруг, как работали с войлоком соседские женщины на полу нашего деревенского дома. Белая шерсть такая... Я лежу между стеной и печкой, чтобы не мешать, наблюдаю, что они делают с шерстью, как пишут потом буквы, песни напевают, как обедают потом. Всё это не расскажешь, но для меня это дорого, и в каких-то работах всплывает.



«Иярле тау (Шатман)», 2004–2006 гг.
Оргалит, темпера

- Источник вдохновения, получается?
- Наверное, хотя я к таким словам не привык. Одно дело вспомнить... Решил попробовать сделать сам. Вдруг не получится? Какую-то маленькую работу сделал сначала, потом вторую, и так пошло...
- Кого вы считаете своими учителями?
- Жизнь. Одного кого-то не могу назвать. То, что в детстве отец показывал, как он рисовал... У меня такие же движения в зрелом возрасте обнаружились, я сравнивал. Книги. Очень хорошая творческая атмосфера в училище и институте была, где все друг другу помогали и поддерживали друг друга.
- Для меня войлок, живопись, графика – это как разные языки. Вы как будто всё время на разных языках говорите со зрителем. Какой вам ближе?
- Может, это и не совсем так. Всё-таки основа одна и та же.
- То есть вы считаете, что язык всё-таки один?

– Есть специфика у каждой техники, которая диктует свои требования чисто с профессиональной точки зрения, и они не могут быть идентичными. Характерный рисунок, линия всё равно прочитываются, темы повторяются.

– У вас мягко получается донести эмоции, образ, особенно если речь идет о войлоке. Вы как бы не настаиваете...

– Правильно. Потому что материал сам так диктует. Вот девушки, танец, горы, вот здесь цвет присутствует...

– Работа с разными материалами обогащает техники?

– Обогащает. Это общепринято. Есть, например, рекомендации перейти с живописи на акварель, когда возникают проблемы с цветом.

– Как вам кажется, отношение к художнику в обществе изменилось со временем?

– Честно говоря, отношение паршивое.

– Выходит, раньше было лучше?

– Понимаете, государство не может обойтись без рекламы, без пропаганды, без них идеология немислима. В сферу идеологии всегда вовлекались художники, музыканты, люди искусства. А сегодня? Идеология фактически отсутствует. Певец невесть что поёт со сцены, художник что-то малюет, и, самое страшное, создается впечатление, что власти на это абсолютно наплевать. В отличие, например, от тех же японцев, которые уже в школе акцент делают не на точные науки, а на искусство, распределяя количество учебных часов соответствующим образом.

– Менталитет у японцев, надо сказать, другой. Или он формируется?

– Конечно, менталитет не пылится где-то на полке, с которой японцы его взяли в нужный момент. Да, мы не японцы, у нас «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», пофигизм присутствует, и приходилось поэтому уже не раз что-то разрушать,

что-то ломать. Но, когда при смене власти каждый раз всё начинают «с нуля», развития не будет.

– Получается, что культура и искусство – это инструмент, некая составляющая влияния государства?

– Идеология на этом и стоит, не случайно московский худграф был создан в 1942 году в разгар войны. Не дураки его создавали, изначально четко были обозначены определенные направления, задачи и цели работы факультета. А сегодня всё постепенно сводится на нет. Декларируется, например, что стране нужны рабочие профессии, инженеры. А откуда браться инженерам, если в школе уже как такового черчения нет? Надо ясно понимать, что компьютеры – это не панацея, они думать не научат. В Башкирии, правда, мы стараемся что-то сохранить...

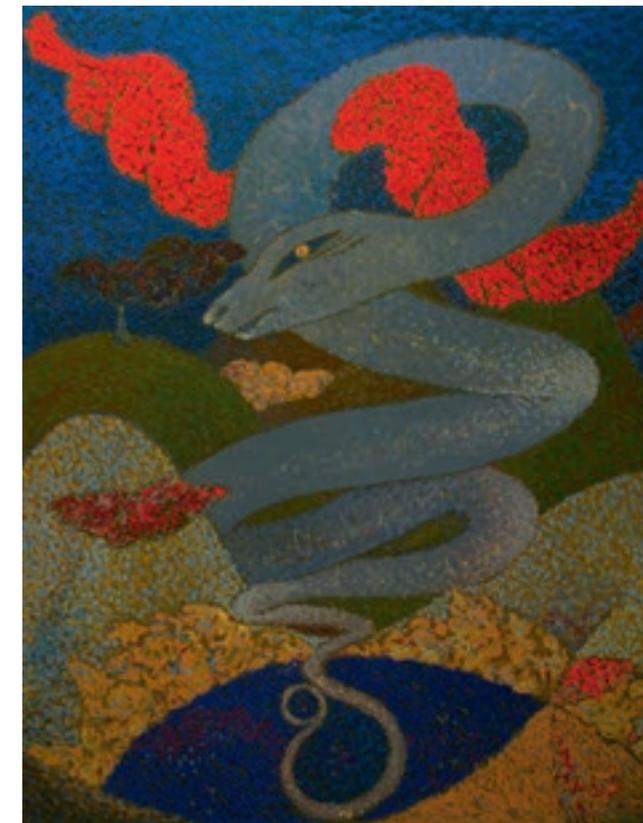
Художник должен работать в своей мастерской. Сейчас, к сожалению, он вынужден стать сам себе менеджером. Он постоянно в бегах, чтобы хоть как-то себя прокормить, а вы говорите об отношении к художнику... Тем, кто не имеет постоянной работы, наверное, совсем тяжело. Рекламный рынок не всех вмещает, там дополнительные компетенции нужны.

– Да, согласна, отношение к художнику во многом зависит от позиции государства. А что вы можете сказать о проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Можно быть любимым, но не совсем художником. Хорошо бы, чтобы по результатам был написан какой-то анализ, обобщение, мне кажется, должно быть. Возможно, речь не идет о полной объективности, но такой первый опыт заслуживает, чтобы к нему отнеслись серьезно. Хорошая теоретическая работа может получиться.

– Вы имеете в виду, что по сути – это база для анализа?

– Почему бы и нет? В том числе.



«Яшел куль (Шатман)», 2006 г.
Оргалит, темпера

– У меня есть ощущение, что данный проект – начало чего-то большого и важного.

– Например, начало диалога: между художниками, между художником и зрителем, между художником и властью... Это действительно важно.

И еще важно, чтобы художник не забывал: все мы живем в это время и на этой земле. И от нас многое зависит.

Текст: Елена Сеницына



Риф Мударисович Абдуллин – заслуженный художник РБ (1998 г.) и РФ (2016 г.), Государственный стипендиат МК РФ (2008 г.), лауреат премии им. М. Акмуллы.

Как ритм в музыке и поэзии, ритм художника зависит от хорошего «художественного слуха», сродни музыкальному. Ритм картины Рифа Абдуллина «Бабушкин палас» – разноцветные резко ломаные полосы ковра, висящего на заборе, направленные, как указатели, вверх и вдаль, уводят нас, через кулисы деревенского вида, на следующий план, на свежескошенное поле за деревней; там виднеются фигурки людей и коров. И, как на сценическом заднике, композиция завершается лесистыми, бредущими за горизонт холмами, туда, где, выражающее полную неизвестность, лиловет взволнованное небо. Но на самом переднем плане, однако, расправила алые цветы милая простушка-герань, любимица старых окон (всё начиналось оттуда). И даже тонкая подпорка, поддерживающая грациозный стан цветка, участвует в особом ритмическом действе – ритм фронтального изображения она делит пополам, как палочка деликатного мастера перкуссий.

Эти сменяющие друг друга планы, раздвигающие пейзаж как меха тальянки, – декорации природно-

РИФ АБДУЛЛИН

МОЛОЖЕ ИНЫХ МОЛОДЫХ

*Глубочайшим образом люблю природу, силу человеческого духа и настоящую человеческую мечту. И она никогда не бывает крикливой...
Никогда!*

К.Г. Паустовский

го театра, где для каждого действия – строго свой черед. Не из той ли они поры, когда Риф Абдуллин изучал законы сценографии в Институте искусств? Или когда в когорте монументалистов создавал мозаичные панно (незабываемое мозаичное ожерелье ДК «Синтезспирт» и др.). Возможно, это видение пространства помогло ему привезти золото за дизайнское оформление павильонов Башкирии на международных форумах в Индии, в Иране.

Внутреннее чувство композиции было у него еще с детства, со школы, где он слыл лучшим математиком: сам художник полушутя так объясняет цельность, логику и панорамность своего восприятия. Организаторские качества (то же чувство композиции) помогли ему в 90-е годы несколько лет заведовать музеем им. М.В. Нестерова, и о нем, как о замечательном руководителе, там вспоминают до сих пор.

Дружба и работа с корифеями башкирской живописи А. Пантелеевым, Б. Домашниковым, В. Бурзянцевым (всех не перечтешь), из которых он



«Бабушкин палас», 1990 г.
Холст, масло

особенно любил Анатолия Ивановича Платонова, оказали на Рифа Мударисовича большое влияние. Все эти знания и технические умения очень помогли ему в главном – отобразить те чудеса нашей природы, которые открыл он для себя в поездках, в походах и на сплавах («сплавной» стаж Рифа Абдуллина составляет более 20 лет.) А их – чудес – он повидал несметное множество на башкирских реках Зилиме, Инзере, Уршаке и еще невесть где... И эти пейзажи удивительны. «Дыхание» его стиля ощущается и в заморских работах (серия «Нотр-

Дам», средиземноморские пейзажи), но «писать надо только в Башкирии» – безапелляционно утверждает художник.

Мы проходим мимо природы, попутно восхищаясь ею, искренне любя ее милые уголки, но они не всегда остаются в памяти. Мы забываем свет, создающий невероятные оптические иллюзии, воздух и трудноуловимый цвет. Скорость развития цивилизации, изо дня в день опустошающей нашу прекрасную планету, возрастает неумолимо. Как сохранить эти островки красоты и чистоты?



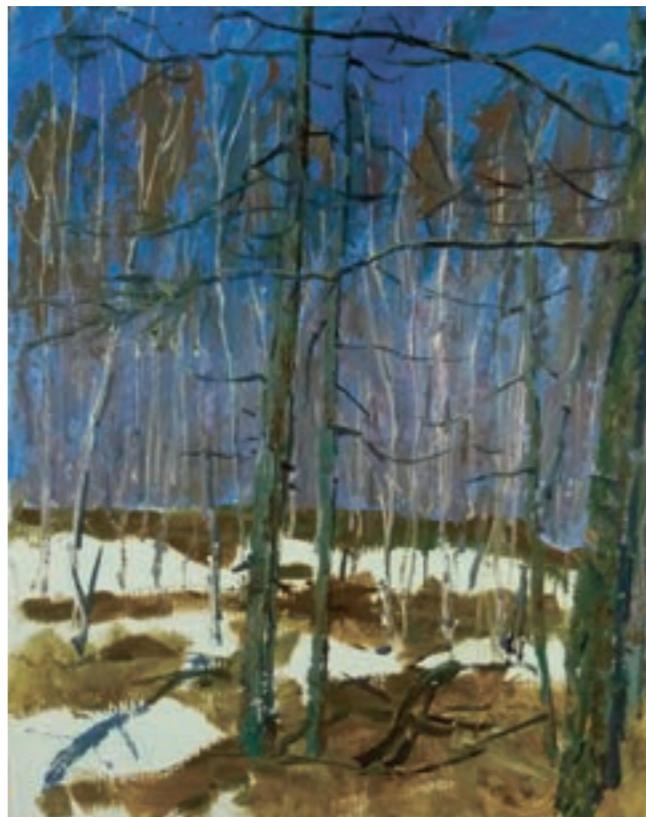
«Старая плита», 1981 г. Холст, масло

Риф Мударисович описывает природу с благодарностью, с замиранием сердца. Всегда с инструментом «ловца» – этюдником, он старается поймать и мимолетные причуды раннего утра, и драматизм холодного осеннего вечера, и эти этюды можно назвать самостоятельными картинами. Знание природы и любовь к ней, мне кажется, и определили его стиль, который можно назвать, если угодно, «импрессионистическим реализмом».

«Я не хочу терять ту большую академическую школу, которую прошел. Удариться в декоративность, формализм гораздо легче. А вот найти себя в традиционной классической школе, стать мастером левитановского уровня, научиться еще многим вещам, чтобы честно отразить всю красоту Башкирии, – вот моя мечта», – поясняет художник. Он все еще учится и мечтает, рисует и пишет вместе со своими учениками, которых учит в Академии искусств.

Это вдохновляет обе стороны и помогает учителю оставаться молодым. «Вдохновение – это рабочее состояние человека», – сказал любимый художником Паустовский. «Без знания литературы, поэзии, музыки ученик едва ли станет хорошим художником», – уверен Риф Мударисович.

«Вечерний натюрморт» – очень трогательная работа, по-модернистски конструктивная, где эффект достигается контрастом «рубленых» складок фона и формы вазы с нежными, на одном дыхании написанными, луговыми цветами: колокольчиками, лютиками, душистым горошком... Впрочем, темой для вдохновения может стать и старая кухонная плита



«Апрельский лес». Холст, масло

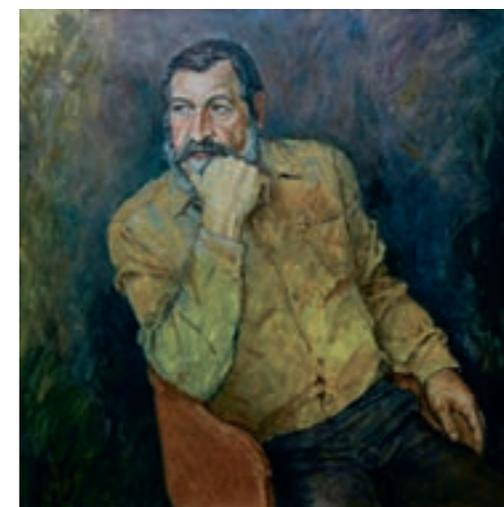


«Portovenere. Италия», 2014 г. Холст, масло

с простой утварью – верная старушка из «хрущев», ностальгический символ советского уюта... Отмирает и старая Уфа, вероятно, это закономерный процесс. Но как пронзительно жаль исчезающие домишки и улочки, исхоженные в свое время вдоль и поперек. «100 этюдов уходящей Уфы» – еще одна мечта Рифа Мударисовича. Но вначале – закончить цикл пейзажей на реке Уршак, с ее загадочными излучинами, открывающими тенистые тайны дальних планов.

Словно обо всех пейзажах мастера – слова Осипа Мандельштама: «Хочется сберечь эти образы для тихого, сосредоточенного наслаждения».

Текст: Эльвира Каримова



«Борис Лукьянов», 2010 г. Холст, масло



Евгений Александрович Винокуров – живописец, заслуженный художник Республики Башкортостан (1998 г.) и РФ (2014 г.).

Родился в 1946 г. в Уфе. Специальное образование получил на вечернем отделении ДХШ № 2 г. Уфы. Член Союза художников СССР (РФ) с 1982 г. Участник республиканских, зональных, региональных, всероссийских и зарубежных выставок (с 1974 г.).

Произведения Е.А. Винокурова хранятся в собраниях музеев и картинных галерей: Башкирском государственном художественном музее им. М.В. Нестерова, Уфимской художественной галерее, Нижневартовской картинной галерее, Выставочном зале г. Когалым (Тюменская область), Картинной галерее г. Бирска (Республика Башкортостан), историко-краеведческом музее с. Николо-Березовка (Краснокамский район РБ).

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

*Дорога – удивительное дело!
Её могущество непреодолимо, успокоительно
и целительно.*

С.Т. Аксаков

Книги нашего земляка Аксакова называют «неспешным летним чтением» и прекрасными образцами русской классики. В них погружаешься медленно, постепенно возвращаясь в детство. В тебе просыпаются позабытые чувства удивления и радости от каждодневных открытий этого мира. Схожие чувства вызывают картины Евгения Винокурова, взор которого и сейчас полон детского удивления перед красотой, окружающей нас в путешествии по жизни. За это его прозвали «очарованным странником». Как и Аксаков, влюбленный в природу и жизнь родной Уфы и всего нашего края, он продолжает открывать для себя и зрителей многовековой духовный мир отечественной культуры, столь важный для наших дней. Не потому ли его полотнам, несмотря на большой их формат, было так уютно располагаться в стенах Аксаковского дома-музея, где недавно прошла его выставка? Тем более, что художник принимал активное участие в реконструкции музея, организованной писателем Михаилом Чвановым.

Энергия и энтузиазм Евгения Александровича, несмотря на его внешнюю уравновешенность, совершенно «штилевое» спокойствие, порой достигали экстремальных масштабов и были направлены в



«Весенние полеты»,
1984 г.
Холст, масло

разное время на самые разные области деятельности: он «нырял» в работу с головой, будь то чеканка или мозаика, украшающая фасад ЦНТИ и ряда других зданий, или субботники и участие в акциях по защите от сноса уфимского Гостиного Двора, в акциях помощи разрушенным деревенским храмам. «Птицы и звери, цветы и деревья взывают к человеку: сбереги, сохрани, где стоишь, где живешь, – на расстоянии взгляда и голоса, хотя бы на расстоянии вытянутой руки». Эти слова академика Дмитрия Лихачева могли бы стать девизом художника.

Его странствия начались с родной Архиерейки, на Малой Ахтырской. Это тоже территория аксаковской старой Уфы, чье обаяние – аллея, улочки, по

крутым склонам сбегающие к Белой, великолепный вид на могучую реку и роскошные просторы лесных массивов и полей до дальнего горизонта. То сочетание, о котором Аксаков говорил: «Полная красота всякой местности состоит именно в соединении воды с лесом», является любимой темой пейзажей и Винокурова, где земное отражается в небесном и небесное – в земном («Рождение облака» и др.); даже если небо не прописано на картине («На краю Европы»), то оно присутствует на зеркале воды, создавая богатейшую гамму оттенков.

После окончания художественной школы имени А. Тюлькина Евгений работал в качестве художника на многих предприятиях Уфы, освоил ряд ремесел.



«Напутствие», 1986 г. Холст, масло

Событием всей жизни он считает встречу и дружбу с художником Александром Пантелеевым, которого почитает как учителя. Выдающийся мастер передал ему основы своего стиля – конструктивизм и лирику, систему символов и реализм с элементами фантастики, а также кристальную прямоту и искренность как в сюжетах, так и в отношениях с людьми. А еще любовь к путешествиям – от Урала до русского Севера, от Москвы до Средиземноморья.

Неполнота академического образования Евгения была возмещена жизненным опытом, душевным огнем и талантом. Работая в самых разных жанрах – станковая графика и живопись, декоративно-прикладное и монументальное искусство (декоративные часы и люстры Театра кукол, декор театра «Нур», Дворца бракосочетаний и многих других городских культурных объектов), он заслужил любовь и признание не только уфимцев. Персональные выставки, начиная с 80-х годов, объехали чуть ли не все большие и малые города Урала, обе столицы, побывали за рубежом. Примечательны передвижные экспозиции, с которыми он посетил места заключения, – ко-

лонии и тюрьмы, найдя и там благодарного зрителя. Деятельность в области охраны памятников истории и архитектуры и галерейная работа, множество плодотворных поездок на творческие дачи страны и республики принесли ему бесценный опыт и успех.

В 80-е – 90-е, «нагаевский» период (работа в селе Нагаево), – еще одно посвящение любимому писателю. Там была создана серия «Музей под открытым небом» – своеобразный протест против варварского отношения к природе, гимн деревьям («Нагаево. Биография века», «Деревья», «Ника», «Умиравший раб» и др.). «Потрясающей», по словам художника, была поездка на Байкал, где он открыл для себя могучую красоту Сибири («Байкальская осень», «Байкальский крест», «Ольхон»)...

Человек «природный», Евгений питает особую любовь к дереву и к изделиям из него. Об этом говорят и инсталляции из кусков деревянных конструкций, и такие композиции с росписью по дереву, как «Оклад», где звучит суровый мотив русского Севера – вологодских кружев и сказочной птицы Сирина, символа веры и верности традициям. В его мастерской – сказочной лавке древностей – собраны коллекции самых разных предметов или их останки – от птичьих клеток, корней, шишек, кусков коры



«Мостик», 2016 г. Бумага, акварель



«Покинутый берег», 1989 г. Холст, масло

до тех обломков человеческого быта, что выносит, как после кораблекрушения, на задворки и пустыри мощное течение современной жизни: фрагменты старой мебели, осколки кафельной плитки и всяческой рухляди, по мнению простого обывателя. Они могут еще послужить искусству – в иной форме, в неожиданном остроумном обличье, как, например, большой взьерошенный филин из фанеры и сосновых шишек.

Но во главе угла по-прежнему остается живопись. Для того, чтобы описать его полотна, нужно обладать даром поэта и писателя-фантаста. В картины последних лет, на сюжеты все тех же аксаковских мест – нетронутой природы и уголков старой Уфы, вложено восприятие художника, созвучное стилю писателя.

Оно проникнуто мягкой доброй поэзией: радуга, клик журавлей, безмолвные фигурки церквей. От иных уже не осталось и фотографий, и живы они лишь в наших душах («Журавлиная песня», 2012 г.; «Все-святская церковь в Архиерейской слободе», 2012 г.; «Старая Уфа», 2013 г. и другие работы).

Путь «очарованного странника» продолжается. И как будто о нем звучат строки Игоря Северянина:

*Я природой живу и дышу,
Вдохновенно и просто пишу,
Растворяясь душой в простоте,
Я живу на земле в красоте.*

Текст: Эльвира Каримова



ИГОРЬ ТОНКОНОГИЙ

НЕРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

*Кто они?
Куда их гонят?
Что так жалобно поют?..*

А. С. Пушкин

Игорь Валерьевич Тонконогий родился в 1958 г. в Стерлитамаке. В 1980 г. окончил художественно-графический факультет Башкирского государственного педагогического института.

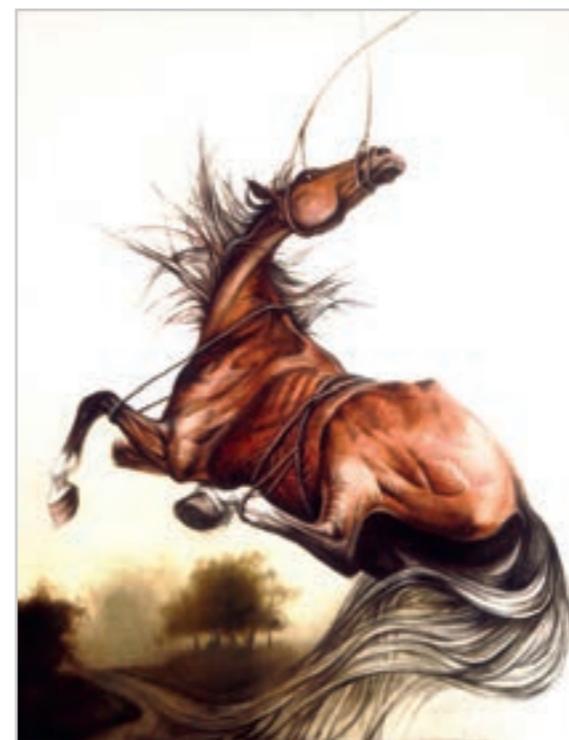
Художник-график, живописец, живет и работает в Уфе. С 1979 г. участвует в республиканских, зональных, всероссийских и международных выставках. Член Союза художников России (с 1991 г.). Постоянный экспонент таких ежегодных российских выставок, как ARTMANEGE, ART MOSCOW, Московский Арт-салон, Московский международный художественный салон.

В 1993 и 1994 гг. И.В. Тонконогий работал по приглашению в Англии, где состоялись три его персональные выставки. В 1998 г. с персональной выставкой посетил США (проходила в Музее современного русского искусства); участвовал в выставке «Неизвестная Россия».

Произведения художника хранятся в собраниях художественных музеев и картинных галерей страны, в галереях Парижа и Нью-Йорка, в отечественных частных собраниях и за рубежом: в Англии, Франции, Израиле, Канаде, Польше.

Ярость, ужас, отчаяние, гнев. Радость, покой после бури, усталость, смирение, восторг. Экстатическое (по С. Эйзенштейну) восприятие мира – одно из свойств драмы. Творчество Игоря Тонконового точно отвечает его законам. Основа драмы – действие, в настоящем времени, и передается оно через конфликт. Монолог – важная характеристика, через который раскрываются идеалы и сложность характера, духовная жизнь. Свои монологи Тонконогий отдает звериному племени – слонам, носорогам, ящерицам, страусам и черепахам. И, конечно, лошадям, которых он любит и знает с детства. Животные – олицетворение свободной силы – в экстремальных, нереальных ситуациях преодоления преград и пут («Прорыв», серия «Непокоренные» и другие работы). Отсутствие конкретного образа мучителя, затягивающего беспощадные петли, нелогичность и беспорядочность этих препон, необратимость роковой бессмыслицы вселяют в зрителя еще больший ужас. И острое сострадание. Потому что образы эти – авторские примеры бытия как драмы, вечного противостояния, не лишены порой «некоторого сюжетного роскошества и ассоциативной чрезмерности» (О. Холмогорова).

На это и рассчитано впечатление от его удивительных графических и живописных работ. Высокий технический профессионализм, превосходное



«Непокорённый-12», из серии «Непокорённые», 2010 г. Холст, масло



«Непокорённый-2», из серии «Непокорённые», 2011 г. Холст, масло

знание анатомии животных (сложнейшие, невероятные позы и ракурсы), филигранно переданная текстура их антуража – дерева, камня, ткани, птичьих перьев, веревок – и еще множества составных материалов земной жизни, кусочки брэнного праха прошлого и будущего («Куриные боги»), с которыми Игорь обожает возиться как вдохновенный исследователь форм и материалов, если оставить чуть в стороне символические смыслы его композиций. Это его «лаборатория башенного мышления» (О. Холмогорова), где обитают явные или скрытые мифологемы – от времен античных и Ренессанса до творчества немецких романтиков начала XIX века, до символистов начала века XX-го. «Способность ощущать животное в себе и себя в животном – признак зрелой человечности, осознавшей себя храни-

лицем и вместилищем всех существований» – парадоксальное замечание философа и психолога М. Эпштейна словно подтверждает глубинную идею художника. Искусствоведы также находят здесь и архетипическую идею К. Юнга – связь и конфликт психики ребенка (сидящего внутри каждого из нас) с жестокостью внешнего мира. Об этом говорил А. Гарбуз: «Культура, удачно названная инобытием природы... Для всех работ Тонконового характерна относительность пространственно-временного континиума. Многочисленные взлеты и падения коней могут совершаться во всех направлениях – пространственные координаты условны. Все взаимосвязано и переплетено – и эпохи, и люди, и звери, и растения, и даже воспоминания о жизни на других планетах». Хайдар Кульбарисов так поэтически пе-



«Хозяин», 1997 г. Офорт

редал «Полнолуние» Тонконового: «Странная гармония поддерживается распорками, странный баланс сохраняется благодаря фиксации, укрощению силы. Движение началось, но у этой фантазмагорической грузоперевозки нет ни накладных, ни пункта доставки. Лунный блик скользит по чешуйкам, бежит по колючему хребту. Тишина коварна. Бесстрастность плотоядна. Покой обманчив. Переползая из вечера в ночь, он крадется на мягких лапках с цепкими коготками. Будь бдителен: ящер не дремлет. Повелитель сумрака следит за тобой. Его пружина сжата для

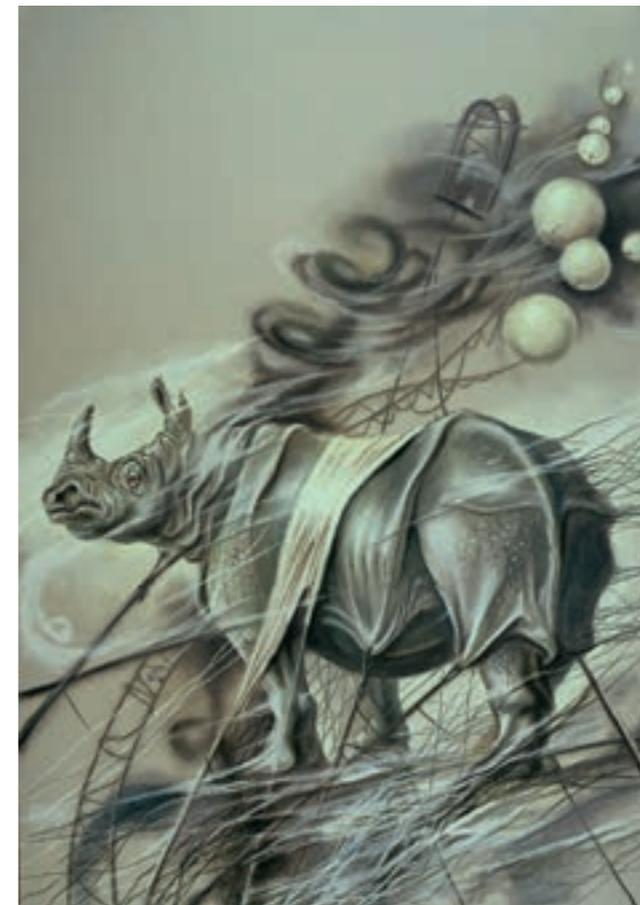
прыжка. Ужин из мотыльков и созвездий под соусом виноградной черноты ему подадут на фарфоровом блюде Луны. Лист «Полнолуние» – о динамике покоя, о статике, беременной атакой».

Вспоминаются первые, более чем 30-летней давности, выставочные работы молодого Игоря. Действительно, начинал он скорее как анималист, но еще не было того надрыва и философско-драматического осмысления, и для его персонажей не были еще специально придуманы неологизмы – «анимажи», или «гуманималистические» образы. Выпускник худграфа Башгоспединститута, известного «рассадника талантов», Игорь долгое время работал художником в технической сфере – в авиационных НИИ, в Институте сверхпластичности металлов и сплавов. Не там ли развилась конструктивность его художественного мышления – «турбулентность», «сопротивление материалов», «нанотехнологии»? Многолетнее сотрудничество с издательствами в качестве иллюстратора, в том числе и книг для детей, возможно, оказало особое влияние на фантазийную сторону его творчества. Английский период (1993–1994 гг.), когда в «туманном Альбионе» состоялись три его персональные выставки, не мог не отразиться на графике Игоря. Тем более, что в нем самом есть нечто от английского характера – мягкий, но «черный» юмор, джентльменская невозмутимость и скромность, ответственность и участие по отношению к людям (и неистребимая любовь к лошадям). Такие качества для редактора журнала («Рампа. Культура Башкортостана»), освещающего события культурной жизни республики, в котором он – главный редактор, а также фотокорреспондент с поистине ястребиным взглядом, просто бесценны.

Удивительно, что при напряженной журналистской работе (командировки, экспозиции, конференции, работа с художественными каталогами) он еще находит время писать и «живописать». Кроме графических работ – офортов, пастели, линогравюры, экслибриса – иногда он берется и за кисть. Его цветовой спектр в живописи дискретен – неяркий,

графичен и выдержан в интеллигентной строгой тональности. Один из последних проектов «Горожане» (2015 г.), экспонировавшийся в Нестеровском музее Уфы, выполнен и маслом, и простым карандашом. Действующие лица всех пейзажей, опять же, остро-драматических сцен, на сей раз – деревья. В литературе этот прием называется «олицетворение». Одухотворенная, наделенная особой душой и смыслом природа – городские деревья, камни, снег и дождь – не может быть сведена только к бытопописанию любимого города (как и прежние работы Игоря – к анимистической, по Тейлору, теории), не умещается в эти рамки.

Еще немного, и кажется, вспомнишь, догадаться, на какой точно из старинных улиц – Гоголя, Достоевского, Зенцова (или в черниковских живописных трущобах) – доживают свой век эти милые, кругом подлатанные дряхлые домишки, чьи очертания еще не стерлись со времен советского детства. Их неперемные спутники – деревья-старички (всё больше американские клены с возрастными наростами), ревматика и подагрики с отрубленными конечностями, прописанные со средневековым дюреровским гротеском: морщины и бородавки стволов, театральные-измученные и при этом беспощадно правдивые позы. Коллекция городских уродцев-изваяний, иногда для пущего драматизма занесенных снегом, стойких охранников старой Уфы, снабжена горько-ироничными названиями: «Тень помнит», «Апрель. Подкрасили», «Июнь. Запоздали», «Октябрь. Неразлучные». Для работ обязательно указание месяца, ведь настроение персонажей меняется от времени года. Может статься, что это их последний апрель. Но почему бы автору не обратить внимание на здоровые, роскошные деревья-исполины, а вместо плачущих облупившихся стен и покосившихся дверей в никуда («В 5-й квартире никто не живет», «Забывтое фото», «Кто-то приболел» и другие работы) не воспеть сверкающие зеркала и солидные формы современной уфимской архитектуры? Нет, видимо, в этом весь Игорь Тон-



«Перемещение», 1998 г.
Тонированный картон, пастель

коногий – сострадание и укор, отождествление себя с «униженными и оскорбленными» (продолжение «конской» темы). Таковы великая сила искусства, аккорды надежды и призыв к доброте. В заключение вновь приведу точные слова Хайдара Кульбарисова: «Мастер экспрессии, Тонконогий любит грацией борьбы и пишет романтическую поэму сопротивления, в которой жизнь и свобода – ценности равновеликие».

Текст: Эльвира Каримова



Виктор Борисович Домашников – член Союза художников СССР (России) с 1990 г., член Международной федерации художников ЮНЕСКО с 1996 г. С 1983 г. участвует в республиканских, всесоюзных, зональных и международных выставках. В 2006 г. проходил стажировку в Париже.

Произведения В.Б. Домашникова хранятся в Башкирском государственном художественном музее им. М.В. Нестерова, коллекции Союза художников СССР, Амзинском, Тобольском художественных музеях, галерее традиционного и современного искусства фонда «ВОСТОК» (Уфа), банках «УРАЛ-СИБ», «Башкомснаббанк», частных собраниях Франции, Голландии, Вьетнама, США, ОАЭ, Китая.

– В три года как-то остался один дома, – вспоминает Виктор Борисович. – А у папы тогда не было отдельной мастерской, под неё выделили самую большую комнату в квартире. Увидел на мольберте новую картину. На ней – нежные лилово-розово-голубые берёзы. Решил, что чего-то не хватает, и провёл кисточкой тёмную полосу посередине. Подкорректировал... и, довольный, удалился. Папа меня не стал тогда ругать, просто дописал всё и исправил.

Но путь мой в творчество был извилист. После окончания школы я поступил на географическое

ВИКТОР ДОМАШНИКОВ:

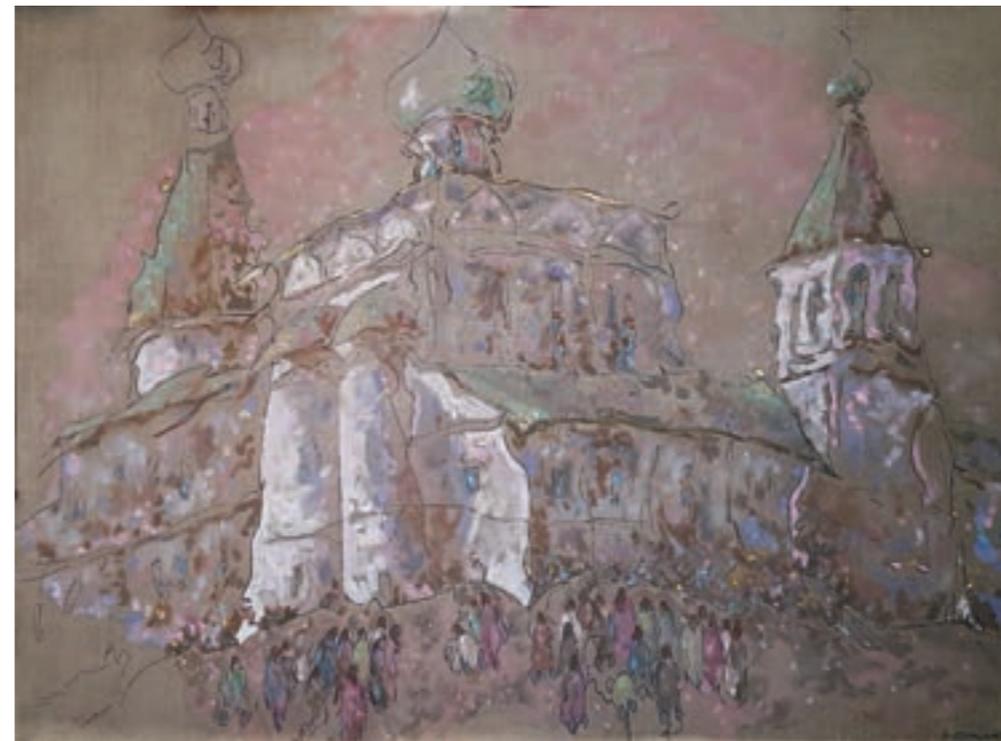
«Сколько себя помню,
всегда стремился к творчеству...»

отделение Башгосуниверситета, окончил его в 1979 году. И только в 1984 году начал обучение в Уфимском училище искусств на отделении художественного оформления, завершил которое в 1987 году.

– Родители настояли на получении высшего образования, – объясняет Виктор Борисович. – Профессия, мол, нужна. Отец начинал как художник очень сложно, не на что было жить. Снимал с мамой угол в частном доме на Цыганской поляне.

Но я уже в университете серьёзно задумался о живописи. У нас же дома – постоянно художники, разговоры о выставках, творчестве, а это затягивает. Поэтому путь к изобразительному искусству был неизбежен. Ушёл на 161-й завод художником. Там – лозунги, плакаты по технике безопасности, транспаранты. Первую профессиональную работу «Игрушки» написал в тот период. Она участвовала в выставке. А потом её приобрёл музей им. М.В. Нестерова в 1982 году за 18 тысяч рублей.

– Вместе с тем, жизнь художника совсем не проста, – продолжает мой собеседник. – Сейчас живу на пенсию. Картины реализовываю, но не так часто, как хотелось бы. Иногда – через художественные салоны, иногда – знакомые приобретут или музей купит. Как можешь, так и вертишься. Многие подрабатывают сторожами или дворниками. Я, на-



«Всенощное бдение», 2013 г.
Холст, масло

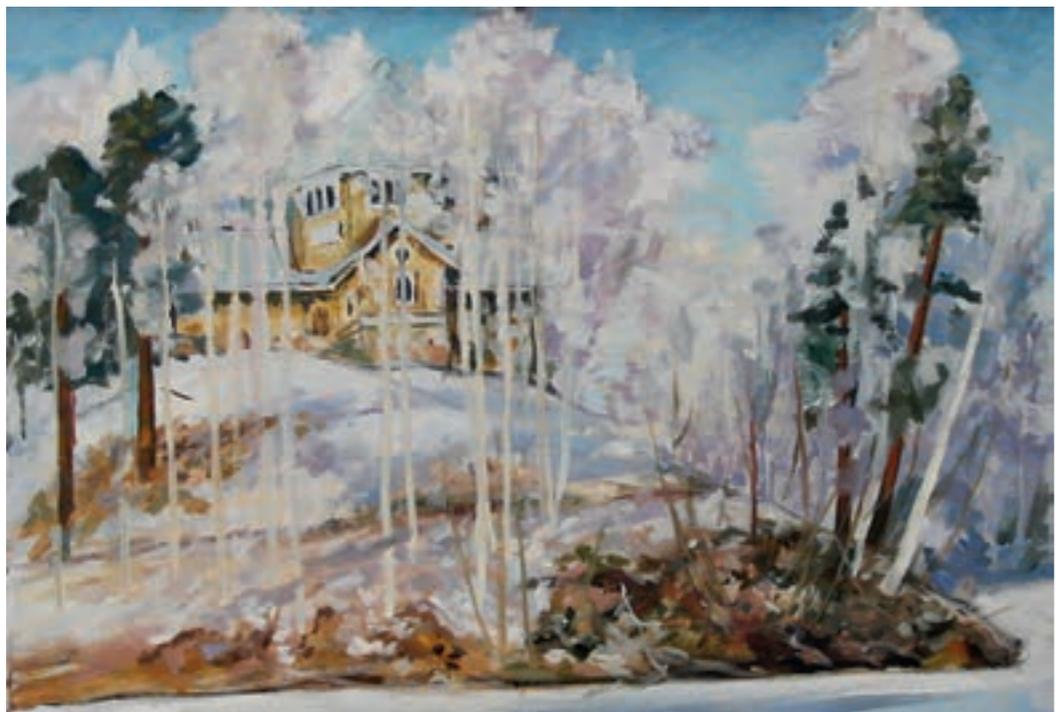
пример, до выхода на заслуженный отдых убирал территорию училища искусств. Умеешь преподавать – идёшь в художественную школу, в училище, в институт. Не умеешь – иди работать сторожем, охранником. Даже мой отец, признанный сегодня на мировом уровне, очень долго добивался успеха. Все-таки, в нашем регионе прежде всего ценились национальные кадры, поэтому масштабных закупок его работ не было долго. Вот когда уже пошла мировая известность... И до сих пор Борис Фёдорович помогает. Приобретают порой его работы. Мы их бережём. В мастерской – две комнаты его работ, их около пятисот.

К сожалению, музея Бориса Домашникова в Уфе и республике до сих пор нет. После его смерти в 2003 году разговоры об этом велись. По словам Виктора Борисовича, сначала – о выставке работ только его отца, затем творческое наследие Б.Ф. Домашникова

хотели объединить с картинами других шестидесятников: Александра Бурзянцева, Рашида Нурмухаметова и других. Но прошли годы, и так всё и осело в чиновничьих кабинетах. А картины – старые, они требуют профессионального ухода, а некоторые – уже и реставрации.

– Хочется отметить ещё один момент, – говорит Виктор Домашников. – Искусством много не заработаешь. За бесценок с картиной не расстанешься, а за реальную цену не много желающих её приобрести. Почему много работ отца сохранилось? Он их своими детьми считал. Как их в частную коллекцию отдать? Музеи, организации, банки одно время покупали – так они работы выставляют, в отличие от частных.

Я нередко дарю картины. Это же радость: частичку света, души подарить воспитанникам детского дома, например. Им этого так не хватает!



«Иней», 1993 г.
Холст, масло

Виктор Борисович признался, что в своём творчестве перепробовал все темы, был и период подражания отцу. Портретом занимался какое-то время, так как у отца портретных работ было мало.

— Одно время сильно мешало, что нас сравнивали, — говорит художник. — В этой мастерской работали вдвоём. Отец к себе шёл через мою комнату. Бросит взгляд на то, что на мольберте, и я по глазам его вижу, если плохая работа. Вдохновения сразу как не бывало! Пришлось даже перегородку сделать, под холст. С другой стороны, находясь с ним в одной мастерской, насыщался его работоспособностью и активностью.

Что советские люди привозили из-за границы? Шмотки. А отец вёз пластинки с классической музыкой. До сих пор, кроме православной музыки, благодаря ему слушаю произведения Георгия Свиридова, Сергея Рахманинова, Альфреда Шнитке и других. Ещё он приобретал художественные альбомы. Толь-

ко один раз мама уговорила его мне джинсы купить. И отец всегда привозил краски. А они тяжёлые, в свинцовых тюбиках. Буквально сгибался под их тяжестью. Его запасами я пользуюсь до сих пор.

Вокруг отца кипела жизнь... Постоянные обсуждения новых картин того поколения художников, постоянные творческие командировки, выставки... Тогда государство больше поддерживало творческую интеллигенцию. А после перестройки многие как-то закрылись, стали смотреть друг на друга как на конкурентов. Искусство перестало развиваться вширь.

Одно время Виктор Домашников старался писать меньше пейзажей, чтобы не быть похожим на отца. Поездки на Святую землю, на Афон дали художнику особый импульс к творчеству.

— Духовная тема неисчерпаема, — считает он. — Привлекают церковная архитектура, монастыри. Сейчас сам составляю композиции, а раньше



«Сирень», 1995 г. Холст, масло

работал только с натуры. Теперь глубже вошел в тему.

Главное для художника — передать образ, зародившийся в голове, с помощью красок на холст. А потом, когда всё скомпоновал, «слепил», оно как по маслу идёт. И — радость огромная, когда всё получилось. Работа — это всегда поиск чего-то нового: заинтересовался человеком, состоянием природы, удачным сочетанием предметов — всё пытается уловить и отразить на полотне пытливый ум художника.

Ко мне как-то пришёл давний друг, классик авангардизма, Николай Пахомов. Смотрит мои работы и говорит: «Это концептуализм». Так называется направление в живописи, в котором осуществляется переход к созданию более свободных от материального воплощения художественных идей. С другой стороны, а надо ли зацикливаться на всевозможных «измах»? Важнее, наверное, содержание и смысл произведения.

В парижском цикле 2007 года Виктора Домашникова многие вдруг увидели французский импрессионизм. Тогда он участвовал в работе престижной творческой лаборатории при Международном центре искусств в Париже.

— Это было очень неожиданно для всех, — улыбается художник. — Так на меня Париж подействовал. Говорят, что я из тех немногих, кто смог передать характер этого города. Смог ухватить его дух. За 54 дня написал 54 этюда. Один итальянец в кафе хотел у меня приобрести этюд, предлагал 200 евро. Я не согласился, хотя знакомый в гостинице потом сказал, что надо было продать. Но что ни делается, то к лучшему: люблю эту картину и считаю одной из лучших как раз...

Текст: Алексей Шушпанов



«Церковь Казанской иконы Божьей матери», 2016 г.
Холст, масло



ФИНАТ НАБИУЛЛИН:

«Когда рисуешь картину,
многому учишься...»

Представьте село в 120 километрах к западу от Уфы (в котором всего одна школа) и художника – оттуда родом. Представьте также, что частым, очень частым элементом его картин является лошадь. Представили? Только не поддавайтесь стереотипам.

Любовь к лошадям – из деревенского детства? Не обязательно.

Дорога в искусство вопреки традициям консервативного села? Не обязательно тем более.

У Фината Ядгаровича Набиуллина, родившегося 31 января 1961 года в с. Копей-Кубово Буздякского района Башкирии, – художника, много и красиво рисующего лошадей, своя собственная увлекательная история.

Сегодня он – член Союза художников Республики Башкортостан, член Союза художников Российской Федерации, участник республиканских, региональных и международных выставок. Его работы хранятся в Башкирском государственном художественном музее им. М.В. Нестерова, Национальном музее Республики Башкортостан, Омском областном художественном музее «Либеров-центр», Пензенской областной картинной галерее им. К.А. Савицкого, Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан, Музее коневодства и конного

спорта РБ ипподрома «Акбузат», Национальном литературном музее Республики Башкортостан, Республиканском музее Боевой славы МК РБ, Буздякском районном историко-краеведческом музее, Кушнаренковском историко-краеведческом музее, а также в частных коллекциях России, Германии, Франции, Чехии, Голландии, США, Турции, Казахстана, Узбекистана и Белоруссии. С 2007 года Ф.Я. Набиуллин руководит Мемориальным домом-музеем А.Э. Тюлькина, в котором проходят не только художественные выставки городского и регионального значения, но и еженедельные рисовальные дни, где вместе с учениками Финат Ядгарович карандашом рисует портреты гостей, нередко – именитых людей Башкортостана.

– Все картины у меня – любимые, каждой работе отдаешь душу. Без души картины не будет, – говорит он. Иногда бывают картины, сделанные без настроения, но такие даже не хочется кому-то показывать. Снимаешь холст с подрамника – и не смотришь на него больше. А затем натягиваешь следующий, и всё по новой. Или грунтуешь такую работу и поверх пишешь заново, как часто делал Тюлькин из-за отсутствия в те годы материала. Любую работу лучше делать в хорошем настроении, говорят же, что в плохом настроении даже суп не стоит варить.



«Башкирские лошади». Холст, масло

Ф.Я. Набиуллин определяет жанр своих работ как реализм, рисует естественные и городские пейзажи, живописные портреты, картины на исторические темы.

– Картину «Двенадцать девушек» я посвятил легенде древнего городища Биляр (территория современного Татарстана); в свое время это был третий по величине город в Европе, стоял на Великом Шелковом Пути. Мы с сыном Артуром ездили туда на раскопки, находили черепашки. А легенда такая: два года Батый-хан осаждал и сжигал этот город, а когда защитников-мужчин не осталось, на защиту Биляра вышли двенадцать девушек. Они, конечно, погибли, а погибнув, превратились в звездочки. Теперь там место паломничества, священный источник. Многие туда приезжают и загадывают желания.

– А лошади? На ваших картинах так много красивых лошадей, которые, конечно, больше воспринимаются как образ. Ваша лошадь не физиологична – она не играет мускулами, не отгоняет хвостом мух, не ест, не болеет. Она – символ чего-то совершенного: чистоты, верности, благородства.

– Многие рисуют лошадь, – уклончиво отвечает Финат Ядгарович, улыбаясь и одобряя глазами. – У меня ведь не только лошади. Лошадь я стал рисовать поздно. Портреты, например, долго рисовал. В основном, заказные. В республиканской больнице им. Куватова, на пятом этаже, – целая галерея нейрохирургов, около 20 работ, и это далеко не всё. Был такой гастрохирург Морев Леонид Степанович – особенный человек, надежный, старой закалки,

мой очень хороший друг, друг семьи. Я с ним познакомился, когда служил в армии (служба проходила в Уфе в 1983–1985 гг. – авт.), он тогда меня прооперировал, а потом мы подружились. К своему 55-летию я сделал творческую выставку и к этой выставке написал его портрет. Скажу опять: хорошим, очень хорошим человеком он был... А лошади – была одна история, в раннем детстве, необычная. Над ней те, кто не понимает лошадей, – смеются, а профессиональные конники говорят, что лошадь так может. Она ведь умная, как человек почти, не говорит только.

– Конники?

– Да, это те, кто профессионально занимается лошадьми. Вместе с конниками с уфимского ипподрома «Акбузат» в 2003 году мы ездили делегацией в Париж на Венсенский ипподром. Это были «Дни России в Париже». Там есть картинная галерея, в которой я выставлял свои работы, а наши лошади выступали на их ипподроме. В делегации я был единственным художником. Так вот, сначала уфимский ипподром «Акбузат» победил по всем показателям на выставке-ярмарке «Кони мои, кони» в Казани, после чего нас пригласили на международную конную выставку «Эквирос», которая ежегодно проходит в выставочном комплексе «Сокольники» в Москве. И, победив там, мы получили право представлять страну на выставке в Париже.

– А много в этом отборе участвовало художников?

– Много, со всей России – те, кто занимается конной тематикой в живописи. И так получилось, что мои работы выбрали для Парижа, – скромно, но с удовольствием рассказывает Финат Ядгарович. – И по пути на эту выставку, кстати, приключилась с нами история.

– Какая же?

– Ехали мы в Париж на автобусе – наша делегация от России. Как только пересекли границу и въехали в Польшу, на нас напали бандиты. Кто это был? Я и сейчас хотел бы знать, кто это был (мы после оставляли показания в польской полиции, но бан-



«Двенадцать девушек», серия «Легенды», 2003 г.
Холст, масло

дитов тех так и не нашли). Говорили они по-русски, зашли в маски, с оружием, связали руки, кому-то сломали ребра, кого-то побили, кого-то пырнули ножом (все выжили, раны были не смертельные, бандиты только запугивали). Было темно, где-то час ночи. Они отвезли нас в лес, в тупик, и начали «чистить». Драгоценности, деньги, фотоаппараты – всё забирала. Чемоданы рвали ножом, проверяли все швы, каждый сантиметр. Мы стояли спиной к автобусу. Я боялся за картины: вряд ли утащат (картины огромные, слишком заметные – такая улика!), но если порежут, то всё, сорвалась выставка! Обычно бандиты художников не трогают: так всегда было. Но эти... могли. Я не знал, чем всё закончится. Я вез с собой 12 работ, все – в коробках, там были и мягкие упаковки, и большие рамы на колесиках. Я очень переживал за картины. Начало светать, и где-то к пяти утра бандиты бросили нас и уехали. Обернулись мы – вся поляна усыпана вещами, выпотрошенными



«Концерт DDT», 2005 г. Холст, масло

чемоданами. А моего чемодана не видно, и картин – тоже. Я – скорее к багажному отделению, а картины там, как поставил, так и стоят. Целые! И чемодан мой рядом – даже не вскрыли его, странно. Хотя такой же был чемодан, как у всех. Но главное, главное – картины не тронули. Я тогда отогнул краешек упаковки ближайшей работы: очень захотелось узнать, что на ней. Там была скифская лошадь на фоне знамени. Скифам я целый цикл работ посвятил и три из них взял для Парижа. Можно сказать, что конь – почти талисман. Хоть бандиты его и не видели, но трогать не стали. И выставка та состоялась.

– Конь-талисман, лошади-скифы, лошади на пейзажных картинах... Но ведь и на холсте, посвященном концерту группы ДДТ, – тоже лошадь, откуда бы ей там взяться? Вы, наверное, скажете, что всё не так, но я понимаю эту лошадь как образ светлой и нежной души, ведь при всей внешней суровости Юрия Шевчука и его команды лирика у них очень тонкая.

– Да, лирика Юры... Согласен. И для зрителя лошадь на этой картине – действительно образ, который можно толковать как угодно. Но я вам расскажу историю создания данной картины. Понимаете, именно тот концерт ДДТ проходил не где-нибудь, а на ипподроме, – смеется Финат Ядгарович. – И я тогда работал на ипподроме «Акбузат» художником. Была своя мастерская, из которой хорошо просматривался весь стадион, оттуда же я наблюдал, как готовили сцену к концерту. А мы с Юрой – почти однокурсники: он учился на курс старше на худграфе Башкирского педагогического института. И перед концертом мы позвали всех наших – чаепитие, песни, разговоры – сидели часа три-четыре. А у меня на стене висел чистый загрунтованный холст, и я попросил Юру: подпиши сразу же, а я напишу картину прямо во время концерта. И в день города Уфы, 12 июня 2005 года, на ипподроме ребята сыграли концерт под названием «Пропавший без вести». Мы смотрели его вместе с сокурсниками прямо с балкона моей мастерской, а я в это время писал картину. Глаза для картины взял с концертной афиши, гитара, сами понимаете, – потому что концерт, а лошадь – потому что на ипподроме. В день концерта я сделал основную работу, но закончил картину позже – в том же году, в октябре, когда рушили старое здание ипподрома, чтобы отстроить заново. И я успел – в здании уже не было одной стены, его практически доламывали на последние кирпичики, старое здание исчезало. И оно исчезло. И одновременно с этим родилась картина – «Концерт ДДТ», на том самом холсте, который Юра Шевчук подписал перед началом концерта.

– И ведь название символичное: «Пропавший без вести». Значит, вы учились на худграфе Башкирского педиститута? А когда же начали рисовать лошадь?

– Да, я окончил худграф в 1983 году, но в институте лошадей еще не рисовал. Николай Александрович Калинушкин – преподаватель рисунка и скульптуры, куратор нашей группы – поставил рисунок, дал мне



«Август. На Урале», 2013 г.
Холст, масло

основы, и я рисовал пейзажи, портреты. А лошадей меня попросили нарисовать, когда устроился работать на ипподром. Мне сказали: вот тебе фотографии лошадей, напиши, как они бегут, и чтобы Аргон был первым. Масти есть, всё есть. И я думал – нарисую. Думал, что я умею рисовать. Написал картину, небольшую, как они бегут, вроде всё. Принес – конники надо мной смеются. У тебя, говорят, лошади неправильно бегут: у них это называется «сбоит» – когда нарушается ход лошади. По спортивным правилам, если лошадь сбоит, ее показатели не учитываются, она снимается с бегов. А сбоит лошадь или бежит правильно – это только конники профессиональные и видят. Сложный это спорт, сложный... А лошадь может сбоить даже по команде мастера-наездника – поэтому он и называется «мастером»; этому делу

надо долго учиться, чтобы одним целым с лошастью стать. Вот и представьте: нарисовать лошадь так, чтобы ее не высмеял профессиональный конник, – этому тоже надо много учиться. И, когда мне показали ошибки, я засел за учебники: по ипподромному делу, «Как рисовать лошадь» А. Лаптева. Пока работал на ипподроме, свои работы не посылал на выставки, если их не посмотрит и не одобрит наш очень хороший конник Вячеслав Соловьев. Он знал практически всех лошадей России и по фотографии мог сказать – какой породы, где родилась, кто владелец, какие у нее показатели, кто ее мама-папа. Вот такой была моя школа рисования лошадей. Я тоже стал разбираться в их породах, сколько их, какие есть в России и в мире, ведь если рисую предгорья Урала и на дальнем плане поставлю лошадь, я должен понимать, какую



«Портрет Морева Л.С.». Холст, масло

именно. Не могу же я туда поставить, например, лошадь арабскую. Поэтому за каждым образом лошади, порой очень легким, много труда и знаний. Профессиональный художник-анималист не будет рисовать лошадь как среднее арифметическое всех лошадей, как средний знаменатель лошади, ведь он понимает, что его работу будут смотреть не только любители, но и специалисты-конники, а они знают о лошадях ВСЁ.

– Кажется, теперь понимаю. Поэтому-то, наверное, и стиль вашей живописи вы определяете как реализм: хоть лошадь и смотрится образно, словно через поэтическую дымку, на картинах ваших она более чем настоящая. Финат Ядгарович, напоследок расскажите, пожалуйста, немного о своем детстве.

– Жили в селе, в деревянном доме из двух половинок, папа – лесник, мама – колхозница. Рисовать начал... вот как себя помню, всегда рисовал. Когда у меня оказывались какие-то деньги, покупал карандаши, краски и иллюстрированные хорошие детские книги. Свои сюжеты рисовал, срисовывал, учился. В библиотеку ходил. Но в нашей сельской библиотеке глубоких книг по рисованию не было, и мне их привозили из города Вакиль и Вагиз Шайхетдиновы, братья-художники, которые также в нашем

селе выросли. Они знали, что я тоже хорошо рисую, помогали мне. Я, еще школьник, месяцами копил свои работы, чтобы показать им, когда они в очередной раз приедут погостить домой из города (они в то время уже учились на художников в Уфе). Они и предложили мне тоже ехать учиться в Уфу. Дороги были открыты, моя семья не возражала, чтобы я стал художником. С Вакилем и Вагизом мы поддерживаем отношения до сих пор.

– А странная история из самого детства? Про лошадь... О ней вы упомянули в начале разговора.

– Да, расскажу. Мне было года три, максимум, как раз отец устроился лесником. Лошади в селе были колхозные, но леснику в хозяйстве полагалась своя. И, как любой деревенский мальчишка, я катался на лошади с детства, они были разные: Васька, Оскар, другие – всех и не помню. Зато помню историю, которой я даже работу посвятил, – «Полет». Был у нас тогда высокий черный жеребец. И, когда с отцом осенью собирали стадо, он, оставив меня на лошади, отошел недалеко, за коровой. А когда вернулся, я был уже не в седле, а в зубах у лошади: она держала меня за шубу, осторожно раскачивала и несла к отцу. Я не помню, как выпал из седла, но помню, как черный жеребец поднял меня за воротник и понес по полю. То ли она меня раскачивала, чтобы успокоить (если упал с лошади, то, наверное, плакал), то ли еще что-то... Лошадь нам не сказала, но такой эпизод был. Отец говорит, что такого не видел никогда, да и в деревне такого случая не припомнят. В эту историю мало кто верит, но профессиональные конники улыбаются: лошадь чувствует, лошадь может...

– Чудеса!

Только представьте: идет по полю лошадь и, держа зубами за воротник, несет человека. Того, кто будет понимать о ней многое, но не станет перековырять ее под себя, не прикажет: танцуй! скачи! тащи! вези!

Она поднимет его высоко – того, кто будет ее рисовать.

Текст: Надежда Смирнова



Вагиз Гайнелгилимович Шайхетдинов родился 8 марта 1955 г. в с. Капей-Кубово Буздякского района БАССР. В 1980 г. окончил художественно-графический факультет БГПИ. С этого же года – участник выставок, в том числе республиканских, зональных, региональных, всероссийских, всесоюзных, международных. Провёл более двадцати персональных выставок.

Заслуженный художник РБ (2012 г.), член Союза художников СССР (с 1986 г.), член Союза художников России и РБ (с 1995 г.).

Основные награды: благодарность Мингео СССР, диплом ВТОО СХ России, дипломы ВТОО СХ РБ и Министерства культуры РБ, благодарственное письмо Министерства культуры РБ, медаль МВД РБ.

Работы В.Г. Шайхетдинова приобретены БГХМ им. М.В. Нестерова, Мингео СССР, Госсобранием – Курултаем РБ, галереей мэрии г. Уфы, штаб-квартирой ЮНЕСКО (Париж) и частными коллекционерами России, Германии, США, Турции.

ВАГИЗ ШАЙХЕТДИНОВ

Беседы о пейзажах и не только...

– Я мог стать кем угодно, – рассказывает Вагиз Гайнелгилимович. – Математика, физика, химия – всё у меня получалось отлично. Ещё и спортсменом был. В деревнях не хватало учителей, и сразу после окончания 10-го класса меня направили учителем физики и математики в школу в соседней деревне Большая Устюба. Классным руководителем у восьмиклассников был. Год там проработал. Оттуда по комсомольской путевке, после успешного проведенного открытого урока перед комиссией, меня отправили без экзаменов в институт: мог учителем физики и математики стать, но не пошел. Уехал в армию (1973–1975 гг.). Первые полгода служил в Баку, в зенитно-ракетных войсках (ШМС). Там был и художником, и тренером по военному троеборью, защитил кандидата в мастера спорта по этой дисциплине, и профессию получил – оператора радиолокационной станции III класса, звание сержанта. Мне говорили: хорошо будешь служить, поедешь поближе к дому. А я говорю: поеду туда, где снег. Снег очень люблю. Написал рапорт, и меня отправили на Кольский полуостров, на базу Северного флота начальником радиолокационной станции. На севере – настоящая служба: рядом граница, не до рисования. После армии вернулся в Уфу и поступил на худграф БГПИ, учился на одном курсе с Юрой Шевчуком. Хорошая у нас была группа, и педагоги замечательные. Меня поставили старостой, хотели, чтобы вступил в партию и стал парторгом. Затем сказали – пойдешь инструктором обкома после окончания. А я ответил: в партию не вступлю. Соответственно – ничего. Они: ну что ты за человек? А я в партию не пошёл осоз-



«Рудольф Нуриев. Возвращение». Диптих, 2012 г. Холст, масло

нанно. Моя цель – жить, как я хочу, и не мешать другим, и чтобы меня не трогали. В итоге меня оставили на худграфе преподавать, а я снова не захотел. Тогда уже и женатый был. В итоге отстали: идите, куда хотите, свободный выбор. Такая лояльность в то время была редкостью. И я поехал в Буздяк, поближе к родителям: они уже в возрасте были. Год работал учителем черчения и рисования. Затем пригласили в город Октябрьский, во Всесоюзный научно-исследовательский институт геофизических исследований скважин, – художником в «Бюро эстетики». Там много чего приходилось делать: зимний сад спроектировал, спортивный комплекс оформил, центральную площадь украшал к 1 мая. Мозаику, витраж – я всё там попробовал. Затем – перестройка, вслед за директором хотел перебраться в Питер, но не получилось с обменом квартиры, обмен нашлся в Уфе.

Я переехал в Уфу, вступил в Союз художников, и с того дня я – свободный художник.

– Поговорим о цвете, о ваших пейзажах. У вас, например, не бывает одинаково зеленых деревьев, очень много оттенков. Вы их видите сразу? Как вы изучаете цвет, как работаете с красками?

– Каждый раз – как в первый. Ставишь цель, исходя из того, как в прошлый раз у тебя «не получилось». Почему художники любят раннюю весну и позднюю осень? Деревья – разного цвета. А летом всё зелёное. Трудно писать летние пейзажи, приходится изучать: где-то осознанно, где-то интуитивно. Чем хороши пленэры? Первую неделю набиваешь руку, расписываешься, заодно и голова начинает работать, а цвет по-настоящему начинаешь видеть примерно через неделю, после



«Белая ворона», 2008 г. Холст, масло

того как ходишь на одно и то же место, всматриваешься.

В 2017 году вместе с художником В.И. Суздальцевым ездили в деревню Калиновку. Мы и раньше там бывали: гор нет, равнина, болото, старица – думал, неинтересное место, ехать не хотел. А в итоге я оттуда где-то 15 работ привёз. Вот как мы там расписались. Каждый день себе цель ставишь: едем, увидели хороший сложный мотив – послезавтра, когда немножко распишемся, приедем туда. Каждый день пишешь и пишешь, и, как только начинаешь чувствовать природу – сам видишь, второе дыхание открывается, и вдруг понимаешь, как это рисовать, будто нашел нужную музыку, и у тебя идет все, как по маслу.

– А дождь? Его сложно рисовать? Сложнее летнего леса?

– Я не знаю, что сложнее. Я очень хотел лето писать, думал: куда бы съездить? О чем думаешь, то и получается: меня позвали на Всероссийский пленэр по Волге, там я потрудился и стал лето лучше пони-

мать, летние зеленые цвета. После этого меня начали звать на пленэры по всей России. На том пленэре у меня случился толчок, я лето почувствовал. Да и любой пейзаж надо сначала почувствовать, прежде чем начинать писать. Я о себе говорю, мне лично было тяжелее разобраться в этой зеленой краске. Чем отличается профессиональный художник от самодеятельного? Любители больше зеленью пишут – одной зеленой краской почти. Также и дети. Они как видят, так и рисуют: голубое небо, синяя туча, зеленые ёлки. Дети несложно подбирают краски, но со вкусом, здорово у них получается.

– Вы любите рассказывать истории о ваших картинах, например, о выбранных композиционных решениях?

– Не знаю, я врать не умею. Я – парень деревенский, простой. Само собой компоуешь. Сначала выбираешь уголок, который тебе по душе. Для этого, бывает, мы целый день ездим, всю округу полностью объезжаем на машине, а потом уже как-то в голове складывается: вот там можно, когда ясная погода, а туда – в пасмурную. Сам себе составляешь график, когда, что писать. И пишешь. Разумеется, не просто так. Где-то, чтобы композиционно смотрелось хорошо, стог добавляешь в угол или куст, например. Мы же не пишем один в один, художник – не фотоаппарат. Но тот пейзаж, то состояние, где ты присутствовал, до мелочей в голове остается: кто мимо проходил, какое было настроение, какой запах вокруг. Почему мы дорожим этими этюдами и особо их не продаем: зимой достал, вдохнул – и туман, лес, утро – уже чувствуешь, видишь широкоформатно.

– На ваших пейзажах редко появляются живые существа. Даже на деревенских зарисовках часто нет ни гусей, ни кур, ни собак, ни лошадей, ни коров. Нет и людей. Вы их исключаете из сюжета, они вам неинтересны?

– Неужели нигде нет?

– Я не говорю, что их совсем нет. Иногда вдалеке, например, рыбак на лодке. Изредка. Просто их настолько мало! Люди – мешают?

– Все зависит от композиции и от конкретного случая. Мы же все равно что-то хотим сказать или показать в пейзажах; иногда оттого что я добавлю человека, картина лучше не станет, вот в чем дело. Во многих работах, если обратили внимание, присутствие человека чувствуется.

– У вас, наверное, и нет картин, которые «один в один»? Везде вы убираете, добавляете, дорабатываете композицию?

– Есть заказы, тогда – да. А когда творчество... Там вон деревня на картине, Чекамгушевский район. На самом деле вместо дороги я нарисовал речку, убрал дорожные знаки, получилась хорошая композиция.

– Понимаете, насколько интереснее становится? Вы перерисовываете мир под себя.

– Само собой. Мы всё так делаем. Дома под себя строим, жизнь. Также и здесь. Меня не заставить ни за какие деньги делать то, что мне не нравится.

– Как появился диптих, посвященный Рудольфу Нуриеву?

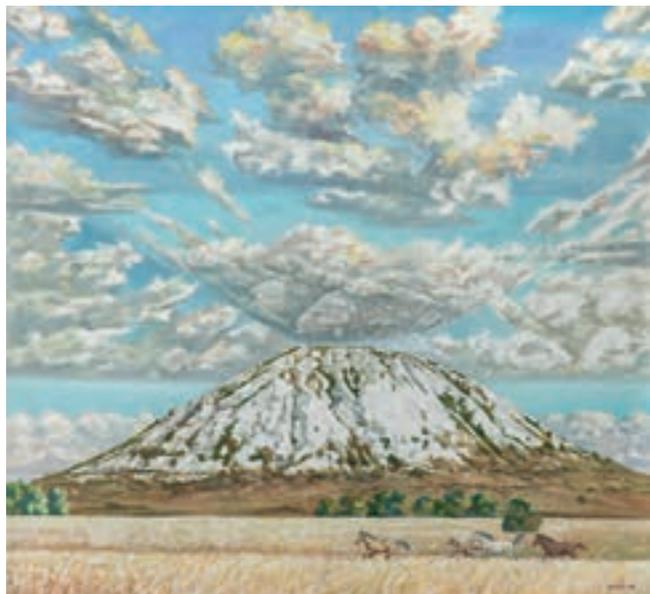
– Правительство РБ в составе российской делегации в 2008 году готовилось к поездке в Париж, как раз был юбилей Нуриева. Они обратились к нескольким башкирским художникам, организовали что-то вроде конкурса – чья работа больше понравится, ту и подарят штаб-квартире ЮНЕСКО. Дали очень маленький срок. А информации тогда совсем не было, единственное, что мы нашли, – черно-белую фотографию, где Рудольф на фоне Уфимского театра оперы и балета. И с соседом Ильдаром Бикбулатовым написали портрет. В том конкурсе участвовало шесть работ, понравилась наша. Тогда я и обратил внимание на этого артиста, подумал, не написать ли еще один его портрет. А после его юбилея стали появляться и другие его фотографии и портреты. Используя их, я создал композицию, показал разные времена, годы, характеры, Францию и Башкирию. Он совершил огромный прыжок туда, а здесь остались его корни. Диптих «Рудольф Нуриев. Возвращение» сейчас хранится в музее Нестерова.



«Петушиный хвост», 2003 г. Холст, масло

– Кроме прекрасных пейзажей и портретов, у вас есть и философские картины, в которых вы мыслите: «Белая ворона», «Перекасти-поле», «Иман», «Наследие», «Кто мы?! (Кыргызкабыл)», «Ночной пейзаж» и другие. Поговорим о нескольких из них?

– Да-да, эти мысли идут параллельно. В каждом человеке, наверное, борются двое. А я борюсь с собой. Совсем другим человеком становлюсь иногда. Один я – это пейзажи, реалистичные лирические вещи. Другой я – это философские работы, думаю: ведь мне же хочется сказать, я же могу. Это и мешает, и помогает. «Белую ворону», например, я задумал давно, первый вариант её был другой: строй солдат, абстрактно нарисованный, и от одного из них тень в другую сторону. Потом я ту картину замазал белой краской, поверх неё написал пейзаж. Решил, что это уж слишком, появляется отсыл к политике, а я этого не хочу. Думаю дальше: белая ворона – почему не обратиться конкретно к этому образу? Но, с другой стороны, если я ее именно



«Сон Шихана», 2008 г. Холст, масло

так и напишу, белой среди черных, будет совсем банально и в лоб. Вот так и пришел к варианту, который вы видите. И многие спрашивают: почему так назвал, если ворона – не белая? Многие даже не всматриваются. Но картина людям нравится, несколько человек хотели ее купить, повышали цену, а я кому первому обещал, тому в итоге и продал. В общем, вот так параллельно, раз уж голова есть, обращаюсь к общим философским темам. Леонардо да Винчи говорил: человек – совершенство. Вроде бы всё он должен делать правильно. Однако не всегда это так. Где-то родился, жизнь по-всякому кидает, вроде и есть связь с космосом, но все мы такие. Об этом работа «Перекасти-поле». А картина «Кто мы?! (Кырмыскабыл)» – по мотивам эпоса про кырмыска – муравья, который одним прыжком семь морей преодолевал. Я как-то писал в мастерской и вспомнил, как лет двадцать назад на Иремеле видел муравейники в полтора раза выше людей, а муравьи там – обычные, маленькие. Вот так и задумаешься. Художник перед собой, прежде всего, отчитывается.

– А пейзажи? Природа вам ответов не дает?
– Нет. Огонь и вода – это что-то такое в жизни самое главное. Я не язычник, не в этом смысле. В смысле силы огонь и вода – это что-то первостепенное.

– А картина «Сон Шихана» – это одушевление горы? Гора спит и видит сон?

– На месте Шихана когда-то был океан; поднимаясь на эту гору, на изломах видишь отпечатки моллюсков, осколки камней. Когда я ездил в Турцию, специально искал там большую раковину, похожу на силуэт Шихана, нашел и привез сюда, изобразил, будто Шихан видит себя под водой. Гора вместе с верхушкой образует песочные часы, две его жизни, он – это и море, и суша.

Я – «походник», люблю пешие вылазки, сплавы. «Путешествие во времени» написал после посещения Каповой пещеры. Мы поднимались в пещере в галерею рисунков; по-моему, когда туда заходишь, нельзя не задуматься, откуда мы и зачем... На своей картине я ту эпоху соединил с сегодняшним днём. Такие мысли у меня тогда были.

– Как появилась картина «Петушиный хвост»? Она выделяется среди других. В ней тоже есть философия?

– В деревне зарезали петуха, очень красивого. Мне жалко было выбрасывать хвост. Привёз в мастерскую, приколотил к стене. Смотрю: оформления не хватает. Сделал его из остатков самоклеющейся плёнки ORACAL – обычно они выбрасываются, а я взял и на стену начал клеить к хвосту. Получился петух. Потом много дней, придя в мастерскую, сидел напротив, пил кофе. Думал: красивая получилась стена. Вот и написал с неё картину, – улыбается Вагиз Гайнелгилимович.

– А фотокарточка-документ, перо, бумажный квадратик – вы их, как обычно, добавили?

– Нет, там по стене проходит проводка, за неё много чего закладываете – удобно и всегда на виду. Получается – картина один в один, единственная у меня. Ой, нет, колокольчик! Петух – он же поёт, звучит. Колокольчик я добавил для композиции.

Текст: Надежда Смирнова

РИНАТ МИННЕБАЕВ:

«Вот что мне нравится в своих картинах: я иногда чувствую, что от того, как их масштабирую, они не меняются...»

– Ринат, расскажите о ваших родителях. Видимо, художественные способности передаются все-таки генетически?

– В родне никто не рисовал. Вопрос этот меня тоже интересовал, я согласен с мыслью Екатерины Шульман, которая говорит, что в школе мы «связываемся не с воспитанием, а с генами родителей». Я пытался выяснить свою генеалогию и делал заявку в отдел этнографии и источниковедения Академии наук РБ. Получилось, что я шестнадцатый (речь идет о шестнадцати поколениях рода). Служивые татары-мишары, которые после взятия Казани служили царю. И на протяжении 250 лет прослеживается одна важная деталь: все – грамотные, все расписывались сами на старотатарском арабскими буквами. Есть две линии: одни – муллы, другие – военные, офицеры. В семье даже хранится медаль «300 лет царствования Дома Романовых», она была вручена моему прапрадеду в 1913 году.

– Гумилёв бы назвал это пассионариями.

– Я думаю, что через мулл идет такая гуманитарная линия, любовь к гуманитарным наукам. Хотя брат старший – типичный нефтяник, технарь. Мама наша была учителем, папа – военным.

– Вы тоже – сколько себя помните, столько рисуете? Так обычно художники говорят о себе.

– Нет, абсолютно. Здесь очень важно отношение родителей. Мама ближе к ребенку, она чувствует его, что-то начинает проговаривать, поощрять. Мама как раз проговаривала и поощряла. Я тогда этого не замечал, конечно. Ну, она педагог, во-пер-



Ринат Ягфарович Миннебаев родился в 1964 г. в Уфе. Член Союза художников России (1995 г.), лауреат Государственной молодежной премии РБ им. Ш. Бабича (1998 г.), заслуженный художник РБ (2006 г.), заслуженный деятель искусств Республики Татарстан (2010 г.). Участник и дипломант российских и международных конкурсов, биеннале, триеннале.

В творческой биографии художника – двенадцать персональных выставок. Его работы находятся в собраниях БГХМ им. Нестерова, Ирбитского ГМИИ (Свердловская область), Национального культурного центра «Казань», Галереи современного искусства «АЯ» (Курск), Музея современного искусства (Москва), Галереи графики малых форм (Пекин), Галереи искусств малых форм графики (Альбенга, Италия), Галереи графики (Брунек, Италия), Галереи Университета Северного Огайо (США), Новосибирской картинной галереи, Областной галереи г. Сургута «Стерх», Галереи Московского Дома национальностей, Музея современного искусства «Эрарта» (Санкт-Петербург) и др.; в российских и зарубежных частных собраниях.



Триптих «Война», серия «Геоглифы», 2015 г. Авторская техника с использованием минеральных красителей (мел, глина, охра). Левая часть – «Противостояние», центр – «Оргнунг», правая часть – «Последний бункер»

вых. Потом я постоянно ходил в какие-то кружки, которые тогда были бесплатными. Чаще всего – в рисовальный кружок в школе.

– Как получали художественное образование?

– Художественная школа № 2, такой стандартный набор. Я после восьмого класса поступал в училище искусств и не поступил, получил две двойки.

– Интересно узнать, по каким предметам?

– По рисунку, по живописи. Зато это мозги вправляет очень быстро, без таких стрессов ничего не происходит. Закончил школу, поступил на худграф пединститута. В моей группе были очень классные парни и девчонки. Заряженные все, бешеные художники. Они точно знали, зачем они сюда пришли, что им надо. Это был единственный вуз в то время, который готовил художников, поэтому худграф тогда и гремел.

Такой интересный случай был. Читаю список на кафедре о внеучебной творческой работе педагогов-художников, напротив «Станковой печатной графики» стоит «С.В. Маджар». Вижу – он идет. Я говорю: «Сергей Владимирович, я вот хочу у вас заниматься». «Да? Ну хорошо. Вот тут двое ходят уже – Тонконогий и Терегулов. Ну и ты приходи».

Я сделал диплом на тему «Северные Амуры». Пять листов, офорты, война 1812 года. Батальные сцены – лошади, французы, наши башкиры, Кутузов. Много

и долго делал, получилось красиво, очень классно. И когда я все это отпечатал, то почувствовал такой драйв! Каждый раз как наркотик – ты хочешь повторить это ощущение. Ощущение, когда ты закончил. Может, потому в этой среде и остался.

– Как вы считаете, когда у вас сложился собственный стиль? Что это вообще означает? Что работы отражают внутренний мир художника без aberrаций?

– Когда я размышляю на эту тему, о выборе «собственного языка», я иногда ужасаюсь, что у меня, возможно, как раз-таки и нет его. Потому что каждый раз меня шарахает из стороны в сторону. Скажем, где «Белая волчица» из «Масок богов» и где вот эта работа с Пентагоном о раскопках будущего? (Показывает). Совершенно полярные вещи.

– Я бы не сказала.

– Вы все равно не сопоставили бы, что это один художник.

Я преподаю в училище искусств довольно давно и, отвечая на подобный вопрос студентам, говорю, что узнаваемость, свой язык, некая застилизованность для меня означают могилу художника. Когда он нашел свой стиль, то ему вроде бы и развиваться уже не надо. Он становится заложником этого стиля. Свой стиль должен как-то сам выработаться и появиться. Мне кажется, что я его так ещё и не

нащупал... окончательно. Может, через цвет, через фактуры какие-то он проявляется, через внутреннее напряжение. Если так, то это здорово!

– Что за раскопки будущего? Это о вашей новой серии?

– Мне нравится историческая тема, графическая... Я представляю себе, а потом перевожу на картины, как будут выглядеть археологические раскопки через тысячу лет. Если раскопать Ватикан, что будет там?

– Вы ведь сами ездили на раскопки. Расскажите про это.

– Очень полезно куда-нибудь ездить, а если ещё ездить с умными людьми – вдвойне полезно. Этнографы – невероятно увлекающиеся и увлеченные люди, с ними безумно интересно. Столько не прочитаешь, сколько можно услышать и увидеть в их среде, находясь с ними «в полях». Я ездил с ними не только по Башкирии, Оренбургской и Челябинской областям, Татарии, но ещё были Хакасия, Бурятия, Тува, Монголия. И всегда – в командах, которые возглавлял членкор или академик. Когда с историческим памятником тебя знакомит член-корреспондент АН, это же здорово!

– Я бы сказала – это везение! Получалось, что вам настолько везло?

– Ради этого я многое готов был делать бесплатно. Могу копать, могу не копать (смеется). Готовить приходилось. Что скажут, то и делал. Им такие нужны.

– Как вам вообще пришла мысль поехать в археологическую экспедицию?

– Не знаю. Сразу, всегда хотел. А откуда черпать по-другому то? Лежа на диване?

Первые поездки совпали с началом 90-х. Самая первая была в южную часть Башкирии. Экспедицию организовал Музей археологии и этнографии АН РБ. Мне сказали рисовать – вот я и рисовал рушники, прялки, люльки, узоры. У художника есть преимущество перед фотоаппаратом: можно объект в объеме преподнести, всю конструкцию показать.



«Dubai», 2010 г. Авторская техника с использованием минеральных красителей (мел, глина, охра)

Заодно палатки передвигал, готовил, за водой ходил – делал, что скажут.

– То есть вы там практически не зарабатывали?

– Если говоришь им, что хочешь ещё и зарабатывать, то на тебя иначе смотрят. Такие им, в общем-то, и не нужны, они могут и сами обойтись, без тебя. Я иногда даже за дорогу сам платил, например, чтобы в Хакасию или в Туву попасть. В Хакасии моим начальником был Игорь Леонидович Кызласов – тюрколог, московский академик. Его отец, Леонид Романович, – тоже мегазвезда, который читает тюркские руны прямо с камня, пишет огромные книги и ездит по всему миру с лекциями. Вот мы приехали на то место, где был город монгольский в Туве. Огромное такое поле... Он нам говорит: «Ребята, вы здесь походите, посмотрите, что найдете, то принесите». Я нашел кусок золота, фольга такая, почти сигаретная: «Вот, Игорь Леонидович».



«New Delhi», 2015 г., серия «Геоглифы».
Авторская техника с использованием минеральных красителей (мел, глина, охра)

Черепки были какие-то интересные от пагоды, трубы древней канализации, осколки бусинок. Огромный город!

Когда ты едешь в экспедиции, видишь такие вещи, которые проще проговаривать потом в картинах. Ты говоришь зрителю о том, что точно знаешь. Предположим, с этнографами тебе интересно ездить, они тоже много чего знают, особенно о жизни посконной, «от земли», что называется. Что говорили, что ели и пили, как строили, как женили, рожали, разводили, хоронили. Какие-то такие хтонические вещи, существование которых мы, может, в своей жизни и не осознаем, а они у нас всегда есть. Никто вот, например, не рискнет изменить процедуру похорон. Почему? Потому что выработанные детали ритуала позволяют безболезненно пройти эту процедуру.

– Может быть.

– И люди чувствуют это. Даже городские цивилизованные люди все равно зеркало закрывают, что-то говорят, что-то не говорят во время похорон. И про свадьбу то же самое. Про роды. И вообще про все в этой жизни. А где это можно узнать? Только в экспедициях. В этих деревнях, где нет того потока информации, который все вымывает. Закрытые же поселения... Сейчас все чаще езжу в арт-экспедиции.

– Что это?

– Это симпозиумы всевозможные, очень интересные, есть международные проекты. Лет пять уже езжу в Удмуртию на этно-футуристические симпозиумы, в Елабугу, до этого несколько раз был в Финляндии, Казахстане, Киргизии. Обязательно надо ездить, чтобы был приток информации.

– Что вы преподаете?

– Я уже почти 30 лет преподаю в уфимском училище искусств, на отделении дизайна веду рисунок, живопись, композицию. Классический такой набор. Нашим же искусством не проживешь, оно не кормит, фактически. Без дополнительного источника дохода невозможно. Как содержать мастерскую, семью, квартиру? Как покупать материалы, в которые художник вкладывается? Ведь продажи очень редки. пейзажи или красивые натюрморты ещё могут уйти, а какие-то сложные работы...

Вот у меня есть серия работ – «Геоглифы». Берешь разные города и высушиваешь их.

– Как это – высушиваешь?

– Беру из Google карту города и переношу в масштабе, сохраняя все кварталы и улицы, в объем, в размер метр на метр. Амстердам, Барселона, Париж, Лондон, Москва... Более 30 городов уже сделано, а в частную коллекцию купили только одну работу – «Пекин».

Те, кто имеют деньги, приобретают другое, у них вкус другой.

– Может, вкус нужно формировать?

– Тогда второе поколение должно появиться, которому не важны эти березки и горшочки, его цепляет более сложное... У нас ещё не сформирова-

лась такая культура, чтобы картины рассматривали как необходимый элемент саморазвития и как вид вложения капитала.

– Всё-таки вложения – отдельно, а эмоциональная подпитка – отдельно. Опять же возвращаемся к «своему языку», который определяет понятие стиля художника.

– Тема формы и содержания. Форма как способ трансляции идеи. Какую стилистику мы закладываем, так мы и будем транслировать. Языком знака, языком цвета, ритма, композиции.

– А ваши картины каким языком говорят преимущественно?

– Я думаю, знака все-таки. Вот что мне нравится в своих картинах – я иногда чувствую, что от того, как я их масштабирую, они не меняются... в своем качестве. Их можно уменьшить или увеличить.

– Вам известно понятие «фрактал»? Вы фактически даете определение фрактала.

– Наверно, не совсем буквально все-таки. Я про другое. Предположим, в живописной картине уложить все так, что даже если из нее сделать черно-белый знак, то он все равно будет читаться. Но это, конечно, высший пилотаж. То есть, даже если лишить картину цвета, фактуры, текстуры, самого масштаба вот до такого (показывает) состояния, а изображение все-равно работает. Вот у кого так? Наверно, у Дюрера. Там ведь тоже такое есть, гравюры свои до знака доводит. «Всадники Апокалипсиса», «Рыцарь», «Святой Иероним в келье». Они настолько знаковые!..

– Архетипические?

– Может, и это тоже. Они именно масштабируются, из них можно делать монументальную вещь и знак фирменный. И все. И будет классно. С импрессионистами же так не произойдет, потому что у них другие задачи. Довести до такого знака, найти фишку такую, чтобы она работала в любом размере как знак.

Вот, например, «Пентагон». Я смотрел на Аркаим, понимаю аналогию... Бывший огромный город. Взять и занести песком и временем Пентагон. Такой же огромный и пафосный, с безумными развяз-



«New York», 2015 г., серия «Геоглифы».
Авторская техника с использованием минеральных красителей (мел, глина, охра)

ками, подходами, подъездами, автобанами. И это будет занесенный песком и землей какой-то объект-геоглиф. Такая знаковая вещь.

– Вы ведь ещё с самой бумагой экспериментировали?

– В какой-то момент я понял: чтобы реализовать мною задуманное, просто принтовости уже мало. Печать – это же более светская вещь по своей эстетике. Гравюра, офорт: уже в самих названиях – эпоха Возрождения.

– А вам надо было уйти дальше вглубь?

– Я говорю о вещах древних, а говорить гравюрой об этом не совсем правильно. Поэтому я ещё в 90-е годы вышел на Raremaking – бумагу авторского отлива. Даже не представляю, как можно «Пентагон» сделать гравюрой. Тема диктует и форму. Содержание, а потом – форма. Сначала «что», а потом «как».

Текст: Елена Синицына



ВЛАДИМИР КАЛАБУХОВ

ПАСТЕЛЬНЫЕ ПРОСТОРЫ КАЛАБУХОВА

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...*

А.С. Пушкин

Владимир Иванович Калабухов родился в 1955 г. в с. Старая Отрада Куюргазинского района Башкирии. Получил профессиональное образование в Уфимском училище искусств, на факультете теории и истории искусств Петербургского академического института им. И.Е. Репина.

Двадцать лет (1979–1999 гг.) заведовал первым филиалом Башкирского музея им. М.В. Нестерова в селе Воскресенском. С 1980 г. – участник республиканских и всероссийских выставок, с 2000 г. – член Союза художников России. В 2002 г. – участник Международной выставки «Европастель» в Италии, а в 2003 г. – во Франции. Персональные экспозиции проходили почти во всех городах Республики Башкортостан и за ее пределами. В 2011 г. – выставка в инфо-центре Российской Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Работы находятся в частных коллекциях России, Украины, Голландии, Германии, Италии, Австралии, а также в собраниях БГХМ им. М.В. Нестерова, Дома-музея С.Т. Аксакова, в Магнитогорской картинной галерее и др. Художник живет и работает в селе Воскресенское Мелеузовского района Башкирии.

Таким «уголком вдохновения» для Владимира Ивановича Калабухова стало старинное село Воскресенское, своеобразное «место силы», знаменитое еще с XVIII века медеплавильным заводом и храмом, а в военные годы приютившее московских эвакуированных художников. Позднее там была открыта картинная галерея, филиал Нестеровского музея, которой Владимир Иванович, выпускник Репинки, заведовал более двадцати лет.

Впервые попав туда, он, сам уроженец деревни Старая Отрада Куюргазинского района, словно очутился в глубокой старине: увидел избы, что «забоченились», говоря по-есенински, еще крытые липовым лубом, увидел остов когда-то мощного здания завода, покосившийся мост через реку Тор, старый храм, вековые деревья, весь окоём, прозванный жителями «Синие венцы»... Как художник он не мог не поддаться очарованию этого края и уже много лет остается влюбленным в него, рисуя Воскресенское и окрестные просторы со всех возможных точек.

Как говорил Сергей Есенин, «Мир таинственный, мир мой древний...». Чобы запечатлеть этот мир во всей первозданности, без наносных деталей современности, художник выбрал благодатный, но



«Облако над хлебным полем», 1988 г. Бумага, пастель

и коварный материал – пастель. Эта техника предполагает быстроту исполнения (недаром в прежние времена служила заменой фотографии). Художник должен сразу, без права на ошибку, «увидеть» и просчитать все цветовые отношения, композицию и настрой картины – стереть или переписать уже невозможно, исправить можно на ранней стадии рисунка. Это было и плюсом, чтобы успеть «ухватить» вечно изменчивые состояния природы (некоторые пейзажи делались прямо в дороге, на руле машины). Но для этого надо иметь и мгновенную реакцию, и дар колориста, и мастерство обобщения. Известно, что пастелью можно и рисовать и живо-

писать (шедевром пастельной живописи остается знаменитая «Шоколадница»). В рисунке форма передается линией и штрихом и лишь подкрашивается несколькими тонами. Но можно создавать и настоящую живопись, воспроизводя всю сложнейшую гамму цвето-световых оттенков, когда линия и цвет перетекают друг в друга, – это волнующая вибрация штриха, особая бархатистость и многослойная глубина. Всерьез занявшись этой техникой, Калабухов сумел поднять пастельную живопись именно до такого уровня и еще более утвердился в своих убеждениях, приняв участие в выставке «Европастель» в Италии и Санкт-Петербурге в 2003 году, где



«Бессмертник», 1991 г. Холст, масло



«Слепой дождь на закате солнца», 1995 г. Бумага, пастель

увидел старинные пастели, хранящие «прекрасные мгновенья» на протяжении 200-300 лет.

На одной из последних персональных выставок в уфимском Центральном выставочном зале в июле 2017 года он представил, помимо портретов, серии пейзажей «Воскресенское», «Крымская сюита» и работы, сделанные за рубежом: результат творчества разных лет.

Пейзажи мягкие, подернутые легкой дымкой, со всеми иллюзиями легкого рассеянного света. Его способность увидеть главное, отмечая детали-«болтушки», – качество исконно сельского, «природного» человека, остро чувствующего «глагол земли» (опять есенинское выражение). «Показать неземную красоту именно **реальной** местности» – его цель. И как раз пастель наиболее родственна его характеру, интеллигентному и деликатному, но «азартному и ироничному», по мнению кого-то из зрителей. Если живопись маслом способна кричать, акварель – говорить вполголоса, карандаш – бормо-



«Пейзаж с сороками», 1978 г. Бумага, пастель

тать, то пастель Калабухова – словно почти шепчет, задушевно стихотворствует. До того негромко, что поступило предложение от высоких гостей приступить к более масштабным, «крупным»



«Облака», 2016 г. Бумага, пастель

произведениям. Но его работы и в таком формате по-своему эпичны, несмотря на их тихий лиризм. Взять хотя бы картину «Храм Тогуз-Темир», возникший как мираж на границе куюргазинских и оренбургских степей. «В его истории круто замешаны романтика и трагедия», – рассказывает Владимир Иванович. Эта «находка» так впечатлила художника, что он создал как бы двойник этого храма, но уже на небесной тверди – из фактурных, объемных облаков, иллюстрируя мысль о природе как о вечно изменчивом облаке; никогда не оставаясь одной и той же, она всегда остается собой.

Так и Владимир Калабухов остается верен самому себе, продолжая традиции пастельного пейзажа (вспомним пастели Левитана, Серова, Кустодиева, З. Серебряковой, для которой пастельная живопись до конца дней оставалась любимой техникой, и многих других мастеров). Заслуга Владимира Ивановича еще и в том, что он создал поистине многогранную творческую семью: и жена, и дочь Инна – замечательные художники, нашедшие свой путь. Подрастают внуки – и не приходится сомневаться, что их тоже ждут непростые дороги и просторы изобразительного искусства.

Текст: Эльвира Каримова

РАДИК ГАРИФУЛЛИН

«УЗНАВАЕМ В ДВИЖЕНИИ...»



«Последняя»,
2015 г.
Холст, акрил

Мы беседуем с Радиком Зуфаровичем Гарифуллиным – живописцем, графиком, членом Союза художников России с 1996 года.

– Когда и где вы родились?
– 3 октября 1959 года в Уфе.

– Расскажите о родителях, о ваших детских воспоминаниях.

– Родители переехали в Уфу из района. Работали оба на «Химпроме», мать – лаборанткой, отец, со временем окончив нефтяной техникум, стал начальником вспомогательного цеха № 31. В детских воспоминаниях – огромные тополя и запах химии. Как ни удивительно, он мне до сих пор нравится. Мы жили в одном из барачков по улице Войкова на территории «Химпрома». Отец приносил с работы рулоны тонкой, очень белой, разлинованной бума-

ги для диаграмм. Я рисовал на них. Не помню, что именно я рисовал, но помню это чувство, что моя идентичность – оставлять следы...

– Я правильно понимаю: идентичностью вы называете то, что свойственно лично вам и отличает вас от других?

– Да.

– Что вас подтолкнуло на путь художника?

– После армии закончил пищевой техникум. Проработал месяц техником-механиком на кондитерской фабрике. Дело не в величине зарплаты, а в рутине. Нет впечатлений никаких, ты привязан к этим станкам от звонка до звонка. А у меня в памяти, что родители так жили... Поступил в вечернюю художественную школу № 2, где тогда сразу после института начал преподавать Расих Ахметвалиев. Легко поступил, легко отучился.



«Четыре сосуда», 2004 г.
Холст, масло

– Но почему всё-таки художественная школа?
– Другого варианта для меня просто не было.

– На что вы жили, когда там учились?

– Я работал в Академии наук, художником-оформителем в магазине на Зорге, во вневедомственной охране.

– И параллельно работали над картинами?

– Да, дома. Мастерской тогда ещё не было. Начал участвовать в выставках «Чингиз-Хана». Кстати, работу, которую потом приобрела Третьяковская га-

лерия, я писал в 1992 году рядом с мусоропроводом из-за ее большого размера.

– Вот так и верь в фэн-шуй... К какому направлению живописи вы относите своё творчество?

– Сейчас это абстрактная живопись. Её интересуют только три вещи – цвет, форма и взаимодействие между ними.

– Расскажите об изменениях, которые произошли со временем в ваших полотнах.



*Груши, 2014 г.
Холст, масло*

– Мои более ранние работы узнаваемы по многочисленным картинам в одной картине. Ещё – по наслоению цветов. Я сейчас отказался от той тяжёлой техники, которую использовал много лет, когда накладывал слой краски, а потом счищал. Теперь накладываю, определенным образом перевожу обратную часть и наклеиваю на холст. Всё.

– А краска?

– Акрил, раньше маслом работал. Я для себя со временем сформулировал, почему выбрал именно абстрактную живопись. У меня есть собственный критерий: если, глядя на картину, то же самое можно донести до зрителя словами, то это к живописи имеет опосредованное отношение. Ещё Кандинский говорил, что абстрактная живопись ближе всего к музыке. Он стремился к тому, чтобы «зритель вращался в ней и самозабвенно растворялся», имея в виду картину.

Я не даю своему зрителю повода для ментала. Возможно, зрители видят свои мыслеобразы, защищаясь так от чистого созерцания. Но это делают не все.

– Как называлась ваша выставка, которая проходила в октябре 2017 года в «Мирасе»? Сколько работ там было представлено?

– NEW, 30 работ.

– Их покупали?

– Да.

– Ваши картины находятся не только в музеях, но и в частных коллекциях. Сколько их приобрел в свое время Юрий Григорович?

– У него более десяти моих работ.

– Что привлекает поклонников вашего таланта?



«9 кристаллов», 2017 г. Холст, акрил

– Я у Хайдара Кульбарисова спросил на открытии выставки, что он думает о моих последних работах. Он ответил: «Неожиданно». «А если бы ты меня не знал?», – спросил я. «Если бы я пришел сюда, не зная, что это твое, я бы довольно быстро понял, что в Уфе это только ты, скорее всего, мог сделать. Ты узнаваем в движении», – ответил Хайдар.

Теперь всё моё внимание сосредоточено на новой технике, там есть определенное продолжение, и я его начинаю нащупывать. Ещё есть желание поделиться опытом. В прошлом году возникла мысль о проекте «Сопромат». Желающие могут у меня научиться навыкам обращения с материалами, работе с цветом, фактурой.

– Не обязательно иметь художественное образование? Как попасть на ваши занятия?

– Нет. Информация о проекте – на моей страничке в Фейсбуке.

– Техника указывает вам путь?

– Она всегда меня вела. Художник должен позаботиться о «хорошем почерке», прежде чем что-то сказать человечеству.

Текст: Елена Синицына



«Флаг», 2014 г. Холст, масло



МИЛЯ ГАТАУЛЛИНА

ЧАЙ С ДУШИЦЕЙ ПОД МУЗЫКУ ДУШИ

*Непостижимая тайна останется той,
какой всегда была,
есть и будет – непостижимой.*

Поль Гоген

Милеуша Равилевна Гатауллина родилась в Уфе в 1971 г. Окончила Московский художественный институт им. В.И. Сурикова; стажировалась в творческих мастерских РАХ под руководством Алексея Шмаринова. Член Московского союза художников. С 1988 г. – участник более ста российских и зарубежных выставок.

Персональные выставки прошли в Уфе, в выставочном зале Союза художников и Доме-музее С.Т. Аксакова (2002 г.), Московском Музее современного искусства (2005 г.), выставочных залах МОСХ на Беговой (2009 г.), МСХ (2011 г.), Центральном Доме художника (2013 г.). Еще в 1993 г. картина художницы «Синие тени» на парижском аукционе Hotel Drouot была самым дорогим лотом коллекции российского изобразительного искусства.

Ряд работ хранится в Московском музее современного искусства, Башкирском государственном художественном музее им. М.В. Нестерова. В 2001 г. художница получила золотую медаль Российской академии художеств за серию живописи и графики, посвященной Башкирии, серебряную медаль Союза художников России.

Можно долго биться над загадками авторских техник, над духовными учителями и влияниями. Можно их объяснить и провести бесспорные параллели. Но волшебная тайна души, проступающая на холсте, все-таки не будет вполне раскрыта. Как музыка, у каждого мастера она – своя.

Живопись Мили Гатауллиной, строго очищенная от шелухи бытовых случайностей, гармонически подобрана в определенном ключе каждой картины, где любой из цветов сверкает предельной интенсивностью. Она МУЗЫКАЛЬНО осмысленна: «цвет – это музыка для глаз», по Фальку. Поющие пятна, заключенные в плавные, но прочные и точные графические контуры, находятся как будто вне времени и в своей системе координат. (Недаром Милеуша Равилевна стала призером выставки «Музыка в живописи», Москва – Лондон, 2001 г.).

Не пытаюсь подражать реальному трепету листвы или топоту толпы, ее музыка рождается, однако, из простых предметов и существ материального мира. Яблоко становится нотой, а натюрморт или пейзаж – песней или сонатой. Эта музыка непременно запоет внутри нас – знакомая и таинственная, как воспоминания детства или даже более ранние, до рождения. Ибо ее цветовая символика архетипична, первородна, исполнена древней силы. Вот лишь некоторые



«Зима прощается»,
2013 г.
Холст, масло

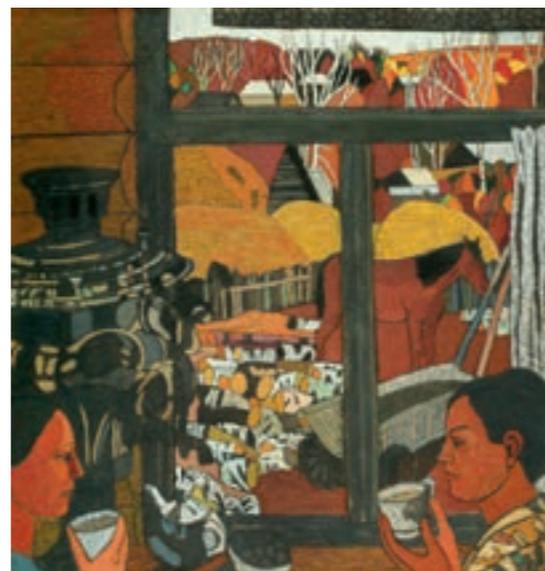
из ее символов. Красный – особенно на Востоке – любовь, рождение жизни, праздник, кровная связь (см. у Мили: красные коровы на закате, кувшины, косынки, рябины и яблоки). Желтый – солнце, яркое вдохновение лета (золото соломы и корзин, страстно любимые ею подсолнухи, спилы дров в поленнице, желтая охра степи, яблоки). Пламенное обаяние оранжевого – плодородие (осень, ярмарки, яблоки). Синий – то густой басовый, в пикку пронзительно-желтому, то легкий, как ранняя весна в родной деревне Карагуш. Веселый зеленый, со всеми его обертонами: весна, рост, нежность... и яблоки... Очень важен чёрный – самый «технический», на нем все ярче горит, это и мистика пустоты, и чувственность контуров. О белом говорит сама Милия: «Бе-

лое – подбирается сердцем... Это покров, крылья, забота, труд».

Семантика цвета различна в восточной и западной культурах, но в том-то и проявляется феномен этой художницы, взращённой на обеих, что и Европа и Азия оригинально и органично сплелись в ее творчестве в одну могучую стихию. У Гогена (да-да, опять он) символика цвета и особая плоскостная композиция объяснялись влиянием экзотических культур. Вольно или невольно, наша художница нашла тот же подход, но «настоянный на родной башкирской душе – матрешке». Уже долгие годы живя и работая в Москве, она верна бесхитростным сюжетам деревни, из пейзажей которой способна сделать яркое, ярмарочное или камерное по звучанию пред-



«Деревенский мотив», 2011 г. Холст, масло



«Горячий сладкий чай», 2010 г. Холст, масло

ставление. В композициях возможно и влияние японской гравюры, где за первым, очень крупным, планом идет сразу самый дальний; только вместо сакуры к самому лицу зрителя пригнулась рябина или яблоневая ветвь, а вместо Фудзи на горизонте – наш пейзаж сельских холмов. Во многих картинах очевидна декоративность и поэзия «гобеленового» стиля, где пригодились ее мастерство графика и монументалиста. Помните настенные коврики с оленями? Крупно-зернистая текстура холста, разбитный ритм «наивного» орнамента. Смелость и самостоятельность, присущие ей с детства, проявились в своеобразной организации пространства полотен. Полотно делится на ряд замкнутых плоскостей в соответствии с рисунком, каждая из которых заполняется определенным локальным цветом при почти полном отсутствии теней. Главное – это передать красоту мира, слиться с музыкой природы – пусть в самых необычных тонах и под иным углом зрения. Не оттого ли ее пластические метафоры так загадочно притягательны, как и взоры женщин, созер-

цающих нас со светлой задумчивостью с ее полотен? Все они имеют несомненное сходство с самой художницей. Она – словно презентатор родных традиций в столице, да и по всему миру, где побывали ее работы.

«Живопись учит смотреть и видеть; это вещи разные и редко совпадающие», – заметил Александр Блок. Взгляд Мили Гатауллиной поразительно глубоко проникает в сущность вещей. Вобрав в себя духовные ценности многих художественных культур – от иконописи и шедевров мастеров Возрождения, постимпрессионистов и искусства Востока до русского символизма и авангарда, она создала свой неповторимый, теплый и наполненный любовью ко всему живому мир. Если О. Розанову, Ф. Экстер, Н. Гончарову современники называли «амазонками русского авангарда», то ее можно было бы назвать «амазонкой постсоветского авангарда». Хотя ее живопись не содержит примет какого-либо реального времени, она философски остранена и плохо вписывается в рамки одного стиля. Например, евро-

пейские впечатления отозвались картинами совершенно «западными» – и по сюжету, и по духу («Монологи», «Клоуны», «Воспоминания о Венеции»).

Но все же главная тема – малая родина, что звучит в ее душе с детства и во все время жизни в Москве. Незабвенный вкус чая с душицей с родных полей, терпкая горечь чабреца и сырые осенние стога, весенняя распутица и призывное ржание лошадей. «Естественное и созданное цивилизацией познается в контрасте», – говорит художница.

Не так давно случилось волнующее событие и для нее, и для нас, зрителей. Молодая и полная творческих планов наша соотечественница в зените международной славы посетила родные пенаты, впервые почти за 15 лет, чтобы принести нам в своих картинах музыку своей души.

У Мили Гатауллиной – большой круг поклонников, постоянно открывающих в ее творчестве новые и легко узнаваемые картины родного края, природы. Поэтому она – одна из любимых художниц Башкирии. Очень хотелось бы, чтобы искусство будущего стало таким, каким видел его любимый ею Поль



«Детство». Холст, масло

Гоген: «Чудесное соединение всех сияющих садов в единый вертоград – цель эта как будто неуловима, но в то же время она вполне ясна». Именно этой цели служит и масштабный проект «Любимые художники Башкирии».

Текст: Эльвира Каримова



«Воробьиное утро». Холст, масло



Рамиль Рашидович Латыпов родился в 1952 г. в Уфе. С отличием окончил Уфимское училище искусств и Уфимский государственный институт искусств. Член Союза художников РФ, почетный член Британского Общества искусств. С 1974 г. участвует в художественных выставках. Его персональные выставки с успехом прошли в Великобритании в 1989–1994 гг.

Произведения Рамиля Латыпова хранятся в БГХМ им. М.В. Нестерова, Музее русского искусства в изгнании (Монжерон, Франция), Музее современного русского искусства (Джерси-Сити, США), «Дель Белло Галле-ри» (Торонто, Канада), Музее графики (Саппоро, Япония), ГСИ «Урал» МК РБ (Уфа); в коллекциях герцога Девонширского (Музей Chatsworth House, Англия), в частных собраниях в России, Австрии, Англии, Германии, Израиля, Италии, Испании, Канады, США, Франции, Швеции, Японии.

РАМИЛЬ ЛАТЫПОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЛАТЫПОВ

Самый длинный путь вокруг – это кратчайший путь домой.

Джеймс Джойс, «Улисс»

Он сам определяет свой стиль как фантастический реализм. Романтизм сюжета, сложная аллегория не противоречат виртуозному рисунку и тонкому колориту полотен Рамиля Латыпова, фантастическая драматургия которых уживается с крепкой реалистической школой. Размытость критериев в современном изобразительном искусстве обернулась появлением легиона псевдомастеров – «фантастов», выдающих свою беспомощность за творческий поиск. Наш разговор с Рамилем Латыповым, настоящим маэстро живописи и графики, коснулся и этой темы.

Р. Латыпов: «Железный занавес, как это ни парадоксально, имел свои положительные стороны. В России сохранилась академическая школа живописи и рисунка, она сегодня в основном утрачена на Западе. Впрочем, надо признать: как это ни печально, школа постепенно утрачивается и у нас».

Х. Кульбарисов: «Есть мнение, что иногда образование вредит художнику, не дает ему раскрепоститься. Художники – народ лукавый, чуть что – прячутся за своё «Я так вижу!»».



*«Новый Харон»,
2016 г.
Холст, масло*

Р. Латыпов: «Если ты профессионал, то должен владеть ремеслом. Столяру, не умеющему держать в руках молоток, даже собачью конуру никто не доверит».

Х. Кульбарисов: «Но ведь порой ученик остается в тени своего наставника, не в силах избавиться от его влияния».

Р. Латыпов: «А это уже зависит от масштаба личности, от жизненного опыта человека. Настоящей личности не страшны влияния. Рано или поздно талант выходит на свою орбиту. Я долго занимался восточными единоборствами. Это очень консервативное искусство. На стадии обучения буквально во всем копируешь учителя, стараешься всё делать как он, а спустя некоторое время обнаруживаешь черты собственного стиля, то, чему тебя никто никогда не учил. Так и в живописи – рано или поздно находишь собственный язык».

Х. Кульбарисов: «Рамиль, тебя считают и графиком, и живописцем. А кем считаешь себя ты сам?».

Р. Латыпов: «По образованию я живописец, а графикой увлекся на творческой даче в «Горячем ключе», где познакомился с замечательным мастером Андреем Геннадиевым, который открыл для меня мир эстампа. За несколько лет я освоил много техник, разработал собственную технику инкарели. Графика привлекает меня своим технологическим разнообразием. А вообще я считаю условным деление на живописцев и графиков. Скажи, кем, по-твоему был Рембрандт? И тем и другим. Или взять Михаила Шемякина. Он и живописец, и график, и скульптор, и как театральный художник работает».

Х. Кульбарисов: «Увлечение графикой сказалось на твоей живописи?».

Р. Латыпов: «Любой новый опыт, так или иначе, сказывается на твоём мышлении, а значит, и на



«Бриз II», 2011 г. Холст, масло

творчестве. Графика очень помогает в живописи: обостряет чувство линии, фактуры».

Итак, навыки работы в графике не мешают маэстро заниматься его живописными фантазмагориями. Можем поверить ему на слово, но те, кто внимательно следит за творчеством Рамиля, заметили: с тех пор, как художник увлекся эстампом, фактура многих работ стала богаче, силуэты – пластичнее, а работы – экспрессивнее. Новый опыт в композиции – панорамность, взгляд как бы одновременно со многих точек зрения – возможно, пришел к художнику с работой на телевидении: несколько лет он был главным художником ТВ РБ.

Рамиль много ездит по миру со своими выставками. Неоднократно бывал в Англии, Шотландии, США, Японии и Канаде. И всякий раз возвращение домой несет с собой особую пронзительную эмоцию. В этом пафос картины «Возвращение», посвя-



«Возвращение», 1998 г. Холст, масло.

щенной Н. Уайету. Прекрасна «Мисс Шотландия», своеобразная аллюзия на прерафаэлитов; посвящение Виктору Цою – заключенная в форму овала «бурная» композиция в японском стиле. Вообще, Рамиль нередко отталкивается от известных мифологических и библейских сюжетов, пересказывая их своим особенным языком, полным символов и «подводных» смыслов. Где-то слышатся боевые трубы западных саг и баллад, где-то на ум приходят строки из священного писания; и сюжеты, и жанры необыкновенно разнообразны.

Не все картины носят оптимистический характер («Харон II»). В этой – море из человеческих рук, протянутых к Харону, перевозящему мадонну с младенцем. Море человеческих рук несет самих себя на рифы, к собственной гибели. Холодок смерти не освежает, но бодрит. Тревожная красота окрестных берегов – мера тому, что было, есть и сбудется.



«Венок из одуванчиков», 2013 г.
Холст, масло



«В пустыне», 1998 г. Холст, масло

Описание каждой работы – сложное занятие, ведь зритель волен воспринимать зримые метафоры Латыпова согласно своим знаниям, чувствам и пристрастиям. Многим нравится именно отсутствие «сказки», но очень трогают его реалистические композиции, осо-

бенно на «родные» темы, полные безукоризненной правдивости деталей («Ткацкий станок»).

«Венок из одуванчиков»: в этом «поленовском» пейзаже старого дворика, одного из тех, что так любимы уфимцами, и чьи дни уже сочтены (это подчеркивают коробки многоэтажек на заднем плане), мы чувствуем беспощадный «зуб времени», подгрызающий былую прелесть действительности. Но все же пока во дворике – весна, и черемуха цветет, донося до нас волны горьковатого аромата, и ребенок в одуванчиках как ангел этого места, и оптимистическая радуга в майском небе, – жизнь продолжается.

Много путешествуя и по реальным странам мира, и по глубинным мирам своей фантазии, Рамиль Латыпов остается верен родной Уфе. Поэтому в проекте «Любимые художники Башкирии» он справедливо занимает одно из почетных мест.

Текст: Хайдар Кульбарисов



Лиана Мхитаровна Мкртчян родилась в 1988 г. в Ереване. Получила специальное образование в Уфимском училище искусств (дизайн, 2008 г.), в Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова (факультет живописи, 2014 г.).

С 2003 г. участвует в региональных, республиканских, всероссийских, международных выставках и художественных проектах, а также в благотворительных акциях.

В творческом активе художницы – 13 персональных выставок. Она – член Союза художников России с 2015 г. Дипломант III республиканской выставки-конкурса «Молодые художники Башкортостана» на лучшее произведение изобразительного искусства. Лауреат I степени международного конкурса «Палитра талантов» (2014, 2015 гг.).

ЛИАНА МКРТЧЯН

ЛИАНА И ГРАНАТ

*Вино старится – и в этом его будущее,
культура бродит, и в этом её молодость.
Берегите же свое искусство –
зарытый в землю узкий глиняный кувшин.*

*О. Мандельштам,
из очерков об Армении*

Культура бродит. Она бурлит, смешивается, играет и просится на волю. Где-то взрывается и обрушивается неожиданной стихией. Так на башкирскую землю было судьбою занесено, возвращено и превратилось в прекрасный экзотический плод «твердокровное» ереванское семечко, из страны, о которой поэт сказал, что ее «раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала». Львиное достоинство древней культуры и ее глубокие, уверенные краски поют хрустальными армянскими голосами и в Лианиных, ставших родными, башкирских мотивах, хотела бы она этого или нет. А в натюрмортах, среди заключенной в плавные контуры россыпи плодов всех мастей, где козырь – гранат, словно улыбается с белых рушников наша Адия Ситдикова («Осень – лето», 2016 г.). Для Лианы гранат – это как для Ситдиковой – медовые соты. Гранат – не только символ сердца, семьи, плодородия, родины, о котором говорит художница. (Вы видели его цветение? Кожистый цветок пламени в ломаных линиях безлистных ветвей – чистый авангард.) Гранат прекрасен как натуральный объект. Он многогранен и, подсохший слегка, по-человечески скуласт, угловат, как выдавший виды упрямец. Форма его – армянские сосуды, вазы. А как роскошен лопнув-



«Осень – лето».
Холст, масло

ший гранат, соблазнительно приоткрывающий рубиновые соты!

Я знаю одну талантливую девочку, у нее такие же неумные, нестерпимо чистые цвета, и она тоже армянка. Возможно, это генетическое цветовидение, когда фон вокруг – «лишь сурик да хриплая охра» – заставляет глаз «под другим солнцем» видеть цвет более обостренно, видеть контрастные отношения – любовь неподвижных желтых холмов к сумеречному небу и арабски балконов и людей. Это объемное шахматное видение в композиции, характерное для взгляда с горы, или, наоборот, – со дна узенькой ереванской улочки. Для маленькой Лианы живопись началась лет в пять, еще в Армении. На камне, на небольшом плоском камне, она нарисовала первый пейзаж в подарок своей маме – дерево, дом, горы. Камешек этот мама хранит до

сих пор: «С самого раннего детства Лиана всегда что-то мастерила, строила потрясающие кукольные дома из картона, любила шить». Лиана, в свою очередь, считает, что всем обязана маме. Родные рано поняли, что ее ожидает исключительно творческая судьба. В Ереване она брала первые уроки изоискусства в хорошей школе-студии, но масляная живопись открылась ей гораздо позже.

Она не мыслит своих работ без «каменных» и «глиняных» красок своей земли – и пространство белого холста прежде всего покрывает базовой умброй; уже на «заземленном» фоне она начинает композиции: так они «ярче горят». Любая спонтанная линия или пятно на этом поле может дать развитие сложному сюжету. Это очень символично – словно ее кистью водит некая высшая сила, душа самой земли, и такими случайно-



«Гранаты на белом».
Холст, масло

стями как раз создается своеобразие почерка. Какие-то моменты ее живописи принадлежат армянской художественной школе, это – в крови. Но не забудем, что в Уфимской академии искусств ей преподавал великолепный мастер авангардной композиции Михаил Алексеевич Назаров. И хотя она была очень внимательной ученицей, но всегда непроизвольно брала от своих любимых художников именно то, что казалось ей важным для собственного стиля. Вообще-то она думала стать дизайнером, и только после окончания Уфимской художественной школы № 2, поступив в Академию искусств в Уфе, в первый раз со страхом попробовала писать маслом. И это оказалась настолько «её» техника, что молодая художница погрузилась в «масло» с головой, сразу заявив о себе на многочисленных выставках и конкурсах.

Лиана предпочитает квадрат, формат ее картин почти всегда – «каре»: он устойчив, орнаментален (худож-



«Башкирская свадьба».
Холст, масло



«Единство». Холст, масло

ница любит орнаменты) и помогает уплотнить композицию, и без того очень плотную, когда одна реальность выглядывает из-за другой, прошлое теснится за настоящим («Старый Ереван», «Продавец симмитов и ванский кот», «Моя Армения» и др.) Как будто художница не хочет оставить без внимания ни одной подробности ценнейших воспоминаний армянского детства. Есть картины, выдержанные в лаконичном цветовом сочетании; это тоже обусловлено темой («Старая фотография», «Армянка» и др.) Картины последнего времени, в том числе и не на армянские сюжеты, где, вырвавшись из скреп – контуров, краски полыхают особой солнечной цветовой кутерьмой, жизнеутверждающей, полной всплесков веселья («Улов любимого мужа», «Девушка в платке» и др.).

У художницы множество горячих поклонников и в Башкирии, и в армянских кругах. Ее работы знают и в России, и за рубежом. Трудно не испытать на себе «араратское притяжение», и это остается на всю жизнь. (Начинаешь и сама чувствовать себя немного армянкой).

Замечательно, что творчество Лианы Мкртчян, где, как в сказочном зеркале, отражаются жизнь, природа и история великого народа, который старше римлян! – представляет нашу республику. Несмотря на молодость, художница справедливо попала в номинацию «Мастера» на сайте «Любимые художники Башкирии». Таланты не имеют границ – ни национальных, ни возрастных.

На своих мастер-классах и на уроках с детьми Лиана объясняет, что главное – не идеальные формы, к которым не возникает вопросов, но в линиях и цвете слушать, рисуя, свою душу, следовать ей, максимально развивая то, что дано Богом. Как делает всегда она сама – пишет душой на кончике кисти, на внутреннем фоне любви и к Армении, и к Башкирии, где растет ее прекрасный гранатовый сад, и где мы можем наблюдать за радостью наливающегося соком плода.

Текст: Эльвира Каримова



«На крыше». Холст, масло



Художник и музыкант Айдар Гавасович Альметов родился 14 ноября 1965 г. в Нефтекамске. В заголовок статьи вынесена строчка из песни «Добежать до рассвета» группы «Ансамбль Гагарин», солистом и автором текстов которой вот уже 10 лет является Айдар. Точнее, коллектив образовался еще раньше, во времена, когда Альметов держал художественную галерею в Уфе, в подвале на ул. Ленина; и галерея, и музыкальная группа назывались AiDart.

Галерея закрылась, а музыкальная группа была переименована 6 апреля 2008 г. на концерте в уфимском Джаз-клубе. На сегодняшний день у «Ансамбля Гагарин» на счету несколько сольных альбомов.

Как художник Айдар Альметов провел семь персональных выставок в Уфе и других городах Башкирии. Является членом Творческого союза художников России и Международной федерации художников ЮНЕСКО. Работы хранятся в частных коллекциях Италии, США, Греции и России.

АЙДАР АЛЬМЕТОВ:

«И душа, вроде, к Богу стремится,
но что-то мешает...»

– Между музыкой и рисованием я выбирал еще в детстве, – рассказывает Айдар. – Куда пойти: в музыкальную школу или в художественную? На обе дополнительные школы времени бы не хватило: я любил пошалить, побегать на улице, полазать по гаражам, повзрывать бомбочки и ракеты. К спорту особенно не тянулся, но занимался тем, что сейчас близко к паркуру, был очень подвижным. Любил также и посидеть с книжкой. С детства думал: стану художником. Ну и плюс музыкантом, конечно. В Нефтекамске, в местном универмаге, был большой музыкальный отдел, и там всё такое блестящее: медные дудки, гитары, барабаны – хотелось научиться на них играть.

– Семья творческая у вас?

– Нет, обычная трудовая семья. Папа – нефтяник, электрик по образованию, кабинетную работу он не любил, в поле обслуживал вышки. Мама – киномеханик, в детстве это ценилось, так как я мог посещать кинотеатр бесплатно. Я запомнил, как из будки киномеханика в кинотеатре «Маяк» смотрел черно-белые фильмы. Мама прекрасно пела и танцевала, активно участвовала в художественной самодеятельности, а папа рисовал шариковой ручкой, у него это достаточно уверенно получалось. Он поддержал меня, когда я выбрал художественную



«Пророк Иона во чреве кита».
Холст, масло

школу. И когда я окончил 8 классов обычной школы и 4 класса художественной, встал вопрос: продолжать ли обучение до десятого класса или сразу идти куда-то. Учился я прилично, по математике четверку вытягивал, по другим предметам тоже хорошо. Но дисциплина хромала, часто дрался, в числе трудных подростков состоял. Обычным пацаном был, который рос в дворовых условиях и мог за себя постоять. Если кто-то лез с кулаками, я отвечал тем же. Из-за дисциплины я и ушел из школы после восьмого класса. Папа настаивал на нефтяном техникуме, а я хотел быть художником. Но и тяга к технике у меня присутствовала. А тут как-то приходит мама с автозавода и говорит: «Сынок, есть в Минске автомеханический техникум, там наладчиков станков с ЧПУ готовят». А я всегда был «задвинут» на фанта-

стике, любил читать про роботов, про вселенную и космические путешествия, увлекался астрономией очень, и мне так туда сразу захотелось! Я представил себя в белом халате, вокруг блестящие роботы, а я хожу с отверткой и что-то у них подкручиваю. Станок с ЧПУ (числовое программное управление) – тот же робот, по сути. К тому же – город-герой Минск, а там – белорусские партизаны, о которых я читал в книжках про войну: как не поехать? Четыре года отучился в том техникуме, получил диплом наладчика станков с ЧПУ, но честно скажу – не моё это. Зато там у меня появилась первая музыкальная команда, которая называлась «07-08», я играл на гитаре и пел. Мы выступали на творческих вечерах, пели Кузьмина, популярный репертуар различных ВИА того времени и одну песню собственного со-

чинения. А еще я там много рисовал. Мне было всё интересно: белорусская столица, новый для меня город, я ходил с открытым ртом, в первый раз прокатился на троллейбусе и, знаете, очень удивился, когда услышал там нецензурную брань: какие-то работяги ехали, общались и матерились при этом. Я думал: как же так, это же Минск! Несмотря на хулиганское поведение, я внутри оставался чистым ребенком, книжным мальчиком. Да и кино у нас в то время сплошь культурное было, поэтому я и думал, что ругаются только в провинции.

После окончания техникума вернулся в Нефтекамск. Пошел работать на автозавод в бюро станков с ЧПУ, и выяснилось, что специалист из меня никакой. Что поделаешь, гуманитарий я по натуре. Потом пришла повестка в армию. Сначала попал в учебку внутренних войск в г. Шауляй в Литве, а поскольку у меня техническое образование, сразу сказали: будешь радиомастером. В итоге я, радиомастер III разряда, должен был ремонтировать радиостанции малой мощности. Но и это у меня не очень получалось.

– Долго же вас несло не в свою стезю...

– Да, меня туда-сюда мотало, хотя, в принципе, всегда рисовал и всегда пел. После учебки меня распределили в Донецкий оперативный батальон внутренних войск, который в то время находился в Чернобыле. Это был 1986 год. 26 апреля случилась авария на Чернобыльской АЭС, а 11 мая я уже был там, охранял 30-километровую зону. Пробыл я там чуть больше недели и вместе с частью вернулся в Донецк, где стал радиомастером. Слава Богу, серьезных поломок во время моей службы не случилось, не пришлось доказывать свой непрофессионализм. А после армии – снова в Нефтекамск, снова на автозавод. Тогда по трудовому кодексу как было: откуда призвался, туда должен вернуться. Но началась перестройка, и я стал задумываться: нужен ли я тут вообще, что я вообще сделал в жизни? Пришел к начальнику, попросился в цех. Встал за токарный станок с ЧПУ. И начал спиваться. А что еще делать на нефтекамском заводе после армии? Один раз меня станок так зажал, что я чуть руки не лишился. Дурак, конечно. Мимо бригадир про-



«Жук». Холст, масло

ходил, успел остановить механизм, а сам я до кнопки бы не дотянулся. Подумал, наконец: какие перспективы в такой жизни? Никаких. И тут вижу объявление в нефтекамской газете о наборе на худграф на подготовительное отделение пединститута в Уфе. Я понял: вот, надо ехать. И поехал, поступил, хотя конкурс был высокий. Отучился 6 месяцев на рабфаке, стал студентом первого курса, а через 5 лет получил диплом. С тех пор стезя, наконец-то, своя. Остался в Уфе, работал 12 лет в Башкирской государственной филармонии им. Х. Ахметова художником-постановщиком, а начинал там как художник-рекламист. В это же время, наконец-то, начал писать самостоятельно, взялся за кисть. И песни сочинял постоянно, пел их в компаниях под гитару.

– У вас есть серия картин в одном стиле с тематикой «существо и его оболочка» и «двойственная сущность существа». Как вы вышли на такие темы?

– Форма и содержание, они об этом, наверное. Форма – внешняя оболочка, а содержание может быть совершенно другим. Я не знаю, как оно пришло. Помню первую картину в таком плане – «Дракон»: человек стоит на руках и он же – двухголовый дракон. Какое-

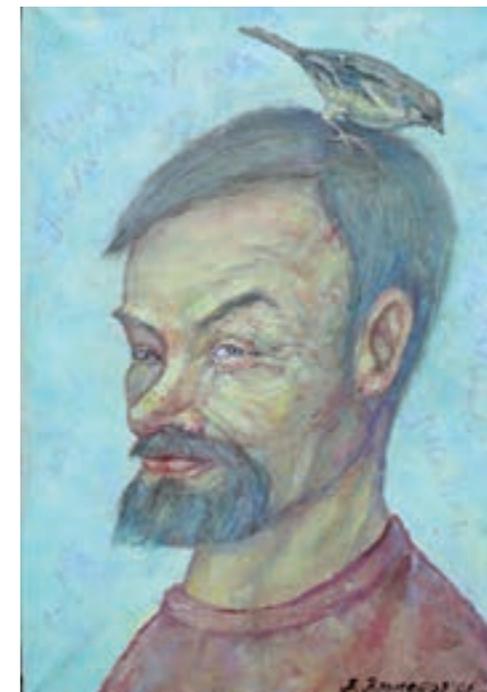


«Портрет художника В. Жигулина». Холст, масло

то время я потом развивал эту тему, но в итоге стало неинтересно. В последнее время я пишу портреты, не только заказные, больше – портреты друзей, хочу выставку портретов сделать, но половину из них я уже раздарил, не получается из меня коммерсант и стратег.

– Погодите, портреты портретами, но вот эти картины, про оболочку и содержание, – вы в них мыслите. То же самое вы делаете в песнях, когда пишете текст. Вы теперь совсем отошли от картин-размышлений или рисуете на другие темы, которые я просто пока еще не видела?

– Я больше не вкладываю интеллектуальный подтекст в картины. Считаю: было и было, надо очередную ступеньку перешагнуть. В последнее время меня привлекает реализм. Теперь я бы писал бытовые жанровые сцены, передающие современность. Над этим надо поработать еще. Обычный художник-реа-



«Портрет художника А. Королевского». Холст, масло

лист – вот что меня сейчас привлекает. Чаше бывает, когда художник начинает с академической живописи, а затем уходит в авангард. У меня – наоборот. А сейчас я икону пишу. Знакомый иконописец предложил заказ, и я взялся. Для меня это не просто очередное испытание. Я сам православный, крещеный.

– Вы поете: «Я – та сила, которая катится к черту, желая творить добро».

– Да, это было раньше. Очень многое во мне поменялось после принятия православия в 2014 году. Меня перед тем чуть не убили прямо здесь, в мастерской. Я сюда только въехал и делал ремонт, и повадились ко мне местные сантехники ходить, которые, сидя без работы, часто выпивали. Они же зашли и на Новый год. Мы сидели, отмечали, конфликта не было. Я думал, у нас нормальные приятельские отношения. Но среди них был человек, отсидевший в



«Портрет Руслана». Холст, масло

тюрьме. Не знаю, может, я наивным так и остался, но верил: если показать людям картины, спеть для них песни, то они от этого станут лучше. Мы выпивали, я играл на гитаре, и драка с их стороны вспыхнула ни с того ни с сего. Он стал просто меня убивать: вломил по голове, ногу сломал. И убил бы, но спас друг – проходил мимо и начал долбиться в окошко. И потом, пролежав в больнице на вытяжке 21 день, я понял, что так жить больше нельзя. И сразу, как выписали, поехал к отцу Андрею в Нефтекамск, с которым мы познакомились на одном из моих концертов. Он сказал: «Приехал? А я боялся, что тебя убьют». Вот так я и стал православным. В крещении меня зовут Иоанн. С тех пор все встало на свое место. На самом деле, я сейчас даже благодарен тем, дворовым. Я понял,

что это сверху, предупреждение. Теперь понимаю, насколько был не прав, когда жил так и был уверен, что именно такой, полупьяный, образ жизни соответствует творческой личности. Что все мы такие, что любой творческий человек так устроен.

– «Душа, вроде, к Богу стремится, но что-то мешает»?

– Теперь ничего не мешает. Нет, мешают, конечно, лень и собственное несовершенство. Многие остались с того времени, когда я был другим человеком, бываю и раздражительным иногда, срываюсь на близких, но, к счастью, это все реже и реже. Я стараюсь быть чище и, надеюсь, с тех пор тексты песен стали светлее.

– Вы упомянули, что пишете икону сейчас, теперь это обретает особенный смысл.

– Я пишу икону своего святого – Иоанна Златоуста, пишу не для себя, а по заказу, для мальчика, которого тоже зовут по крещению Иоанн. Это моя первая икона, и не знаю, как так совпало, что на ней будет изображен именно мой святой. Стараюсь сделать ее как можно лучше. Это не живопись в обычном смысле, требуются большая тщательность и проработка деталей. А еще я занялся своим музыкальным образованием, поступил в институт искусств, пока на подготовительное отделение по классу джазовой гитары, более или менее успешно закончил первый курс. Многие спрашивают: ты чего, ты же умеешь играть на гитаре! Как выяснилось – не умею. Я не знал нот, сочинял музыку по наитию, используя гитарные аккорды. Хочу научиться записывать произведения в ноты, правильно аранжировать, лучше играть на гитаре.

– У меня возникло ощущение, что вы в самом начале своего настоящего пути – и музыкального, и художественного.

– Вы знаете, почти в 50 лет я почувствовал, что начал новую жизнь. До этого крутило-вертело. Представляете, только сейчас я исполнил детскую мечту – прыгнул с парашютом.

Текст: Надежда Смирнова

АЛЬБЕРТ ХАБИБУЛЛИН:

«Я хочу показать то, что хочу показать, а не то, что потом просто признают грамотно написанным...»

– Альберт, скажите, когда и где вы родились?

– Родился я, как и многие, в СССР. Если точнее, то в Гузарском районе Узбекской АССР, в поселке нефтяников, который назывался Нефтеразведка. 29 мая 1969 года.

Родители туда уехали молодыми. Потом, когда мне ещё трех лет не было, они вернулись обратно в Башкирию. У меня отец и мать – из многодетных семей. Считалось, что отец, как самый младший, должен был приехать за бабушкой смотреть, поскольку все братья к тому времени разъехались. В Белебее первое время мы жили в общежитии, потом в бараке, и, уже когда я учился в начальных классах, нам дали двухкомнатную квартиру.

– В вашей семье кроме вас ещё кто-то рисовал?

– Отец у меня художником-оформителем служил в армии в Казахстане, в районе Иссык-Куля, потом, уже в Гузаре, работал в Доме культуры. Он там и кинемехаником был, и художником, и ещё кем-то.

– Получается, способности от папы передались?

– Скорее всего. Когда мы переехали в Белебей, в начале 70-х, отец устроился в ПМК, в трест ШНС (Шкаповнефтестрой), который тогда был крупней-



Художник Альберт Фагимович Хабибуллин – заведующий Художественной галереей МБУК «Историко-краеведческий музей» муниципального Белебеевского района Республики Башкортостан, руководитель народного коллектива клуба самодеятельных художников «Родник». Член Творческого Союза художников Республики Башкортостан и России, председатель западного отделения Творческого Союза художников РБ и России.

Участник российских и международных выставок. Организатор и участник АРТ-пленэра «Серебряный родник» (с. Слакбаш, Белебеевский район, 2016 г.), АРТ-пленэра «Серебряный родник» (с. Усень-Ивановское, Белебеевский район, 2017 г.), АРТ-пленэра «Цветавский костер» (2017 г.); участник АРТ-пленэра «АРТ-путь» (санаторий «Зеленая роща», г. Уфа, 2016 г.), АРТ-пленэра в г. Ишимбае (2017 г.).

Работы находятся во многих городах, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Тегеране (Иран), Уфе, Сыктывкаре, Краснодаре, Набережных Челнах, Владивостоке, Елабуге, Стерлитамаке.



«Весенний день
в Знаменке», 2013 г.
Холст, масло

шей строительной организацией. Трест и Салават строил, и Кандры, и Октябрьский. Везде они работали. Помню, у них было подвальное помещение, там же, где и красный уголок. Хорошо помнятся устойчивый запах бензина, ведра с кисточками, всё – в красках, плакатах.

Город ещё не успел разрастись, инфраструктура оставляла желать лучшего, развлекаться было негде. Вот я и бегал к отцу в мастерскую, в подвал. Тогда как было? Или ты рисуешь, или музыкой занимаешься. Выраженных музыкальных способностей у меня не обнаружилось, да меня и не тянуло особо в эту область, хотя музыкальная школа располагалась в соседнем бараке. Я рисовал, а отец смотрел, что получается. Потом лепкой сильно увлекся, и снова первым моим учителем стал отец. Рассказывал, на-

пример, как того же лебедя слепить. Тогда и игрушки-то были в дефиците, особенно в провинциальных городах. Лепили солдатиков из пластилина вместе с двоюродным братом. Смотрели фильмы о Гражданской и Великой Отечественной войне и лепили.

– А ваш сын?

– Сын обучался игре на баяне, окончил музыкальную школу. Рисовать не хочет, хотя задатки есть. Когда в средних классах учился, композиционные решения очень хорошо получались. Пришлось ему пятерки ставить по рисованию. Преподавал я тогда в башкирской гимназии.

– Художественную школу окончили?

– Да, тогда начал активно развиваться БелЗАН, который до сих пор изготавливает крепежные дета-

ли АвтоВАЗу и концерну КАМАЗ. Город рос, и мы переехали в новую пятиэтажку, а в ней располагалась Белебеевская художественная школа. Отец знал там всех художников и отправил меня сразу в первый класс, а не в подготовительный.

В первый же день меня встретила Софья Аппельганц, о которой до сих пор храню самые теплые воспоминания как об отличном профессионале и мощном преподавателе академической школы, имевшей глубокие познания в истории культуры и искусства. Сейчас она живет в Германии. Там вообще сильные учителя были – директор школы Николай Данилович Кубышкин, Юлий Борисович Байков. Старая советская школа.

Потом я поступил в Белебеевский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства, получил специальность техника-механика. После окончания техникума продолжил обучение в Башкирском государственном аграрном университете по специальности «инженер лесного и садово-паркового хозяйства». Сейчас таких специалистов выпускает кафедра лесоводства и ландшафтного дизайна факультета агротехнологий и лесного хозяйства. А в 2017 году дистанционно окончил Бирский филиал БГУ по специальности «преподаватель, учитель ИЗО».

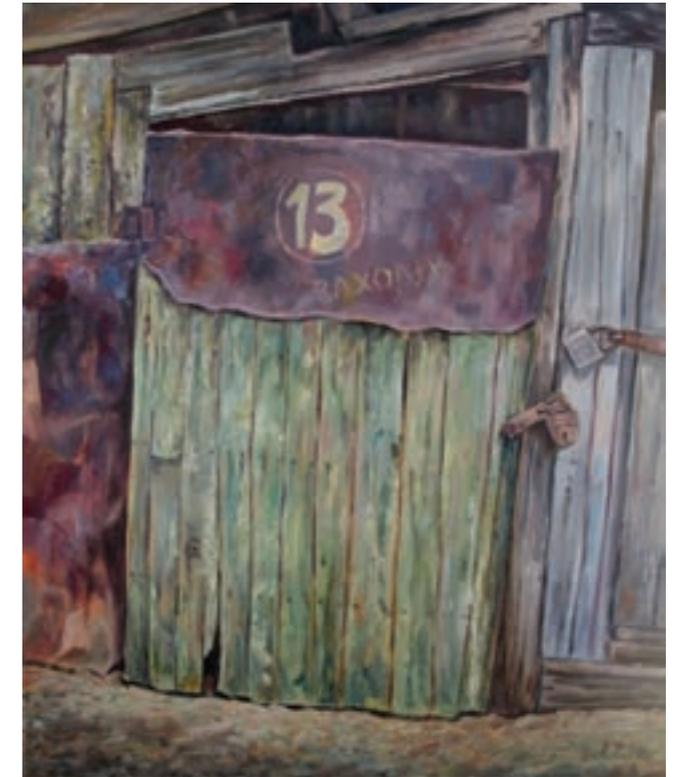
Сейчас работаю заведующим Художественной галереи МБУК «Историко-краеведческий музей» муниципального района Белебеевский район Республики Башкортостан. Помимо этого, руковожу народным коллективом клуба самодельных художников «Родник», где есть также и профессионалы.

– Вы не боитесь сложных тем в своих картинах. Жизненный опыт сказывается?

– И жизнь, и книги. Жизнь сводила с самыми разными людьми: от рабочих до высших чиновников. Меня учили анализировать, делать анализ происходящего.

– Где учили?

– В Башкирском государственном аграрном университете. И не только.



«Заходи», 2016 г. Холст, масло

У меня всегда были очень хорошие учителя. В их числе – ныне покойный Виталий Федорович Никитин, преподававший в Шолоховском университете в Инорсе (Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова в Уфе). Он приезжал несколько раз в нашу галерею, давал мастер-классы. Считаю его умнейшим российским теоретиком в области изобразительного искусства. Буквально за неделю до его смерти у нас была отчетная выставка в «Уjade», которую Виталий Федорович успел посетить.

– У вас очень умные, метафоричные работы. Какую технику вы можете назвать самой любимой? Масло?

– Стараюсь вообще на одной технике не заикливаться. У меня есть, например, инсталляции из ме-



«Свитер Пита Мондриана». Холст, масло

талла. Сварочным аппаратом такие фигуры делал. Показывал Василию Ханнанову, ему понравились. А он врать не будет. Скульптуру стараюсь не бросать. Есть у меня несколько небольших по размеру работ, одна посвящена Дворнику. Графику пробую. Да и в масляной живописи тоже применяю разные стили. Работаю не только с пейзажем, хотя это мое направление основное. Вот эти старые заброшенные дома, покосившиеся заборы... Интересно. Нравится мне дух этот деревенский. Может, оттого, что в деревне детство прошло.

Недавно «наив» попробовал, несколько моих работ прошло на республиканскую выставку, которую организует галерея «Урал». Как ни странно, «наив» – очень тяжелое, сложное направление, потому что

его проще писать человеку, не обремененному образованием.

Мне в «наиве» интересны композиционное решение и сам смысл работы, а на ошибки стили в цветовой гамме, в тоне я уже не обращаю внимания. Для меня главное – смысл, который я хочу донести до зрителя в этой работе. Можно придираться к цветовому решению картины, заикаться на этом, а смысл – ускользнет. Преподаватели этим особенно грешат. Я хочу показать то, что хочу показать, а не то, что потом просто признают грамотно написанным. Когда с головой уходишь в смыслы, можешь сделать ошибки в цвете. Но для меня основное – «родить» эту картину надо.

То, что сделал для персональной выставки «Башкортостан в зеркале истории», вообще ни в какие каноны не укладывается. Никто этот стиль не может определить. Корни видят, говорят, что сочетает черты многих «артов».

– Как процесс рождения картины происходит именно у вас?

– У меня вот бывает так – внезапно приходит в голову мысль, часто даже во сне. Естественно, не будешь вставать ночью, чтобы эскиз сделать. Просто пишешь набор слов – «небо, вода, танк», к примеру.

– Какие книги вас вдохновляют?

– В последнее время ничего особо серьезного не читал, вот Бориса Акунина всего прочел, кроме «Пелагеи». Мне интересно читать об изобразительном искусстве – история, направления живописи, модернизм, абстракционизм, Энди Уорхол, Том Вессельман, наш Эрик Булатов. Стараюсь при любой возможности учиться у маститых художников.

Надо учитывать, что сам я относительно недавно стал заниматься живописью профессионально, года с 2012-го, когда пришел в художественную галерею. Не знаю, как все дальше сложится, но много интересных проектов уже запланировано на 2018 год, и в первую очередь – дальнейшее проведение арт-пленэров.

В прошлом году провели цикл пленэров в Белебеевском районе. Художники приезжают из самых разных городов России – Елабуги, Уфы, Екатеринбург, Самары. В 2016 году из Казахстана приезжали. Начали с литературного цикла. В село Слакбаш, связанное с творчеством Константина Иванова, в конце мая 2016 года выехали. В 2017 году арт-пленэр организовали в селе Усень-Ивановское, где отдыхала со своим женихом Марина Цветаева. В следующем году проводим его в селе Надеждино, где прошли детские годы Сергея Тимофеевича Аксакова.

– Цель пленэров в чем состоит? Это просто площадка для общения творческих людей?

– Пропаганда изобразительного искусства. Обмен опытом и развитие сотрудничества в данной области.

– И литературы?

– И литературы. Это надо видеть: мы для местных жителей как космонавты были! Радовались они, глядя на картины: кто-то свой дом узнавал, кто-то места знакомые. Как дети малые, бабульки особенно! Интересно было наблюдать.

– Как вообще сама идея зародилась в Башкирии этих вот арт-пленэров?

– Хотел разнообразить культурную жизнь муниципального района. Показать удивительную красоту нашего края в работах профессиональных художников.

На следующий год, к 70-летию города Салавата, совместно с Салаватской картинной галереей планируем организовать выставку с видами города, часть работ после окончания которой передать в дар муниципалитету. Такие мероприятия как раз помогут развитию изобразительного искусства в малых городах. Одно поколение придет, другое уйдет. Молодые гордиться будут, что работы таких художников остались на их родине. Так что приглашаем всех художников поучаствовать в данном проекте.

– Что вы думаете о проекте «Любимые художники Башкирии»?



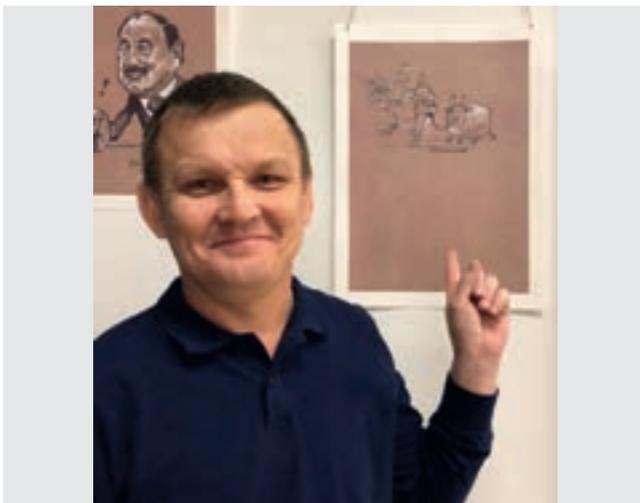
«Время», 2016 г. Холст, масло

– Пришел тот момент, который Наиль Махмутов вовремя поймал. Я бы, наверное, при жизни ему памятник поставил. Этим проектом Наиль хочет, как я полагаю, изменить сложившееся стереотипное и не очень лестное отношение к художникам в целом.

Надо ещё учитывать, что кто-то из художников скромнен, в себе сомневается, а кто-то – наоборот. В Уфе проще – художники встретились, переговорили между собой, обсудили что-либо. В провинциальных городах по-другому, тяжелее в плане профессионального общения. Я уже не говорю про сельские районы, где, если повезет, один художник на несколько сел. И он крутится в этой своей «каше», крутится, кроме собственных картин ничего не видит. Учиться ему не у кого, подсказать некому, и у него уже складывается мнение, что он великий такой... Потом удивляется замечаниям, когда выставляется в Уфе.

Так что данный проект может изменить ситуацию к лучшему.

Текст: Елена Синицына



Художник-карикатурист Камилль Радикович Бузыкаев – признанный мастер художественной провокации; он также – автор скульптур, малых архитектурных форм, росписи, барельефов и мозаики. Член Творческого Союза художников Республики Башкортостан и России.

– Камилль, ваша популярность стремительно набирает обороты, в ноябре открылась первая персональная выставка, вызвавшая заметный резонанс. В чем, на ваш взгляд, причина такого «взрывного роста»?

– Можно сказать, я как некий клапан – сбрасываю напряжение в обществе. Согласитесь, когда человек уже посмеялся над ситуацией, он ее внутри себя закрывает, и с того момента она его больше не мучает.

– Получается, что карикатуры снижают уровень агрессии в обществе?

– Разумеется. Чувство юмора у многих, к счастью, присутствует. В условиях, когда народ практически лишен возможности выбирать и реально формировать политику государства, в отличие, к примеру, от начала девяностых, я даю возможность людям хотя бы посмеяться над происходящим.

КАМИЛЬ БУЗЫКАЕВ:

«Я живописец своей эпохи и фиксирую то, что происходит вокруг. У меня такой способ реагировать на происходящее...»

Приходится часто слышать: «Ты унижаешь людей, втоптываешь их в грязь, выставляешь в неприглядном свете». А не надо подставляться! И потом – у каждого есть выбор, как относиться к сатире в свой адрес. Приведу пример. Ирек Ялалов, которого я довольно зло критиковал за ситуацию с уборкой снега весной, как выяснилось, не только не возмутился этим, но, напротив, позитивно воспринял, что администрации города указывают на конкретные недостатки в работе. Он с легкостью посмеялся в том числе и над собой, чем меня просто восхитил.

Я понимаю, что иногда перегибаю палку в силу своей эмоциональности, что для художника вполне естественно, кстати. Но мне далеко не безразлично, что останется после меня. Сейчас мало кто читает тексты дальше второго абзаца, а рисунки смотрят с удовольствием, и они наверняка останутся. Я живописец своей эпохи и фиксирую то, что происходит вокруг. У меня такой способ реагировать на происходящее. Рисунки просто всплывают в моей голове. Да, можно отвлечься, занять себя чем-то другим, но я так делать не собираюсь.

Давно, когда я еще жил в Учалах, встретил на улице своего преподавателя по рисунку. Он мне говорит: «Камилль, ты же у меня самый талантливый студент, как я рад, что тебя встретил! Ну, рассказы-



Карикатура, 2017 г.
Крафтовая бумага, тушь, перо

вай, чем занимаешься». А я ему с гордостью отвечаю, что у меня есть своя кузница, что на днях делал крышу Пенсионному фонду, стелы по моим формам отливают. Он так на меня грустно посмотрел и говорит: «Это же совсем не то, чем ты должен заниматься, Камилль. Мы все когда-нибудь умрем, и Создатель призовет тебя к себе. Он тебе такие способности давал! А ты на что их потратил? Крыши крыл, заборы строил? Что ты ему ответишь?». Я как-то растерялся, признаюсь, не привык к критике. Мы обменялись телефонами, стали больше встречаться, и со временем он нашел для меня оправдание: «Я понял, ты закладываешь фундамент, работая в базисе, чтоб потом заниматься творчеством». В своих глазах... не в моих. Свой весьма успешный рекламный бизнес я не оставил, но этюдник новый купил.

– Изначально вы рисовали карикатуры, не преследуя меркантильных интересов?

– Конечно, это сейчас стало модным их покупать и дарить. Вот они и «разлетаются» по частным коллекциям. Есть и в Америке, и в Швеции, и в Германии. Рисую первых лиц республик и государств, известных спортсменов, юмористов вроде Слепакова и Галыгина.

– И получаете отклики. Даже австралийский журналист, по словам Forbes, «руководитель крупнейшего в истории шпионского проекта» Джулиан Ассанж, согласился с вашим видением ситуации в Каталонии. Так?

– Да, он сделал репост моей работы в Twitter, о чем многие российские СМИ тут же написали. Отклик вообще идет мгновенный. Есть же теория шести рукопожатий, но сейчас, благодаря развитию Интернета и соцсетей, по моему мнению, эти шесть рукопожатий сократились максимум до двух. Как только карикатура выложена в сеть, ее герои сразу



«Юрий Шевчук», 2017 г. Крафтовая бумага, тушь, перо

проявляют интерес и к ней, и ко мне как автору. Скажем откровенно, людей, кроме них самих, мало что вообще трогает. Еще мне письма стали приходиться, прямо как Сталину (смеется), где советуют обратить внимание на то или иное событие, которое просто напрашивается в качестве сюжета для карикатуры. Пишут по поводу спорта, неубранных дорог, вороватых чиновников. В основном, «чернуха», а жаль, хотелось бы побольше позитивных поводов.

– Ваши рисунки и в детстве вызывали непредсказуемую реакцию?

– Можно сказать и так; сколько себя помню, столько и рисую. Это от родителей передалось, они оба имели способности к рисованию. Другое дело, что папа и мама не располагали возможностями обучиться азам рисунка и живописи, которую мне со временем обеспечили. С дедом смешная история была. Дед брал меня с собой на работу в лес: он лесником был. И вот в один прекрасный момент брать перестал. Я говорю: «А почему не берешь-то больше меня?». «Рисуй поменьше!», – и рисунок показывает, где изображены лес, лошадь, сани, я в санях и дед стоит, и у него бутылка в руке. Бабушка высказалась, похоже, что она думает об этом сюжете.

– Сколько вам лет было? У вас уже тогда карикатуры получались?

– Года четыре. Нет, тогда просто рисунок был, старался точнее изобразить. Карикатуры начал рисовать позже, уже в художественной школе-интернате, которая на улице Кувыкина.

– Как вы в Уфу попали?

– Я родился в Учалинском районе в июле 1968 года. Какое-то время там и учился, но учителя в один голос говорили о моих способностях, и родители отправили меня в Уфу в результате.

– В Учалинском районе, насколько мне известно, яшму добывают?

– Район очень богат и золотом, и яшмой – столько этого камня нигде нет в мире вообще. Моя дипломная работа была – письменный прибор из яшмы. Комиссия пришла в восторг, они первый раз увидели, что такое можно из камня сотворить. Этот прибор на столе у декана стоит до сих пор, вот уже почти 30 лет.

– Декана пединститута?

– Да, у Масалимова Талгата Хасановича. Я закончил худграф Башгоспединститута, получил там специальность преподавателя рисования и черчения.



«Рейтинг мэров России», 2017 г. Крафтовая бумага, тушь, перо



«Солнечный парк», 2015 г. Граффити, Набережные Челны, акрил по бетону

– Кого своими Учителями считаете?

– Вот Масалимова и считаю. Ещё Лидию Михайловну Стратонову. В школе она преподавала рисунок, а в институте – дизайн. Я всегда с открытым ртом ее слушал. Мавлит Рамазанович Халилов: он и в школе преподавал, и сейчас я с ним советуюсь.

– Как вы оцениваете способности ваших детей к живописи?

– Это только по наследству и передается: если не от мамы с папой, то наверняка – от деда или прадеда. По-другому не бывает. По себе сужу: кроме меня ещё в семье брат и две сестры, мы все рисуем, и все дети у меня рисуют. Особенно дочери, дар у них уже ярко выражен. Пацанам же все некогда! В младшей вообще себя узнаю: она может усесться и рисовать часов пять подряд не прерываясь, забывая обо всем.

– Как вы в детстве?

– Да не только в детстве, всегда. Как в любом деле – или мучительно заставляешь себя, или погружаешься в процесс и кайф ловишь.

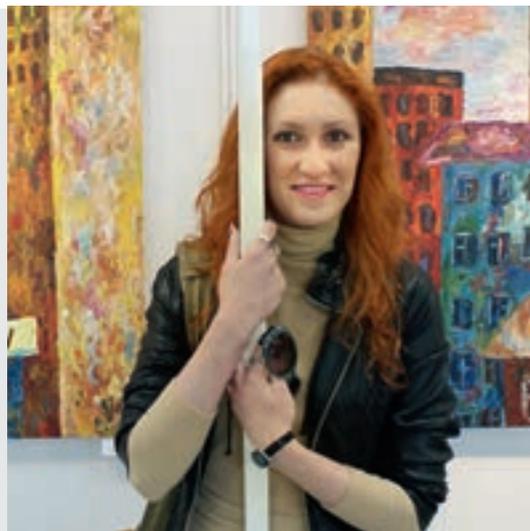
– Что можете сказать о проекте «Любимые художники Башкирии»?

– Вижу в этом проекте огромный смысл. Наиль Махмутов меня удивил: ведь можно вообще ничего не делать, не составлять никаких рейтингов, не заниматься этим титаническим трудом. Никто же не заставляет! Но, что бы там ни говорили, любому художнику очень важна оценка его деятельности. Вот он 30 «лайков» получит сегодня на сайте и будет точно знать, что этим людям «железно» его картины понравились. 30 человек оценили то, что он делает.



«Прожектор Перис Хилтон». Крафтовая бумага, тушь, перо

Текст: Елена Синицына



Рената Евгеньевна Малюткина родилась 5 мая 1982 г. в Узбекистане в г. Ленинске Андиганской области и сразу после рождения была перевезена в Уфу.

Состоит в родстве с С.В. Малютиним, написавшим первую русскую матрешку (картины художника хранятся в Третьяковской галерее). Воспитывалась в творческой атмосфере, в гостях у семьи часто бывали художники, актеры, музыканты. Профессиональное художественное образование получила на отделении живописи в Уфимском училище искусств (1997–2002 гг.), позже окончила филологический факультет Башкирского государственного университета (2009 г.). Соискатель ученой степени кандидата филологических наук (Кафедра истории русской литературы XX в.). Участник городских, республиканских, региональных, межрегиональных, всероссийских, международных выставок и художественных проектов.

Живет и работает в Уфе.

– Рената Евгеньевна, не могу не спросить о вашем детстве. Первое, что я подумала, узнав о ваших знаменитых родственниках и вашей персональной выставке в 6 лет: «как, должно быть, непросто этому человеку». Что бы вы ни создали, какой бы ни написали шедевр в 20, 30, 50 лет, каждый раз нужно

РЕНАТА МАЛЮТИНА:

«Моя первая персональная выставка состоялась в 6 лет...»

доказывать, что это именно вы, а не общий шлейф династии Малютиных. Как вам в такой роли?

– Я ведь не выбирала, просто родилась и воспитывалась в этой среде. У отца никогда не было мастерской, он принципиально не состоял в творческих союзах и организациях, официально работал дворником и сторожем, как многие художники, поэты и музыканты советского времени, которых интересовал не соцреализм, а авангард и собственные поиски. Комната отца и была его мастерской. К нам приходило много гостей, вся творческая богема. А я, папина дочка, сидела рядом с ними и слушала. Чтение стихов, картины на стенах, разговоры об искусстве – для меня это было само собой разумеющимся. И я думала: папа сделал выставку, я сделала выставку – это нормально, и писать картины, давать интервью, ходить по выставкам – обычное дело, все люди так и живут. И до подросткового возраста хотела быть только художником. Говорила всем: «Мы с папой – художники, а мама с бабушкой – девочки»... Но в более сознательном возрасте посмотрела на это критическим взглядом и решила: нет, ни за что! Это же неустроенный быт, нестабильность. Я ведь человек достаточно приземленный. Но, видимо, от судьбы не уйдешь. После девятого класса, когда выбирала, куда поступать, услышала от крестного: «На западе три востребованные профессии – юрист,



«Луна», из серии «Откровение», 2012–2013 гг.
Холст, масло

врач и дизайнер». Юрист и врач отпали сами собой (не было склонности), и я поступила на дизайнера, так как считала, что это более практичная профессия, чем художник. Прочувшись же почти полгода, обнаружила, что все-таки учусь на живописца, то есть отец с крестным заманили меня туда слегка обманным путем. Но к тому времени уже привыкла к преподавателям и группе и не стала переводиться на другой факультет. Первый семестр акварелью работали, а во втором началась масляная живопись, и

вот тут я вспомнила любимый с детства запах краски, втянулась. Сразу же своя художественная манера выработалась, родилась из ниоткуда. И уже в конце первого курса мои работы прошли на республиканскую молодежную выставку, мне было всего 16 лет. Первые успехи простимулировали, вдохновили меня. Но были и попытки уйти из искусства, творческие кризисы. Знаете, мой отец в 80-е – 90-е годы был яркой фигурой в богемной творческой тусовке, это теперь он уже 15 лет как ушел в затворничество и религию, и его не все помнят. А тогда меня каждый раз одолевало сомнение: мою работу вот на эту конкретную выставку взяли, потому что работа достойная, или потому что я дочь своего отца?

– Это очень жестко.

– Да. Получается ведь, что я в своих этапах на 10–15 лет опережаю других художников, всё у меня происходит раньше. Я еще училась на третьем курсе, когда состоялась моя персональная выставка в Малом зале Союза художников, хотя другие к этому гораздо дольше обычно идут. В журнале «Рампа» вышел тогда небольшой материал обо мне и о выставке, а Диана Наумовна Инякина, главный редактор «Рампы» на тот момент, настоящий профессионал, чье мнение я очень ценю, посмотрев фотографии моих работ, сказала: «Если так дальше пойдет, то папу переплюнет». И если когда-то обо мне говорили: «Это же дочь Малюткина», то теперь: «У нее, кажется, отец тоже художник?».

– Для вас это остается главной темой?

– Нет, просто мы вышли на эту тему сейчас. А главные темы – те, которые решаешь наедине с холстом.

– А какие темы вы решаете наедине с холстом?

– Что я хочу сказать, зачем я это хочу сказать, нужно ли это мне, нужно ли это миру. И все-таки каждый раз я прихожу к тому, что нужно, раз уж это делается. В последнее время я увлеклась полиптихами. Например, триптих «Ангел». У меня это – больше воинствующий ангел, ангел Апокалипсиса, хотя мы скорее привыкли воспринимать ангела как нежное существо. И не зря я сделала ангела триптихом: отдельно крылья и аллюзия к падшим ангелам, ведь человек – это тоже падший ангел. А еще многие мои



«Бабочка», серия «Метаморфозы», левая часть диптиха, 2008 г. Холст, масло

работы написаны как отсылка к стихам, наверное, сказывается атмосфера, в которой я воспитывалась, любовь к поэзии. Например, политиптих «Альбатрос» посвящен моему любимому поэту Шарлю Бодлеру. Н.Б. Маньковская в «Эстетике постмодернизма» писала, что очень важна конгениальность читателя-зрителя, что во всё постмодернистское творчество заложено множество культурных кодов, и, если зритель знает историю культуры, поэзию и видит мой холст и название, ему могут вспомниться строки, иначе же он просто видит картинку. Или другая работа, «Импровизация». Эту картину можно назвать иллюстрацией к одноименному стихотворению Бориса Пастернака, ну, насколько вообще тут возможна иллюстрация. Это монументальное полотно метр шестьдесят на метр двадцать.

Импровизация

Я клавишей стаю кормил с руки
Под хлопанье крыльев, плеск и клекот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.
И было темно. И это был пруд
И волны. И птиц из породы люблю вас,

Казалось, скорей умертвят, чем умрут
Крикливые, черные, крепкие клювы.
...И ночь полоскалась в гортанях запруд,
Казалось, покамест птенец не накормлен,
И самки скорей умертвят, чем умрут
Рулады в крикливом, искривленном горле.

Борис Пастернак

– Рената Евгеньевна, когда вы рисуете, вы изначально видите картину целиком?

– Сначала возникает идея, а потом на своем языке, в своей манере, я будто бы мазками выкладываю мозаику, и каждый мазок для меня – как драгоценный камень.

– Существует сюжет, который вы не разрешите себе рисовать?

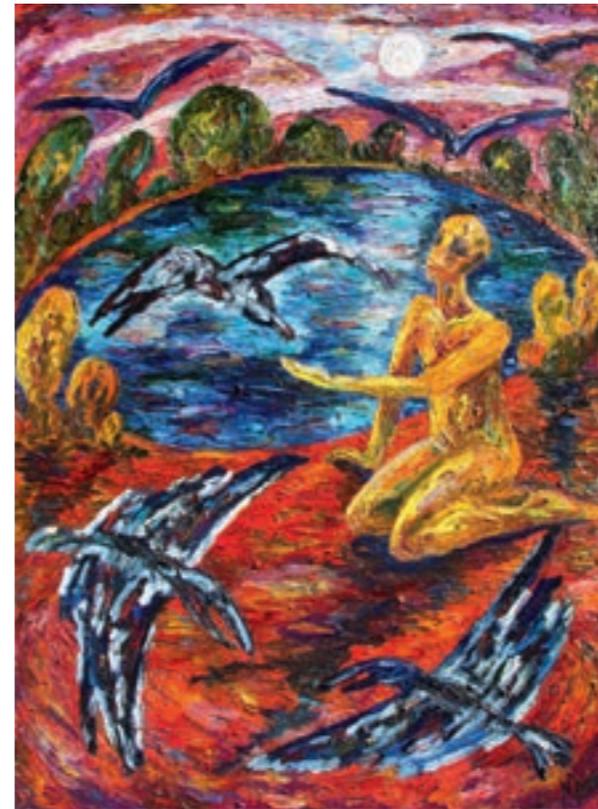
– Есть такой термин, может быть, и неофициальный, но широко используемый искусствоведами: литературщина. Когда в картине рассказывается история. Истории, я считаю, надо рассказывать в книжках, а живопись все же – искусство статичное. Если про картину говорят «литературщина», это негативный отзыв. Если происходит просто пересчет предметов и предполагается, что за каждым изображенным предметом кроется реально существующий смысл, этот предметный ряд подан «в лоб» и не вызывает аллюзий, к тому же, если нет художественных достоинств у картины, – такое я не люблю. Мне не нравится, когда «в лоб» говорят. Да – береза, да – поле, и что? О чем тут еще рассуждать? Красиво – некрасиво, умеет рисовать – не умеет. Дальше-то что? А если мы говорим о «Черном квадрате» Малевича или о Пикассо, то здесь, кроме «умеет – не умеет», поднимаются совсем другие вопросы. Здесь уже можно думать, рассуждать, разглядывать.

– А кувшин чего разглядывать? – показываю на натюрморт с кувшином, висящий на стене в мастерской Ренаты Малютиной.

– А здесь ничего. Здесь просто кувшин. У меня тоже есть простые картинки.

– И что дальше? – с улыбкой спрашиваю я.

– И всё. На этом мы и останавливаемся. Зато есть диптих «Она». В нем как раз очень много смысла,



«Импровизация», 2011 г. Холст, масло

потому что слов женского рода, коренных, важных, целое изобилие: любовь, смерть, жизнь и так далее, и все они заложены в моей картине. Это уже повтор. Предыдущий вариант 2003 года у меня купил московский банк, потом не отпускала меня эта идея, я ее повторила. Авторский повтор, он всегда другой, это не копия. Второй диптих «Она» нарисован уже с другими мыслями и эмоциями, но в основе – та же идея. Вторая «Она» долго делалась, с 2008 по 2011 годы. Я несколько раз отставляла работу в сторону, потом возвращалась к ней: долго искала фактуру, новое визуальное впечатление.

– А филология, почему вы туда пошли?

– Когда закончила училище искусств, возник вопрос, где учиться дальше. У меня не было сомне-

ний, нужно ли высшее образование, я сразу себе ответила – нужно. Съездила в Питер, посмотрела, съездила в Москву, посмотрела, вернулась. В любом случае, я уже была живописцем, художником с базой. Да, я довольно прагматичный человек, и просто ради корочки идти на худграф мне не хотелось. Кроме живописи, мне нравились и нравятся литература, поэзия. Я пошла в БГУ на заочное отделение. По сути, вся учеба на филфаке сводилась к тому, чтобы читать книги, анализировать их. Это систематизировало мои знания, так как обычно мы все читаем бессистемно: сначала одну какую-то книжку, потом случайно попавшуюся другую. Я стала разбираться в течениях, направлениях, странах, временных отрезках. Это, конечно, повлияло на живопись. Я пишу кандидатскую, но поставила ее пока на паузу, так как в последние годы у меня очень активная выставочная деятельность. А тема диссертации – «Библейские мотивы в творчестве Венедикта Ерофеева». Такая вот спорная тема.

– А Ерофеева вы сами выбрали? Опять же, это мои личные ассоциации, но «История русской литературы XX века», название вашей кафедры у меня больше связывается с Булгаковым, Шварцем, Зощенко, Набоковым, Солженицыным – с текстами «потяжелее». Почему же именно Ерофеев с его «веселым пьянством», искрометными и скандальными «Москвой – Петушками», в которых, безусловно, заложено много метафор и смыслов? В этом выборе, как мне кажется, есть некая тонкая связь с выработанной вами манерой художественного письма – многоцветного, яркого, легкого. А другие, тяжелые, истории, к примеру, рассказы Солженицына, вам не интересны?

– Я попробую сформулировать. Это все-таки частности, если с точки зрения глобальности мироустройства. Например, была революция. Да, на бытовом уровне это очень серьезное и трагичное событие для отдельных людей и целой страны. Но революция – все же крупница по сравнению, скажем, со Смертью. А такие вопросы – Жизнь, Смерть, Бог, Дьявол, смысл Жизни – для меня гораздо важнее вопросов революции. И в этом нет никакой



«Небо», левая часть диптиха. Холст, масло

высокопарности или эзотерики. Первично – Библия, там все написано. У меня сейчас в работе большая серия – холсты метр восемьдесят на метр двадцать, пока планируется семь холстов, три – в процессе, один – почти закончен, «Откровение Иоанна Богослова». И это важнее для меня, чем Шварц или Солженицын. И почему еще любима поэзия: поэты через метафоры рассматривают мироздание в целом и любовь в высоком смысле, а не просто как «мальчик с девочкой», хотя и они могут быть отражением в капле вечности. Поэтому поэзия после Библии для меня – на втором месте.

– Понятно. Но если библейские сюжеты – самое важное, а всё остальное – лишь частности, получается: то, что мы с вами – я, вы или кто-то другой – сейчас создаем, это тоже всё частности.

– Необязательно. К примеру, Бодлер. Это не частность. Я надеюсь, что и мои работы – не частность. Вообще искусство субъективно и иррационально, оно не поддается логике. Отец, например, такую формулу вывел для себя: «Я представляю произведение на фоне звездного неба и космоса, держится оно там или не держится...». Вот представьте: на фоне огромного величественного космоса – березки...

– А ведь я представляю. Березки в хорошем исполнении, нарисованные с душой, – это прекрасно.

– Мы, наверное, разные березки себе представляем. Когда я говорю о березках, то имею в виду чисто салонную живопись. Это метафора, конкретно против березок я ничего не имею.

– Хорошо, задам провокационный вопрос. А вся эта чудесная разнообразная пятнистость – это не салонная ли живопись нашего времени? Для банков и т.д.?

– Я считаю, что нет.

– А что скажет следующее поколение?

– Оно само за себя пусть ответит. И, если мы сейчас вернемся к внутренней наполненности и ненаполненности холста, то есть интерьерные работы, чисто цветочные пятна, за которыми ничего нет, – это любой профессионал отличает на раз. А есть работы наполненные. И вообще, это очень сложный вопрос, на него даже ведущие искусствоведы не могут ответить. Он всегда риторический. Сколько стоит искусство, и как оно оценивается. Пытаются рейтинги составлять и вывести какую-то медиану, но всё индивидуально, все-таки. Главное, иметь что-то, что ты можешь сказать. И можешь говорить это любым языком.

– Рената Евгеньевна, как вы определяете стиль, в котором работаете?

– Между экспрессионизмом и фовизмом. Это не мое определение – искусствоведов.

Текст: Надежда Смирнова

ФАНИЯ ШЕВЧУК

ЛУЧИСТАЯ СУДЬБА

*О, прекрасная даль,
поглотившая небо...*

Юрий Шевчук



Фания Акрамовна подходит к окну. Острые углы блестящих многоэтажек напирают на черные деревянные домишки – останки старого города, что скатываются, осыпаясь, с крутого склона на привокзальную площадь. А дальше расстилается освещенная предзакатным лучом необъятная панорама рощ и полей – до самого горизонта. Навстречу серебрится Белая река, и облака – словно большие и малые корабли на морских просторах, тех, что когда-то были частью ее жизни. Дальняя память – как дальнейшее плавание. Островки воспоминаний отчетливо выступают из туманной дымки.

Где-то за горизонтом – родная деревня Муртазино, исток ее дальнего пути. Самая первая школа, учителя, что уходили и уже не возвращались; прелестные березовые рощи, вырубленные под пашни. Девушка-художница из Уфы, что воскликнула, взглянув на ее рисунки: «Тебе обязательно надо рисовать!». Затем, в 37-м, трудная дорога на Крайний Север, к отцу; мешок деревенских сухарей, спасший их с матерью в пути.

Страшные морозы, голод в Якутии. Учеба в местной школе, где она была единственной «русской»

среди якутов – этого удивительного народа, талантливого и певучего, чью жизненную силу и уникальную художественную культуру впитывала она со всей жадностью детства. Фания очень любила учиться: везде таскала с собой мешок с книгами (были горькие слезы, когда «Отелло» Шекспира сгорел в железной печурке). В Казачьем, у самого моря, Фание впервые открылось чудо полярного сияния: «Сижу на пороге дома, поднимаю голову – с неба льются огромные огни – прекрасно и страшно!».

Работать она начала в 15 лет. Радисткой на пароходе «Шершов» ходила в Якутск по морю Лаптевых, зимовала в районе Тикси, получила медаль заслуженной полярницы – маленькая тоненькая девушка, романтичная, но полная внутренней силы. Уже в замужестве, в Магадане, она решила поступить в художественную школу. Но в круговерти той жизни было не до живописи. В 57-м, в Ягодном, в дельте прекрасной реки Яны, родился сын Юрий. Заветные мечты хранились глубоко внутри. Так северная зима хранит свои краски до короткого, но яркого лета. Это краски цветущей тундры – пустынные сопки Черского хребта («Было так безлюдно, что мы чув-



«Подсолнухи с яблоками», 1990 г.
Картон, масло



«Три подсолнуха на красном фоне», 2005 г.
Картон, масло

ствовавали себя первопроходцами»). Оранжевая охра, прозрачная синева озер, все оттенки зеленого, присыпанные пеплом ягеля, позднее ожили в ее пейзажах и букетах. Суровая монотонность Севера лишь оттеняет его цвета: трогательная красота, хрупкость и ранимость, но вместе с тем – огромная жизненная сила (словно крики редких северных птиц, что водились там во множестве, – стерха, розовой чайки, древесной утки-мандаринки). Сам дух Сибири эхом отразится в ее работах, но позднее. Через некоторое время жизнь Шевчуков совершила еще один из крутых виражей, и окружала их уже совершенно другая природа, гораздо более теплая, но не менее яркая и неизученная.

Семья оказалась в Нальчике. Там, в самодеятельной художественной студии (как хороши они были, 60-е годы, несмотря ни на что!), появилась возможность излить всполохи «северного сияния» ее вдохновения. Дочь Наталья часами позировала в

студии (правда, иногда за «Мишку на Севере»). Она вспоминает бурную речку Нальчик, отроги кавказских гор и гортанный говор кабардинских мальчишек, также объектов ее рисовальных эскерсисов. Можно сказать, что дети, и Юрий и Наталья, словно лучики тоже прониклись маминой художественной страстью. В Нальчике состоялась первая выставка Фании. Стало ясно, что, однажды выбившись из глубины души наружу, этот ручеек уже не иссякнет. Поэтому по возвращении в Уфу она старалась быть поближе к искусству, работала в училище искусств, и в музпедучилище, и на худграфе пединститута. Юрий поступил туда же по ее настоянию. Они всегда были с матерью как сообщающиеся сосуды. Сама она тоже брала уроки у художника Р. Фаткуллина. Правда, сын всерьез увлекся рок-музыкой со всеми ее «побочными явлениями», от которых мать даже увезла его на год на Колыму. И там, на Севере, и уже в 90-х, в Питере, где они жили на Синопской

набережной, всегда ощущалось единство их душ. Его друзья стали и ее друзьями, вместе отправлялись на пленэр, в творческие поездки. Не случайно самый первый, карандашный, портрет – Юрий. Возможно, благодаря переменам, трудным жизненным испытаниям и перипетиям, в которых мать своей заботой и любовью словно лепила портрет сына, мудро направляя его по жизни, он и стал талантливым музыкантом, легендой – бесстрашным провозвестником совести в отечественной рок-музыке.

Шли годы, совершенствовалось ее мастерство. Портреты становились более психологичными, букеты – ее знаменитые подсолнухи – приобрели абстрактную обобщенность и образность. Цветовые решения стали смелыми и богатыми, приближенными к народному творчеству, – сродни росписи подносов, платков. Цветовую гамму ее можно узнать по особой теплоте и лучистой радости, что свойственна ее натуре всю жизнь.

Состоялось шесть персональных выставок Фании Акрамовны: первые три были организованы в Санкт-Петербурге, в музеях Достоевского, Пушкинского и Маяковского, следующие три – в Уфе. Шестая, юбилейная, выставка, прошедшая в 2015 году,



«Цветы в вазе», 2005 г. Картон, масло



«Подсолнухи», 2003 г. Картон, масло

была посвящена 90-летию художницы. Фания Акрамовна – член Творческого Союза художников Республики Башкортостан и России.

«Говорят, труднее всего прожить первые 70 лет, а дальше дело пойдет на лад», – заметил когда-то Э.М. Ремарк. ...Хрупкая и изящная, несмотря на возраст, с особой плавностью движений, Фания Акрамовна берет кисть и уверенной рукой делает несколько летящих мазков на неоконченном холсте – лепестки ромашки. Ей уже за девяносто, но лучики радости, словно в юности, сияют в ее глазах.

Текст: Эльвира Каримова



АРТУР ЛУКЪЯНОВ:

«У СТРИТ-АРТА В УФЕ ЕСТЬ БУДУЩЕЕ...»



Артур увлекался рисованием с детства. Во время обучения в средней школе закончил школу художественную. В десятом классе понял, что без творчества не представляет своего дальнейшего пути. Некоторое время обдумывал, куда пойти учиться, – дизайнером стать или архитектором? Вскоре появилась возможность пройти курсы по дизайну интерьера от УГАЭС. И в течение двух лет (в 10 и 11 классе) Артур обучался дизайну.

Ему хотелось и дальше двигаться в художественном направлении, и он выбрал Профессиональный лицей № 155, где получил базовые знания в области росписи по дереву и лаковой миниатюрной живописи. Позже лицей переименовали в Уфимский художественный гуманитарный колледж – в него через

восемь лет после своего выпускного Артур Константинович вернулся в качестве преподавателя. А в 2008 году он поступил в Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы на художественно-графический факультет. Тогда и не думал, что лаковая миниатюра и роспись по дереву, которым его учили в лицее, так сильно пригодятся в жизни.

К стрит-арту пришёл студентом вуза, посмотрев фильм 2010 года «Выход через сувенирную лавку»: интересная лента о творческих людях и уличных художниках. Зимой 2012 года увидел эту картину, и понеслось... Первый трафарет, первое участие в фестивале граффити и т. д.

– Первый мой трафарет – это «Мистер Смайл» (2012 г.), – говорит Артур. – Харизматичный человек с тростью, который широко улыбается и целенаправленно шагает. Наблюдая, как плетутся студенты из общежития на первую пару в университет, захотелось как-то им «помочь», поднять утреннее



«Гагарин»,
2013 г.
Паблик-арт

унылое настроение с помощью изображения улыбчивого мужичка... Долгое время рисовал поисковые эскизы, за ночь вырезал, ночью же перенес изображение на стену. Уровень адреналина в крови зашкаливал, боялся каждого шороха, ведь по закону мне как минимум грозил штраф. Но все прошло удачно, даже «планом Б» не пришлось пользоваться.

Благодаря Мистеру Смайлу, я понял, что мало просто переносить изображение на стену, лучше будет, если его вписать в окружающую среду. В этом же году я впервые участвовал в граффити-фестивале на территории пейнтбольного клуба в Новоалександровке, где растиражировал Мистера, используя разные цвета, вписав его в симметричные углубления бетонного забора. А также на воротах изобразил фоновую хохломскую роспись. Я чувствовал, что двигаюсь в правильном направлении, и был очень рад этому.



Портрет Юрия Гагарина завершен
(с ветеранами и жильцами дома № 14/1
по ул. Гагарина)



«Сова», 2015 г. Паблик-арт

На фестивале познакомился с Олегом Кайбышевым, спустя год мы начали работу над фасадом дома № 14/1 по ул. Гагарина (портрет Юрия Гагарина создавали в августе – сентябре 2013 года). Работа шла нелегко, но мы справились, благодаря дружеской поддержке Маруси, которая часто приезжала, помогала и поднимала настроение. А пирожки Любови Кашириной, старшей по дому, чего стоили... Ммм... до сих пор вспоминаю!

У стрит-арта в Уфе есть будущее, сегодня появились такие заказчики, которые отказываются от баннеров с рекламой в пользу интересного стрит-арта. Конечно, показывая свою причастность к проекту с помощью логотипа в углу: изображение издалека приковывает к себе внимание и передаёт информацию о спонсоре.



«Скрудж-лофт», 2016 г. Роспись азрозолью



Роспись азрозолью художественной студии, 2016 г.

– Что обычно стараюсь изобразить? Хочется приукрасить наш город, чтобы людям еще больше нравилось место, где они живут. Дать больше света, контраста, динамики в композиции.

В последнее время занимаюсь частными заказами, росписью стен. Заказчики появляются, благодаря «сарафанному радио», нужно просто много работать.

Последние три года участвую в фестивалях граффити, которые в Уфе проводят уже восемь лет. В прошлом году, совместно со студией «Творческая лаборатория», провели два фестиваля во дворах жилых домов.

Жители дома скинулись буквально по 500 рублей на краску для художников и награду для победителей – получился мини-праздник для детей, а мы вдохнули новую жизнь в старый дворик.

Текст: Алексей Шушпанов

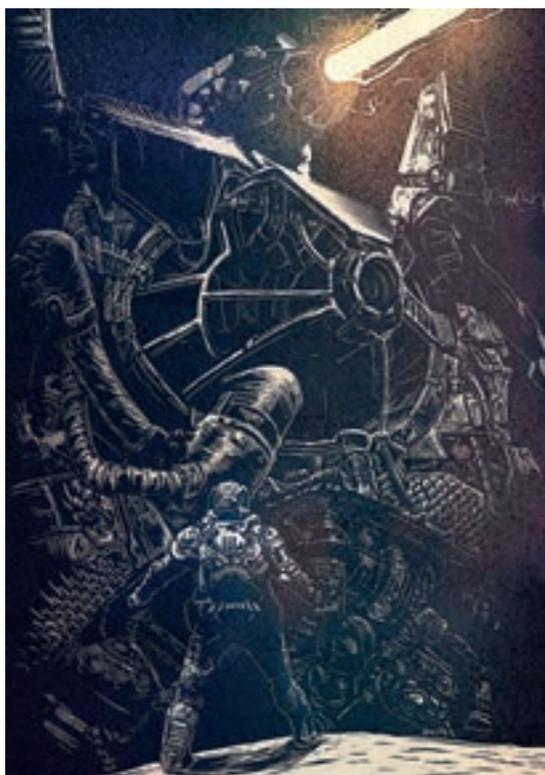


Роспись стен для магазина Natural Siberica, 2017 г.



АРТУР НУРАДИНОВ:

«Человек должен самосовершенствоваться, видеть перспективу и двигаться вперед...»



*Из серии «Космические приключения», 2014 г.
Компьютерная графика*

Артур Акимжанович Нурадинов родился в с. Иванаево, близ города Дюртюли. Рисованием увлекался с детства. Еще совсем маленьким раскрашивал журналы, радовался краскам: были такие медовые акварельные... Позже рисовал гуашью на фанере. И это уже был другой уровень! В детском саду Артур понял, что он – художник. Тогда и организовал персональную выставку в одной из комнат своей квартиры. Пригласил соседей, знакомых, родных. И народ подыгрывал ребенку, вдохновляя на творчество. Вот и в садике, например, разрешали рисовать во время тихого часа. Воспитатели давали шанс проявиться юному дарованию. Учился Артур и у брата, который был на 12 лет старше, соответственно, более организованным, дисциплинированным. Рисовал в тетради машины, трактора, никогда не оставляя работу незавершенной. У Артура так не получалось: рисовал что-то на странице альбома и, если был недоволен результатом, переворачивал страницу, придумывал новый сюжет. И так – много раз подряд.

Следующим этапом творческого развития стала художественная школа. Артур услышал про набор в республиканскую художественную гимназию-интернат (РХГИ) и отправился в нее с мамой – посту-

пать. В 2001 году его принимают в гимназию, а мама попадает в страшное ДТП, после которого год проводит в больнице. В эмоциональном плане это был очень тяжелый период: Артур в свои 11 лет сильно скучал по родным, как, впрочем, и другие ребята, его соученики, приехавшие на учебу из самых разных уголков Башкирии.

– Я очень благодарен Наилю Назиповичу Сулейманову, он преподавал у нас технику пастели, – рассказывает Артур. – Часто ставил мои работы в пример старшеклассникам. Потом я поступил в Уфимскую академию искусств на отделение станковой графики. Там меня многому научили Камиль Губаевич Губайдуллин и Амир Минивалеевич Мазитов. Эскиз офорта или гравюры мы делали сначала на бумаге. Камиль Губаевич заставлял нас работать с одним листом: подклей, смой рисунок водой, если не получилось. Мы тёрли до дыр, подклеивали, когда композиции не хватало. Он учил: если начинаешь что-то делать, сначала «семь раз отмерь». А то сделал оттиск, а потом понимаешь, что нога у человека должна быть немного длиннее... Благодаря ему у меня теперь с композицией дела обстоят лучше.

Параллельно аналоговому творчеству самостоятельно учился компьютерной графике. Она упрощает творческий процесс. Можно делать вещи, которые не так идеально получаются на холсте. Нарисованное на мониторе компьютера – тоже авторский проект. Одно время занимался видеоиграми. Прорисовывал персонажи для мобильных игр, пока не закрылась единственная в Уфе игровая компания.

В 2011 году посмотрел фильм «Выход через сувенирную лавку», что совпало у меня с периодом юношеского максимализма. Он многих молодых творческих людей вывел на улицу. Первый опыт – трафарет тёмного рыцаря Джокера. Перенёс его на стену около Башгоспедуниверситета. Потом сделал стрит-арт, рисующего мальчика на торце дома по ул. Достоевского. Готовился, у сестры взял стремянку. Друзья меня в процессе работы снима-



*«Башкирка в танце»
(в рамках проекта «Город Творчества»), 2014 г.
Стрит-арт*

ли на камеру. Завершить немного не успел: когда тени дорисовывал, полиция задержала. «Вам что, заняться нечем? Красиво, конечно, но этого нельзя делать».



*«Четыре всадника»
(в рамках проекта
«Город Творчества»),
2014 г. Стрит-арт*

Наложили административный штраф за мелкое хулиганство.

С тех пор много чем занимаюсь: работаю иллюстратором, заказы разные выполняю, могу сделать любой портрет, дружеский шарж, стрит-артом опять же.

После окончания в 2013 году Академии искусств устроился в рекламное агентство администратором. Работал фрилансером, участвовал в совместных творческих проектах. В рамках одного из них – «Город творчества» (от компании «Уфанет») – оформили, например, два фасада: «Башкирка в танце» (ул. Менделеева, 116) и «Четыре всадника» (ул. Ленина, 21). Эти работы делали вместе с Викторией Антоновой и Тимуром Уразметовым.

По сути эти проекты дали мне возможность работать на фасадах многоквартирных домов. Хочу сказать большое спасибо ребятам из компаний, которые доверили мне и нашей команде реализовать



*«Дети (Как прошло наше детство)», 2008 г.
Крафтовая бумага, пастель, уголь*

эти творческие задумки. Помню, общественность выражала недовольство по поводу короткой юбки персонажа. Мы посчитали замечание справедливым и подол девушке удлиннили. С тех пор стараюсь лояльно относиться к критике в свой адрес. Вообще в процессе работы я понял, насколько люди неоднозначно относятся к уличному творчеству. Когда рисовали ту же танцовщицу, жители дома разделились на «противников» и «сторонников». Одни специально машины ставили так, чтобы мы кран не могли установить, а другие нас кормили и поили.

По большому счёту, нам всем не хватает пока высокого уровня мастерства и опыта. И это хорошо. Человек должен самосовершенствоваться, видеть перспективу и двигаться вперёд.

В настоящее время мы с Артуром Лукьяновым решили заняться совместной росписью фасадов. Есть возможность поработать в «АРТ-Квадрате» – творческом кластере города.

Работы на фасадах многоквартирных домов согласовываются с городскими властями и жильцами. Приятно, что уфимская мэрия в этом плане демократична и лояльна. Помогает в творчестве, в поисках инвестора, предоставляет краны.

Как долго будет идти работа на фасаде, зависит от подготовки поверхности, грунтовки, от красок, которые используешь. Что-то сделал неправильно – и все обвалилось в холода... Вот мы «Башкирку в танце» в 2014 году закончили, и до сих пор всё с ней в порядке. Правильно сделанная работа десятилетиями может всех радовать, не требуя никаких поправок.

Стоимость подобных работ зависит от их площади и сложности. В среднем стоимость квадратного метра – от 1,5 до 3 тысяч рублей. Когда самому хочется реализовать проект, ну прямо «прёт», о деньгах обычно не думаешь. Висишь на стене с утра до ночи за копейки. Подходишь к заказу как к своему детищу, и хочется всё сделать круто. А когда еще и с инвестором хорошее взаимопонимание, и коммерческий успех вместе с творческим налицо, тогда



*Обложка музыкального альбома
группы Dancing chairs, 2016 г.
Компьютерная графика*

всё вообще замечательно! У нас в Уфе есть много стен, которые просто «просят» рисунка. Мимо них людям потом будет ходить приятно. Но чья это поверхность? Кто станет инвестировать? Вопросов много... А работать можно в любое время года, но летом, конечно, комфортнее. Зимой – лучше в помещениях, нужна определённая температура.

На мой взгляд, плюс наших художников и вообще творческих людей – в башкирском духе. Мы им пропитаны, кем бы мы ни были, – русскими, татарами, чувашами. Всех объединяет общая культура. И это не пустые слова. Специалисты нестеровского музея, которые организуют выставки наших живописцев за пределами республики, отмечают, что почерк башкирских художников все сразу видят.

Текст: Алексей Шушпанов

МАРИНА ТАРАСОВА:

«Человек может все! Мои работы послужат импульсом к тому, чтобы кто-то попробовал что-то «свое»...»



– Марина Анатольевна, вы любите танцы, значит, мир воспринимаете через звуки. Это находит отражение в ваших картинах?

– Да. Я для себя так не формулировала, но слышала от преподавателя живописи Рената Сербина. По опыту Рената, лучше рисует тот,

кто танцует, и, наоборот, у кого есть способности к рисованию, будет ярче выражать себя в танце. Я не исключение.

Есть ещё определенная взаимосвязь. Когда я подхожу к холсту и начинаю рисовать, то делаю это легко и свободно, точно так же, как двигаюсь в танце. Я совершенно не боюсь ошибиться, не боюсь что-то испортить. Меня не сковывают мыс-

ли о том, как именно нарисовать, поэтому рисую свободно, как танцую. Спасибо моим замечательным родителям, подарившим мне такое свободное мироощущение, лишенное искусственных рамок. «Все, что ты хочешь, ты всегда сможешь сделать – просто бери и делай». Я обращала внимание в студии на рисующих: многие ещё больше зажимают себя рядом с холстом, рисуют, как некоторые привыкли водить машину, «вцепившись в руль». Но ни манера вождения, ни рисунок от этого лучше не становятся.

Например, изображая пион, люди начинают заморачиваться над каждым лепестком. Тень, свет, тычинки, пестик... Перед художником не стоит задача с фотографической точностью копировать реальность. Не хочу утверждать, что красота в хаосе, но свобо-



«Слоны в Саванне», 2017 г.
Холст, масло

да, воздух и движение на полотне должны присутствовать.

– Композиция картины у вас сразу возникает?

– Да, где-то в районе Души (улыбается). Какие-то ассоциации всплывают. Например, человек, которому хочу сделать подарок, любит котов. Значит, надо ловить моменты. Увидела кота на заборе, весна, яблоня на заднем плане... Оп! Ухватила, нарисовала, подарила ему! Я так реагирую на реальность. Мне доставляет удовольствие ловить эти моменты, когда тебе что-то приходит извне, что-то подсказывает образы и сам рисунок.

– Эхо Вселенной?

– Я свободна, я открыта, я благодарна! Готова отдавать и получать то, что ко мне приходит.

– Вы говорили, что очень цените родительское воспитание. Где вы родились? Кто ваши родители?

– Родилась я первого февраля 1988 года в селе Стерлибашево. В нашем климате, можно сказать, что зимой. Вполне соответствую своему зодиакальному знаку Водолея как абсолютно творческий человек. Со старшей сестрой у нас всего два года разницы, мы очень дружны. У нас вообще дружная семья, родители – музыканты, они оба работают более 30 лет в Детской школе искусств села Стерлибашево: папа играет на баяне, мама – на фортепиано. Преподают. Ездят по конкурсам до сих пор и из каждой поездки привозят кучу дипломов.



«Пионы», 2016 г.
Холст, масло

– По вашему спокойному и уверенному лицу можно предположить, что у вас было безоблачное детство. Это так?

– Все относительно, но близко к истине. Родители всегда поддерживали наши поиски себя. «Не получилось в этом? Ничего страшного, давай, попробуй другое!». Не приходилось слышать: «Денег нет! Нельзя!». Хотя в средствах были более чем ограничены.

В 17 лет я уехала из дома в Стерлитамак, там окончила физико-математический факультет педагогического института с высоким средним баллом, продолжила учебу уже в экономической области, что позволило со временем переехать в Уфу и устроиться в банк.

– Интересно, в какой?

– Сначала в «Русский стандарт», теперь – в «ВТБ 24».

Однако мечты мои всегда были далеки от финансовой сферы. Мы с сестрой окончили семилетнюю музыкальную школу, сестра танцевала, а вот меня не взяли в танцевальную студию. Поэтому, переехав пять лет назад в Уфу, я первым делом взялась за осуществление своей детской мечты. Сначала училась и вот уже четыре года преподаю сама. Моя танцевальная группа называется Dancing Queens, и я сама развиваю не только техническую, творческую, но и маркетинговую сторону ее продвижения. После работы и в выходные, конечно.

– Про свое увлечение живописью расскажите подробнее.

– Мне с детства говорили о способностях к рисованию. Рисовала акварелью в школе, как и все, наверное, но мне этого было мало. Купила сама гуашь, копировала Густава Климпта, который безумно



«Зимнее утро, домик в лесу», 2015 г.
Холст, акрил

нравился. Большое впечатление произвели архитектура, скульптура и живопись Италии... Можно сказать, для меня стало откровением созерцание произведений искусства этого прекрасного уголка Европы. Созрела мысль, что не хватает знаний, инструментов, что я очень хочу писать картины и не умею этого.

Переезд в Уфу открыл новые возможности и здесь. Пошла учиться живописи в художественной студии «АртКолорит» у Рената Сербина. Он – отличный преподаватель, умеет дарить ощущение, что ты – художник. После каждого его урока уходишь в уверенности, что нарисовал шедевр.

В студии я поняла, что игра света и тени позволяет добавить объема, «вытаскивает» то, чего раньше в моих работах не доставало, они были какими-то... плоскими. Перепробовав все, в том числе, рисунок углем, сангиной, пастелью, даже акрилом, поняла, что нашла свое, когда перешла на масляную живопись.

Новомодные абстрактные техники меня не привлекают, сюжет в картине должен присутствовать. Мне нравятся пейзажи, животные, цветы. Природа

для меня – один из сильнейших источников вдохновения. Так папа приучил: он до сих пор ходит по десять километров в день, черпает жизненную энергию в лесу, у воды, ездит на рыбалку. Танцующие фигуры, конечно, как я без них: залы, тувельки, девушки, пары. Страсть, выраженная в танце. Люблю рисовать картины и дарить их на Новый год, на Дни рождения. У меня дома нет ни одной своей работы! Хотя за четыре года нарисовала более ста картин.

– Что привлекает в ваших работах, как думаете?

– Яркие и сочные краски, наверное. Их оригинальность. Зрителя может вдохновлять, что я нигде практически не училась этому, значит, у него тоже получится. Человек может все! Мои работы послужат импульсом к тому, чтобы кто-то попробовал что-то «свое». Может быть, даже нашел свое истинное предназначение.

Мне в прошлом месяце один приятель сказал: «Ты такая творческая! Я тоже захотел сделать ремонт в соседней комнате. Ободрал обои. Сейчас что-нибудь креативное сотворю».

– Какие перспективы вы видите у проекта «Любимые художники Башкирии»?

– Проект молодой, мне интересно в нем участвовать в номинации «самородок». Я чувствую его потенциал. Он добрый и светлый и не заиклен на зарабатывании прибыли. Проект дает шанс узнать, что ты – классный художник и заслуживаешь самой высокой оценки. Независимо от твоего возраста, уровня художественного образования и социального положения... Есть вероятность, что кто-то найдет здесь родственную душу или любимого автора.

Проект «Любимые художники Башкирии» добавил мне личного опыта и укрепил в мысли, что надо обязательно делать то, что тебе нравится, только тогда жизнь принесет удовольствие и счастье. Чем больше людей будут заниматься по-настоящему своим делом, тем прекраснее будет наша жизнь.

Текст: Елена Синицына

СОДЕРЖАНИЕ

От создателя проекта
«Любимые художники Башкирии» 3

**ПОБЕДИТЕЛИ I ТУРА
ПРОЕКТА «ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ БАШКИРИИ»** 17

Легенды

Ахмат Лутфуллин (1928–2007 гг.).
Башкирский неореалист 18
Адия Ситдикова (1913–2000 гг.). Мудрое наследие 23
Николай Пеганов (1948–2006 гг.).
Под управлением Любви 28

Мастера

Михаил Назаров. В авангарде авангарда 34
Раушания Бадретдинова: «Есть жесткие бытовые
рамки, как прутья воображаемой клетки, за которые
женщина может выйти, но боится утратить дорогие
ей связи с близкими. Важно понимать, что выбор
есть, и видеть эту дверь...» 39
Расих Ахметвалиев: «Художник и Муза – это сюжет
и вопрос: кто кого рисует?» 44
Федор Кашеев. Народная сага живописца 50
Ралиф Ахметшин: «Мне близки традиции
русской классики – Левитан, Поленов, Серов,
Коровин, Репин...» 54
Александр Заярнюк: «Чем талантливее художник,
тем он меньше зависит от социума...» 58
Дмитрий Павлов: «Современное искусство – это то,
что есть сейчас, а не то, что было раньше.
Когда-нибудь и я тоже стану классиком...» 63

Актуальное искусство

Инна Калабухова. Яркая сторона дождя 68
Азат Кужин: «Иллюстратор – это «враг» писателя
и его лучший друг одновременно, потому что никто
так не читает текст, как иллюстратор...» 72

Ильшат Байбурин. По следу широкой кисти 77
Анна Анпилогова: «Сегодня я работаю в стиле,
который можно назвать эклектическим
трансцендентальным сюрреализмом...» 80
Руслан Султанов.
Каждый день учиться чему-то новому... 84
Юлия Келу: «Считаю, что цель тоже может
служить источником вдохновения...» 88
Алмаз Мурзакамалов: «Техники меняются,
а сюжеты – нет. Как в детстве рисовал природу,
так и продолжаю...» 93

Самородки

Юрий Бычков: «Ты должен так передать на холсте
море, чтобы сам от него пришел в полный восторг,
чтобы тебе захотелось нырнуть в эту воду...» 98
Альбина Антипова:
«Улыбок всем, кто ждет весну...» 103
Рауфат Нигматуллин. Самородок из Дюртюлей 106
Флёра Шарипова: «То, что у тебя внутри,
ты и передаешь. Берешь кисть – у тебя получается
картина, берешь ноты – музыка, берешь слова –
у тебя получаются стихи...» 109
Марьям Целищева.
Ручеек пока только пробивается 114
Мунир Абубакиров: «Всё равно в душе есть то,
что переносится на холст...» 117
Руслан Ахунов: «Это какая-то вечная математика,
картины нереальные, непонятные,
но что-то задевает прямо до дрожи, до мурашек...» 122

ВЫДАЮЩИЕСЯ МАСТЕРА И ЯРКИЕ ИМЕНА 127

Легенды

Касим Девлеткильдеев (1887–1947 гг.).
Первый из башкирских художников 128

Александр Тюлькин (1888–1980 гг.):
«Надо все брать только из жизни...» 132
Борис Домашников (1924–2003 гг.).
И все это – Родина 138
Александр Бурзянцев (1928–1997 гг.).
Взор исполина 143
Николай Калинушкин (1948–2004 гг.).
Незабываемый 148

Мастера

Айрат Терегулов: «Какой импульс заложен
в картину изначально, на той волне холотно и будет
отдавать свой эмоциональный заряд зрителю...» 152
Василь Ханнанов: «Картины – это всегда вызов...» 156
Георгий Калитов. Житейские истории
монументальных полотен 160
Владислав Меос. Сохранить для будущего 167
Сергей Маджар. Почти по Толстому:
«...мать сочла сливы и видит – одной нет...» 170
Амир Мазитов: «Искусство – глубочайший океан,
и те, кто сумел донырнуть до самого дна, –
это великие художники...» 174
Джалиль Сулейманов: «У художника должен быть
свой голос в искусстве и тема, вокруг которой
всё крутится...» 178
Вакиль Шайхетдинов: «Надо суметь «намыть»
хорошее, как золото намывают, и поделиться,
чтобы хватило на всех...» 184
Альберт Кудаяров: «По моим ощущениям –
для акварели нужен большой опыт, она
дисциплинирует тебя, одновременно давая простор
для фантазии...» 190
Талгат Масалимов: «Мы вторгаемся в область
эмоций, где надо даже осознанно допускать какую-то
таинственность. Не трогать, чтобы дать возможность
удивляться красоте...» 194
Риф Абдуллин. Моложе иных молодых 200
Евгений Винокуров. Очарованный странник 204

Игорь Тонконогий. Нереальная реальность 208
Виктор Домашников: «Сколько себя помню,
всегда стремился к творчеству...» 212
Финат Набиуллин:
«Когда рисуешь картину, многому учишься...» 216
Вагиз Шайхетдинов. Беседы о пейзажах и не только... 222
Ринат Миннебаев: «Вот что мне нравится
в своих картинах: я иногда чувствую, что от того,
как их масштабирую, они не меняются...» 227
Владимир Калабухов.
Пастельные просторы Калабухова 232
Радик Гарифуллин. «Узнаваем в движении...» 236
Миля Гатауллина. Чай с душицей под музыку души 240
Рамиль Латыпов. Фантастический Латыпов 244
Лиана Мкртчян. Лиана и гранат 248
Айдар Альметов: «И душа, вроде,
к Богу стремится, но что-то мешает...» 252
Альберт Хабибуллин: «Я хочу показать то,
что хочу показать, а не то, что потом просто
признают грамотно написанным...» 257
Камиль Бузыкаев: «Я живописец своей эпохи
и фиксирую то, что происходит вокруг.
У меня такой способ реагировать
на происходящее...» 262
Рената Малютина: «Моя первая персональная
выставка состоялась в 6 лет...» 266
Фания Шевчук. Лучистая судьба 271

Актуальное искусство

Артур Лукьянов:
«У стрит-арта в Уфе есть будущее...» 274
Артур Нурадинов: «Человек должен
самосовершенствоваться, видеть перспективу
и двигаться вперед...» 278

Самородки

Марина Тарасова: «Человек может все!
Мои работы послужат импульсом к тому,
чтобы кто-то попробовал что-то «свое»...» 282

Наиль Махмутов

Любимые художники Башкирии. Книга I

Серия «Земляки»

Руководитель проекта: Наиль Махмутов

Ответственный редактор: Ольга Хазиахметова

Тексты: Георгий Калитов, Эльвира Каримова, Хайдар Кульбарисов, Ольга Новикова,
Елена Сеницына, Надежда Смирнова, Алексей Шушпанов.

Дизайн, верстка, художественно-графическое оформление, допечатная подготовка:
издательство «Лето», Ольга Штанько

ЛР № 0270 от 15.07.98 г. Подписано в печать 21.09.2018
Формат 86x92/16. Гарнитура HeliosCond. Печать офсетная
Бумага мелованная матовая. Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательство «Лето», 450005, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 7
Тел./факс: (347) 246 78 40
Отпечатано в ОАО ИПП «Уральский рабочий»
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

